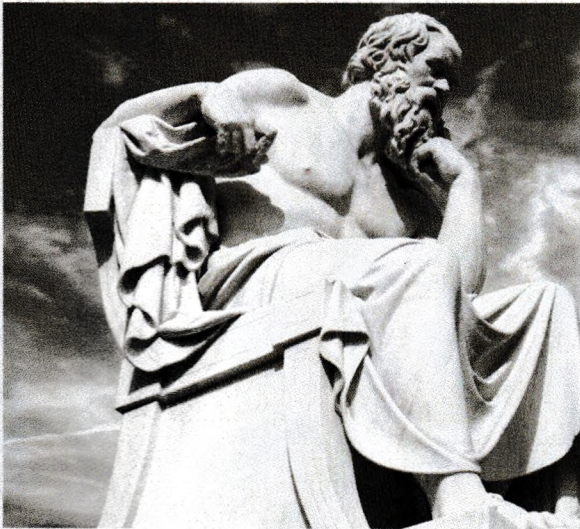

Том 33

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2021

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2021 • Том 33

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
Б54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 23.12.2020.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
М.А. Слемнёв (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов,
А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец, А.С. Лаптёнок, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, Е.Ю. Муратова,
И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсон (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.А. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова» : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т ; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2021. – Т. 33. – 212 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

История

Бездель В.Е., Хаданенок В.М. История Витебского детского приемника-распределителя в контексте борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в БССР (1944–1955)	5
Бубенько Т.С. Витебское Подвинье в период провинциально-римских влияний и в эпоху Великого переселения народов	10
Маторай С.А. Развіццё беларускай гістарычнай навукі (1944–1961)	22
Мацулевич Е.В. Постсоветское пространство во внешней политике США в 1990-е гг. (на примере Стратегий национальной безопасности)	28
Шишкевич В.Н. Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь и его роль в развитии научно-технических связей с Федеративной Республикой Германией в 1997–2004 гг.	34
Риер Я.А. Происхождение Гедимина: дискуссионные аспекты проблемы	42
Кейко Ю.В. Проекты правил по организации и осуществлению православного храмового строительства на территории Беларуси (1865–1867)	48
Крюковский В.Д. Физическое воспитание и военно-прикладная подготовка пионеров в советской Белоруссии (1924–1925)	53
Середа А.С. Вклад представителей белорусских губерний в подготовку крестьянской реформы 1861 г.	59
Перевалов Я.О. Государственная политика в сфере высшего медицинского образования БССР в 1946–1991 гг.: историография	65
Юрчак Д.В. Название и состав памятников археологии в отечественных учетных списках во второй половине XX – начале XXI в.: эволюция подходов и имеющиеся проблемы	70
Косов А.П. США во внешнеполитической стратегии России в период президентства Д. Медведева (2008–2012)	78
Ситко Е.А. Историография миссионерской деятельности неопротестантских религиозных организаций на территории Беларуси (1905–1917)	88

Философия

Рудковский Э.И. Трансгрессия политических и социокультурных ценностей в условиях информационного общества	97
Демидов А.Б. Невыполнимое понятие ценности	101
Буденис О.Г. Билингвизм в Канаде как социокультурный и политический феномен	115
Боярчук Т.Н. Генезис, сущность и формы объективации толерантности в социокультурном пространстве	119

Филология

Вардомацкий Л.М. «Протестация Яна Лисовского» как отражение языка жителей Полоцка начала XVII века	129
Зіманскі В.Э. Моўныя формулы этыкету ў беларускіх народных песнях	136
Мисюро А.Я. Идентичность, самопрезентация, притязания – грани понятий	146
Михальчук Н.А. Специфика речевого поведения Н.С. Михалкова (на материале текстов интервью)	151
Москалёва А.Ю. Принципы комбинаторики инкорпоративного комплекса китайских предикативов с модальными частицами	159
Садко Л.М. Рэпертуарныя мадэлі П. Верлена ў перакладах М. Багдановіча	166
Чалова О.Н. Жанрово-стилистическая гибридизация и диверсификация современного медиадискурса	172
Черкес Т.В. Эволюция сюжета несостоявшейся свадьбы в балладе XIX–XXI вв.: причины и способы трансформации	177
Гладкова Г.А. Асэнсаванне ментальнасці беларусаў-літвінаў у апавесці В. Гамуліцкага “Na rozłogach białoruskich”	184
Дзядова А.С., Груніна У.У. Назвы адзення і тканіны ў старабеларускай мове XIV–XVIII стст.: склад, структура, семантика	190
Филипчик Ю.Р. Префиксальные эмотивные глаголы в русских народных говорах: семантико-словообразовательный анализ	195
Дулай А.М., Русілка В.І. Педагагічная, перакладчыцкая і навукова-даследчая дзейнасць В.У. Таранеўскага	200

Конференции

Актуальные проблемы источниковедения	206

CONTENTS

History

Bezdel V.E., Khadanyonok V.M. History of Vitebsk Children's Reception and Distribution Center in the Context of Combating Child Homelessness and Neglect in the BSSR (1944–1955)	5
Bubenko T.S. Vitebsk Dvina Basin Region (Podvinye) During Roman Province Influence and in the Epoch of Great Migration of Peoples	10
Matorau S.A. Development of Belarusian History Science(1944–1961).....	22
Matsulevich E.V. The Post-Soviet Space in the Us Foreign Policy in the 1990s (on the Example of National Security Strategies)	28
Shishkevich V.N. The State Committee for Science and Technology of the Republic of Belarus and its Role in The Development of Scientific and Technological Relations With the Federal Republic of Germany in 1997–2004	34
Ryier Y.A. The Origin of Gedimin: Controversial Issues of the Problem	42
Keiko Yu.V. Regulation Drafts for the Organization and Implementation of Orthodox Church Construction on the Territory of Belarus (1865–1867).....	48
Krukovski V.D. Physical and Military Applied Training of Pioneers in Soviet Belarus (1924–1925)	53
Sereda A.S. The Contribution of Representatives of Belarusian Provinces Into the Preparation of the Peasant Reform of 1861	59
Perevalov Ya.O. State Policy in the Field of Higher Medical Education in the BSSR in 1946–1991: Historiography.....	65
Yurchak D.V. Names and Composition of Archaeological Sites in the National Registration Lists in the Late 20th – Early 21st Centuries: the Evolution of Approaches and the Existing Problems	70
Kosov A.P. The USA in the Russian Foreign Policy Strategy During D. Medvedev's Presidency (2008–2012)	78
Siitko E.A. Historiography of the Missionary Activities of Neo-Protestant Religious Organizations in the Territory of Belarus (1905–1917)	88

Philosophy

Rudkovski E.I. Transgression of Political and Social and Cultural Values in the Conditions of Information Society	97
Demidov A.B. The Impossible Concept of the Value	101
Budenis O.G. Bilingualism in Canada as a Social Cultural and Political Phenomenon	115
Boyarchuk T.N. Genesis, Essence and Forms of Objectification of Tolerance in Social and Cultural Space	119

Philology

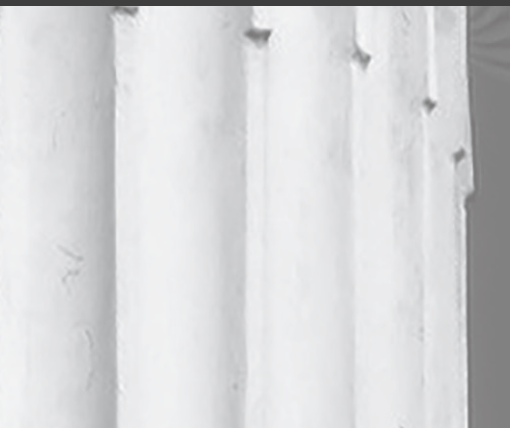
Vardomatsky L.M. "Protestation by Yan Lisovsky" as a Reflection of Polotsk Residents' Language of the Early 17th Century	129
Zimanski V.E. Speech Etiquette Formulae in Belarusian Folk Songs	136
Misiuro A.Y. Identity, Self-Presentation, Claims – Conceptual Facets	146
Mikhalechuk N.A. Specifics of N. Mikhalkov's Speech Behavior (Based on the Material of Interview Texts).....	151
Moskaleva A.Yu. Principles Of Combination Of The Incorporate Complex Of Chinese Pedicatives With Modal Particles	159
Sadko L.M. P. Verlaine's Repertoire Models Translated by M. Bagdanovich	166
Chalova O.N. Genre and Stylistic Hybridization and Diversification of Modern Media Discourse	172
Cherkes T.V. Evolution of the Plot of the Failed Wedding in the Ballad of the 19th–21st Centuries: Causes and Methods of Transformation	177
Gladkova A.A. Understanding the Mentality of Belarusians-Litvins in V. Gamulitry's Story "Na Rozłogach Białoruskich"	184
Dziadova A.S., Grunina U.U. Names of Clothes and Textile in the Old Belarusian Language of the 14th–18th Centuries: Composition, Structure, Semantics	190
Filipchuk Y.R. Prefixal Emotional Verbs in Russian Folk Dialects: a Semantic and Word-Building Analysis ..	195
Dulau A.M., Rusilka V.I. Pedagogical, Translation and Research Activities of V.U. Taraneuski	200

Conferences

Actual problems source study.....	206

ИСТОРИЯ

История Витебского детского приемника-распределителя в контексте борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в БССР (1944–1955)

Бездель В.Е.*, Хаданенок В.М.**

*Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»» (Витебский филиал), Витебск

**Учреждение образования «Витебский государственный
технологический университет», Витебск

Актуальность изучения истории Витебского детского приемника-распределителя определяется тем, что позволяет реконструировать причины, масштабы детской беспризорности и безнадзорности в первое послевоенное десятилетие.

Цель статьи – анализ детской беспризорности и безнадзорности на примере Витебского приемника-распределителя в контексте развития БССР в 1944–1955 гг.

Материал и методы. В статье использованы материалы Государственного архива Витебской области. Для достижения поставленной цели применены общенаучные методы, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Анализируются статистические данные журналов учета детей Витебского детского приемника-распределителя, причины детской беспризорности и безнадзорности, половозрастные характеристики детей. Пик поступления детей приходится на 1944–1947 гг., постепенно их количество снижается, а большинство прибывших детей – это безнадзорные, а не дети-сироты.

Заключение. Сделан вывод о том, что условия, проблемы функционирования Витебского ДПР, причины детской беспризорности и безнадзорности будут характерными для других детских приемников-распределителей БССР в 1944–1955 гг.

Ключевые слова: дети, детство, детский приемник-распределитель, оккупация, беспризорность, безнадзорность.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 5–9)

History of Vitebsk Children's Reception and Distribution Center in the Context of Combating Child Homelessness and Neglect in the BSSR (1944–1955)

Bezdel V.E.*, Khadanyonok V.M.**

*Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University «MITSO»” (Vitebsk Branch), Vitebsk

**Education Establishment “Vitebsk State Technological University”, Vitebsk

The relevance of studying the history of Vitebsk Children's Reception and Distribution Center is determined by the fact that it allows us to reconstruct the causes and scale of child homelessness and neglect in the first post-war decade.

The purpose of the article is to analyze child homelessness and neglect on the example of Vitebsk Reception and Distribution Center in the context of the development of the BSSR in 1944–1955.

Material and methods. Materials of the State Archive of Vitebsk Region are used in the article. To achieve this goal, we used general scientific methods, special historical methods: the historical-genetic and the historical-systemic.

Findings and their discussion. The statistical data of the registers of children of Vitebsk Children's Reception and Distribution Center, the causes of child homelessness and neglect, and the gender and age characteristics of children are analyzed. The peak of the arrival of children falls on 1944–1947. Gradually, their number decreases, and most of the children who arrived were street children, not orphans.

Conclusion. It is concluded that the conditions, problems of functioning of Vitebsk CRDC, the causes of child homelessness and neglect will be characteristic of other children's reception and-distribution centers of the BSSR in 1944–1955.

Key words: children, childhood, children's reception and distribution center, occupation, homelessness, neglect.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 5–9)

Одним из последствий Великой Отечественной войны для белорусского общества стала проблема детской беспризорности. Согласно статистическим данным на 1 декабря 1944 г. по БССР в органах народного образования на учете состояло более 46 тыс. детей-сирот, к концу 1945 г. – 64 тыс. [1, с. 51]. Для преодоления этого социального явления восстанавливали и создавали новые детские учреждения, функционировавшие до войны. Детские приемники-распределители были разновидностью учреждений, цель деятельности которых заключалась во временном содержании детей и распределении их в детские дома, колонии или возвращение родителям.

Актуальность темы статьи заключается, во-первых, в том, что проблема устройства, обеспечения детей-сирот в первое послевоенное десятилетие рассматривалась в белорусской историографии в контексте истории народного образования [2]. Несмотря на то, что после распада СССР для исследователей расширился доступ к архивным документам, этому вопросу по-прежнему посвящены лишь отдельные публикации [2]. Во-вторых, детские приемники-распределители (далее – ДПР), как элемент системы по устройству детей-сирот, не стали предметом изучения белорусских историков. Реконструируя историю Витебского приемника-распределителя в 1944–1955 гг., авторы статьи обозначили не только причины, масштабы детской беспризорности и безнадзорности, но и попытались рассмотреть данные процессы через призму социальных реалий развития белорусского общества в первое послевоенное десятилетие.

Таким образом, цель статьи – анализ детской беспризорности и безнадзорности на примере Витебского приемника-распределителя в контексте развития БССР в 1944–1955 гг.

Материал и методы. Источниковой базой для написания статьи послужили работы В.В. Блиновой, А.А. Славко [3], Е.Ю. Занько [1], а также материалы ф. 2425 Государственного архива Витебской области. Это журналы учета передвижения детей через Витебский ДПР за 1943–1951 гг., в которых содержатся данные о количестве поступавших детей, об их состоянии здоровья на момент поступления, информация о причинах беспризорности и безнадзорности; акты обследования ДПР за 1951–1955 гг.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Витебский ДПР был создан по решению исполкома Витебского областного Совета депутатов трудящихся от 14.11.1943 «Об организации детского приемника-распределителя НКВД» для устройства детей, оставшихся без родителей, а также ликвидации беспризорности и безнадзорности в области [4, л. 102]. Первоначально в нем предполагалось размещать до 125 детей. Находился ДПР в д. Орлики Велижского района.

По мере освобождения БССР потребность в восстановлении детских учреждений и открытии новых увеличивалась, поэтому решением исполкома Витебского облсовета от 9 апреля 1944 г. Витебский ДПР передислоцировали из Велижского района в Лиозненский, в д. Черноручье, с вместимостью 75 человек. Оставшиеся места компенсировали открытием нового ДПР в Городокском районе [4, л. 103]. С февраля 1945 г. Витебский ДПР окончательно разместился в г. Витебске, по Суражской улице в д. 25, 27.

Правовой статус ДПР регулировался «Положением о приемнике-распределителе НКВД», утвержденным приказом НКВД СССР от 26 июня 1945 г. Согласно Положению, задачами деятельности ДПР являлись: учет и регистрация детей, проходящих через приемник-распределитель, санитарно-гигиеническая обработка и медицинское обследование детей, установление причин детской беспризорности, безнадзорности и принятие мер к их устранению, всестороннее изучение детей с целью их дальнейшего устройства, проведение воспитательной работы [4, л. 6–11].

Таблица 1

Количество детей, поступивших в Витебский ДПР в 1943–1955 гг. [5]

Хронологический период	Количество поступивших детей
15.10.1943–09.01.1944	110 человек
10.01.1944–06.08.1944	338 человек
07.08.1944–05.01.1945	535 человек
06.01.1945–18.06.1945	480 человек
19.06.1945–23.02.1946	871 человек
24.02.1946–06.03.1947	1 008 человек
07.03.1947–13.12.1947	1 081 человек
25.12.1947–31.12.1948	836 человек
01.01.1949 – 31.12.1949	613 человек
01.01.1950 – 31.12.1950	688 человек
01.01.1951 – 31.12.1951	507 человек
01.01.1952 – 31.12.1952	523 человека
01.01.1953 – 31.12.1953	495 человек
01.01.1954 – 31.12.1954	409 человек
01.01.1955 – 31.12.1955	Данных нет

В ДПР поступали дети от 3 до 16 лет. В 1945 г. возрастные рамки были увеличены с 15 до 16 лет. Планировалось, что эти изменения помогут в дальнейшем определении судьбы подростков, поскольку в детские дома их уже не принимали, считая переростками, а трудоустроить их было сложно, как и направить на обучение в ремесленные и фабрично-заводские школы (ведь дети поступали круглогодично). Но, как показывает анализ архивных материалов, на практике данная мера существенно ничего не изменила: дети этого

возраста находились в приемнике-распределители до нескольких месяцев в ожидании или трудоустройства на предприятие или набора в школы ФЗО.

Срок пребывания детей в ДПР ограничивался двумя неделями: он был сокращен в 1945 г. (ранее – 1 месяц), поскольку поток детей в 1945–1947 гг., которые проходили через приемник-распределитель, был очень высоким. Это хорошо видно из статистики данных, зафиксированной в журналах учета перемещения детей и актах обследования Витебского ДПР (табл. 1).

Анализ данных показывает, что дети с наибольшей интенсивностью поступали в 1944–1947 гг. В последующие годы показатель снижался, что в итоге и стало причиной закрытия Витебского приемника-распределителя в 1955 г.: начиная с 1952 г. в актах обследования ДПР отмечалось, что фактически ежемесячно занято всего лишь до 30 мест [5, л. 8].

Рассматривая и анализируя статистические данные, нельзя не остановиться на причинах, которые обусловили приведенные в таблице цифры. Журналы учета передвижения детей через Витебский ДПР позволяют это сделать. Отметим, что комплекс причин, толкавших детей к жизни на улице, на протяжении всего периода существования приемника-распределителя менялся.

Очевидно, что главной причиной детской беспризорности в 1944–1945 гг. стала Великая Отечественная война и ее последствия: смертность среди взрослого гражданского населения, вывоз на принудительные работы в Германию и т.д. Это отражено в графе «данные о родителях»: «мать расстреляна/угнана/умерла во время войны», «отец в партизанском отряде/умер/убит немцами» и т.д. Начиная с 1946 г., к перечисленным обстоятельствам добавилась еще одно: «брошен матерью/подброшен к воротам ДПР/сдан в ДПР из-за материальных условий» [6]. На протяжении второй половины 1945–1949 гг. количество детей, поступивших в приемник-распределитель с такой отметкой в журнале учета, постепенно увеличивалось. Так, в период 23.02.1946–06.03.1947 – это 43 ребенка из 1 008 (без учета тех, кто был возвращен в семью); в период 07.03.1947–13.12.1947 – это 210 детей из 1 081 [6].

Выявленная тенденция отражает особенности послевоенного развития БССР в целом. После окончания Великой Отечественной войны без жилья осталось почти 3 млн граждан, которые обустроились временно в землянках, подвалах, полуразрушенных домах, жили на подселении [7, с. 99]. Была введена карточная система распределения продуктов питания, промышленных товаров. В 1946–1947 гг. ситуация усугубилась засухой и, как следствие, голодом, который привел к сокращению количества граждан БССР, что находились на нормированном обеспечении хлебом [7, с. 107]. Не имея возможности прокормить своих детей, родители, чаще всего матери, отдавали их в детские учреждения, обеспечившие централизованно. Проблема выживания детей в детских домах, их смертность в первое послевоенное десятилетие, возвращение в семью, требует отдельного рассмотрения и анализа.

В 1947–1949 гг. происходят изменения в составе детей, поступавших в Витебский ДПР. Если в 1943–1947 гг. основная масса детей – это сироты, чьи родители погибли в годы Великой Отечественной войны, то начиная с 1948 г. основной контингент несовершеннолетних, зафиксированных в журналах учета движения детей, – это дети, у которых был один или оба родителя, или «родительские» дети, как их называли в отчетных документах ДПР. Например, в 1951 г. в приемник-распределитель поступило 214 беспризорных ребенка, 293 безнадзорных; в 1952 г. – 151 беспризорный, 372 безнадзорных; в 1953 г. – 135 сирот, 360 безнадзорных; в 1954 г. – 72 беспризорных, 337 безнадзорных [8]. Подобная картина наблюдалась и в других регионах республики, например, в Брестской области [1, с. 51].

В докладной записке о работе Витебского ДПР за 2-е полугодие 1951 г. для отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью МВД БССР начальник ДПР отмечал, что всех детей, прибывших во второй половине 1951 г. (286 человек), можно разделить на три группы:

1. «Родительские» дети – 79 человек (ушли из дома из-за тяжелого материального положения; из-за плохого отношения со стороны неродного родителя в семье);
2. Дети-сироты, убежавшие из патронатной семьи – 98 человек (ушли из-за тяжелого материального положения);
3. Дети, убежавшие из детских домов – 45 человек [8, д. 13, л. 2–4].

Таким образом, начальник приемника-распределителя попытался обозначить причины, которые толкали детей к бродяжничеству. Отметим, что на самом деле спектр причин был шире: это фиксируют журналы учета передвижения детей. Дело в том, что форма журналов учета менялась. В 1945 г. была добавлена графа «национальность», «особые приметы», в 1946 г. – «чем занимался во время беспризорности», «в каких был детучреждениях». С 1951 г. использовалась стандартная (не менялась вплоть до закрытия ДПР) отчетная форма, в которую вносились данные ежемесячно. Она содержала конкретный перечень причин детской неустроенности: кроме уже названных выше, добавим «убежавшие из ремесленных училищ, ФЗО»; «убежавшие из детских колоний»; «убежавшие из-за плохого надзора»; данные о половозрастном составе детей; из города/сельской местности; посещал (какой класс)/не посещал школу [8, д. 10, л. 6, 36–40]. Материалы журналов позволяют проследить, куда устраивали детей из ДПР: возвращали родителя, определяли в детские дома, детские трудовые колонии, фабрично-заводские школы, ремесленные училища, были трудоустроены.

Анализ количественных данных журналов учета передвижения детей за 1944–1954 гг. позволяет утверждать, что подавляющее большинство детей, попадавших в Витебский ДПР, составляли мальчики из Витебской области от 8 до 16 лет. Обратим внимание

на тот факт, что от 20 до 40% поступавших детей не учились в школах и проживали в сельской местности. Эта проблема была характерна для послевоенного белорусского общества вплоть до середины 1950-х гг. Партийные и государственные органы неоднократно в отчетах констатировали, что есть «несознательные» родители, которые не желают отпускать детей в школы, несмотря на разъяснительную работу педагогов, комсомольцев. Дети в возрасте 10–16 лет помогали в сельском хозяйстве, на работе в колхозах. Война и оккупация привели к резкому сокращению количества мужчин в деревне, где фактически все тяжелые работы выполняли женщины. Поэтому использование детского труда вместе с проблемой нехватки обуви, теплой одежды, больших расстояний до школы способствовали детской беспризорности и безнадзорности.

В первое послевоенное десятилетие перед советским обществом стояла задача восстановления разрушенной войной экономики. Воспитание детей, но не рождаемость, отходило на второй план. Занятые на производстве родители перекладывали ответственность по воспитанию своих детей полностью на учителей [9, с. 314]. Данное обстоятельство объясняет рост количества безнадзорных детей, которые уходили из дома «из-за плохого контроля».

Помимо количества поступивших детей, причин поступления, в журналы учета передвижения детей сотрудники ДПР вносили личные данные ребенка (ФИО, дату рождения, последний адрес проживания, если это было возможно), информацию о состоянии здоровья (наличие вшей, чесотки, признаков инфекционного заболевания и др.), о наличии личных вещей ребенка, обязательно место, из которого поступил ребенок. Большая масса детей градировалась на группы: дети погибших на фронте красноармейцев или партизан, дети-репатрианты, дети, сбежавшие из дома, в том числе из приемной или патронатной семьи, дети, у которых (со слов детей) есть родственники, дети, сбежавшие из других детских учреждений [5]. Внутренняя градация, кажущейся внешне единой категории детей-сирот и беспризорных, позволяла властям изолировать тех, кто являлся неблагонадежным, потенциальной угрозой идеологии советского государства. Особое отношение испытывали на себе дети-репатрианты. Показательным в данном случае является выдержка из записки инспектора школьного отдела секретарю Брестского обкома комсомола от 28 ноября 1945 г.: «Дети, прибывшие с репатриантами, подходят к трудовым колониям, а не к воспитанию в детском доме» [1, с. 56]. Причины и последствия такого отношения к ним требует отдельного рассмотрения [10].

В приемнике-распределителе, несмотря на то, что он изначально создавался как временное местонахождение детей, была сформирована и реализовывалась система воспитательных мероприятий. Это объясняется тем, что дети зачастую оставались в приемнике дольше двухнедельного срока. Акцент на воспитательную работу был важен для советского общества,

которое постепенно «выходило» из войны еще и потому, что на протяжении трех лет часть детей находилась на оккупированной территории, где функционировали школы, противопоставленные по духу и идеологии советским. В декабре 1944 г. начальнику ДПР были доведены замечания по плану воспитательной работы. Было рекомендовано привлекать к воспитательной работе с детьми членов партии, комсомольцев, бойцов Красной Армии, партизан, которые бы рассказывали детям о подвигах и победах над фашистами. Еще в одном замечании указывалось на отсутствие кружков для формирования у детей трудовых навыков. Идея трудового воспитания была одной из центральных в довоенной советской педагогике, а в послевоенный период стала еще более востребованной: нехватку рабочих рук, резкую диспропорцию между мужским и женским трудоспособным населением планировалось решить в том числе за счет раннего трудового обучения детей, направлением на учебу в школы ФЗО подростков в возрасте старше 14 лет (в том числе из детских домов и приемников-распределителей) [4, л. 84–84 об.].

Витебский ДПР, как и другие приемники-распределители на территории республики (к январю 1945 г. действовало 18 таких учреждений с единовременным содержанием 1 200 детей [1, с. 51]), испытывал трудности с комплектацией штата подготовленными педагогическими кадрами, медицинскими работниками. По состоянию на 1 февраля 1944 г. из 26 работников ДПР высшее педагогическое образование было только у начальника, старшего воспитателя и 1 воспитателя (всего в штате было 6 воспитателей) [4, л. 29]. Более того, из-за постоянной текучести кадров на работу принимали воспитанников приемника-распределителя, достигших 16-летнего возраста (1927, 1928 г.р.) [11, л. 6, 7 об., 8, 9, 10]. На протяжении всего периода функционирования ДПР ситуация с кадровым обеспечением фактически не изменилась: в 1950 г. штат ДПР состоял из 18 сотрудников, в том числе 1 старшего воспитателя и 3 воспитателей. У всех было среднее педагогическое образование (т.е. среднее специальное) [12, л. 123].

Заключение. Витебский ДПР был создан в 1943 г. с целью устройства детей-сирот, чьи родители погибли в 1941–1943 гг. Деятельность приемника-распределителя регламентировалась Положением 1945 г., согласно которому главной задачей был учет детей, их медицинское обследование, выявление причин, по которым они оказались на улице, их дальнейшее устройство. Данные журналов Витебского ДПР отражают масштабы детской беспризорности и безнадзорности в послевоенном белорусском обществе, главной причиной которых в 1944–1947 гг. стала Великая Отечественная война и длительная оккупация территории БССР.

Постепенный «выход» (т.е. преодоление последствий) общества из войны отразился на количестве поступавших (наблюдается снижение) в Витебский ДПР

детей, а также на причинах детской беспризорности и безнадзорности: на первый план выходит проблема детской безнадзорности, связанная с занятостью взрослых в промышленности и сельском хозяйстве, непосещением детьми школы, тяжелым материальным положением в семьях и т.д.

Одной из направлений деятельности Витебского ДПР была идеологическая и воспитательная работа с поступающими детьми. Планы воспитательной работы, утверждавшиеся в отделах по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД/МВД, отвечали задачам воспитания в детях «высоких моральных качеств советского человека».

Мы считаем, что выводы, сделанные по изучению материалов Витебского ДПР, будут характерны и для иных приемников-распределителей республики, поскольку условия, в которых они функционировали, а также последствия оккупации, с которыми столкнулось гражданское население БССР, были одинаковыми.

Литература

1. Занько, Е.Ю. Решение детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области (1944 – первая половина 1950-х годов) / Е.Ю. Занько // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А. – 2015. – № 9. – С. 50–57.
2. Ильюшин, И.М. Народное образование в Белорусской ССР / И.М. Ильюшин. – Минск: Учпедгиз БССР, 1961. – 439 с.
3. Блинова, В.В. Деятельность детских приемников-распределителей в послевоенные годы (1945–1953): историко-правовой аспект / В.В. Блинова // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 41–44; Славко, А.А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период / А.А. Славко // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 33–43.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2425. Оп. 1. Д. 2. Инструкции, указания и положения вышестоящих органов по хозяйственным, санитарным и другим вопросам за 1943–1944 гг.
5. ГАВт. – Ф. 2425. Оп. 5. Д. 27. Акты обследования ДПР.
6. ГАВт. – Ф. 2425. Оп. 1. Д. 3; Д. 6; Д. 10; Д. 11; Д. 17.
7. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946 – 2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. – 728 с.
8. ГАВт. – Ф. 2425. Оп. 5. Д. 28; Д. 13; Д. 10; Д. 21.
9. Николаева, И.В. Центральная советская женская периодика как источник по истории семьи в СССР сер. 1940 – сер. 1960-х гг. / И.В. Николаева, Е.В. Мацулевич // Сборник материалов Международной научно-практической интернет-конференции «Страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в историческом дискурсе Западной цивилизации» (7 апреля 2020 г.). – Полтава–Витебск, 2020. – С. 313–316.
10. Бездель, В.Е. Социальная политика в отношении детей-репатриантов в БССР (вторая половина 40-х гг. XX в.) / В.Е. Бездель // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч. конф., Пинск 27 нояб. 2020 г. / Мин-во образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2020. – Вып. 5. – С. 233–237.
11. ГАВт. – Ф. 2425. Оп. 1. Д. 1. Приказы по Витебскому детскому приемнику-распределителю за 1943 г.
12. ГАВт. – Ф. 2425. Оп. 5. Д. 5. Переписка с отделами по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью МВД БССР и отделами УМВД Витебской области за 1950 г.

Поступила в редакцию 28.01.2021

Витебское Подвинье в период провинциально-римских влияний и в эпоху Великого переселения народов

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Историческое местоположение Витебского Подвинья на протяжении многих тысячелетий было связано с его нахождением на водораздельном участке. Изучаемый регион является частью особой географической и культурной области, своеобразной контактной зоной для различных племенных группировок раннего железного века и раннего средневековья.

Цель статьи – исследование культурно-исторических процессов, происходивших в Витебском Подвинье в I тыс. н.э.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы исследований в Витебском Подвинье в 2016–2020 гг. При ее написании использовались методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический методы и др.

Результаты и их обсуждение. Многообразие культурных традиций, фиксируемое в изучаемом регионе, может быть объяснено не только результатами естественного поступательного развития материальной культуры, но и указывает на значительную роль в истории населения Витебского Подвинья миграционных процессов. Наиболее явственно эта роль проявляется при коренной смене археологических культур в III в. н.э., что привело к вытеснению качественно новых культурных общностей.

Заключение. Материалы, полученные в процессе изучения поселений Витебского Подвинья, в той или иной мере отражают миграционные процессы, протекавшие в северо-восточной Беларуси на протяжении I тыс. н.э., направление и характер взаимодействия различных этносов на разных этапах их колонизации. В результате нескольких волн праславянской колонизации региона здесь во второй половине I тыс. н.э. сформировался полиэтнический состав населения с преобладанием славянского компонента.

Ключевые слова: поселения, миграции, вещевые комплексы, хронологические индикаторы, племена, этнос.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 10–21)

Vitebsk Dvina Basin Region (Podvinye) During Roman Province Influence and in the Epoch of Great Migration of Peoples

Bubenko T.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The historic location of Vitebsk Podvinye over numerous thousands of years was connected with its position on the watershed. The region under study is a part of special geographic and cultural area, a kind of contact zone for various tribe groups of the early Iron Age and the early Middle Ages.

The purpose of the article is a study of cultural and historical processes which took place in Vitebsk Podvinye in the 1st millennium A.D.

Material and methods. The article is based on research materials in Vitebsk Podvinye in 2016–2020. Methods used both in historical and archeological studies were used: the comparative and historical, the typological, of historical reconstruction, the mapping etc.

Findings and their discussion. The variety of cultural traditions, which is identified in the studied region, can be explained not only by the results of the natural progressive development of material culture but also can indicate a substantial role of Vitebsk Podvinye population in the history of migration processes. This role manifested itself most vividly when archeological cultures radically changed in the 3rd century A.D. which resulted in maturation of qualitatively new cultural communities.

Conclusion. Materials which were obtained during the study of Vitebsk Podvinye settlements reflect migration processes in the north-eastern Belarus over the first millennium A.D. as well as the direction and the character of the interaction of various ethnic groups at different stages of their colonization. As a result of several waves of fore-Slav colonization of the Region polyethnic population with the dominance of the Slav component shaped here in the late first millennium A.D.

Key words: settlements, migration, complexes of goods, chronological indicators, tribes, ethnoses.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 10–21)

Историческое местоположение Витебского Подвинья на протяжении многих тысячелетий было связано с его нахождением на водораздельном участке. Изучаемый регион является частью особой географической и культурной области, своеобразной контактной зоной для различных племенных группировок раннего железного века и раннего средневековья.

Многообразие культурных традиций, фиксируемое в изучаемом регионе, может быть объяснено не только результатами естественного поступательного развития материальной культуры, но и указывает на значительную роль в истории населения Витебского Подвинья миграционных процессов. Наиболее явственно эта роль проявляется при коренной смене археологических культур в III в. н.э., что привело к вызреванию качественно новых культурных общностей.

Цель статьи – исследование культурно-исторических процессов, происходивших в Витебском Подвинье в I тыс. н.э.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы исследований в Витебском Подвинье в 2016–2020 гг., проведенные с использованием археологических методов: разведки и раскопки. При написании текста статьи использовались методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический методы.

Результаты и их обсуждение. Благоприятные климатические условия, сложившиеся в исследуемом регионе в I–III вв. н.э., способствовали расцвету т.н. городищенских культур раннего железного века. Проживавшее в Витебском Подвинье автохтонное население днепро-двинской культуры значительно расширило свою территорию за счет освободившихся от воды подтопленных ранее земель. Новые земли, пригодные для занятия хозяйственной деятельностью, также привлекли в регион родственные балтские племена культуры поздней штрихованной керамики. К первым векам н.э. поселения штриховиков в левобережной части исследуемого региона встречаются повсеместно. С северо-востока отмечена инфильтрация в Витебское Подвинье финно-угорского населения дяковской культуры, на что указывает присутствие в культурном слое ряда городищ текстильной керамики. По мнению В.И. Шадыро, слияние дяковских и балтских элементов привело к последующему их самостоятельно-

му развитию в форме «позднедяковской» культуры [1, с. 63].

Вслед за штриховиками во второй четверти I тыс. н.э. в Витебское Подвинье проникают отдельные группы позднезарубинецкого населения, вторжение которых следует интерпретировать как первую волну праславянской экспансии к северу, на земли ближайших соседей. Свидетельством инфильтрации южных групп населения могут служить находки чернолощеной и подлощеной керамики, оружие, украшения (вещи с эмальями, подвязные фибулы, стеклянные бусы и т.д.). На археологическом комплексе Кордон впервые в Подвинье найдены римские монеты динарий Марка Аврелия (164 г.) и дидрахма Веспасиана и Тита (69–79 гг. н.э.) [2, с. 325, 337]. В начале XX века находки римских монет упоминаются в кладе из Стражевич (Чашникский район).

Пришлое население занимает не только частично опустевшие к этому времени городища днепро-двинцев, но и обустривает свои поселки на пологих склонах холмов, террасах и на осушенных участках у подножья городищ. Концентрация ранних селищ отмечена в двух районах Витебского Подвинья. На левобережье Западной Двины южнее линии Черная Лоза – Лукомль – Старые Лавки – Бельняки, что совпадает с северной границей территории собственно племен культуры штрихованной керамики. Второй район компактного расселения поздних зарубинцев локализован в пределах Городокской и Витебской возвышенностей. Вне очерченных ареалов известны лишь единичные селища, где встречены немногочисленные артефакты, связанные с зарубинецким кругом древностей, все они тяготеют к высоким коренным берегам рек (Кордон, Крыжи, Старое Село, Витебск, Лужесно) (рис. 1).

Процесс расселения вторгшихся в Витебское Подвинье разнотнических группировок мирным назвать нельзя. Напластования позднего этапа днепро-двинской культуры на исследованных городищах перекрыты зольно-угольным слоем (Загорцы, Бураково, Новое Село). Например, городище Загорцы было сожжено, первоначальный вал сnivelирован, площадка поселения была расширена за счет склонов на 2–3 м. Край площадки оградили стенкой-брусом из трех рядов горизонтально уложенных бревен. Расширение площадки за счет склонов в первых веках н.э. отмечено и на ряде других городищ региона (Бураково, Кострица) [3, с. 8].

Витебское Подвинье в первой половине I тыс. н.э. Поселения с находками позднезарубинецкого времени

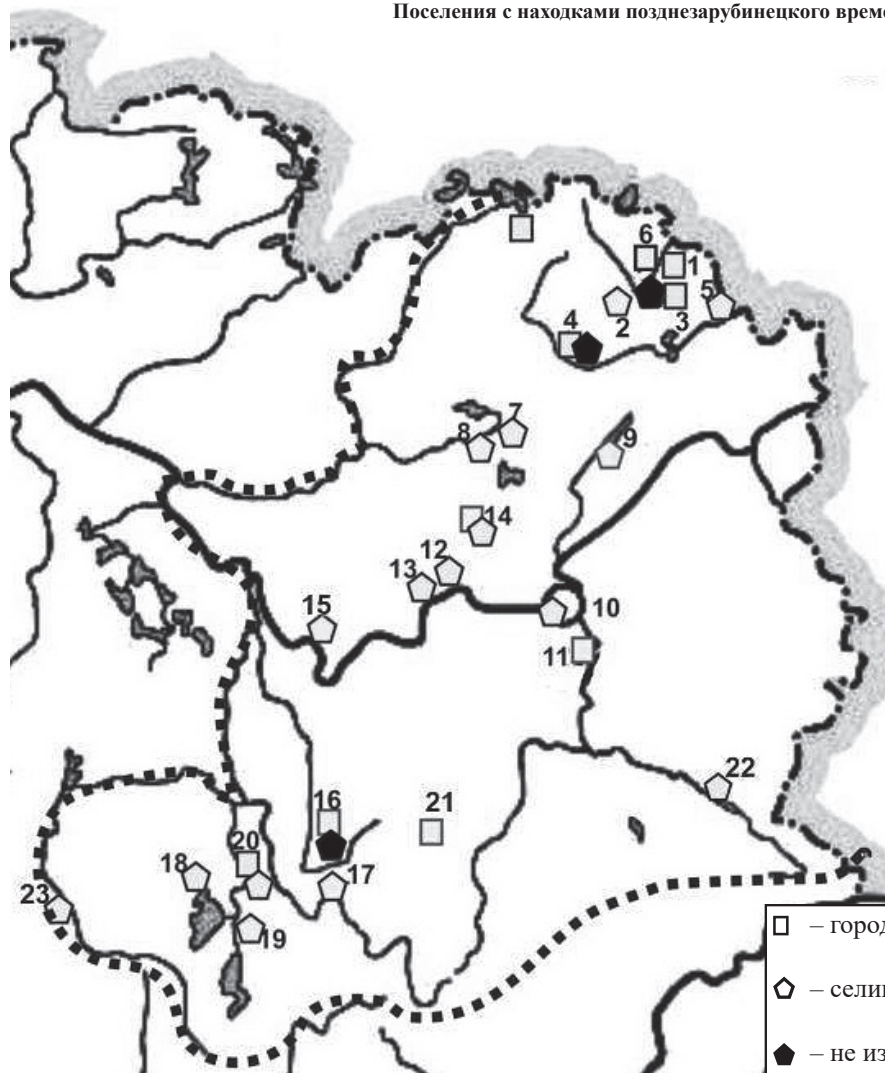

Рис. 1. Карта памятников Витебского Подвинья с позднезарубинецкими материалами: 1 – Лялевщина-Жеребцы; 2 – Межа; 3 – Загорцы; 4 – Вышадки; 5 – Борки; 6 – Лялевщина-Карловка; 7 – Городок; 8 – Казиново; 9 – Хоботы; 10 – Витебск; 11 – Витебск-Бороники; 12 – Старое Село; 13 – Уволоки-Крыжи; 14 – Синяково; 15 – Кордон; 16 – Новое Село; 17 – Замощье; 18 – Слободка; 19 – Старые Лавки; 20 – Лукомль; 21 – Горы-Осинка; 22 – Бабиновичи; 23 – Черная Лоза

В этот период отмечено дальнейшее совершенствование фортификации поселений. Широкое распространение получают кольцевые валы по склонам уже существующих городищ (Жуково, Мяклово, Городище) и городищ-убежищ (Малое Заборочье, Дреколье). Их сооружение могло быть связано как с недостаточной высотой и крутизной холма, так и с внешними угрозами (например, миграциями в Подвинье стриховиков или поздних зарубинцев). Небольшой процент поселений имеет довольно сложную систему обороны: вал по краю и две линии валов по склону (Коньки, Жолнерово, Городок-Запрудье, Прудники). На городище Зароново зафиксировано три типа укреплений: две линии валов у подножья площадки, вал по склону и короткие валы с торцевых сторон площадки.

Домостроительство. Однокамерные квадратные и прямоугольные в плане жилые постройки столбовой конструкции, возникшие на днепродвинских городищах еще на последнем этапе существования культуры, на территории Витебского Подвинья просуществовали без особых конструктивных изменений до IV–V вв., когда на смену им приходят постройки

срубно-столбовой, а позднее срубной конструкции.

Постройки срубно-столбовой конструкции, по всей вероятности, были переходным типом к срубным домам. Примером такой постройки служит жилище – 4 из Старого Села размерами 4,3 x 4,6 м. Нижний венец строения был углублен в материковую поверхность. Судя по ширине канавок, для сооружения стен использовались бревна диаметром 14–18 см. Наличие в канавках следов от столбовых ям свидетельствует о срубно-столбовой конструкции жилища. Очаг по-прежнему занимает центр постройки, на что указывают разбросанные в заполнении строения обожженные камни, однако подочажная яма отсутствует [4, с. 302, рис. 3].

На заключительном этапе раннего железного века в Витебском Подвинье получает распространение срубная конструкция стен. Нижние части срубных построек исследованы на городищах Загорцы, Старое Село, Камень. На городищах это квадратные в плане жилища площадью от 11 до 20 м², в которых сохраняется центральное местоположение очага. Как отмечает Лявданский, каменные очаги также сохраняют

Витебское Подвинье в первой половине I тыс. н.э.
Поселения с находками керамики «с расчесами»

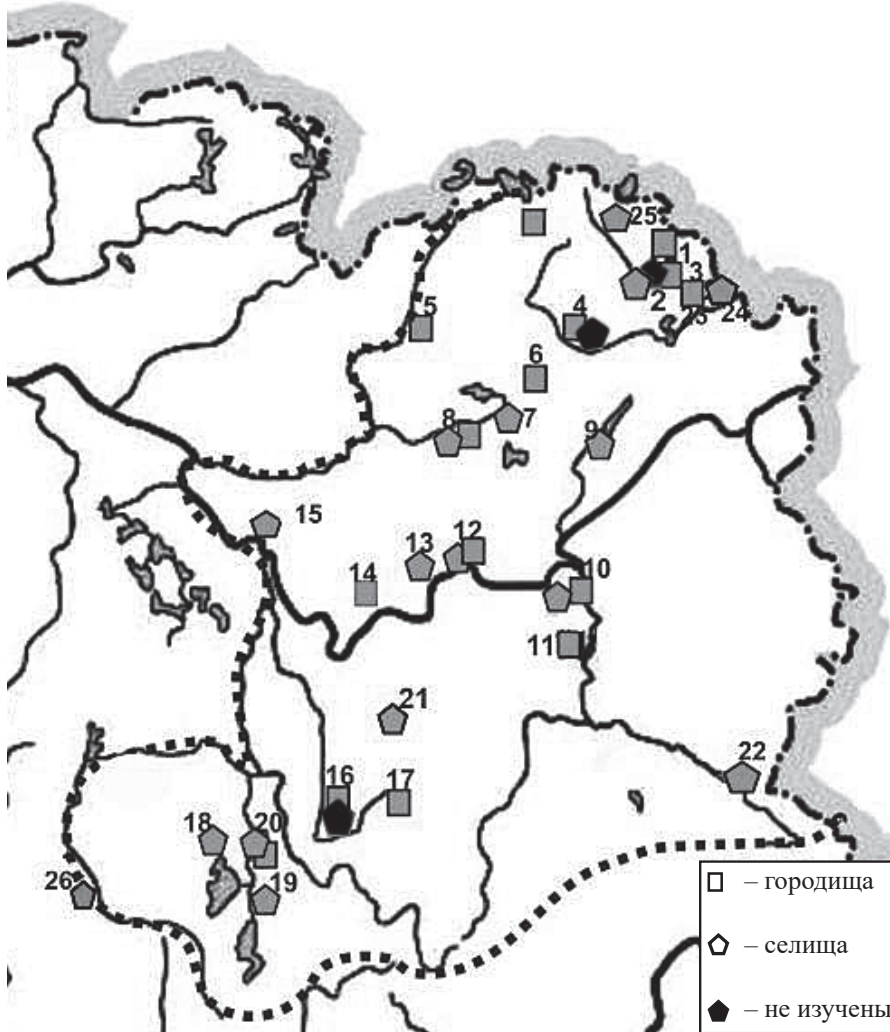

Рис. 2. Карта поселений Витебского Подвинья, где известны находки керамики «с расчесами»: 1 – Лялевщина-Жеребцы; 2 – Межа; 3 – Загорцы; 4 – Вышадки; 5 – Кисели-Пристань; 6 – Новый Болецк-Буряково; 7 – Городок; 8 – Казиново; 9 – Хоботы; 10 – Витебск; 11 – Витебск-Бороники; 12 – Старое Село; 13 – Уволоки-Крыжи; 14 – Синяково; 15 – Кордон; 16 – Новое Село; 17 – Замошье; 18 – Слободка; 19 – Старые Лавки; 20 – Лукомль; 21 – Хизова-Андруки; 22 – Бабиновичи; 23 – Куково; 24 – Борки; 25 – Дорохи; 26 – Черная Лоза

примитивную форму и устроены непосредственно на земляном полу (Загорцы, Старое Село) [5, с. 222].

Облик материальной культуры населения Витебского Подвинья на завершающем этапе раннего железного века представлен значительно разнообразнее, чем в предыдущие периоды. Культура основного населения региона, безусловно, имела свои истоки в днепро-двинской культуре, однако под влиянием миграций южных групп населения (штриховики и поздние зарубинцы) и позднедьяковских племен она приобрела своеобразные черты, которые позволяют предположить сложение в Витебском Подвинье регионального варианта днепро-двинской культуры.

Не позднее второй половины – конца III–IV в. н.э. начинается целенаправленное заселение изучаемого региона праславянским населением верхнеднепровского варианта киевской культуры (селище Луговое – Городок) [6]. Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры, визитной карточкой которого является керамика с расчесами, зафиксированы на 26 поселениях Витебского Подвинья (рис. 2). На большинстве объектов это либо подъемный материал,

либо артефакты получены в результате разведочной шурфовки поселений. На поселениях, исследованных широкими площадями, процент керамики с расчесами весьма значителен: селище Городок – 24,0%, городища: Вышадки – 6,0%, Замошье – 4,2%, Новое Село – 1,2%, Загорцы – 1,0% (рис. 3). На селище Зароново сосуды с расчесами не встречены, однако керамический комплекс селища полностью соответствует позднему этапу верхнеднепровского варианта киевской культуры. Данный вывод подтверждается присутствием в культурном слое вещей центрально-европейского происхождения и их дериватов, которые могли попасть в регион из Поднепровья.

Возможной причиной миграции в Витебское Подвинье племен киевской культуры послужили дестабилизационные процессы второй половины IV в., вызванные военными столкновениями с готами и вторжением гуннов. Однако более убедительным поводом для проникновения земледельческого населения в северные регионы, на наш взгляд, послужили благоприятные климатические условия, сложившиеся к IV веку в Витебском Подвинье. Увеличение средне-

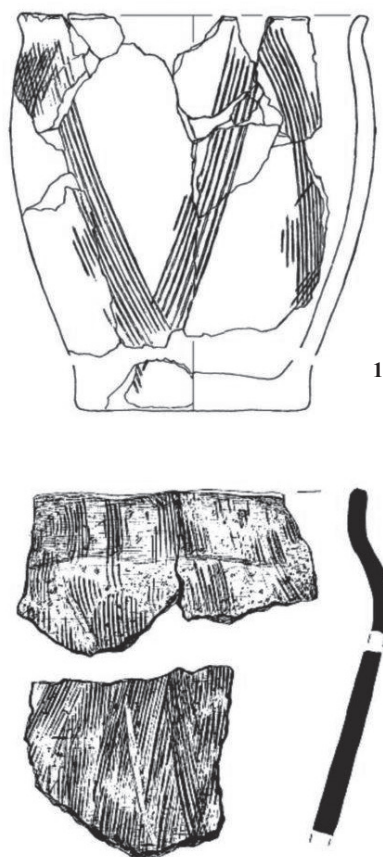

Рис. 3. Формы керамических горшков с расчесами верхнеднепровского варианта киевской культуры из Нового Села Сенненского района (1) и Городка (2)

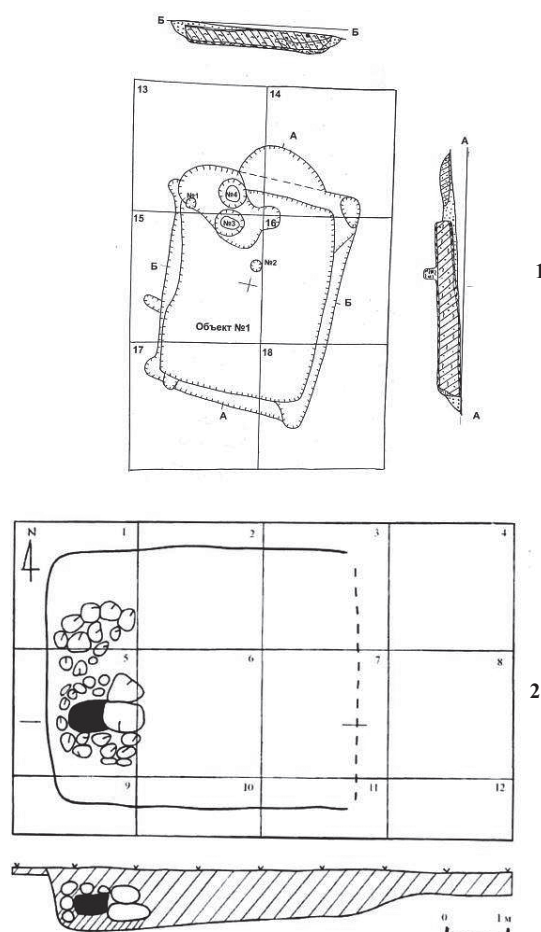

Рис. 4. Типы построек середины – третьей четверти I тыс. н.э. на селищах Зароново (1) и Лужесно (2) Витебского района

годовых температур на фоне уменьшения количества осадков способствовало освобождению от воды значительной территории в зоне Лучосской и Суражской низменностей, что открыло южным племенам проход в ранее труднодоступные места правого берега Западной Двины, где имелись прекрасные возможности для введения в сельскохозяйственный оборот пойменных угодий с плодородными аллювиальными почвами и занятия животноводством.

В результате нескольких этапов миграций праславянских групп населения из южных областей в северные регионы к IV–V вв. в Витебском Подвинье формируется круг древностей типа Заозерье–Узмень–Городок [7, с. 276]. Сопоставление вещевых комплексов с поселений Витебского Подвинья (Городок, Зароново, Замощье, Новое Село) с материалами поселений южной части Псковской области (Узмень, Жабино, Фролы, Полибино и др.) подтверждает, что древности круга киевской культуры, характерные для памятников типа Узмень–Заозерье, имели единовременное распространение как на юге Псковской области, так и на северо-востоке Беларуси.

Для третьей четверти I тыс. н.э., несмотря на сильное похолодание (среднегодовые температуры летом были на 0,5–1°, зимой на 1–1,5° ниже современных), характерно резкое уменьшение среднегодовых осадков (на 50 мм) [8, с. 680]. Это привело к максимальному сокращению акватории водоемов и дальнейшему обсыханию пойменных участков, используемых в хозяйственной деятельности.

В поселенческой системе середины – третьей четверти I тыс. н.э. происходят существенные изменения, вызванные расселением в Витебском Подвинье земледельческого населения из южных регионов. Характерной чертой для этого периода является общее сокращение числа укрепленных поселений и переход к жизни на селищах, которые становятся основным типом поселений. Отметим лишь то, что на этапе использования городищ в качестве убежищ количество линий обороны и высота земляных укреплений имели тенденцию к увеличению (до 3–5 м).

От селищанских жилищ сохранились углубленные в грунт нижние части построек либо развалы очагов и куски глиняной обмазки стен в местах локализа-

Витебское Подвинье
Поселения третьей четверти I тыс. н.э.

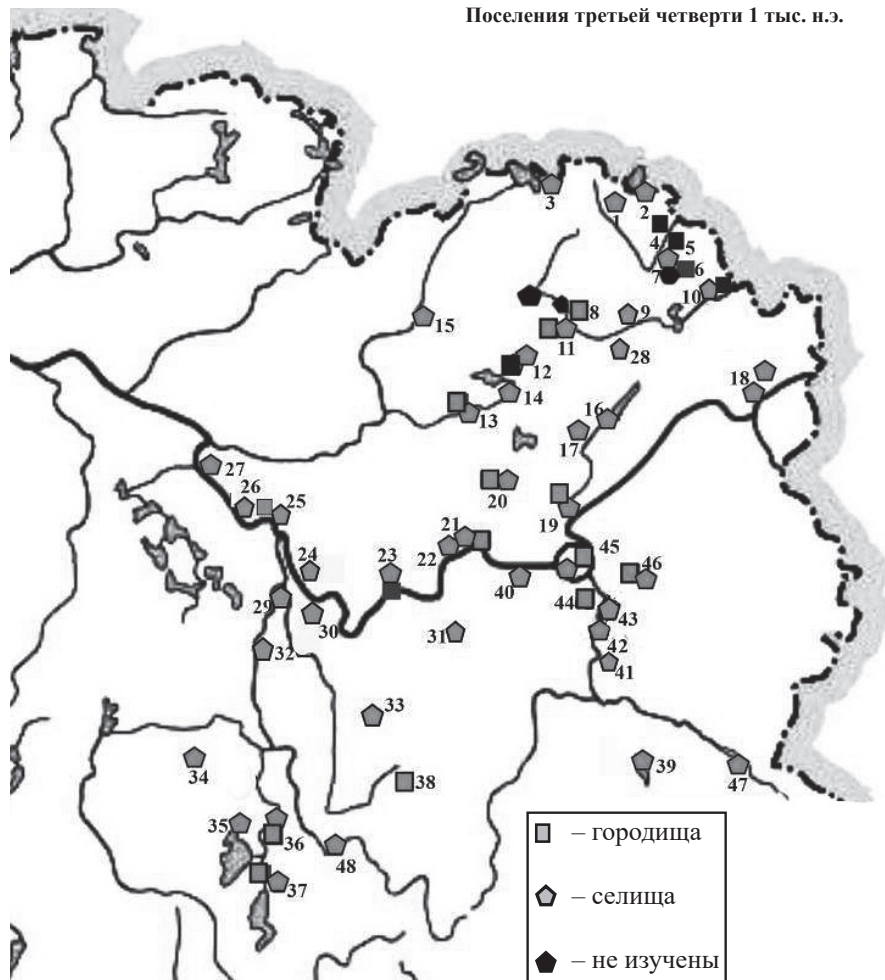

Рис. 5. Карта поселений Витебского Подвинья второй половины I тыс. н.э.: 1 – Бибино; 2 – Дорохи; 3 – Жуково; 4 – Лялевщина-Карловка; 5 – Лялевщина-Жеребцы; 6 – Степановичи-Загорцы; 7 – Межа; 8 – Вышадки; 9 – Двухполье; 10 – Борки; 11 – Бескатово; 12 – Новый Болец-Бураково; 13 – Казиново; 14 – Городок; 15 – Кисели-Пристань; 16 – Хоботы; 17 – Кули; 18 – Казаково; 19 – Лужесно; 20 – Зароново; 21 – Старое Село; 22 – Уволоки-Крыжи; 23 – Бокишево; 24 – Надежино; 25 – Кордон; 26 – Илово; 27 – Филиповка; 28 – Селезни-Мяли; 29 – Стрижев; 30 – Ворохобки; 31 – Дубрава; 32 – Подрезы; 33 – Хизова-Андруки; 34 – Кострица; 35 – Слободка; 36 – Лукомль; 37 – Старые Лавки; 38 – Замошье; 39 – Серокоротня; 40 – Каныши; 41 – Кузьменцы; 42 – Мяклово; 43 – Селюты-Шапуры; 44 – Витебск-Бороники; 45 – Витебск; 46 – Жолне-рово; 47 – Бабиновичи

ции наземных сооружений. Полуземляночные жилища врезались в материк на глубину от 0,25–0,5 м до 0,5–1,0 м. Это были квадратные или близкие к квадрату постройки размерами 3–4 × 5 м. Отсутствие следов от столбовых ям позволяет предположить срубную конструкцию стен жилищ. Судя по значительному количеству фрагментов глиняной обмазки, стены рубились из относительно тонких бревен и для лучшего сохранения тепловых качеств промазывались глиной.

Печь является одним из наиболее стабильных элементов жилища. Отопительные устройства в жилищах (Зароново, Лужесно, Илово) располагались возле одной из стен: ближней или дальней от входа. В большинстве случаев это открытые очаги, изредка печи-каменки (Лужесно, Зароново). Судя по размерам подочажных ям, очаги имели небольшие размеры (Зароново), в ряде случаев они устанавливались непосредственно на земляной пол.

Полностью исследованные жилые постройки середины – третьей четверти I тыс. н.э. отражают две традиции в домостроительстве Витебского Подвинья: местную, представленную наземными постройками срубной конструкции, и южную, визитной карточкой которой были полуземлянки.

Жилище на селище Зароново оставлено переселенцами из южных областей, вероятнее всего, представителями верхнеднепровского варианта киевской культуры. Это углубленная в материк постройка, в которой кроме основного помещения размерами 3,75 × 2,80 м был вход в виде округлой ступеньки или пологой ниши-пандуса, врезанной с северной стороны. Стены имели срубную конструкцию, нижний венец был впущен в материк (рис. 4: 1).

Справа от входа зафиксирован развал очага размерами 0,8–1,0 × 0,8 м с подочажной ямой, в которой, собственно, и лежала основная часть камней. В жилище имелся деревянный пол, на что указывает мощный слой древесного угля (до 5 см). Перекрытие крыши поддерживал центральный столб диаметром 0,2 м. Жилище, по-видимому, было покрыто дранкой либо жердями, поверх которых насыпали слой песка толщиной до 0,2 м [9, с. 279–281, рис. 5–6].

Полуземлянка на селище Лужесно размерами 4 × 5 м имела срубную конструкцию стен и была углублена в материк от 0,5 до 1,0 м. У дальней от входа стены недалеко от угла размещена печь-каменка. Ее развал размерами 1,5 × 1,5 м сохранился на высоту 0,6 м (рис. 4: 2). Несмотря на разрушенный свод, устье печи

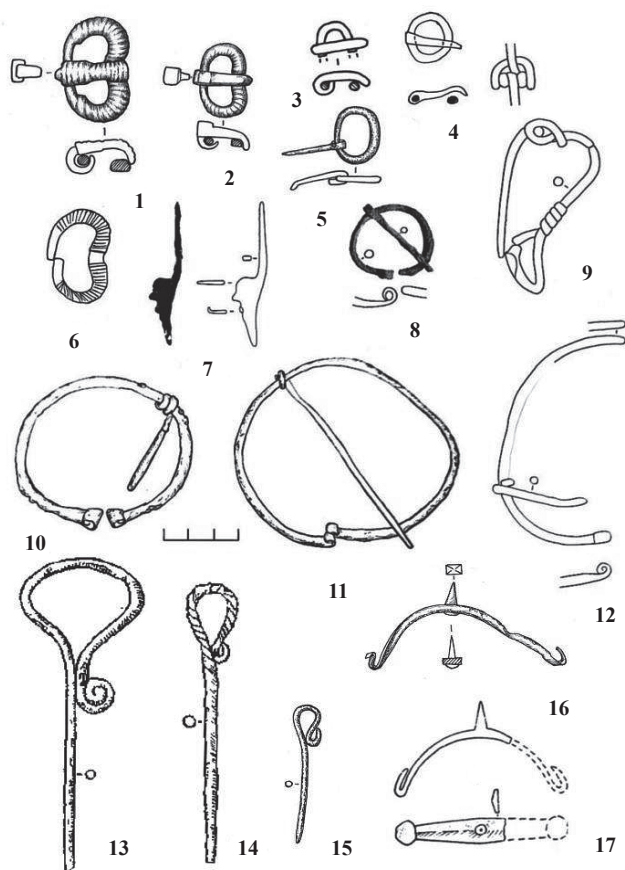

Рис. 6. Детали одежды и снаряжения из поселений Витебского Подвинья: 1–6 – пряжки; 7 – фибула подвязная; 8, 10–12 – сьюлгады; 9 – фибула воинская; 13–15 – посоховидные булавки; 16–17 – шпоры. Место находки: 1–2, 4–6, 15–16 – селище Зароново; 3 – городище Замощье; 7–9, 12 – городище Новое Село; 10–11 – городище Загорцы; 13 – городище Бураково; 14 – городище Кострица; 17 – курганный могильник Дорохи

не пострадало, размеры внутреннего пространства невелики – $0,2 \times 0,2$ м. Печь стояла непосредственно на земляном полу жилища. Г.В. Штыхов предполагает, что основной ее функцией был обогрев жилища. В жилище отсутствует центральный столб, поддерживающий конструкции крыши. Конструкция крыши, по наблюдениям автора раскопок, опиралась не на котлован, а на наземную часть стен. Углубленное в землю жилище на селище Лужесно оставлено населением банцеровско-тушемлинской общности [10, с. 260, мал. 7].

Как мы видим, конструктивные изменения повлекли за собой изменения в планировочной структуре жилищ и совершенствование отопительных устройств. На смену открытым очагам приходят печи-каменки, которые занимают место у стены, в ряде случаев рядом со входом. Исследованные печи-каменки, судя по камням основания, имели форму круга диаметром $1,0\text{--}1,5$ м, размеры устья не превышали $0,2 \times 0,2$ м [10, мал. 7]. Под их основание могла быть подведена подушка из глины и культурного слоя (Зароново), однако, чаще всего, поды в печах-каменках отсутствуют (Лужесно, Старое Село, Зароново).

Конструктивные особенности исследованных жилищ, соотношение печь – передний угол – вход, позволяют предположить, что под влиянием пришлого населения в Витебском Подвинье начинает оформляться тип внутренней планировки жилища с печью в ближайшем от входа углу, который впоследствии будет известен как белорусский тип планировки [11, с. 63].

На сегодняшний день в Витебском Подвинье известно более трех десятков неукрепленных поселений тушемлинско-банцеровской общности и культуры ранних (псковских) длинных курганов (рис. 5), для которых, по выдвинутой российскими археологами гипотезе, единой подосновой послужили древности круга Узмень–Заозерье–Городок [7, с. 92, 103]. Наличие на правобережной части Витебского Подвинья курганных могильников VI–VIII вв.: Дорохи, Бескатово, Лятохи, Старое Село, Хоботы, – позволяет включить исследуемый регион в зону распространения ранних длинных курганов, которые интерпретируются как погребения балто-славянского населения [12, с. 95].

Характеристика и хронология вещевых комплексов. Вещевые комплексы, полученные в ходе исследования поселений, дают возможность проследить основные направления миграционных потоков, пролежавших через Витебское Подвинье в I тыс. н.э. Узкие хронологические рамки бытования отдельных категорий артефактов позволяют очертить временные рамки данных процессов.

Помимо довольно представительного пласта штрихованной и текстильной керамики, которая является визитной карточкой племен штрихованной керамики и поздних дяковцев, в культурном слое поселений встречаются вещи южного и центральноевропейского происхождения и их дериваты, наглядно иллюстрирующие направление миграционных потоков первой половины – третьей четверти I тыс. н.э. (рис. 6–9).

Среди ранних датирующих находок следует выделить фибулы и украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

Кольцевидные застёжки (*сьюлгады*) из круглого дрота имели хождение в Витебском Подвинье одновременно с подвязными фибулами (Загорцы, Новое Село). Сьюлгады из довоенной коллекции городища Загорцы классической формы завершались загнутыми в полутораоборотную спираль концами (рис. 6: 10–11), а в застёжках из Нового Села завершение в виде спирали имелось лишь на одном конце изделия (рис. 6: 8, 12). Подобные фибулы были найдены на Троицком городище, где они датированы I–II вв. н.э. [13, с. 57, табл. 16: 20, 22, 23]. Широкое распространение подковообразные застёжки имели у населения верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, где появились не ранее периода римских влияний B1–B2a (40–100 гг. н.э.) [14, с. 81; 15, с. 138].

Круглопроволочная *фибула* из Нового Села (рис. 6: 9) с асимметрично изогнутой спинкой и пластинчатым иглоприемником отнесена к средневропейской серии (вариант 1) одночастных подвязных фибул,

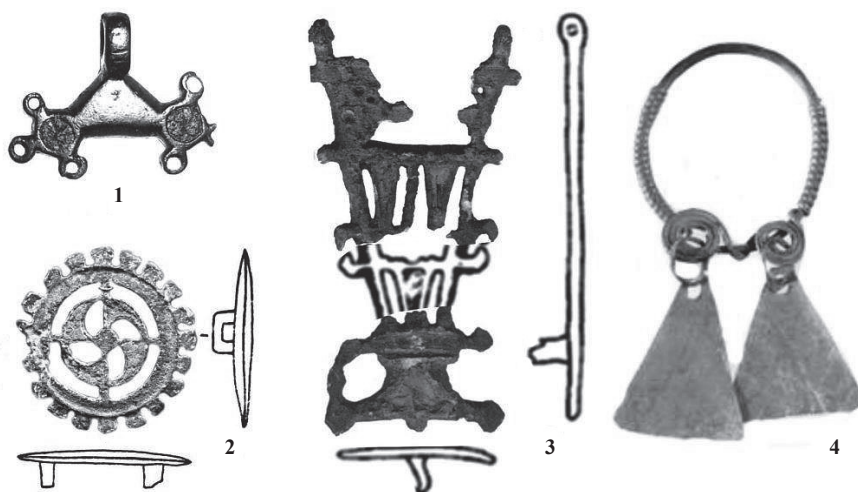

Рис. 7. Вещи зарубинецкого круга древностей: украшения с эмалями (1–3) и височное кольцо (4). Место находки: 1, 3 – селище Черная Лоза; 2 – городище Лукомль; 4 – городище Бороники

хронологические рамки бытования которых конец II–III вв. н.э. [16, с. 59].

Группа украшений с выемчатыми эмалями из поселений левобережной части Витебского Подвинья объединяет треугольные ажурные фибулы (Черная Лоза, Лукомль, Сенница) (рис. 7: 3) и круглую отлитую из бронзы *фибулу-брошь* в виде сегнерова колеса с четырьмя загнутыми спицами, украшенными эмалевыми вставками красного и оранжевого цветов из Лукомля (рис. 7: 2) [17, с. 26; 18, с. 185]. Вещи с эмалями в III–IV вв. н.э. были распространены на территории Среднего Поднепровья, серия подобных застёжек происходит из Мощинского клада, который датирован III в. н.э.

К кругу зарубинецких древностей Л.Д. Поболь относит клад *височных колец с витыми щитками и миниатюрными трапецевидными подвесками* (комплект и дужка от третьего кольца) из Бороник (рис. 7: 4) [19, с. 134]. Можем лишь добавить, что кольца и браслеты с витыми щитками и миниатюрными подвесками известны в позднеримское время у древнегерманских племен.

Ближайшие аналогии биллоновой шейной гривне из Старого Села, изготовленной из перевитого дрота, конец которого оформлен в виде грибовидной застёжки (рис. 8: 6), известны с III в. в могильниках северо-восточной Эстонии и у латышских племен [20, с. 95]. В кладе Троицкого городища подобные украшения датированы по аналогии с «диадемами» Мощинского клада III–V вв. [21, с. 56, рис. VII: 1].

Довольно редкое явление среди древностей изучаемого периода *лунница пельтовидная* (Зароново) из свинцово-оловянистого сплава, инкрустированная зернью (рис. 8: 1). Лунницы, инкрустированные зернью и сканью, относятся к фазе C2 (вторая половина III в. н.э.), однако отдельные образцы продолжали встречаться и в IV в. наряду с гладкими лунницами-пельтами. Со второй половины IV в. трехрогие лунницы и их дериваты стали популярны и на севере Европы [22, с. 115–116]. Находка в Витебске литейной формочки для отливки пельтовидных лунниц может свидетельствовать о существовании в Витебском Под-

винье в середине – третьей четверти I тысячелетия н.э. местного производства данных украшений (рис. 8: 7).

Височные кольца из бронзовой проволоки круглого сечения с одним утолщенным концом (Зароново, Старое Село) по концам иногда декорированы неглубокими поперечными насечками (рис. 8: 2, 3). Подобные украшения были распространены среди древностей киевской культуры, круга Узмень–Заозерье, в тушешлинской культуре, довольно часто они встречались в колочинское время [7, рис. 26: 5].

Браслеты литые бронзовые (Зароново, Старое Село, Мазалово, Лукомль) с круглой в сечении средней частью и расширяющимися концами овального или круглого сечения (рис. 8: 4, 5). Аналогичные браслеты характерны для погребальных комплексов Прибалтики V–VI вв. н.э. [20, с. 134, рис. 32: 8]. Е.Р. Михайлова относит браслеты различного сечения с утолщенными концами, украшенными геометрическим орнаментом, к хронологическим индикаторам периода ПА развития культуры псковско-новгородских длинных курганов (вторая половина VI–VII в.). [23, с. 533–536, 543].

Редкими украшениями для исследуемого региона являются одноцветные бусы из стекла (рис. 9). Наибольший интерес представляют *винтообразные усеченно-биконические бусы* из прозрачного стекла светло-зеленого цвета (рис. 9: 1, 2), изготовленные способом навивки (Городок, Новое Село), жгуты не заглажены и четко видны [6, с. 170, рис. 4: 2; 24, с. 269, фото 66: 5]. Полная аналогия бус из Нового Села известна в Польше на селище Любищево, которое датировано IV–V вв. н.э. (25, с. 52). В Центральной Европе такие бусы наиболее часто встречаются в комплексах позднего римского времени (ступень C1b – C2) [26, с. 45–47, abb. 6, taf. 3, 192]. В Восточной Европе усеченно-биконические бусы характерны для черняховских могильников середины III – первой трети IV в. [27, с. 33–34 рис. 11, 17].

Полиэдрические бусы из синего стекла (рис. 9: 5) также отнесены к числу редких находок (селище Зароново). На территории Белорусского Подвинья они встречены впервые, хотя известны практически во

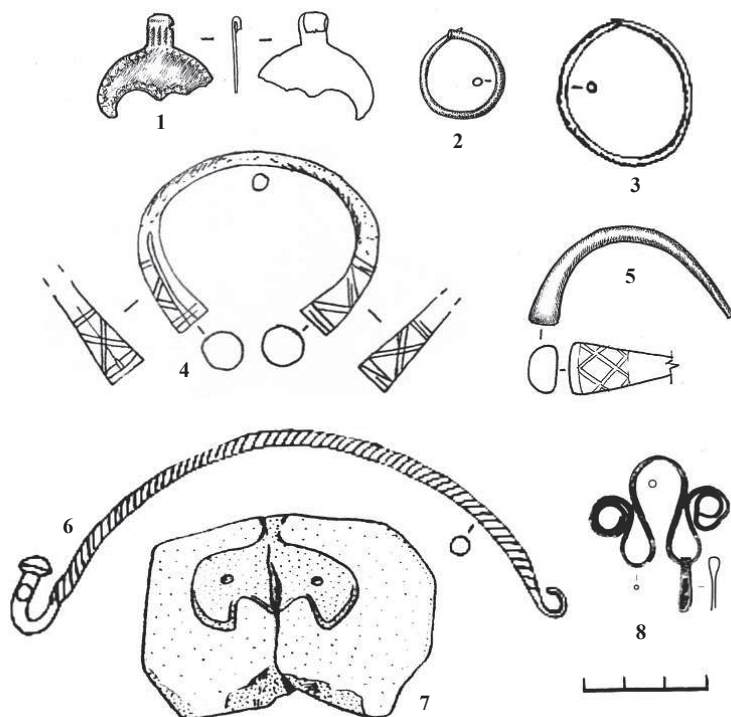

Рис. 8. Ювелирные украшения из поселений Витебского Подвинья: 1 – лунница пельто-видная; 2–3 – височные кольца; 4–5 – браслеты с утолщенными концами; 6 – фрагмент шейной гривны; 7 – литейная формочка для отливки лунниц; 8 – очковидная привеска-держатель. Место находки: 1–2, 5 – селище Зароново; 3–4, 6 – городище Старое Село; 7 – селище Витебск; 8 – городище Новое Село

всех культурах Восточной Европы в III–VII вв. н.э. На ближайших к Зароново поселениях Узмень и Фролы синие полиэдрические бусы датированы второй половиной IV–V в. [7, с. 65].

Зонные бусины (Новое Село, Витебск) из синего полупрозрачного стекла (рис. 9: 3), изготовленные путем навивки, соотношение высоты и диаметра в них равно $1/3$ и $2/3$. Количественный пик синих зонных бус в Европе приходится на фазу D (375–450 гг. н.э.) [26, S. 27].

Пронизки двучастные из стекла синего цвета найдены на селище Городок–Луговое (рис. 9: 4, 6, 7). По классификации Темпельман-Мачинской, подобные бусы (тип 91a) относятся к фазе D (375–450 гг.) [26, S. 33]. В Европе одноцветные многочастные пронизки бытовали в течение всего I тысячелетия н.э.

Значительная по численности группа объединяет предметы туалета, детали одежды и снаряжения всадника: бритвы, посоховидные булавки, пряжки и шпоры.

Бритвы с изогнутым лезвием и прямым черенком в позднеримское время широко представлены в памятниках пшеворской культуры, нередкая находка среди древностей днепро-двинской культуры, штрихованной керамики, киевской культуры первой половины I тыс. н.э. [28, с. 84]. В прибалтийских древностях бритвы с отчетливо выраженным переходом от лезвия к держателю датируют III–IV вв. н.э. [20, с. 92, рис. 26: 7]. Завершение черенка крючком зафиксировано в бритве из Загорцев. Подобные бритвы найдены в Ивани и Банцеровщине. А.А. Егорейченко предполагает, что их прототипом были изделия раннеримского периода [28, рис. 11: 4, 5]. В лесной полосе Восточной Европы бритвы появились в IV – начале V в.,

а к VI в. вышли из употребления [29, с. 99].

Посоховидные булавки, по наблюдениям А.М. Медведова, на территории Витебского Подвинья получают распространение не ранее рубежа – I в. н.э. (рис. 6: 13–15) По форме головки булавки делятся на три типа: с круглой головкой, каплевидной и подтреугольной (Зароново, Жуково). Среди последних встречаются экземпляры с тордированной головкой (Жуково, Новое Село). В отдельную группу выделены булавки с прямым стержнем, переходящим в круглую головку. Данный тип булавок характерен для поселений культуры штрихованной керамики, а позднее – для верхнеднепровского варианта киевской культуры и древностей круга Узмень–Заозерье [30, с. 195, рис. 10: 4–7; 7, с. 60]. Во второй половине I тысячелетия н.э. такой вид застёжек вышел из употребления.

Детали поясной гарнитуры представлены небольшими *круглыми* (рис. 6: 4) и *овальными пряжками* (рис. 6: 3, 5) с утолщенной передней рамкой и хоботовидным язычком (Зароново, Старое Село, Замошье Загорцы, Витебск) получили распространение среди населения Витебского Подвинья во второй четверти I тыс. н.э. В черняховских древностях маленькие круглые пряжки имели хождение в последней четверти III – первой четверти IV в. (тип A1a по Е.Л. Гороховскому) [31, с. 43]. Маленькие пряжки уплощенно-овальной формы с утолщенной передней рамкой по классификации Р. Мадыда-Легутко датируются в рамках фаз C2 – D (260–450 гг. н.э.) [32, с. 13].

Рифленые пряжки «В-образной» формы из железа и бронзы в Витебском Подвинье найдены лишь на селище Зароново (рис. 6: 1, 2, 6). Следует отметить, что они нечасто встречаются и в других регионах

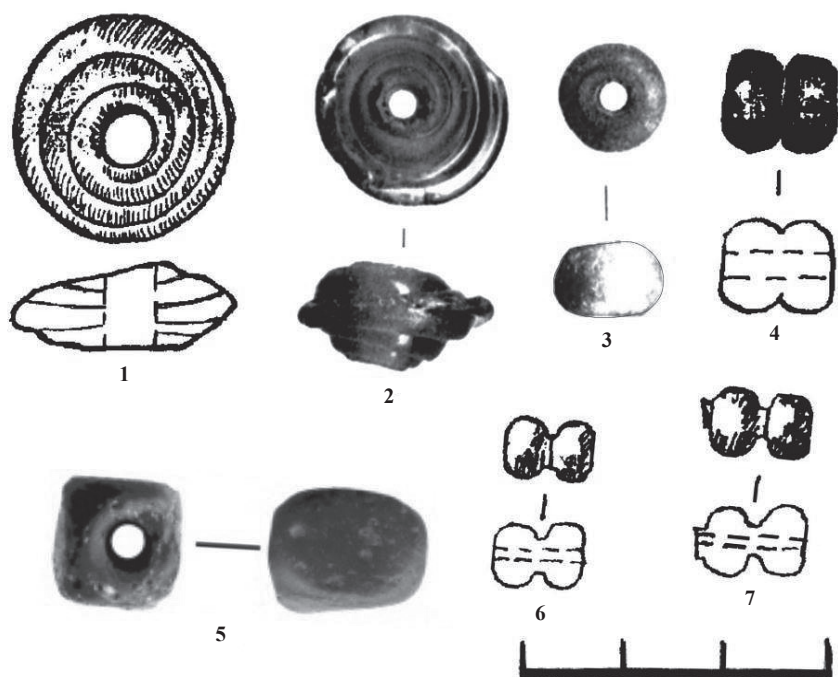

Рис. 9. Стекланные бусы из поселений I тыс. н.э. на территории Витебского Подвинья: 1–2 – усеченно-биконические зеленые; 3 – зонная синяя; 4, 6–7 – пронизки двучастные из синего стекла; 5 – полиэдрическая синяя. Место находки: 1, 4, 6–7 – селище Городок; 2–3 – городище Новое Село; 5 – селище Зароново

Беларуси (Лемница, Засвирь, Черная Луза), где датированные второй – третьей четвертью V в. [33, рис. 3.52: а 3, б 3].

В северо-западных регионах России исследователи относят появление данных пряжек к середине – второй половине V в. н.э. [4, с. 63]. Е.Р. Михайлова считает, что для Восточной Европы время бытования пряжек следует расширить с конца IV в. до второй половины VI–VII в. [34, с. 530].

Шпоры с коротким пирамидальным или коническим шипом и загнутыми наружу крючками (Зароново, Жуково, Замошье, Городок). Дуга изготавливалась из граненого дрота и была несколько расширена в центральной части, шип изнутри заклепан (рис. 6: 16, 17). М.М. Казанский считает, что шпоры данного типа попали в лесную полосу Беларуси и России с группами мигрирующего постзарубинецкого населения и принадлежат римскому времени – период С3 (вторая треть IV в. н.э.) [35, с. 265]. Шпоры с небольшим коническим шипом (тип V) в лесной полосе Восточной Европы датируют второй–третьей четвертью I тысячелетия н.э. [36, с. 122].

Из вещей бытового назначения к хронологическим индикаторам отнесены *долотовидные кресала*. В Центральной и Северной Европе они датируются периодами С3–D1, частично D2, (вторая треть IV – первая половина V в. [37, с. 74]. В Восточной Европе в поздне-римский период долотовидные кресала встречены на памятниках черняховской и киевской культур [38, с. 86], хорошо известны в Поднепровье на памятниках пражской культуры [39, с. 331, мал. 102: 3, 4].

Краткий обзор предметов импорта и их местных подражаний представлен в основном артефактами,

датируемыми первой половиной – серединой I тыс. н.э., т.е. временем, когда местное балтское население испытывало довольно сильное влияние со стороны постоянно проникающего на его территорию разнотничного населения. В результате симбиоза в Витебском Подвинье сложилась своеобразная материальная культура, которая впитала в себя как местные традиции, так и новации.

В конце VIII века, по мнению ряда ученых, на смену тушемлинско-банцеровской общности приходит новое население, оставившее после себя полоцко-смоленские длинные курганы. Материальная культура племен кардинально отличается от древностей третьей четверти I тысячелетия. Новое население принято связывать с ранними кривичами.

В отличие от Смоленского Поднепровья, где ученые отмечают насильственную смену населения на рубеже VIII–IX вв., на исследованных поселениях в Витебском Подвинье подобной картины мы не наблюдаем (Старое Село, Городок). Между культурой длинных курганов VI–VIII вв. и погребальными памятниками IX–XI в., которые признаны славянскими, прослеживается преемственность в погребальной обрядности, к тому же они сосуществуют в одних могильниках. Все вышеизложенное указывает на то, что подоснову кривичей следует искать в местных культурах третьей четверти I тыс. н.э. Г.В. Штыхов на примере курганных могильников возле д. Дорохи в окрестностях озера Сенница выделил три стадии развития культуры длинных курганов: третья четверть I тыс. н.э., четвертая четверть и XI–XII веками [12, с. 105]. Доживая до XI–XII вв. культура входит составной частью в культуру Древней Руси.

Заключение. Таким образом, материалы, полученные в последние годы в процессе изучения поселений Витебского Подвинья, в той или иной мере отражают миграционные процессы, протекавшие в северо-восточной Беларуси в первой половине – середине I тыс. н.э., направление и характер взаимодействия различных этносов на разных этапах их колонизации. В этот период автохтонное население Витебского Подвинья испытало довольно сильное влияние со стороны постоянно проникающих на его территорию пришлых групп штриховиков, финно-угорского и праславянского населения. В результате нескольких волн праславянской колонизации региона здесь во второй половине первого тысячелетия н.э. сформировался полиэтнический состав населения с преобладанием славянского компонента.

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма 13.1 «История и культура», задание «Население Витебского Подвинья в I – начале II тыс. н.э.»

Литература

1. Шадыро, В.И. О финно-угорском субстрате на севере Белоруссии (гидронимия и археология) / В.И. Шадыро, Р.И. Овчинникова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. – Псков, 1992. – С. 60–63.
2. Левко, О.Н. Археологический комплекс Кордон на пути «из варяг в греки»: исследования 2015–2018 гг. / О.Н. Левко // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – С. 319–375.
3. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1966. – Д. № 257. – 74 с., илл.
4. Бубенько, Т.С. Археологический комплекс в деревне Старое Село Витебского района Витебской области: предварительные итоги и перспективы изучения / Т.С. Бубенько, П.Н. Подгурский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – (Славянские древности Беларуси). – С. 298–319.
5. Ляўданскі, А.М. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. / А.М. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. – Менск, 1936. – Кніга 5. – С. 211–223.
6. Левко, О.Н. Археологическое исследование селища у оз. Луговое на территории г. п. Городок Витебской обл. / О.Н. Левко // МАБ. – 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (к 80-летию Л.Д. Поболя). – С. 164–181.
7. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев // Археология славян и их соседей / РСМ. – Вып. 8. – М.: Ин-т археологии РАН, 2007. – 251 с.
8. Клименко, В.В. Изменение климата на западе европейской части России в позднем голоцене / В.В. Клименко, В.А. Клеманов [и др.] // Доклады Российской Академии наук. – М., 2001. – Т. 376. – № 5. – С. 679–683.
9. Бубенько, Т.С. Селище археологического комплекса у деревни Зароново Витебского района Витебской области. Исследование 2018 г. / Т.С. Бубенько // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – (Славянские древности Беларуси). – С. 272–298.
10. Штыхаў, Г.В. Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска / Г.В. Штыхаў // МАБ. – 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (к 80-летию Л.Д. Поболя). – С. 258–277.
11. Спегальский, Ю.П. Жилища северо-западной Руси IX–XIII вв. / Ю.П. Спегальский. – Л., 1972. – 275 с.
12. Штыхаў, Г.В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
13. Дубынин, А.Ф. Троицкое городище / А.Ф. Дубынин // Древнее поселение в Подмоскowie. – М.: Наука, 1970. – С. 5–98.
14. Дробушевский, А.И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья / А.И. Дробушевский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларуси). – С. 38–135.
15. Пилипцевич, В.В. К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье / В.В. Пилипцевич // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: материалы Междунар. науч. конф. – Гомель, 2004. – С. 134–143.
16. Амброз, А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / А.К. Амброз // САИ. – М.: Наука, 1966. – Вып. Д1-30. – 139 с.
17. Штыхов, Г.В. Лукомль: археологический комплекс железного века и средневековья / Г.В. Штыхов. – Минск: Беларус. навука, 2014. – 168 с.
18. Харитонович, З.А. Находки изделий с выемчатыми эмальями на территории Беларуси / З.А. Харитонович // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларуси). – С. 175–197.
19. Пობоль, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л.Д. Пობоль. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с.: илл.
20. Шмидехельм, М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии / М.Х. Шмидехельм. – Таллин: Эстонское государственное издательство, 1955. – 289 с.
21. Смирнов, К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) / К.А. Смирнов // Дьяковская культура. – М.: Наука, 1974. – С. 7–89.
22. Каргапольцев, С.Ю. К вопросу об эволюции трехрогих пельовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) / С.Ю. Каргапольцев, И.А. Бажан // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – Вып. 7. – С. 113–121.

23. Михайлова, Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е.Р. Михайлова // Петербургский апокриф. Послание от Марка / ред. О.В. Шаров; Stratum Библиотека. – Кишинев: Высш. антрополог. школа, 2011. – С. 527–555.
24. Подгурский, П.Н. Археологические раскопки в Новом Селе (предварительные результаты) / П.Н. Подгурский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – (Славянские древности Беларуси). – С. 264–271.
25. Stawiarska, T. Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski Połnocnej w okresie wpływów rzymskich / T. Stawiarska. – Wrocław: Ossolineum, 1987. – 147 s.
26. Tempelmann-Maczyńska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum; Römisch-germanische kommission des Deutschen archäologischen instituts zu Frankfurt am Main / M. Tempelmann-Maczyńska // – Mainz am Rhein : Verlag Philipp von Zabern, 1985. – Bd. 43: Römisch-Germanische Forschungen. – 420 s.
27. Гопкало, О.В. Бусы и подвески черняховской культуры / О.В. Гопкало. – Киев, 2008. – 252 с.
28. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 207 с.
29. Седов, В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование / В.В. Седов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 320 с.
30. Медведев, А.М. Посоховидные булавки / А.М. Медведев // ГАЗ. – 1995. – № 7. – С. 172–201.
31. Гороховский, Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины / Е.Л. Гороховский // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. – Т. 4: Секция 1. Древние славяне. – Киев, 1988. – С. 34–46.
32. Кенько, П.М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.) / П.М. Кенько. – Минск, 2012. – 174 с.
33. Медведев, А.М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье / А.М. Медведев. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 350 с.
34. Михайлова, Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е.Р. Михайлова // Петербургский апокриф. Послание от Марка / ред. О.В. Шаров; Stratum Библиотека. – Кишинев: Высш. антрополог. школа, 2011. – С. 527–555.
35. Казанский, М.М. Оружие киевской культуры / М.М. Казанский // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. – СПб.; Псков, 1997. – Т. 1. – С. 262–269.
36. Перхавко, В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В.Б. Перхавко // СА. – 1978. – № 3. – С. 113–126.
37. Shuster, J. Przekłuwacze typu Dresden-Dobritz / Żemiki Wielkie. Uwagi na temat narzędzi z późnego okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów / J. Shuster // Wiadomości Archeologiczne. – Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. – 2011. – T. LXII. – S. 65–82.
38. Магомедов, Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса / Б.В. Магомедов. – Lublin : UMCS, 2001. – 290 с.
39. Вяргей, В.С. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай / В.С. Вяргей // Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – Т. 2: Жалезны век і раннія сярэднявечча / рэд.: В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. – С. 317–347.

Поступила в редакцию 01.04.2021

Развіццё беларускай гістарычнай навукі (1944–1961)

Матораў С.А.

Установа адукацыі

“Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”,
Віцебск

Гістарычная навука на праву займае адно з вядучых месцаў у сістэме гуманітарных ведаў. Аб’ектыўны і непарадузаты аналіз гістарычнага мінулага шмат у чым вызначае парадыгму паслявавага руху грамадства па шляху прагрэсу ў будучыні.

Толькі на пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя беларуская гістарычная навука сфарміравалася ў якасці самастойнай галіны гістарычных ведаў, паколькі вызначыліся аб’ектыўныя асновы яе функцыянавання. У прыватнасці, узнікае нацыянальная гісторыя (гісторыя БССР), а таксама з’явіліся значныя навуковыя даследаванні па розных раздзелах сусветнай гісторыі і гісторыі СССР. Тым не менш эфектыўнасць і якасць навукова-даследчай работы калектываў Інстытута гісторыі АН БССР і гістарычных кафедраў беларускіх ВНУ заставаліся, як і раней, параўнальна невысокімі. Друкуецца значная колькасць навуковых публікацый, але ў асноўнай сваёй масе яны былі звязаны з грамадска-палітычнай тэматыкай, раскрывалі розныя аспекты дзейнасці КПСС і КПБ.

Мэтай дадзенай працы з’яўляецца крытычнае асэнсаванне ролі і месца беларускай гістарычнай навукі ў адзін з самых складаных і неадназначных перыядаў духоўнага жыцця беларускага грамадства – перыяд 40-х–50-х гг. XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. *У якасці крыніц даследавання былі выкарыстаны дакументальныя матэрыялы фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, інструкцыі, пастановы, цыркулярныя лісты органаў кіравання, матэрыялы гістарычных даследаванняў і перыядычнага друку. Метадалагічная аснова даследавання – прынцыпы аб’ектыўнасці і гістарызму. У працы прымяняліся агульнанавуковыя метады аналізу і сінтэзу, індукцыі і дэдукцыі, а таксама спецыяльна-гістарычныя: гісторыка-сістэмны, параўнальна-супастаўляльны, рэтраспектыўны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У другой палове 40-х – пачатку 50-х гадоў рэальная навукова-даследчая праца калектываў Інстытута гісторыі АН БССР і гістарычных кафедраў беларускіх ВНУ, выключаючы адзінкавыя выпадкі, практычна не праводзілася. Гэта было звязана з тым, што, па-першае, працэс аднаўлення вышэйшай школы Беларусі яшчэ канчаткова не завяршыўся, а па-другое, тое, што ідэалагічная машына сталінскага таталітарнага рэжыму цалкам вызначала, якім крытэрыям павінны адпавядаць гуманітарныя веды наогул і гістарычная навука ў прыватнасці. Навукоўцы-гісторыкі не мелі права на ўласны творчы пошук, праявы арыгінальнасці, і тым больш, на крытычнае стаўленне да савецкай рэчаіснасці.*

Да пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя беларуская гістарычная навука канчаткова вылучаецца ў якасці самастойнай галіны гістарычных ведаў, паколькі былі пабудаваны аб’ектыўныя асновы яе функцыянавання. Так, з’явілася нацыянальная гісторыя (гісторыя БССР), а таксама былі праведзены значныя навуковыя даследаванні па розных раздзелах сусветнай гісторыі і гісторыі СССР. Аднак эфектыўнасць і якасць навукова-даследчай працы калектываў Інстытута гісторыі АН БССР і гістарычных кафедраў беларускіх ВНУ былі невысокімі.

Заклучэнне. *Характарызуючы ўзровень развіцця беларускай гістарычнай навукі ў 1944–1961 гг., неабходна канстатаваць наступнае. У другой палове 40-х – пачатку 50-х гадоў XX ст. рэальная навукова-даследчая праца калектываў Інстытута гісторыі АН БССР і гістарычных кафедраў беларускіх ВНУ, выключаючы адзінкавыя выпадкі, практычна не праводзілася.*

З сярэдзіны 50-х гадоў XX стагоддзя становішча стала змяняцца. Навукова-даследчая праца калектываў беларускіх гісторыкаў атрымлівае пэўнае развіццё. Дзякуючы іх намаганням у пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя ў беларускай гістарычнай навуцы канчаткова сфарміравалася ўласная метадалагічная і змястоўная база для правядзення навуковых даследаванняў. Тым не менш іх якасны ўзровень па-ранейшаму заставаўся недастаткова высокім. На гістарычную навуку ўскладалася, па сутнасці, адзіная функцыя – ідэалагічнае забеспячэнне рэалізацыі пастулатаў і рашэнняў партыйна-палітычнай эліты савецкага грамадства.

Ключавыя словы: *гістарычная навука, гістарычныя даследаванні, ідэалагічныя фактары, метадалогія гістарычнай навукі, навукова-даследчая дзейнасць беларускіх гісторыкаў, партыйнае кіраўніцтва гістарычнай навукі.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 22–27)

Development of Belarusian History Science (1944–1961)

Matorau S.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

History science takes one of the leading places in the system of humanitarian knowledge. An objective and unbiased analysis of the historical past indicates the paradigm of the successful movement of the society along the way of progress.

Only in the early 60s of the 20th century Belarusian history science shaped itself as an independent branch of historical knowledge due to the establishment of objective bases for it. Namely, national history emerges (history of the BSSR), considerable research of different sections of world history and history of the USSR also appeared. At the same time, the efficiency and quality of the scientific research work of the Institute of History of the BSSR Academy of Sciences and History Departments of Belarusian universities remained, as before, rather low. A great number of scientific works were published but they mainly referred social and political topics, revealed various aspects of the Communist party of the USSR and the Communist Party of Belarus activities.

The purpose of the work is critical interpretation of the role and the place of Belarusian history science during one of the most difficult periods of Belarusian society spiritual life, the 1940s – 1950s of the 20th century

Material and methods. *As the research sources documental materials from funds of the National Archive of the Republic of Belarus, guidelines, decrees by administration bodies, historic research materials and periodicals were used. The research methodological basis was principles of objectivity and historicism. General scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction as well as special historical methods, the historical and system, comparative, retrospective methods were used.*

Findings and their discussion. *In the late 40s – early 50s, except several cases, there wasn't any real research by Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR or by university History Departments. It was due to the fact that, first of all, the process of Belarusian higher school revival had not finished, and, secondly, that Stalin's totalitarian regime ideological vehicle determined all the criteria for humanitarian sciences in general and history science in particular. History scientists did not have the right for their own creative search, specificity, to say nothing about critical attitude to Soviet reality.*

By the early 1960s Belarusian history science had finally shaped itself as an independent branch of historical knowledge since objective bases for it were built. Namely, the national history (History of the BSSR) emerged; considerable researches were conducted as well on various sections of World History and History of the USSR. However, the efficiency and quality of the scientific research by Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR and History Departments at universities remained low.

Conclusion. *To characterize the level of the development of Belarusian history science in 1944–1961, it is necessary to state the following. In the late 40s – early 50s of the 20th century the real scientific research work by Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR and university History Departments, but for several cases, was not conducted.*

Since the mid - 1950s the situation changed. The scientific research by Belarusian history scientists significantly developed. Due to their efforts the independent methodological and content research base finally shaped itself in the early 1960s in Belarusian history science. At the same time, its quality still remained rather low. In reality, history science was given one function, the function of ideological provision for the implementation of the Soviet state Party elite decisions.

Key words: *history science, historic research, ideological factors, methodology of history science, scientific research by Belarusian history scientists, Party management of history science.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 22–27)

Гістарычная навука па праву займае адно з вядучых месцаў у сістэме гуманітарных ведаў. Аб'ектыўны і непрадзяты аналіз гістарычнага мінулага шмат у чым вызначае парадыгму паспяховага руху грамадства па шляху прагрэсу ў будучыні. Да пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя беларуская гістарычная навука канчаткова сфарміравалася ў якасці самастойнай галіны гістарычных ведаў, паколькі вызначыліся аб'ектыўныя асновы яе функцыянавання. У прыватнасці, узнікае нацыянальная гісторыя (гісторыя БССР), а таксама з'явіліся значныя навуковыя даследаванні па розных раздзелах сусветнай гісторыі і гісторыі СССР. Тым не менш эфектыўнасць і якасць навукова-даследчай работы калектываў Інстытута гісторыі АН БССР і гістарычных кафедраў беларускіх ВУН заставаліся, як і раней, параўнальна невысокімі. Друкуецца значная колькасць навуковых публіка-

цый, але ў асноўнай сваёй масе яны былі звязаны з грамадска-палітычнай тэматыкай, раскрывалі розныя аспекты дзейнасці КПСС і КПБ. Падобная ідэалагічная заангажаванасць дэвальвавала само паняцце прадмета навуковага даследавання ў сферы гісторыі і прадвызначала ў будучыні тэндэнцыю атрымання толькі такіх вынікаў навукова-даследчай дзейнасці, якія цалкам адпавядалі афіцыйнай ідэалогіі, што абслугоўвала дзяржаўна-палітычную сістэму.

Мэтай дадзенай працы з'яўляецца крытычнае асэнсаванне ролі і месца беларускай гістарычнай навукі ў адзін з самых складаных і неадназначных перыядаў духоўнага жыцця беларускага грамадства – перыяд 40–50-х гг. XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. У якасці крыніц даследавання былі выкарыстаны дакументальныя матэрыялы фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь,

інструкцыі, пастановы, цыркулярныя лісты органаў кіравання, матэрыялы гістарычных даследаванняў і перыядычнага друку.

Метадалагічная аснова даследавання – прынцыпы аб’ектыўнасці і гістарызму. У працы прымяняліся агульнанавуковыя метады аналізу і сінтэзу, індукцыі і дэдукцыі, а таксама спецыяльна-гістарычныя: гісторыка-сістэмны, параўнальна-супастаўляльны, рэтра-спектыўны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Змест і якасць навукова-даследчай працы беларускіх гісторыкаў вызначаліся ўплывам ідэалагічнага фактару. Ідэалогія сталінізму, якая непадзельна панавала ў савецкім грамадстве ў 40-я і на пачатку 50-х гадоў XX ст., непрымірыма ставілася да самастойнасці навукоўцаў, да іх творчых пошукаў, праяў арыгінальнасці і тым больш, да элементаў крытычнага стаўлення да савецкай рэчаіснасці. Сталінскі рэжым манапалізаваў права па сваім меркаванні накіроўваць творчасць навуковай інтэлігенцыі, свядома ўкараняў у яе асяроддзі казарменную аднастайнасць, канфармізм, прыстасаванства і, у канчатковым выніку, шэрасць і пасрэднасць. Усё гэта вяло не да росквіту навуцы, як сцвярджала афіцыйная прапаганда, але, наадварот, спрыяла яе дэградацыі. У адносінах да гуманітарных навук ідэалагічны апарат увогуле ўсклаў на сябе функцыю да драбнючкіх дэталей вызначаць не толькі што, але і якім чынам вывучаць. Так, у апублікаваных у 1948 годзе «Тезісах аб асноўных пытаннях гісторыі БССР» (частка 1) галоўнымі задачамі беларускай гістарычнай навуцы было прапанавана лічыць абвяржэнне тэорыі існавання так званага “залатога стагоддзя” (перыяду найвышэйшага сацыяльна-эканамічнага, палітычнага, культурнага росквіту) Беларусі ў XIV–XVI стагоддзях і тэзіса аб тым, што «...будто бы свет культуры в Белоруссию всегда шёл не с востока, не из России, а только с запада, ...через литовское и польское государства, через римско-католическую церковь». Беларускіх гісторыкаў адкрыта абвінавачвалі ў тым, што гэтыя погляды яны запазычылі ад «...белорусских и польских националистов, которые всегда идеализировали патриархальную и феодальную Белоруссию, вопили о “бесклассовости” белорусского народа и самобытности путей его развития, выдвигали лозунг возрождения “Кривской державы”, коей в действительности не было в истории». Жорсткай крытыцы былі падвергнуты атрымаўшыя распаўсюджанне ў беларускай гістарычнай навуцы погляды і меркаванні па прыватных праблемах беларускай гісторыі: *па-першае*, што развіццё ў IX–X стагоддзях славянскіх плямёнаў, якія рассяліліся на тэрыторыі Беларусі, адбывалася ізалювана ў адрыве ад іншых усходніх славян; *па-другое*, што Польская дзяржава з’яўлялася дзяржавай і беларускага народа; *па-трэцяе*, што Беларусь нібыта прыйшла ў заняпад пасля ўваходжання ў склад Расіі ў канцы XVIII стагоддзя; *па-чацвёртае*, што з канца XIX стагоддзя беларускі народ быццам бы актыўна змагаўся не за знішчэнне сацыяльнага і нацыянальнага

прыгнёту з боку царызму, памешчыкаў і капіталістаў, а за “адраджэнне Крыўскай дзяржавы”. Перад беларускімі гісторыкамі таксама была пастаўлена задача аб поўнай адмове ад меркавання, што княствы Заходняй Русі нібыта добраахвотна аб’ядналіся з літоўскай дзяржавай у рамках Вялікага Княства Літоўскага ў XIII–XIV стагоддзях, паколькі Літва выступіла іх надзейным абаронцам ад мангола-татарскага нашествя. Аднак, не магло быць і гаворкі пра тое, што беларускі народ нібыта карыстаўся нейкай “шырокай аўтаноміяй” ў Вялікім Княстве Літоўскім. Беларускім гісторыкам прапаноўвалася асабліваю ўвагу звярнуць на праблему “правільнай”, “аб’ектыўнай” трактоўкі шляхоў развіцця беларускай матэрыяльнай і духоўнай культуры ў XIV–XVII стагоддзях, на ролю канкрэтных дзяржаўных, палітычных, ваенных, культурных дзеячаў у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў гэты перыяд часу. У прыватнасці, рэкамендавалася цалкам выключыць з гістарычнай літаратуры сцвярджэнні, што стварэнне Віленскай акадэміі езуітаў, заснаванай Стэфанам Баторыем і Рымскім Папам, паклала пачатак вышэйшай адукацыі ў Беларусі; што Канстанцін Астрожскі быў славутым сынам беларускага народа, а не рэакцыянерам, «...который известен только тем, что всякими вероломными средствами вёл борьбу против Московского государства в союзе с татарами и ливонцами». Дзейнасць жа Мяцця Смятыцкага прапаноўвалася характарызаваць не ў плане яго значнага ўкладу ў развіццё духоўнай культуры і асветы беларускага народа ў XVII стагоддзі, а ў якасці яго дзеянняў як «наёмного иезуитского агента». Такія «извращения националистического порядка», якія рабілі беларускія гісторыкі ў асвятленні беларускай гісторыі, на думку ідэалагічнага апарата сталінскага рэжыму, былі абумоўлены адсутнасцю неабходнага “класавага падыходу” да ацэнкі падзей мінулага [1].

Падобныя метадалагічныя ўстаноўкі ў галіне гістарычных даследаванняў спрыялі стварэнню абмежаваных рамак навуковага пошуку, адыход ад якіх пагражаў найцяжкім абвінавачваннем у “нацыяналізме”. Таму прадстаўнікі беларускай гістарычнай навуцы павінны былі прытрымлівацца канфармісцкай пазіцыі і адыходзіць ад прынцыпу бесстароннасці, аб’ектыўнасці ў асвятленні падзей мінулага. Ва ўмовах навязанага талітарным рэжымам падменай тлумачэння паняццяў “нацыянальная” і “нацыяналістычнае”, няслушнага разумення і змешвання пачуцця нацыянальнай самасвядомасці з сапраўднымі правамі нацыяналістычных поглядаў і тэорый, што было прамым працягам палітыкі 30-х гадоў XX ст., пастаноўка пытанняў аб неабходнасці вывучэнні праблем нацыянальнай гісторыі, нацыянальнай культуры, мовы ацэньвалася як праява нацыяналізму.

На пачатку 50-х гадоў XX ст. ідэалагічны апарат партыйных органаў вызначыў галоўны кірунак навукова-даследчай дзейнасці беларускіх гісторыкаў – падрыхтоўка і выданне ў самыя кароткія тэрміны комплекснай, фундаментальнай працы па беларускай

гісторыі ў двух тамах. Прычым выкарыстоўваць гэтае выданне меркавалася і ў якасці асноўнага навучальнага дапаможніка для студэнтаў беларускіх ВНУ па ўсёй праблематыцы беларускай гісторыі. У склад яго аўтарскага калектыву ўвайшлі вядомыя беларускія гісторыкі, якія працавалі ў Інстытуце гісторыі АН БССР (В.М. Перцаў, Н.М. Нікольскі), Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КПБ (М.Е. Шкляр), выкладчыкі ВНУ (Л.С. Абэцэдарскі, А.П. Скуман – Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; А.П. П’яноў – Мінскі педінстытут і інш.), і партыйныя работнікі з апарата ЦК КПБ, якія працавалі ў ідэалагічнай сферы (К.І. Шабуня). Выхаду першага тома “Гісторыя БССР” ў 1954 годзе папярэднічала правядзенне некалькіх спецыяльных навуковых канферэнцый і дыскусій, у якіх прынялі ўдзел не толькі беларускія, але і шэраг вядомых гісторыкаў з Масквы, Украіны, Латвіі і Літвы [2]. Нягледзячы на тое, што структура першага тома “Гісторыя БССР”, які асвятляў праблемы беларускай гісторыі з старажытных часоў па 1917 год, адбор і падача матэрыялу, высновы і ацэнкі аўтараў вызначаліся ў значнай меры з пазіцый сталінскай гістарычнай метадалогіі. Тым не менш гэта выданне і ў навуковым плане, і ў якасці навучальнага дапаможніка мела шэраг бясспрэчных вартасцяў. Самым галоўным з іх было імкненне аўтараў прытрымлівацца прынцыпу гістарызму ў выкладзе беларускай гісторыі. Палеміка, што разгарнулася ўнутры аўтарскага калектыву па інтэрпрэтацыі гістарычнага матэрыялу, які быў змешчаны ў першым томе “Гісторыя БССР”, лепш за ўсё ілюструе атмасферу ў духоўным жыцці, у ідэалагічнай сферы нашага грамадства пачатку 50-х гадоў XX ст. Так, дырэктар Інстытута гісторыі АН БССР Н.М. Нікольскі, які з’яўляўся рэдактарам першага тома “Гісторыі БССР”, адкрыта абвінаваціў членаў рэдкалегіі Л.С. Абэцэдарскага, В.М. Перцава, К.І. Шабуню не больш і не менш, як у “адкрытай” рэвізіі марксісцка-ленінска-сталінскай гістарычнай метадалогіі. У прыватнасці, ён асабліва акцэнтаваў увагу на тым, што любая трактоўка беларускай гісторыі павінна грунтавацца «... прежде всего на подлинных высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а не на указаниях, хотя бы и руководящих различных правительственных органов и их вспомогательных учреждений, в данном случае имеющих 15-летнюю давность. Это само собой разумеющееся простое положение многими товарищами из коллективов АН БССР и, особенно, БГУ следовало помнить теперь, после известных весьма показательных фактов 1949 и 1950 годов». Сваіх навуковых апанентаў Н.М. Нікольскі адкрыта залічыў у шэрагі прыхільнікаў «антимарксісцкага, антынаучнага, вреднейшего “нового учения о языке Марра”, “учения”, которое в течение двух десятилетий отравляло своим ядом советскую науку, включая и историческую». Не саромеючыся ў выразах і цалкам скажаючы бясспрэчныя гістарычныя факты па праблемах перыядызацыі старажытнай беларускай гісторыі, прагрэсіўнага характару прыняцця праваслаўнага хрысціянства на

беларускіх землях, ролі праваслаўя ў наступнай беларускай гісторыі акадэмік Н.М. Нікольскі называў, у прыватнасці, погляды Л.С. Абэцэдарскага па гэтых пытаннях ныйначай, як «буржуазно-богословскими», «издевательством над учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о сущности и роли религии». Сваю ж пазіцыю Н.М. Нікольскі імкнуўся абгрунтаваць сцвярджэннямі, якія не адпавядалі прынцыпам сапраўды гістарычнай метадалогіі, але ў той жа час добра ўпісваліся ў схему існаваўшых тады гістарычных канструкцый. Так, разважаючы пра ролі праваслаўнага хрысціянства ў беларускай гісторыі, ён настойваў, што ў Беларусі у XVI–XVII стагоддзях існавала «особенно зверская эксплуатация крестьян православными феодалами» і, што, наогул, казаць аб прагрэсіўным характары хрысціянства, у тым ліку і праваслаўнага, это – «... всё равно, что, например, утверждать будто бы философия Канта или какая-либо другая идеалистическая философия XVIII–XIX веков была “прогрессивнее” философии Платона – ибо эти философии были одинаково идеалистическими и, следовательно, антинаучными и реакционными» [3].

У канцы 40-х – пачатку 50-х гадоў пытанні арганізацыі і правядзення навукова-даследчай работы ў сферы гуманітарных навук пастаянна разглядаліся партыйнымі органамі Беларусі на самым высокім узроўні. Так, у 1949 годзе была праведзена шырокамасштабная праверка навуковай дзейнасці педагагічных інстытутаў з абмеркаваннем яе вынікаў на ўзроўні аддзелаў ЦК КПБ. У лютым 1951 года ЦК КПБ прыняў пастанову “Аб рабоце МДП ім. А.М. Горкага”, а ў чэрвені 1952 года – “Аб рабоце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта”. У іх асабліва акцэнтавалася ўвага на недахопах, характэрных для навукова-даследчай дзейнасці кафедраў грамадскіх, гуманітарных і гістарычных навук Мінскага дзяржаўнага педінстытута і Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: слабы ўдзел асноўнай масы выкладчыкаў кафедраў у навуковай рабоце; невыкананне з году ў год многіх тэм навуковых даследаванняў; адсутнасць належнага кантролю за зместам навукова-даследчай дзейнасці выкладчыкаў [4]. Такі дырэктыўны стыль кіраўніцтва навукова-даследчай дзейнасцю ў сферы гуманітарных навук меў сваім вынікам з’яўленне велізарнай колькасці псеўданавуковых работ. Іх адзінай мэтай была безумоўная апалагетыка сталінскага рэжыму, яго ўнутранай і знешняй палітыкі. З 1953 года, у сувязі са значнымі зменамі, якія адбываліся ў ідэалагічным, духоўным жыцці савецкага грамадства, шмат у чым сталі іншымі формы і змест навукова-даследчай дзейнасці беларускіх гісторыкаў. У яе аснове з’явіліся элементы творчасці, вольнага навуковага пошуку і імкненне прытрымлівацца крытэрыяў аб’ектыўнасці ў працэсе даследавання. Але ў той жа час ідэалагічны апарат партыйных органаў Беларусі па-ранейшаму вызначаў прыярытэты ў галіне гістарычных навуковых даследаванняў, жорстка рэгламентаваў і кантраляваў іх ход шляхам увядзення новых дадатковых працэдур бюракрытнага характару.

Усе недахопы навукова-даследчай дзейнасці беларускіх гісторыкаў (выпадковы выбар, дубляванне тэм даследаванняў і кандыдацкіх дысертацый, планаванне для выканання ўжо распрацаваных тэм) сталі звязвацца толькі з адсутнасцю належнай ступені яе каардынацыі. Таму, у маі 1954 года, у сакавіку 1957 і чэрвені 1960 гадоў былі праведзены ўсебеларускія каардынацыйныя нарады гісторыкаў, у якіх прынялі ўдзел навуковыя супрацоўнікі інстытутаў гісторыі АН БССР і гісторыі партыі пры ЦК КПБ, загадчыкі кафедраў гісторыі КПСС і гістарычных кафедраў розных беларускіх ВНУ. Аднак правядзенне ў наступным рэгулярных каардынацыйных нарад беларускіх гісторыкаў і стварэнне каардынацыйных саветаў па арганізацыі і правядзенні навуковых даследаванняў у структурах інстытута гісторыі АН БССР, гісторыі партыі пры ЦК КПБ не аказалі значнага станоўчага ўздзеяння на паляпшэнне якасці навукова-даследчай дзейнасці беларускіх гісторыкаў у 50-я – пачатку 60-х гадоў XX ст. У само паняцце “каардынацыя” ўкладваўся іншы сэнс, сутнасць якога заключалася ў дазволе займацца навукова-даследчай дзейнасцю па вызначанай праблематыцы, а не ў стварэнні аптымальных умоў для свабоднага і творчага навуковага пошуку. У 50-я гады XX ст. сярод усіх беларускіх ВНУ вядучыя пазіцыі ў арганізацыі і правядзенні навукова-даследчай дзейнасці займалі калектывы кафедраў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Да пачатку 60-х гадоў XX ст. імі было выдадзена вялікая колькасць індывідуальных і калектывных манаграфій, навучальных дапаможнікаў, навуковых артыкулаў па рознай праблематыцы гісторыі СССР і БССР, сусветнай гісторыі, археалогіі і дапаможных гістарычных дысцыплін. Шмат у чым дзякуючы выхадзе гэтых навуковых даследаванняў такія галіны гістарычнай навукі ў Беларусі, як айчынная гісторыя (гісторыя БССР), гісторыя старажытнага свету, гісторыя новага і найноўшага часу, археалогія, завяршылі перыяд свайго станаўлення і атрымалі перадумовы для свайго наступнага развіцця. Так, на кафедрах гісторыі СССР і БССР, цалкам укамплектаваных выкладчыкамі, якія закончылі БДУ і аспірантуру пры кафедрах гістарычнага факультэта БДУ, глыбока вывучаліся праблемы гісторыі Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі; сацыялістычнага будаўніцтва ў БССР; сацыяльна-класавай і нацыянальна-вызваленчай барацьбы насельніцтва Заходняй Беларусі ў 1918–1939 гг.; аграрнай рэформы 1861 года і звязанага з ёй развіццём рэвалюцыйна-дэмакратычнага руху ў Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя; гісторыі беларускіх феадальных гарадоў; руска-беларускіх гандлёвых і культурных сувязей XVI–XVII стагоддзяў; барацьбы беларускага народа за аб’яднанне з Расіяй у другой палове XVII стагоддзя. Выкладчыкі кафедраў гісторыі СССР і БССР правялі значную работу па падрыхтоўцы школьных і ўніверсітэцкіх праграм па гісторыі БССР як самастойнай гістарычнай дысцыпліны, якая вывучаецца ў сярэдняй школе і ВНУ. Імі таксама было апублікавана вялікая

колькасць метадычных дапаможнікаў для настаўнікаў і вучняў сярэдняй школы па беларускай гісторыі. У 1960 годзе Л.С. Абэцэдарскі, М.П. Баранава, Н.Г. Паўлава выдалі першы ў рэспубліцы вучэбны дапаможнік для сярэдняй школы па нацыянальнай гісторыі Беларусі – “Гісторыя БССР” [5]. Калектывы кафедры гісторыі новага і найноўшага часу гістфаку БДУ засяродзіў сваю навуковую дзейнасць на вывучэнні праблем гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі асобных еўрапейскіх краін у другой палове XIX – першай чвэрці XX стагоддзя. На кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў вядучым напрамкам навуковай дзейнасці з’яўлялася распрацоўка шэрагу важных пытанняў канцэптуальнага характару, звязаных з гісторыяй раннерабатэлацыйных дзяржаў Старажытнага Усходу і антычнага свету. Так, у 1959 годзе, былі выдадзеныя дзве манаграфіі Г.М. Ліўшыца: «Класовая барацьба в Иудеи и восстания против Рима» і «Кумранские рукописи и их историческое значение». У 1960 годзе была апублікаваная яшчэ адна яго манаграфія «Социально-политическая борьба в Риме в 60-е годы I века до н.э. и заговор Катины» [6].

У той жа час аналіз навуковай дзейнасці калектываў кафедраў гістарычнага факультэта БДУ паказаў, што яна шмат у чым, як і ў 40-я – пачатку 50-х гадоў, вызначалася не ўласна навуковымі, а палітычна-казнімі, ідэалагічнымі меркаваннямі. Так, сярод усіх гістарычных кафедраў БДУ вядучай лічылася навукова-даследчая дзейнасць кафедры гісторыі КПСС. Выкладчыкі кафедры, якія прынялі ўдзел у калектывнай, “комплекснай” распрацоўцы трох тэм навукова-даследчай працы: «Деятельность КПБ по осуществлению в БССР комплексного плана построения социализма», «Героическая борьба трудящихся Западной Белоруссии за своё социальное и национальное освобождение», «История комсомола Белоруссии в период зарубежной интервенции и гражданской войны», былі вызвалены ад правядзення вучэбных заняткаў на 3–4 месяцы і працавалі толькі над гэтымі планавымі тэмамі [7]. Яшчэ ў больш гіпертрафаваным выглядзе падобны падыход да арганізацыі навукова-даследчай работы калектываў гістарычных кафедраў ажыццяўляўся ў рэгіянальных ВНУ. Асноўнай задачай, якая была пастаўлена перад імі ў галіне навуковых даследаванняў, з’яўлялася не столькі вывучэнне розных гістарычных праблем з выкарыстаннем мясцовага матэрыялу, колькі апісанне сацыяльна-палітычнай сітуацыі, якая існавала ў іх рэгіёне ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзяў і якая пазначалася ідэалагічным штампам “рэвалюцыйны рух”; ходу рэвалюцыйных падзей у 1917 годзе і ўсталявання Савецкай улады на месцах; апалагетыка поспехаў у сацыяльна-эканамічным развіцці, дасягнутых за гады Савецкай улады. Так, кафедры гісторыі КПСС і гісторыі СССР Магілёўскага педагагічнага інстытута з прыцягненнем выкладчыкаў іншых кафедраў павінны былі распрацоўваць “комплексную” калектывную

тэму па гісторыі г. Магілёва за гады Савецкай улады. Акрамя гэтага, супрацоўнікі кафедры гісторыі СССР Магілёўскага педінстытута працавалі над праблемамі сялянскага руху ў Беларусі пасля адмены прыгоннага права і калгаснага будаўніцтва ў 1917–1936 гг. Падобным чынам праводзілася навукова-даследчая праца на кафедрах гісторыі КПСС і гісторыі СССР Гродзенскага і Гомельскага педагагічных інстытутаў па вывучэнні гісторыі г. Гродна і Гродзенскай вобласці, г. Гомеля і Гомельскай вобласці [8]. Такі падыход да арганізацыі і правядзення навукова-даследчай работы калектывамі гістарычных кафедраў ствараў ілюзію вонкавага яе дабрабыту і дасягнутых поспехаў. Да пачатку 60-х гадоў былі выдадзеныя дзясяткі манаграфій і брашур, апублікаваныя сотні даследчых артыкулаў, якія па фармальных прыкметах варта лічыць даследаваннямі ў галіне гістарычнай навукі. Аднак навуковая каштоўнасць абсалютнай большасці з іх была нізкая, паколькі яны былі напісаныя па гісторыка-партыйнай тэматыцы і ахоплівалі да таго ж вельмі вузкі, з пункту гледжання навуковай гістарычнай метадалогіі, храналагічны адрэзак часу – з канца XIX стагоддзя па 50-я гады XX стагоддзя. Нізкая навуковая каштоўнасць навуковых прац па гісторыка-партыйнай тэматыцы была абумоўленая тым, што, па-першае, існаваў пастаянны, ідэалагічны заказ з боку партыйных органаў на падобную навуковую прадукцыю, а, па-другое, што ўсе яны грунтаваліся на такіх архіўных матэрыялах і іншых відах гістарычных крыніц, ступень навуковай дакладнасці якіх была вельмі ўмоўнай.

Характэрнай рысай навукова-даследчай дзейнасці калектываў гістарычных кафедраў беларускіх ВНУ ў пачатку 60-х гадоў XX ст. з’яўлялася і тая акалічнасць, што напісанне выкладчыкамі кафедраў дысертацый лічылася галоўным крытэрыем эфектыўнасці навуковай працы ўсяго кафедральнага калектыву.

Заклучэнне. Характарызуючы ўзровень развіцця беларускай гістарычнай навукі ў 1944–1961 гг., неабходна канстатаваць наступнае. У другой палове 40-х – пачатку 50-х гадоў XX ст. рэальная навукова-даследчая праца калектываў Інстытута гісторыі АН БССР і гістарычных кафедраў беларускіх ВНУ, выключаючы адзінкавыя выпадкі, практычна не праводзілася. Гэта было звязана з тым, што, *па-першае*, працэс

аднаўлення вышэйшай школы Беларусі яшчэ канчаткова не завяршыўся, а *па-другое*, тое, што ідэалагічная машына сталінскага таталітарнага рэжыму цалкам вызначала і кантралявала тыя крытэрыі, якім павінны адпавядаць гуманітарныя веды ўвогуле і гістарычная навука ў прыватнасці. Тым самым навукова-даследчая дзейнасць у галіне гістарычнай навукі была пазбаўленая самага галоўнага – свабоды творчасці. З сярэдзіны 50-х гадоў XX стагоддзя становішча стала змяняцца. Навукова-даследчая праца калектываў беларускіх гісторыкаў атрымлівае пэўнае развіццё. Дзякуючы іх намаганням у пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя ў беларускай гістарычнай навукі канчаткова сфарміравалася ўласная метадалагічная і змястоўная база для правядзення навуковых даследаванняў. Тым не менш іх якасны ўзровень па-ранейшаму заставаўся недастаткова высокім. Асноўная прычына такога становішча мела штучны характар і была абумоўлена рэаліямі сацыяльна-палітычнага становішча і духоўна-маральнай, ідэалагічнай атмасферы савецкага грамадства пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя. На гістарычную навуку ўскладалася, па сутнасці, адзіная функцыя – ідэалагічнае забеспячэнне рэалізацыі пастулатаў і рашэнняў партыйна-палітычнай эліты савецкага грамадства.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ) – Ф. 4. Оп. 73. Д. 53. Л. 12, 136; Д. 146. Л. 246, 249–250.
2. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 73. д. 8. Л. 24–25; Д. 76. Л. 21.
3. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 73. Д. 32. Л. 5, 22; Д. 53. Л. 156, 159, 161, 163–164. 4.
4. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 4. Д. 348. Л. 73–74; Ф. 205. Оп. 5. Д. 347. Л. 85–86.
5. Храпко, Л.П. Развитие исторической науки в БССР (1945 г.г. – конец 50-х годов): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.П. Храпко. – Минск, 1989. – С. 33–34.
6. Савачкін, П.З. Развіццё навукі на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / П.З. Савачкін // Вестн. Белорус. гос. ун-та имени В.И. Ленина. Сер. III. История. Философия. Экономика. Право. – 1969. – № 1. – С. 29.
7. НАРБ. – Ф. 205. Оп. 6. Д. 157. Л. 6.
8. Достижения исторической науки за 50 лет (1919–1969 гг.). Краткий очерк. – Минск: Наука и техника, 1970. – С. 68–69.

Паступіў у рэдакцыю 02.03.2021

Постсоветское пространство во внешней политике США в 1990-е гг. (на примере Стратегий национальной безопасности)

Мацулевич Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В результате победы в Холодной войне США в 1990-е гг. оказались на пике своего могущества. На какое-то время канувшая в Лету биполярность сменилась однополярным мироустройством. Вашингтон стал предпринимать усилия по созданию «мира по-американски», насаждая свое видение дальнейшего развития человечества. основополагающими принципами внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов стали расширение демократии и обеспечения международной безопасности в американском понимании развития нового мирового порядка. Это нашло свое отражение в деятельности США на международной арене в последнем десятилетии XX века.

Цель данного исследования – сравнить подходы администраций Дж. Буша-ст. и У. Дж. Клинтона к постсоветскому пространству, получившие отражение в Стратегиях национальной безопасности США.

Материал и методы. *Источниками написания данной статьи послужили Стратегии национальной безопасности, утвержденные в период с 1993 по 2000 г., и отдельные исследования по внешней политике США. В процессе работы были использованы общенаучные и специально-исторические методы исследования, а также метод дискурс-анализа.*

Результаты и их обсуждение. *После распада Советского Союза Белый дом стремился закрепить американское лидерство в постбиполярном мире путем расширения сферы своего влияния в различных регионах планеты, в том числе и на постсоветском пространстве. В 1990-е гг. особое значение для Вашингтона имела его денуклеаризация и проведение в нем демократических реформ. Американцы полагали, что постсоветское пространство должно было быть включено в процессы европейской интеграции. Это полностью соответствовало реализации американских интересов. При этом на стратегические подходы американского руководства к региону влияли внутривнутриполитические процессы развития Америки и текущая обстановка в мире, что находило свое отражение в Стратегиях национальной безопасности США.*

Заключение. *Концептуальным основанием американской внешнеполитической стратегии выступил принцип верховенства национальных интересов США. Центральными приоритетами внешней политики Вашингтона стали распространение демократии и обеспечение стабильности и безопасности в мире на американских условиях. Постсоветское пространство также оказалось в фокусе внимания Соединенных Штатов. Новые независимые государства начали восприниматься американцами в качестве объектов демократизации и включения в западные структуры, организации и интеграционные процессы. По мере затруднения и замедления этого процесса происходит изменение американского видения постсоветского пространства: от восприятия бывших советских республик как неотъемлемых составляющих единого региона до его разделения на составные части по признаку большей готовности отдельных ННГ к включению в систему «западного мира».*

Ключевые слова: *США, постсоветское пространство, Стратегия национальной безопасности, Дж. Буш-старший, У. Дж. Клинтон, новые независимые государства.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 28–33)

The Post-Soviet Space in the Us Foreign Policy in the 1990s (on the Example of National Security Strategies)

Matsulevich E.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The United States was at the peak of its power in the 1990s as a result of its victory in the Cold War. For some time, the bipolarity that had fallen into oblivion was replaced by a unipolar world order. Washington commenced making efforts to create an "American style world", instilling its vision of the further development of humanity. The fundamental principles of the foreign policy strategy of the USA were the expansion of democracy and international security in the American understanding of the development of the new world order. This was reflected in the activities of the United States in the international arena in the last decade of the twentieth century.

The purpose of this study is to compare the approaches of the administrations of George W. Bush and William J. Clinton to the post Soviet space, which are reflected in the National Security Strategies of the United States.

Material and methods. *The sources for writing this article are the 1993–2000 National Security Strategies and individual studies on US foreign policy. In the course of the work, general scientific and special historical research methods were used, as well as the method of discourse analysis.*

Findings and their discussion. *After the collapse of the Soviet Union, the White House sought to consolidate American leadership in the post bipolar world by expanding its sphere of influence in various regions of the world, including the post Soviet space. In the 1990s, its denuclearization and the implementation of democratic reforms were of great importance for Washington. The Americans believed that the post Soviet space should have been included in the processes of European integration, which fully corresponded to American interests. At the same time, the strategic approaches of the American leadership to the region were influenced by the internal political processes of American development and the current situation in the world, what was reflected in the US National Security Strategies.*

Conclusion. *The conceptual basis of the American foreign policy strategy was the principle of the supremacy of the national interests of the United States. The central priorities of Washington's foreign policy became the spread of democracy and ensuring stability and security in the world on American terms. The post-Soviet space also became the focus of the United States' attention. The newly independent states began to be perceived by Americans as objects of democratization and inclusion in Western structures, organizations and integration processes. As this process became more difficult and slowed down, the American vision of the post-Soviet space changed: from the perception of the former Soviet republics as integral components of a single region to its division into component parts based on the greater readiness of the individual NIS members to be included in the system of the "Western world".*

Key words: *the USA, the post-Soviet space, National Security Strategy, George W. Bush, William J. Clinton, New Independent States.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 28–33)

Победа США в Холодной войне привела к кардинальному изменению международной ситуации. В 1990-е гг. Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, вознамерившейся установить новый мировой порядок, так называемый «мир по-американски». Вашингтон стал активно пропагандировать расширение демократии и насаждение западных ценностей во всех уголках планеты. Не исключением стало и постсоветское пространство, образовавшееся на месте распавшегося СССР. США приступили к вовлечению новых независимых государств в орбиту своей внешней политики. Их деятельность в регионе преследовала цель демократизации ННГ и обеспечения стабильности и безопасности, особенно с учетом наличия на территории Беларуси, Казахстана и Украины ядерного оружия. В первой половине 1990-х гг. именно последний фактор волновал американцев больше всего. По мере его решения, внешнеполитические приоритеты Вашингтона менялись: главным становилось недопущение возрождения в какой-либо форме новой сверхдержавы и максимальный отрыв ННГ от РФ, в связи с нараставшим разочарованием американцев в способности сделать Москву «локомотивом» демократизации региона. Эволюция внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов на постсоветском пространстве получила свое отражение в Стратегиях национальной безопасности США.

Цель данного исследования – сравнить подходы администраций Дж. Буша-ст. и У.Дж. Клинтона к постсоветскому пространству, получившие отражение в Стратегиях национальной безопасности США.

Материал и методы. Источником для исследования послужила Стратегия национальной безопасности – официальный документ руководства США, который несет характер стратегического планирования и видения администрации президента международных процессов, в период президентства Дж. Буша-ст. (1989–1993) и У.Дж. Клинтона (1993–2001). Были

использованы общенаучные методы, которые позволили выделить факторы, повлиявшие на формирование американской внешнеполитической стратегии (метод анализа), привести в систему факты, отражающие общие тенденции и закономерности декларирования принципов политики США в отношении постсоветского пространства (метод синтеза и обобщения), реконструировать общие тенденции изменения восприятия бывших советских республик американским руководством (метод индукции и сравнения). Специально исторические методы позволили показать динамику изменения подходов США к постсоветскому пространству (историко-генетический метод), сопоставить их в периоды президентства Дж. Буша и У.Дж. Клинтона (историко-сравнительный метод), сформулировать особенности и отличия (историко-типологический метод), компоновать материал в хронологической последовательности, в то же время выделяя для анализа наиболее важные закономерности и тенденции (историко-типологический и проблемно-хронологический методы). Метод дискурс-анализа использовался для интерпретации текстов Стратегий национальной безопасности как продуктов деятельности политиков, на которых оказывали влияние различные внутри- и внешнеполитические факторы.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день вопрос о том, было ли окончание Холодной войны предсказуемым для США, вызывает полемику среди исследователей. Компромиссным вариантом видится утверждение, что ее завершение было ожидаемым для американцев, но в отдаленной перспективе, а не тогда, когда это произошло в 1991 г. [1, р. 27]. Американский исследователь Дж. Э. Энджел на основе анализа материалов Президентской библиотеки Дж. Буша пришел к заключению, что окончание Холодной войны было неожиданностью для Дж. Буша, который «сам не форсировал такие изменения», опасаясь возможной анархии в мировом порядке из-за события

такого масштаба [1, p. 27]. Такое непредсказуемое развитие ситуации привело к тому, что ряд исследователей склонны считать, что администрацией президента не было выработано конкретной концепции внешней политики США, учитывающей новые геополитические условия. В общих чертах внешнеполитические ожидания и намерения Дж. Буша-ст. выражались лишь в различных речах и посланиях [2, с. 103]. Однако такое утверждение справедливо относить к периоду до 1993 г., т.е. до момента принятия обновленной Стратегии национальной безопасности, учитывающей факт исчезновения Советского Союза.

Представляя собой официальный документ планирования, Стратегия национальной безопасности отличается тем, что в ней отражены желаемые результаты, пути и сценарии внешнеполитической деятельности США. Обновляемая каждой новой администрацией она исходит из геополитических условий, с которыми сталкивается американское руководство, и отражает так называемые «внешние вызовы», с которыми планируется бороться для обеспечения национальной безопасности. В то же время быстроменяющаяся международная обстановка приводит к тому, что Стратегия национальной безопасности по прошествии короткого времени после ее принятия в полной мере не учитывает реальное состояние международных отношений. Так Стратегия национальной безопасности, обнародованная 1 августа 1991 г., к концу года уже потеряла свою актуальность в отношении Советского Союза и расстановки политических сил в мире. В то же время выработка нового документа затянулась, что было связано с радикальным изменением международной обстановки и личностным фактором, в первую очередь президента Дж. Буша-ст.

Американские и российские исследователи сходятся во мнении, что Белый дом был не готов отказаться от биполярной системы международных отношений в своей внешнеполитической стратегии [2, с. 104; 3, p. 182; 4, с. 208]. Американский исследователь Б. Шварц оценивает общий подход американского руководства, Пентагона и Государственного департамента к новой Стратегии национальной безопасности как стремление «сохранить статус-кво» [3, p. 182], имея в виду перенос дискурса и установок, используемых ранее в отношении Советского Союза, на новые независимые государства. Действительно для Стратегии национальной безопасности 1993 г. характерно восприятие ННГ в тесной привязке к их советскому прошлому. Кроме того, Дж. Буш-ст. перенял подход Р. Рейгана, использовавшего стратегию «распространения демократии» как средство «вытеснения коммунистической идеологии и утверждения американского влияния» в мире [4, с. 208]. Несмотря на то, что Соединенные Штаты позиционировали себя в качестве победителя в Холодной войне, и подчеркивали, что главный их враг потерпел поражение, неизменным остался основной подход США к теперь уже бывшим советским республикам – восприятие их как потенциального врага.

В целом, Белый дом исходил из позиции американского лидерства в мире как гарантии стабильности, безопасности и демократичности мирового порядка (*“the United States remains the nation whose strength and leadership are essential to a stable and democratic world order”*) [5, p. 1]. Именно поэтому США должны были «помочь» перейти постсоветским государствам к демократии [5, p. 1, 3], оставляя за собой роль помощника и советника в этом процессе [5, p. Preceding Page Blank]. Кроме того, окончательное закрепление за Соединенными Штатами статуса победителя в Холодной войне было возможно только в случае успеха распространения американского порядка и западного пути развития на государства бывшего Советского Союза (*“After sacrificing so much to contain and defeat Communism, we must act to assure its replacement by democracy, freedom, and human rights”*) [5, p. 6]. В связи с этим экономические и политические реформы на постсоветском пространстве составляли приоритет внешнеполитической деятельности США в данном регионе [5, p. 6]. Инструментами для осуществления поставленной цели должны были стать поддержка политических реформ (*“firm political support for reform movements”*) и расширение государственной и неправительственной помощи (*“extension of broad-based government and non-government assistance”*). Планировалось содействовать макроэкономическим изменениям для обеспечения институциональных реформ в постсоветских государствах (*“macro-economic support to enhance the prospects for long-term institutional reform”*), оказывать техническую экономическую помощь, а также гуманитарную и медицинскую поддержку для обеспечения стабильности общества региона (*“technical economic assistance, and humanitarian and medical assistance to promote short term stability”*) [5, p. 6].

Постсоветское пространство рассматривалось Соединенными Штатами как потенциальная угроза национальным интересам в случае его развития по другому пути, недемократическому, непроамериканскому (*“Nothing would more profoundly enhance our security than to have our former adversaries succeed in establishing stable democratic, free market systems”*) [5, p. 6]. Это было также связано с тем, что, несмотря на сокращение угрозы термоядерной войны после окончания Холодной войны [5, Preface], не была ликвидирована угроза распространения оружия, в частности ядерного, и секретных технологий его производства [5, p. 1, 16, 20]. Вместе с тем отдельное внимание привлекали Украина, Беларусь и Казахстан, на территории которых оставалось советское ядерное оружие [5, p. 19]. С повестки дня не уходила также потенциальная возможность возникновения новых региональных конфликтов, что несло угрозу для распространения американского влияния в зоне своих интересов, защита которой объявлялась миссией США [5, p. 1, 7, 13].

Стратегии национальной безопасности администраций У.Дж. Клинтона основывались на таких же позициях, однако отдельные пункты и общие подходы

получили свое дальнейшее развитие. Так, в период нахождения у власти первой администрации У.Дж. Клинтона фактор ядерного оружия стал доминирующим в отношениях США с постсоветскими государствами. Акцент Вашингтона сместился не столько на продвижение демократии в этих странах, сколько на обеспечение безопасности, особенно ядерной, в регионе и в мире. На повестке дня стоял вопрос обновления советской договорной базы в сфере контроля над вооружениями, в частности Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) [6, р. 12]. Кроме того, ядерный фактор использовался Вашингтоном для укрепления «международной коалиции демократий» (*“international coalition of democracies”*) [1, р. 35]), подразумеваемая под этим взаимодействие США и Европейского союза (ЕС), деятельность Организации объединенных наций (ООН) и Организации Североатлантического договора (НАТО), и выдвижения США на лидирующие позиции внутри них [6, р. 6]. Таким образом, США брали на себя роль «мирового защитника», а постсоветский регион выступал площадкой, на которой Вашингтон мог раскрыть и укрепить такой имидж.

Корректирование внешнеполитической стратегии традиционно было связано не только с событиями в сфере международных отношений и новыми внешними вызовами, но и было продиктовано внутренними процессами в США. Причина, по которой каждая новая администрация президента вырабатывала свою Стратегию национальной безопасности, заключается в необходимости учитывать ошибки президента-предшественника и ожидания населения от новой власти. В первую очередь У.Дж. Клинтон был вынужден бороться с экономическим кризисом, который наступил в период президентства Дж. Буша-ст. и не позволил республиканцам заручиться должной поддержкой на президентских выборах 1992 г. Обозначенное выше желание США укрепить «международные коалиции демократий» (взаимодействие США и ЕС, деятельность ООН и НАТО) было связано, в т.ч. с внутренними потребностями Белого дома снизить экономические потери от внешнеполитической деятельности, разделив затраты со своими союзниками. Администрация демократа У.Дж. Клинтона также учла, что американское общество болезненно относится к внешнеполитическим инициативам в условиях ухудшения внутриэкономической стабильности [7, с. 79]. Вследствие этого была обозначена необходимость активной международной деятельности для решения внутренних проблем, в частности для развития экономики с помощью активизации международной торговли. Еще при Дж. Буше-ст. важным аспектом реализации американских интересов в регионе являлись демократические и экономические реформы в новых независимых государствах и их включение в систему мирового свободного рынка [5, р. 6]. В Стратегиях национальной безопасности администраций У.Дж. Клинтона эти тезисы были дополнены, а интересы США были более четко обозначены: сделать из

постсоветских государств «клиентов для товаров и услуг Америки и Западной Европы» (*“customers for America's and Western Europe's goods and services”*) [6, р. 23], т.е. получить выгоды для себя.

К середине 1990-х гг. декларировалось, что постсоветское пространство представляло наибольший стратегический интерес [8, р. 2]. Причина, по которой об этом заговорили открыто только тогда, видится в постепенном понимании того, что предполагаемый американский сценарий развития ННГ шел медленнее, чем ожидалось. Вашингтон обратил внимание на внутренние социальные проблемы постсоветских государств, которые стали следствием экономического кризиса после распада СССР [6, р. 23], что тормозило проведение каких-либо реформ. О непосредственном появлении новых угроз и вызовов в связи с распадом Советского Союза впервые было сказано в Стратегии национальной безопасности 1997 г. [9, р. (4)]. К рубежу тысячелетий стало очевидно, что трансформационные процессы по американскому сценарию затянулись и создали новые угрозы мировому порядку и национальным интересам США. В частности, в постсоветском регионе возникали новые региональные конфликты (в Стратегии национальной безопасности нашла отражение обеспокоенность событиями в Чечне [10, р. 32]), распространялась организованная преступность, которую США сравнивали с нарушением закона картелями Италии, группировками Колумбии, Юго-Восточной Азии и Нигерии, а также финансовая преступность, включая компьютерное мошенничество [9, р. (13)]. В связи с этим продолжение демократического перехода в этих государствах объявлялось долгосрочной перспективной целью [10, р. 32]. По этим же причинам особое внимание стало уделяться анализу проведенных в постсоветских странах реформ, особенно в Украине и в России.

Украина стала той страной, которой, по заявлениям Белого Дома, оказывалась наибольшая помощь [8, р. 5]. Особое внимание к ней было продиктовано ее выгодным геополитическим положением. Помимо этого фактора и ядерного статуса Украины, дополнительное финансирование было связано с тем, что составной частью проблемы безопасности в постсоветском регионе для США и мирового сообщества стала проблема экологии, что было вызвано в первую очередь последствиями Чернобыльской катастрофы. Украина в данном контексте выступала как наиболее пострадавшая страна, а также как государство, которое должно обеспечить консервацию Чернобыльской атомной электростанции. Такая американская политика, как мы отметили ранее, позволяла распространять в мировом сообществе положительный имидж США.

Характерной чертой текстов Стратегий национальной безопасности администраций У.Дж. Клинтона стало отделение Российской Федерации от остальных постсоветских стран. Особое отношение к РФ строилось, исходя из ее ядерного статуса. Первоочередное значение в деле сокращения вооружения и распростра-

нения технологий его создания отводилось именно ей, а также Украине [6, р. 11]. Однако были и другие причины, из-за которых в Стратегии национальной безопасности 1996 г. Россия была поставлена в один ряд с великими державами (*"great powers"*), несмотря на ее трудности демократической трансформации [9, р. 1]. При этом Соединенные Штаты констатировали, что будущее России неопределенно, а также обозначили, что с другими постсоветскими государствами диалог идет более конструктивно (*"While our relations with the other great powers are as constructive as at any point in this century, Russia's future is uncertain"*) [6, р. 1]. Тем не менее, США видели в РФ «ключевой элемент» при осуществлении американской миссии в постсоветском регионе, фактор, который влияет на все постсоветские государства (*"If we can support and help consolidate democratic and market reforms in Russia (and the other newly independent states), we can help turn a former threat into a region of valued diplomatic and economic partners"*) [6, р. 19]; *"But the circumstances affecting the smaller countries depend in significant measure on the fate of reform in the largest and most powerful Russia"*) [9, р. (26)], в связи с чем реформирование России было обозначено как важнейшая цель в контексте развития постсоветского региона и распространения американской сферы влияния. Именно поэтому установление отношений России с НАТО стало отдельной задачей Стратегии национальной безопасности 1997 г. [9, р. (25)], что было связано с доминирующей позицией РФ среди постсоветских стран, в т.ч. ее ролью консолидирующего центра в рамках Договора о коллективной безопасности. Учитывая это, а также роль России в урегулировании боснийского конфликта [6, р. 21] и наличие контингента российских войск в ряде постсоветских стран (Грузии и Молдове [10, р. 32]), она рассматривалась как главный американский союзник в регионе (*"We must continue to help lead the effort to mobilize international resources, as we have with Russia and the other new states"*) [6, р. 19].

Характеристика американско-российских отношений в 1990-е гг. как партнерства применялась рядом экспертов [11]. Однако, в целом, в отношении постсоветского пространства, установление двусторонних отношений являлось инструментом Вашингтона для включения ННГ в зону его влияния, точно так же как американское доминирование в международных структурах и прямые инвестиции в экономику постсоветских стран [9, р. (26)]. При этом построение тесных партнерских отношений могло быть возможно только при условии проведения в России, как и в других ННГ, демократических реформ, что составляло главную цель Вашингтона в отношении Москвы. Реформы в России по западному пути, являясь «одним из величайших исторических событий этого века» (*"one of the great historical events of this century"*) [6, р. 23], означали бы закрепление победы США в Холодной войне.

«Отделение» России от других постсоветских государств было не единственным изменением, которое произошло в американском дискурсе в отношении понятия «постсоветское пространство». В период администрации Дж. Буша-ст. США понимали под этим термином единый регион, к взаимодействию с государствами которого предполагалось использовать общий подход (*"In some areas, particularly with the independent states of the former Soviet Union, we can now afford to take unilateral steps, often based on anticipated reciprocity. In others, we continue to require formal agreements, but those can be arrived at far more quickly than before"*) [5, р. 17]. При администрациях У.Дж. Клинтона бывшие советские республики перестали рассматриваться как единый регион, объединенный советским прошлым. Европейская часть бывшего Советского Союза с 1995 г. была включена в понятие «Восточная Европа». Ее интеграция в европейское пространство рассматривалась в контексте создания «свободной и неразделенной Европы» (*"a free and undivided Europe"*) [6, р. 21], а также поддержания безопасности в Европе [6, р. 2]. Таким образом, анализ видения путей реформирования ННГ и изучение американского дискурса позволяют сделать вывод о том, что постсоветское пространство, с точки зрения Вашингтона, должно было быть включено в процессы европейской интеграции. При этом интеграционные процессы на постсоветской основе, в частности функционирование Содружества Независимых Государств (СНГ), никак не упоминались, а следовательно, не рассматривались Соединенными Штатами как альтернативный путь развития этих стран. С 1996 г. «новые демократии в Восточной и Центральной Европе» воспринимались как потенциальные члены на интеграцию в европейские структуры (НАТО и ЕС) [9, р. 32]. К концу 1990-х гг. наиболее отвечали критериям такого сценария прибалтийские страны (Литва, Латвия, Эстония), с которыми 16 января 1998 г. США подписали Хартию партнерства [12, р. 39]. Поэтому им стало уделяться отдельное внимание в Стратегиях национальной безопасности, а целью стала их интеграция в трансатлантическое сообщество и Северо-Восточный регион Европы [12, р. 39]. В итоге, сначала ННГ необходимо было интегрировать в структуры европейской безопасности, в частности в программу НАТО «Партнерство ради мира» [12, р. 39], а затем, после их демократизации, включить в мировые рыночные структуры, в частности в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) [8, р. 23] и во Всемирную торговую организацию (ВТО) [12, р. 39]. Заключительным шагом должна была стать интеграция ННГ в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы, НАТО, ЕС [13, р. 45]. При этом, как и России, центральноазиатским республикам отводилась отдельная роль: они воспринимались как коридоры транзита нефти и газа, а также буфер на пути распространения китайской сферы влияния [12, р. 41].

Закключение. В 1990-е гг. концептуальным основанием американской внешнеполитической стратегии стал принцип верховенства национальных интересов Соединенных Штатов (обеспечение безопасности (защита жизни своих граждан) и экономического процветания США). В связи с этим центральными приоритетами внешней политики Вашингтона были: 1) распространение демократии и 2) обеспечение стабильности и безопасности в мире. Для этого предусматривалось реализовать следующие цели при взаимодействии с постсоветским регионом: 1) снизить угрозу возникновения новых и развития действующих региональных и мировых конфликтов; 2) закрепить американское мировое лидерство и статус победителя в Холодной войне, тем самым расширив зону своего политического влияния; 3) использовать геополитический потенциал ННГ для реализации своих экономических интересов.

В целом, постсоветские государства воспринимались США как внешнеполитические объекты, которые должны были следовать по «американскому пути» развития, т.е. осуществить реформы по демократизации и либерализации политической и социально-экономической сфер. В итоге их предстояло включить в западные структуры, организации и интеграционные процессы. По мере затруднения и замедления этого процесса, что стало очевидно в период президентства У.Дж. Клинтона, происходит изменение американского видения «постсоветского пространства»: от восприятия бывших советских республик как единого региона до его разделения на составные части по признаку большей готовности отдельных государств к включению в «западный мир» и их желания идти по пути евроатлантического сотрудничества. Такой подход Вашингтона к ННГ был продиктован как внешними вызовами, так и внутренними факторами. Внешними вызовами, которые диктовали вовлеченность США в дела бывших советских республик, являлись: 1) региональные конфликты, 2) «расползание» советского ядерного оружия, 3) экологические проблемы, 4) непредсказуемость политической ситуации в постсоветских странах, 5) глобальные экономические потрясения на фоне геополитических изменений. Что касается внутренних обстоятельств эволюции внешней политики Соединенных Штатов на постсоветском пространстве, то они обуславливались, в первую очередь, необходимостью поддержания экономической и социальной стабильности.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов).

Литература

1. Engel, J.A. A Better World... but Don't Get Carried Away: The Foreign Policy of George H.W. Bush Twenty Years On / J.A. Engel // *Diplomatic History*. – 2010. – Vol. 34, No. 1. – January. – P. 25–46.
2. Журбей, Е.В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего / Е.В. Журбей // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2010. – № 4(15). – С. 101–112.
3. Schwarz, B.C. The Arcana of Empire And the Dilemma Of American National Security / B.C. Schwarz // *Salmagundi*. – 1994. – No. 101/102. – P. 182–211.
4. Белевцева, С.Н. Стратегия «Распространения демократии» как механизм достижения американских внешнеполитических целей (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) / С.Н. Белевцева // *Самар. науч. вестн.* – 2019. – № 1(26). – С. 208–213.
5. National Security Strategy of the United States [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1993. – January 01. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1993.pdf>. – Date of access: 08.05.2021.
6. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1994. – July. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1994.pdf>. – Date of access: 09.05.2021.
7. Журбей, Е.В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. / Е.В. Журбей // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2015. – № 2(33). – С. 75–108.
8. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1995. – February. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1995.pdf>. – Date of access: 09.05.2021.
9. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1997. – May. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1997.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
10. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1999. – December. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2000.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
11. Косов, А.П. Российские интерпретации концепции «Партнерства» российско-американских отношений / А.П. Косов // *Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы Междунар. науч.-теорет. конф.*, Минск, 27 апр. 2007 г. – Минск: БГПУ, 2007. – С. 181–183.
12. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1998. – October. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1998.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
13. A National Security Strategy For A Global Age [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 2000. – December. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2001.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.

Поступила в редакцию 04.06.2021

Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь и его роль в развитии научно-технических связей с Федеративной Республикой Германией в 1997–2004 гг.

Шишкевич В.Н.

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка», Минск

В данной статье представлена информация о развитии научно-технических связей ГКНТ с Германией в период с 1997 по 2004 г., о периодическом проведении заседаний Белорусско-Германской рабочей группы по научно-техническому сотрудничеству, об участии ГКНТ в промышленных и цифровых выставках-ярмарках в Германии.

Цель работы – изучить и систематизировать источниковую базу по развитию научно-технических связей ГКНТ с Германией в 1997–2004 гг.

Материал и методы. Основу статьи составляют материалы Национального архива Республики Беларусь, хранящиеся в фонде 1590. Для практической реализации совместных проектов ГКНТ с Германией в 1990-х гг. были использованы следующие документы: Совместное заявление об организации научно-технического сотрудничества между Министерством образования и науки Республики Беларусь и Федеральным министерством образования, науки, исследований и технологий Федеративной Республики Германия (BMFT) от 18 марта 1996 г. (ГКНТ и BMFT стали правопреемниками по данному договору); Указание Председателя ГКНТ РБ № 3–4 от 12 декабря 1997 г.; План мероприятий по сотрудничеству ГКНТ РБ, БелИСА, Технопарка БГУ и Технопарка в Ниенхагене на 1998 г.; Программа работ белорусско-германского контактного бюро на 1998 г.; Договор о сотрудничестве между Технопарками БГУ, Ниенхагена и ТАТ-центром (аналитический центр) г. Райне. В ходе исследования материала и написания данной статьи автором были использованы методы: хронологический, историко-генетический, историко-системный и актуализация.

Результаты и их обсуждение. В процессе изучения источников применена договорно-правовая база практической реализации совместных проектов, определены цели белорусско-германского научно-технического сотрудничества, также приведены некоторые данные участия ГКНТ, научных организаций и вузов в ежегодных выставках-ярмарках в Германии (Ганновер, Лейпциг), определены результаты участия в выставках для белорусской стороны.

Заключение. ГКНТ, развивая научно-технические связи с Федеративной Республикой Германией, способствует трансферу белорусских научных разработок на мировой рынок, коммерциализации научных достижений, установлению контактов с зарубежными партнерами, обмену опытом и технологиями. Информация и знания о передовых разработках в области информационно-коммуникационных технологий необходимы для оценки состояния и путей формирования белорусских информационных разработок в области ИКТ, а также для определения перспективных проектов и инструментов, способствующих продвижению новейших ИКТ в Республике Беларусь.

Ключевые слова: ГКНТ, ФРГ, научно-техническое сотрудничество, наука, технологии, трансфер технологий, выставки, ярмарки.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 34–41)

The State Committee for Science and Technology of the Republic of Belarus and its Role in The Development of Scientific and Technological Relations With the Federal Republic of Germany in 1997–2004

Shishkevich V.N.

Education Establishment "Belarusian State M. Tank Pedagogical University", Minsk

This article provides information on the development of scientific and technological relations of the SCST with Germany in the period from 1997 to 2004, on the periodic meetings of the Belarusian-German Working Group on Scientific and Technical Cooperation, on the participation of the SCST in industrial and digital exhibitions and fairs in Germany.

The purpose of the work is to study and systematize the source base for the development of scientific and technological relations of the SCST with Germany in 1997–2004.

Material and methods. *The article is based on the materials of the National Archive of the Republic of Belarus, stored in Fund 1590. The following documents were used as the basis for the practical implementation of joint projects of the SCST with Germany in the 1990s: The Joint Statement on the Organization of Scientific and Technological Cooperation between the Ministry of Education and Science of the Republic of Belarus and the Federal Ministry of Education, Science, Research and Technology of the Federal Republic of Germany (BMFT) of March 18, 1996 (SCST and BMBF became legal successors under this agreement); Order of the Chairman of the State Science and Technology Committee of the Republic of Belarus No. 3–4 of December 12, 1997; Action Plan for Cooperation between the State Science and Technology Committee of the Republic of Belarus, BELIS, the BSU Technopark and the Nienhagen Technopark for 1998; Work Program of the Belarusian-German Contact Bureau for 1998; Cooperation Agreement between the BSU and Nienhagen Technoparks and the TAT Center (analytical center) in Rheine. In the course of studying the material and writing this article, the author used the following methods: chronological, historical-genetic, historical-system and actualization.*

Findings and their discussion. *In the process of studying the sources, the contractual and legal basis for the practical implementation of joint projects was identified, the goals of the Belarusian-German scientific and technological cooperation were determined, some data on the participation of the SCST, universities and other scientific organizations in the annual exhibitions and fairs in Germany (Hanover, Leipzig) were also provided, and the results of participation in exhibitions for the Belarusian side were pointed out.*

Conclusion. *By developing scientific and technological ties with the Federal Republic of Germany, the SCST promotes the transfer of Belarusian scientific developments to the world market, the commercialization of scientific achievements, the establishment of contacts with foreign partners, and the exchange of experience and technologies. Information and knowledge about advanced developments in the field of information and communication technologies are required to assess the state and ways of shaping Belarusian information developments in the field of ICT, as well as to identify promising projects and tools that contribute to the promotion of the latest ICT in the Republic of Belarus.*

Key words: SCST, Germany, scientific and technological cooperation, science, technology, technology transfer, exhibitions, fairs.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 34–41)

Оказавшись в новых условиях политического и социально-экономического развития в конце XX столетия Беларусь начала выстраивать самостоятельную политику международного сотрудничества, что стало следствием распада СССР в 1991 г. Необходимо было создать собственную законодательную базу, в том числе в сфере научно-технического международного сотрудничества. В начале 1990-х годов не существовало единого координационного органа по международному научно-техническому сотрудничеству, а лишь отдельные госструктуры, проводившие самостоятельную политику в этой области. В 1993 г. был сформирован Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь (ГКНТ), на который была возложена задача проводить государ-

ственную политику в области научно-инновационной деятельности и реализовывать функцию государственного регулирования и управления в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, охраны прав на объекты интеллектуальной собственности. Он и стал координирующим центром в области международного сотрудничества, организатором участия Беларуси в международных научно-технических проектах, выставках и др.

Цель работы – изучить и систематизировать источниковую базу по развитию научно-технических связей ГКНТ с Германией в 1997–2004 гг.

Материал и методы. Основу статьи составляют материалы Национального архива Республики Беларусь, хранящиеся в фонде 1590. Для прак-

тической реализации совместных проектов ГКНТ с Германией в 1990-х гг. были использованы следующие документы: Совместное заявление об организации научно-технического сотрудничества между Министерством образования и науки Республики Беларусь и Федеральным министерством образования, науки, исследований и технологий Федеративной Республики Германия (BMFT) от 18 марта 1996 г. (ГКНТ и BMBF стали правопреемниками по данному договору); Указание Председателя ГКНТ РБ № 3–4 от 12 декабря 1997 г.; План мероприятий по сотрудничеству ГКНТ РБ, БелИСА, Технопарка БГУ и Технопарка в Ниенхагене на 1998 г.; Программа работ белорусско-германского контактного бюро на 1998 г.; Договор о сотрудничестве между Технопарками БГУ, Ниенхагена и ТАТ-центром (аналитический центр) г. Райне. В ходе изучения материала и написания данной статьи автором были применены методы: хронологический, историко-генетический, историко-системный и актуализация.

Результаты и их обсуждение. Уже к концу 1990-х гг. Федеративная Республика Германия для Беларуси стала традиционным партнером в области науки и технологий. Сотрудничество белорусских и немецких предприятий и инфраструктур, поддержка развития научно-инновационной деятельности являются приоритетными в планах международных соглашений между ГКНТ РБ и Федерального министерства образования и науки Германии (BMBF). В процессе изучения источников была выделена договорно-правовая база практической реализации совместных проектов, установлены цели белорусско-германского научно-технического сотрудничества, также приведены некоторые данные участия ГКНТ, научных организаций и вузов в ежегодных выставках-ярмарках в Германии (Ганновер, Лейпциг), определены результаты участия в выставках для белорусской стороны.

С целью развития взаимовыгодных отношений белорусскими и немецкими инновационными предприятиями, организации и сопровождения совместных проектов научно-технического характера, привлечения инвестиций для выполнения проектов, конференций, семинаров, выставок и др. результатов сотрудничества была разработана Программа Белорусско-Германского сотрудничества в области научно-инновационной деятельности на 1999–2000 гг. на основе ранее заключенных соглашений о сотрудничестве, в частности, Протокола о намерениях от 24 апреля 1998 г., Договора о сотрудничестве на 1997–1998 гг. между Технопарком Минска и фирмой CISCON (Ниенхаген). В основе данного сотрудничества также лежит Совместное заявление от 18 марта 1996 г. Основным и ответственным исполнителем от белорусской стороны стал Научно-технологический Парк при БГУ, немецким – фирма CISCON GmbH (г. Росток, Германия) [11, с. 3].

Федеральным Министерством образования, науки, исследований и технологий была представлена Памятка по оказанию содействия научно-техническому

сотрудничеству с государствами бывшего Советского Союза, которое предполагало помощь в рамках отраслевых программ BMFT, содействие двустороннему научно-техническому сотрудничеству, подготовку и осуществление совместных научно-исследовательских проектов, а также – программу содействия BMFT научно-исследовательской кооперации малых и средних предприятий двух стран [11, с. 10–11]. Германским научно-исследовательским учреждением по авиации и космонавтике, Международным бюро BMFT по связям с Восточной Европой были разработаны и представлены Основные положения оказания поддержки для подготовки и сопровождения двустороннего научно-технического сотрудничества с государствами Средней, Восточной и Южной Европы и новыми независимыми государствами бывшего Советского Союза [11, с. 12–14].

Решением Европейского Парламента и Совета Европейского Союза (ЕС) от 24 апреля 1994 г. была принята Четвертая Рамочная программа деятельности ЕС в области научных исследований, технологического развития и демонстрационных мероприятий на период 1994–1998 гг. А 23 ноября 1994 г. Совет ЕС принял специальную программу по научным исследованиям и технологическому развитию, включая демонстрационные мероприятия в области информационных технологий, известную как программа ESPRIT (Европейская стратегическая программа исследований в области информационных технологий) [4, с. 23]. В соответствии с планом работ по проекту ESPRIT 977062 «Развитие электронных информационных служб в странах Центральной и Восточной Европы» (EIS-CCE/NIS) (осуществление проекта с июля 1998 г. по июнь 2001 г.) было подготовлено и подписано соглашение между НИПТИ (Научно-исследовательский и проектно-технологический институт) информатизации и специализированным информационным центром по химии (FIZ CHEMIE BERLIN) об организации и предоставлении услуг по продуктам центра на территории Беларуси для научных организаций, университетов, институтов, проектных организаций и др. [11, с. 47]. В соответствии с данным соглашением для республики была определена льготная система цен на базы данных и услуги.

Процесс коммерциализации научных разработок представляет собой сложную технологию совместной деятельности научного сообщества, деловых кругов и государственных органов управления, требующую для своей успешной реализации выполнения целого ряда экономических и социальных условий и наличия значительного слоя высокообразованных людей, которые занимаются этими вопросами на профессиональном уровне. Для выведения на международный рынок нового технологического продукта необходимо проводить маркетинговые исследования. Подобные маркетинговые исследования проводил и ЗАО «Научно-технологический парк». В отчете Научно-технологического парка за 1998 г.: «Организация маркетинговой работы

в рамках научно-технического сотрудничества между РБ и ФРГ за 1998 г.» было отмечено, что уже к 1998 г. в экспорте развитых стран значительно снизилась доля сырья, материалов, но возросла доля наукоемкой продукции и высоких технологий. На мировом рынке научно-технической продукции уже в 1990-е годы лидерами были США, Япония и Германия. Они обеспечивали почти половину мирового экспорта научно-технической продукции [9, с. 6].

В «Информации Посольства Беларуси в Германии о встрече в Берлинском филиале Рабочего сообщества промышленных исследовательских объединений “Отто фон Герике” (АиФ)» отмечено, что в 1998 г. велась подготовка к визиту в РБ группы немецких ученых и предпринимателей в области биотехнологий и фармацевтики для участия в кооперационной бирже. Было достигнуто соглашение с представителями АиФ о возможности посещения ими в рамках этого визита двух научно-исследовательских центров в г. Минске с целью ознакомления с направлениями и результатами исследований. Также была достигнута договоренность о предоставлении представителю Посольства Беларуси возможности выступить на годовом собрании членов АиФ в Берлине, чтобы проинформировать членов АиФ о приоритетных направлениях развития белорусской науки и промышленности, о предложениях с белорусской стороны, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, обмена персоналом и инновационной деятельностью [3].

В 1992 г. в Минске был создан Центр информационных технологий, основным направлением деятельности которого является разработка новых информационных технологий и организация научного взаимодействия между учеными различных стран в этой области. 21 октября 1992 г. было заключено соглашение между Комиссией Европейского сообщества и Центром информационных технологий о формировании Центрального пункта Комиссии Европейского Союза (КЕС) в Беларуси в области научных исследований по информационным технологиям. Его главными функциями стали: информационная поддержка белорусских ученых, поиск потенциальных партнеров для научно-исследовательских организаций, университетов, малых предприятий республики, в обеспечении роста инвестиций в РБ, повышение экспорта информационных технологий [4, с. 47]. В рамках «Меморандума о взаимодействии Центра информационных технологий и ГКНТ РБ» на Центр возлагалась ответственность за координацию своей деятельности по взаимодействию с КЕС, с ГКНТ РБ по программе ESPRIT с целью обеспечения интересов РБ и выполнять принятые на себя обязательства в соответствии с грантом [4, с. 47].

К 1999 г. были подведены и некоторые результаты сотрудничества ГКНТ, БелИСА, ЗАО «Технопарк» с Технопарком в Ниенхагене по заключенным ранее договорам: организован обмен информацией об основных мероприятиях в области научно-инноваци-

онной деятельности РБ и ФРГ (выставки, семинары, конференции), о новых нормативно-правовых документах, регулирующих вопросы коммерциализации научно-технической сферы; издана брошюра (на немецком языке) для немецких специалистов, работающих на белорусском рынке; передано значительное количество информационных изданий (каталоги, проекты) для организации работы контактного бюро в Ниенхагене (на английском и немецком языках); передана для целевого сопровождения в Ниенхаген информация об инновационных разработках белорусских фирм «Адани», «Медиор», «РЭМА», а также БГУИР; передана для целевого сопровождения в ТАТ-центр (Райне) информация об инновационных разработках фирм Метолит, Синта, Адиполь и БГУ; совместно с германской стороной организовано участие белорусских фирм в Лейпцигских Инновационных ярмарках в 1997 и 1998 гг.; оказана поддержка в развитии проекта фирмы БелАсфер (найлены и предоставлены для опытной апробации материалы фирмы BASF); подготовлены учредительные документы для создания Международного Центра Трансфера Технологий; предоставлены помещения для организации деятельности представительств в Минске и Ниенхагене; участие в организации и проведении конференций «Высшее образование, промышленность, международное сотрудничество» (1997 и 1998 гг.) [11, с. 1–2].

Переписка ГКНТ с Международным бюро министерства образования и научных исследований ФРГ свидетельствует о понимании важности обмена научным опытом с Германией. Так, из Германии в Беларусь были переданы информационные материалы, представляющие интерес для большого круга белорусских ученых, заинтересованных в сотрудничестве с германскими коллегами, и для сотрудников ГКНТ, занимающихся в Беларуси организацией внедрения инновационных разработок. На 2001 год в Беларуси функционировало несколько технопарков и более 15 центров трансфера технологий в различных сферах (информационные технологии, строительство, машиностроение, переработка бытовых и промышленных отходов, радиоэлектроника). Все работающие в этих структурах были заинтересованы в обмене опытом, в сотрудничестве с подобными структурами за рубежом, в первую очередь в Германии [12, с. 3].

В 2001 г. в г. Алушта состоялся семинар по вопросам инновационной политики. ГКНТ выступил одним из организаторов данного семинара. Информационная поддержка по вопросам организации и проведения семинара была получена от Федерального министерства образования и научных исследований ФРГ [12, с. 10]. Федеральным министерством было рекомендовано в центр внимания, наряду с инновационной и исследовательской политикой, поставить и методику функционирования технологических парков как важного инструмента поддержки инноваций [12, с. 11–12].

В письме ГКНТ «О научно-техническом сотрудничестве с Евросоюзом», адресованном Совету Мини-

стров РБ, указывалось, что в соответствии с Планом мероприятий по совершенствованию международного научно-технического сотрудничества с ЕС на 2002 г. в четвертом квартале 2002 г. проведено 7-е заседание Совместной Белорусско-Германской и рабочей группы по научно-техническому сотрудничеству и Белорусско-Германский семинар «Актуальные вопросы совместной научно-инновационной деятельности». В рамках семинара обсуждались вопросы научно-технической политики в обеих странах, проблемы и инновации г. Карлсруэ, между Межвузовским центром маркетинга НИР Министерства образования Беларуси и Научно-исследовательским центром г. Юлиха [13]. Цель данных мероприятий – активизация, определение новых направлений и форм сотрудничества Беларуси и Германии в области научно-инновационной деятельности.

В 2003 г. с Федеральным министерством образования и научных исследований Германии (BMBF) было согласовано выполнение трех новых совместных научно-исследовательских проектов, финансируемых немецкой стороной. Всего, с учетом переходящих работ, в 2003 г. в рамках программ BMBF выполнялось 12 проектов [8, с. 3]. В мае состоялась презентация Фонда им. Гумбольта, предоставляющего стипендии высококвалифицированным ученым для проведения исследований в Германии сроком от 6 месяцев до 2 лет. По окончании стажировки с целью стимулирования возвращения стипендиатов на родину им предоставлялся грант на год в размере 500 евро в месяц [8, с. 3].

В ходе рабочих консультаций с представителями BMBF была достигнута договоренность о сотрудничестве по организации совместных работ в рамках шестой Рамочной программы ЕС (проведен совместный семинар по участию в IST программах), о сотрудничестве между Республиканской научно-технической библиотекой и Научно-исследовательским информационным центром г. Карлсруэ (доступ на льготных условиях к базам данных). Подписано Соглашение о сотрудничестве по созданию единой информационной базы Беларусь–Германия–Литва (с белорусской стороны проект выполнял Межвузовский центр маркетинга НИР Минобразования) [8, с. 3].

Таким образом, следует отметить важную роль ГКНТ в развитии белорусско-немецкого научно-технического сотрудничества с целью укрепления взаимовыгодных отношений между белорусскими и немецкими инновационными предприятиями, организации и сопровождения совместных проектов научно-технического характера, привлечения инвестиций для выполнения проектов, конференций, семинаров, выставок и др. результатов сотрудничества.

Участие ГКНТ в выставочной деятельности в Германии. В начале 1990-х между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германией формировалась договорно-правовая база сотрудничества. Как отметил А.В. Рукавич, для ознакомления с экономическим и научным потенциалом Республики

Беларусь деловых кругов Германии, с целью укрепления связей между предприятиями, фирмами, регионами был организован и проведен ряд мероприятий, например, проведение выставок-ярмарок. Уже в 1995 г. Беларусь принимала участие в выставке в г. Карлсруэ [14]. История участия Беларуси в промышленной выставке в Ганновере берет свое начало с 1996 г. [1]. В мероприятиях Ганноверской универсальной ярмарки 1996 г. принимал участие Президент Республики Беларусь. В рамках данной ярмарки прошли Дни белорусской экономики, состоялось заседание белорусско-германского совета экономического сотрудничества [2].

Документы свидетельствуют, что ГКНТ участвует в Ганноверской промышленной ярмарке с 1997 г. ГКНТ РБ совместно с Белорусской государственной политехнической академией приняли участие в организации экспозиции научных организаций от РБ для Ганноверской промышленной ярмарки 1997 г. [10]. Экспозиция была размещена в трех павильонах: материалы и технологии их обработки; системы контроля и управления, измерительная техника; исследования и технологии. На стендах демонстрировалось около 100 экспонатов, представленных 16 научными организациями республики. В ярмарке принимали участие 6 научно-исследовательских институтов Академии наук Беларуси: Академический научный комплекс Института тепло- и масса обмена; Институт надежности машин; Институт общей и неорганической химии; Институт твердого тела и полупроводников; Институт физико-органической химии; Физико-технический институт. Свои научно-технические разработки представили крупнейшие высшие учебные заведения республики: Белорусский государственный университет (БГУ), Белорусская государственная политехническая академия (БГПА), Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (БГУИР), Брестский политехнический институт, Полоцкий государственный университет (ПГУ) [10, с. 1]. На стендах Комитета были также представлены разработки Научно-технического парка при БГУ, Учебно-производственного центра «Метолит» при БГПА, Государственное патентное ведомство РБ представило разработки приборостроительного завода «Оптрон», Минского электромеханического завода, Гомельского подшипникового завода [10, с. 1]. За шесть дней ярмарки с экспонатами ознакомились представители почти 400 фирм. Значительный интерес к белорусским выставочным материалам проявили немецкие фирмы, ряд из них были готовы оказать услуги по продвижению белорусских разработок на мировой рынок. Так, БГПА заключила контракт на поставку опытной партии радиаторов в ФРГ и на поставку партии радиаторов 50 000 шт. для охлаждения радиоприборов [10, с. 2].

Белорусская экспозиция на весенней Ганноверской ярмарке-97 была признана лучшей среди стран СНГ по уровню представленных экспонатов и организации работы на стендах, о чем свидетельствует письмо «О подаче заявок на Ганноверские ярмарки», направ-

ленное Председателю ГКНТ РБ В.А. Гайсенку, которое содержит приглашение для участия в ярмарках 1998 г. [10, с. 18].

По данным ГКНТ, в 1998 г. на выставке в г. Лейпциге были представлены 30 инновационных предприятий Республики Беларусь. Основу экспонируемого стенда составляли малые инновационные предприятия, входящие в структуру НТП, учредители Технопарка, а также крупные предприятия и объединения. Демонстрировали свои достижения предприятия и организации, ведущие консалтинговую и представительскую работу в области трансфера технологий такие, как «Адани Интернейшнл», «Атомтех», ЗАО «Тимет», ОАО «Пеленг», Белорусское оптико-механическое объединение (БелОМО), ООО «Пилот Плюс», ЗАО «Мир растений», АО «РЭМА», научно-производственное предприятие биомедицинской инженерии «Медиор», ЗАО «Научно-технологический парк» [9, с. 10–16]. Следует назвать наиболее значимые результаты данной выставки-ярмарки. Так, между ЗАО «НТП» и «UWE Group» были обсуждены возможности использования и передачи белорусских технологий и рецептов по переработке лекарственных растений. Покупка готовой продукции, сырья и создание совместного производства. Также НТП провел переговоры с ASC в области телекоммуникаций и охранно-слеющих систем, а с I.I.F.E. – в области радиологического контроля, по итогам которых была передана комплексная информация о белорусских предприятиях аналогичного профиля. Была получена договоренность о передаче информации о разработках трех белорусских фирм: Адани, Рема, Медиор. Между «Адиполь» и «Eichenaner Heizelemente» подписано лицензионное соглашение об использовании ТЭНов (теплоэлектронагреватели) для бытовой техники; достигнута договоренность о закупке фирмой «Dobeln Ecebtrowarme» продукции фирмы «Адиполь»; договоренность о продолжении поставок полуфабрикатов «Адиполя» с фирмой «Triatherm». Договоренность между «Синта» и «INTEQ» в области бурового оборудования, о проведении совместных исследований с целью долгосрочного сотрудничества с концерном «BASF» [9, с. 19–22].

ГКНТ в 2002 и 2003 гг. выступал коллективным организатором участия белорусских научных организаций в международной выставке по информационным технологиям и коммуникациям – CeBIT. В 2004 г. ГКНТ организовал научно-технический раздел на Национальном стенде РБ на выставке Цебит-2004. В 2002 г. на выставке CeBIT были представлены разработки пяти белорусских организаций: четырех вузов (БГУ, БГУИР, Гомельский государственный университет (ГГУ), Белорусский национальный технический университет (БНТУ, бывш. БГПА) и Научно-инженерного предприятия «Информационные технологии» НАНБ [7, с. 91], а уже в 2003 г. восемь организаций презентовали свои разработки на выставке CeBIT: шесть вузов (БГУ, БГУИР, Белорусский государственный технологический университет (БГТУ), Моги-

левский государственный технический университет, Гомельский государственный технический университет, БНТУ) и две организации НАНБ (Национальный центр информационных ресурсов и технологий, Объединенный институт проблем информатики) [7, с. 91]. В 2004 г. на выставке Цебит-2004 принимали участие также восемь белорусских организаций. Это четыре вуза (БГУ, БГУИР, БНТУ, ГГУ), Главный информационно-аналитический центр Министерства образования, от НАНБ – (Объединенный институт проблем информатики, Национальный центр информационных ресурсов и технологий), Национальный центр правовой информации РБ [7, с. 92].

Из Сведений о служебных командировках за границу сотрудников подведомственных организаций МО РБ на выставке CeBIT-2003 Научно-исследовательским сектором ГГУ была представлена разработка «Программно-аппаратный комплекс автономного управления движущейся электронной моделью»; Могилевским государственным техническим университетом – разработки «Экспертные медицинские системы», в результате чего были проведены переговоры с представителями немецких фирм [6, с. 40]. Так, Белорусским государственным технологическим университетом в Германии был представлен «Аппаратно-программный комплекс “Географическая информационная система «Лесные ресурсы”», который полезен при создании многоуровневой системы аэрокосмического мониторинга лесов; также был подписан протокол о намерениях сотрудничества с немецко-австрийской фирмой GISqadrat AG; в результате представления разработки Межвузовского центра маркетинга НИР «Информационно-поисковая аналитическая сетевая система по научно-исследовательским разработкам и инновационным проектам Высшей школы», программного продукта «Поисково-аналитическая база данных, настраиваемая пользователем» подписан договор о намерениях с ТНАТИ IRC на предмет развития сотрудничества в области подготовки совместных проектов и развития кооперационных связей между инновационными предприятиями Тюрингии и Министерства образования, заключен контракт на проведение совместной работы по размещению инновационных проектов, предложений и информации на портале Инновационной биржи Ганноверской ярмарки с Forschungszentrum Julich и LeanoMedia Informationslogistik GmbH [6, с. 42–43]. На выставке CeBIT-2004 Международным центром маркетинга научно-исследовательских разработок проведена работа по размещению на инновационном портале Инновационной биржи Ганноверской ярмарки информации по 201 разработке университетов РБ, продолжен контракт с Forschungszentrum Julich и LeanoMedia Informationslogistik GmbH [6, с. 61].

Результаты проведения выставки-ярмарки в Ганновере отражены в Отчете ГКНТ об итогах участия в международной выставке CeBIT-2004 г. [5, с. 130]. Данная выставка проходила в марте 2004 г. в которой

принимали участие 6 411 фирм и организаций-участников. В 2004 г. на 47%, по сравнению с 2003 г., выросло число участников в выставке, а также посетителей, а это свыше 510 тыс. человек в 2004 г. [5, с. 130]. В научно-исследовательском и образовательном секторе национальной экспозиции Республики Беларусь демонстрировались прошедшие конкурсный отбор разработки в области информационных и коммуникационных технологий из восьми научно-исследовательских и образовательных организаций: Министерство образования: БГУ, БГУИР, УП «Технопарк» «Метолит», УО «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины» (ГГУ им. Франциска Скорины), Главный информационно-аналитический центр Министерства образования РБ; НАНБ: ГУ «Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси (ОИПИ НАНБ)», Национальный центр информационных ресурсов и технологий, Национальный центр правовой информации РБ.

Итогом участия в выставке стал ряд предварительных договоренностей на поставку программного обеспечения и информационных систем, на продажу технологий, на выполнение совместных научно-исследовательских работ:

- БГУР – по алюмооксидной технологии изготовления элементов для информационных систем с EMSYS (Imenau Germany) получены предложения по сотрудничеству в разработках законченных изделий (сенсоры, корпуса ИС, платы с МКМ и т.д.); с Fraunhofer IIS была достигнута договоренность о продолжении переговоров по совместным исследованиям в части создания НАНО-структур; по системе документооборота с WinDREAM получено предложение по обмену опытом и сотрудничеству по разработке новых технологий построения систем документооборота; по геоинформационному программно-аналитическому комплексу для расчета и планирования радиосетей мобильной связи с привязкой к местности с фирмой CODATA Executive Committee [5, с. 132–133];

- БГУ – RedHat и Intelligese SAP проявлен интерес к системе аттестации специалистов, была предложена кооперация в организации сертификации специалистов по операционным системам и модулям системы управления предприятием SAP; University of Applied Sciences Zwickau, University of Paderborn выразил заинтересованность к программному обеспечению для различных форм и уровней обучения студентов БГУ; со стороны Нурерwave проявлен интерес к системе дистанционного обучения. Со стороны Kek – к возможностям использования бактометра для контроля продуктов пищевой промышленности и косметики, изготавливаемой на основе натуральных продуктов, а ряд бизнес-групп (OKS Group, Andrea Kaiser D_STATIS, Silvia Weber) готовы были оказать содействие в продвижении бактометра на рынок Германии [5, с. 133]; фирмы высказали намерения приобрести пробные образцы плат расширения ПК: MediaSensor выразила готовность стать официальным представителем БГУ на рынке Германии по продаже плат [5, с. 133];

- Научно-технологическим парком БНТУ «Метолит» была достигнута договоренность об установлении прямых контактов между предприятиями технопарка «Gesellschaft für Technologieförderung Itzehoe», с «LeanoMedia Informationslogistik» реализован перенос информации о 201 разработке белорусских ученых на инновационную платформу Ганноверской ярмарки [5, с. 134].

- Гомельским государственным университетом совместно с «PRENECH PREDICTIVE DESIGN TECHNOLOGIES», «INNEO SOLUTIONS» рассматривались вопросы сотрудничества в части разработки программного обеспечения диагностического оборудования нефтеперерабатывающего предприятия [5, с. 134];

- Объединенный институт проблем информатики НАНБ – достигнута договоренность с «Softwareentwicklung» на разработку медицинских информационных систем; достигнуты договоренности о применении суперкомпьютера для расчетов в различных отраслях с фирмами «MEGWARE Computer», «Textile Software»; о выполнении совместных исследований и проектов с IBMT – Fraunhofer Institut Biomedizinische Technik [5, с. 134];

- Интерес к проектам Национального центра информационных ресурсов и технологий со стороны немецких фирм следовало объяснить их 15-летним партнерством. В 2004 г. Национальный центр информационных ресурсов и технологий совместно с университетом г. Мангейм выполняли пилотный проект по трансферу в Беларусь обучения университета г. Мангейма по специальности «Computer Engineering» с возможностью выдачи белорусским выпускникам дипломов немецкого университета [5, с. 135];

- Фонд информатизации Республики Беларусь провел предварительное изучение возможности создания на территории РБ систем на основе радиочастотной идентификации данных (RFID) для различных приложений. Наибольшего внимания по комплексным решениям заслужили немецкие фирмы: «Siemens», «Psion teklogix»; отдельные программные решения в этой области: «LXE». «IND Mobile Datensysteme» и «MICODATA». По результатам переговоров от «Siemens» и «OmniSolutions» были получены опытные образцы пассивных транспондеров для из дальнейшего изучения возможности применения [5, с. 135].

По информации Министерства образования, в результате участия в трех выставках (2002, 2003, 2004) были заключены контракты на сумму около 600 тысяч долларов США [7, с. 92].

В апреле 2004 г. состоялась Ганноверская промышленная выставка-ярмарка, в которой участие приняли 19 белорусских организаций. Из предварительных результатов Ганноверской ярмарки можно отметить: в области магнитно-абразивной обработки проведены были переговоры с представителями Fraunhofer

Institute für Produktionstechnologie о выполнении совместных научно-исследовательских работ по теме «Entwicklung und Anwendung der magneto-abrasiven Bearbeitung für Silizium». Были согласованы основные условия и сроки выполнения работ на контрактной основе, предварительная стоимость контракта составила 30–40 тыс. евро [5, с. 208]. Проведены переговоры с представителями Fachhochschule (г. Деггендорф) о выполнении совместных работ в 2004–2006 гг. по проекту ProNOF «Нанотехнология обработки точных оптических поверхностей», предварительная стоимость контракта составляла 60 тыс. евро [5, с. 208].

Заключение. Государственный комитет по науке и технологиям активно развивает международное научное и техническое сотрудничество. Реализация научно-технических связей ГКНТ с Германией возможна благодаря созданной в 1990-е гг. договорно-правовой базе. Важную роль для белорусских научных организаций, университетов, предприятий имеет участие в международных промышленных и информационных выставках-ярмарках, участие в которых организует ГКНТ. В целом выставки-ярмарки дают возможность белорусским предприятиям, научным организациям представить свои разработки и продукцию, найти рынки сбыта, партнеров для сотрудничества и совместного производства, ознакомление с уровнем зарубежных разработок и условиями кооперации, возможностями сотрудничества, установлению контактов с зарубежными партнерами. Полученные информация и знания о передовых разработках в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) сконцентрированных на выставках, необходимы для оценки состояния и путей формирования белорусских информационных разработок в области ИКТ, а также для определения перспективных проектов и инструментов, способствующих продвижению новейших ИКТ в Республике Беларусь. Эффективность участия в выставках не только экономическая, но

и заключается в повышении качества, актуальности, новизны собственных научных разработок, выполняемых в интересах народного хозяйства республики, в повышении качества преподавания в вузах Беларуси, квалификации преподавателей за счет изучения новейших разработок, технологий и оборудования ведущих фирм мира, представляющих свои разработки на выставках.

Литература

1. Акудович, Ю. Времена, когда на белорусских стендах в Ганновере торговали удочками, к счастью, ушли в прошлое [Электронный ресурс] // tio.by. – Режим доступа: <https://www.tio.by/info/newspaper/2348/>. – Дата доступа: 18.04.2021.
2. Белорусско-германские экономические отношения [Электронный ресурс] / А. Русакович // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – № 1. – Режим доступа: <http://www.evolutio.info/ru/journal-menu/1999-1/1999-1-rusakovich>. – Дата доступа: 14.05.2021.
3. Информация Посольства Беларуси в Германии о встрече в Берлинском филиале Рабочего сообщества промышленных исследовательских объединений «Отто фон Герике» // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 500.
4. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 2. Д. 23.
5. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 752.
6. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 748.
7. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 749.
8. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 747.
9. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 354.
10. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 314.
11. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 401.
12. НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 602.
13. О научно-техническом сотрудничестве с Евросоюзом // НАРБ. – Ф. 1590. Оп. 1. Д. 659.
14. Хронология выставок [Электронный ресурс] // <https://tc.by> – Режим доступа: <https://tc.by/about/history/> – Дата доступа: 20.05.2021.

Поступила в редакцию 24.05.2021

Происхождение Гедимина: дискуссионные аспекты проблемы

Риер Я.А.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

В статье рассматривается одна из самых выдающихся фигур ранней истории Великого княжества Литовского – Гедимин. Автором поднимаются дискуссионные вопросы, связанные с происхождением основателя династии Гедиминовичей; изучается проблема идентификации принадлежности Гедимина к определенной династии; анализируются известные в исторических нарративах версии о способе и времени его прихода к власти.

Цель статьи – анализ наиболее дискуссионных аспектов прихода Гедимина к власти (происхождение правителя, степень родства с его предшественником Витенем, время и способ получения престола).

Материал и методы. Исследование проведено на основании изучения и анализа данных русских, белорусско-литовских летописей, польских хроник, а также нарративов, созданных на территории Немецкого ордена. Привлечен широкий круг исследований, посвященных изучению эпохи Гедимина. Используются общеисторические и специальные методы, в том числе сравнительно-исторический, формально-типологический, историко-системный, проблемно-хронологический, историко-генетический.

Результаты и их обсуждение. Одним из наиболее дискуссионных историографических вопросов, связанных с началом правления Гедимина, является проблема его происхождения, которое в различных источниках варьируется от узурпатора престола незнатного происхождения до кровного родственника Витеня (сына, брата, кузена, др.), унаследовавшего место князя после его смерти. На появление данных теорий сильное влияние оказали социо-политические условия создания источников, содержащих подобные сведения (острое противостояние ВКЛ и Немецкого ордена, идеологическая и политическая борьба ВКЛ и Московского государства, стремление противников ВКЛ принизить правящую литовскую династию, а также создание ответной концепции легального правления в среде знати ВКЛ). Остается также открытым вопрос о том, был ли Гедимин родственником Витеня. Среди распространенных версий в современной историографии выступает теория о том, что Гедимин являлся братом Витеня. Рассматриваются также существующие версии их отношений как сына – отца, дальних родственников, а также не связанных родственными узами представителей нобилитета.

Заключение. Имеющиеся в сохранившихся источниках данные не позволяют точно ответить на вопрос о происхождении Гедимина (его принадлежности к определенной династии, родственных связей с Витенем), и открывают поле для дальнейших исследований. Вполне вероятно, что Гедимин был если не сыном или братом Витеня, то, по крайней мере, его близким родственником, так как уже в начале XIV в., еще до смерти правителя Литвы, он обладал значительной силой, участвовал в военных акциях и был известен хронистам, что позволило историкам даже говорить о диархии Витеня и Гедимина. Остается также открытым вопрос о способе получения Гедимином власти над Литвой, хотя представляются очевидными его сильные политические позиции еще при жизни Витеня, а значит – легальные права претендовать на престол в условиях складывающегося государства.

Ключевые слова: Гедимин, Литва, Великое княжество Литовское, княжение, правитель, власть, происхождение, легальность.
(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 42–47)

The Origin of Gedimin: Controversial Issues of the Problem

Ryier Y.A.

Education Establishment "Mogilev State A.A. Kuleshov University", Mogilev

The article deals with one of the most extraordinary figures in the early history of the Grand Duchy of Lithuania – Gedimin. The author points out the controversial issues concerning the origin of the founder of the Gedimins line. studies the problem of his affiliation to a particular dynasty. analyses the versions describing the way and the time of Gedimin's rise to power.

The purpose of the study is the analysis of the most controversial issues concerning Gedimin's coming to power (origin of the ruler; degree of kinship with his predecessor Vytenis, time and method of obtaining the throne).

Material and methods. The study was carried out on the basis of data from Russian, Belarusian-Lithuanian and Polish chronicles, as well as narratives created on the territory of the German Order. A wide range of studies devoted to the study of the Gedimin epoch was involved. General historical and special methods of research: comparative-historical, formal-typological, historical-systematic, problem-chronological, historical-genetic were used.

Findings and their discussion. One of the most controversial historiography issues concerning the beginning of Gedimin's reign is the problem of his origin, which in different sources varies from the usurper of the throne of an unknown origin to the blood relative of Vytenis (son, brother, cousin, etc.), who inherited the position of the prince after his death. The emergence of these theories was strongly influenced by the social and political conditions for creating sources containing such information (strong confrontation between the Grand Duchy of Lithuania and the German Order; the ideological and political struggle of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State, the desire of opponents of the Grand Duchy of Lithuania to belittle the ruling Lithuanian dynasty, as well as the creation of a reciprocal concept of the legal rule in the noble surrounding of the GDL). One more issue is whether Gedimin was Vytenis' relative. One of the most widespread versions in modern historiography is the theory that Gedimin was Vytenis' brother. One can also find versions of their relationship as the son – the father; distant relatives, as well as representatives of different family lines of the nobility.

Conclusion. The data of the surviving sources do not allow us to answer the question of the origin of Gedimin (his belonging to a certain dynasty, kinship with Vytenis). This makes it possible to carry out further research. It is likely that Gedimin was, if not Vytenis' son or brother, then at least his close relative, since already at the beginning of the 14th century, even before the death of the ruler of Lithuania, he possessed considerable power, participated in military actions and was known by the chroniclers, which allowed historians to discuss possible diarchy of Vytenis and Gedimin. The way Gedimin obtained his power over Lithuania also remains unanswered, although his strong political position during Vytenis lifetime is obvious, which means that he had legal rights to claim the throne during the development of the state.

Key words: Gedimin, Lithuania, the Grand Duchy of Lithuania, reign, ruler, power, origin, legality.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 42–47)

Одной из самых неординарных политических фигур на раннем этапе становления Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) является Гедимин – правитель Литвы, известный своей гибкой политикой лавирования между язычеством и христианством, успешными военными походами против Немецкого Ордена, заключением династического союза с польским королем, но главное – основатель династии Гедиминовичей, правящей государством на протяжении последующих нескольких веков.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных различным аспектам политики Гедимины, как в белорусской, так и в литовской, польской, украинской и в меньшей степени в российской историографии, до сих пор остается открытым ряд вопросов, связанных с его приходом к власти, а также легальными правами на престол. Кроме того, интересным с точки зрения историографии и анализа исторической памяти является различие в представлении Гедимины как правителя в восточнославянской и западной нарративных традициях, обусловленными различными социо-культурными и политическими условиями создания того или иного письменного источника. Осложняется исследование периода правления Гедимины и немногочисленностью самих нарративов, сохранившихся с XIV в., а также практическим отсутствием памятников собственно белорусско-литовского летописания, относящихся к указанному периоду. В этой связи большую ценность представляют хроники, созданные на территории Немецкого ордена, польские нарративы, а также немногочисленные дипломатические источники.

В контексте данной статьи можно выделить два ключевых вопроса, касающихся начала княжения Гедимины, позволяющих обозначить наиболее дискуссионные проблемы, связанные с его приходом к власти. Во-первых, это проблема происхождения правителя, а значит – его легальные права занимать великокняжеский престол. Во-вторых – время и способ его прихода к власти.

Материал и методы. Исследование проведено на основании изучения и анализа данных русских, белорусско-литовских летописей, польских хроник, а также нарративов, созданных на территории Немецкого ордена. Привлечен широкий круг исследований, посвященных изучению эпохи Гедимины. Используются общесторические и специальные методы, в том числе сравнительно-исторический, формально-типологический, историко-системный, проблемно-хронологический, историко-генетический.

Результаты и их обсуждение. Как уже было сказано выше, Гедимин – одна из наиболее дискуссионных и неоднозначных фигур в ранней истории Великого княжества Литовского, в появлении и активной деятельности которого на великокняжеском престоле до сих пор остается много белых пятен. Связано это не только с малым количеством оригинальных, сохранившихся со времени его правления, письменных источников, главным образом, западного происхождения, но и с различной оценкой и полнотой освещения событий, происходивших на землях Литвы во время правления Гедимины. Кроме того, до сих пор нет четких доказательств того, откуда произошел литовский правитель, каким образом он получил престол после Витеня, а также каким образом и когда он стал основателем династии. Несмотря на то, что указанные вопросы в то или иное время рассматривались исследователями, до наших дней не создано цельной картины, позволившей ответить на вопрос, кем был Гедимин и как он стал правителем Литвы. Именно поэтому, с точки зрения автора, является необходимым рассмотреть два ключевых вопроса, связанных с началом княжения Гедимины.

Первый из них – дата рождения и происхождение Гедимины.

Точная дата рождения Гедимины неизвестна. Т. Нарбут называл 1257 г., однако данная дата ничем не подтверждена и не находит отражение в письменных источниках [1, с. 603]. Более вероятной считается дата около 1275 г., признаваемая в наши дни

большинством исследователей [8, с. 12; 9, с. 250–251].

Гораздо больше версий породил вопрос о происхождении правителя Литвы. Оно до сих пор остается дискуссионным и варьируется от узурпатора престола незнатного происхождения до кровного родственника Витеня, унаследовавшего место князя после его смерти.

Одним из первых проанализировал проблему версий о происхождении Гедимина историк конца XIX в. Ю. Вольф. Он изучил данные источников различного происхождения и выделил ключевые концепции происхождения основателя династии литовских правителей в связи с социо-политическими обстоятельствами их создания [4, с. 3]. Его работа была продолжена польским исследователем Г. Стадницким, а также рядом более поздних исследователей [5; 7].

Наиболее интересной критической версией о происхождении Гедимина, встречающей в нарративах XV–XVI вв., является теория о его службе у Витеня в качестве конюшего, который убил своего хозяина и стал правителем. Ее можно найти у Яна Длугоша, Мартина Кромера, Мартина Бельского [8, с. 501]. Вообще же, данная теория возникла еще раньше, в среде хронистов Немецкого ордена, которые таким образом стремились принизить языческого противника, проводившего в отношении них активную и жесткую военную политику. Еще более усилилось стремление взять идеологический реванш со стороны крестоносцев и доказать отсутствие легитимности, низкий статус правящей в ВКЛ династии после поражения в Грюнвальдской битве [4, с. 6; 9, с. 88]. Тем не менее, большинство орденских хроник XIV – начала XV в. не отрицают законного права Гедимина называться правителем Литвы. Не уделяя ему большого внимания (что может объясняться жесткой политикой в отношении Немецкого ордена и манипулированием религией для достижения своих целей правителем Литвы), хронисты Ордена описывают основные вехи его правления и политики и называют «королем» [10; 11, с. 375].

Необходимо отметить, что на восточных границах ВКЛ аналогичная версия появилась также во время политического и военного противостояния литовских правителей и Московского государства и была направлена на принижение политического противника, доказательство нелегитимности правящей династии.

Вариант легенды о конюшестве Гедимина можно найти у А. Нарушевича, И.Н. Даниловича, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева [12, с. 288; 13, 14]. Так, Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал о том, что «сей человек, разума и мужества необыкновенного, был конюшим литовского князя Витеня или, вероятно, Буйвида: злодейски умертвив государя своего, он присвоил себе господство над всей землей Литовской» [13, с. 127]. Разумеется, все перечисленные авторы использовали в своих сочинениях более ранние данные, созданные как раз в период острой борьбы между ВКЛ и Москвой. Так, по утверждению автора «Сказания о князьях Владимирских», относящегося в первой четверти XVI в., ве-

ликие князья литовские произошли от «Гегиминика» (Гедимина), который был рабом «Витенца» (Витеня) – мелкого вассала смоленского князя Ростислава Мстиславовича. «Гегиминик» был посажен в западных русских землях правителем для сбора дани, но вместо этого он обогатился и обособился, воспользовавшись ослаблением русских земель и их правителей. Сын же его Ольгерд впервые назвался князем после того, как тверской князь Михаил Александрович отдал за него замуж сестру свою Ульяну: «И от того часа наречется Ольгерд князем по жене своей великой княжне Ульяне» [15, с. 324]. Таким образом, был сделан вывод о том, что литовские правители обязаны своим княжеским родословием русским князьям. При этом и Гедимин, и Гедиминовичи были представлены узурпаторами власти над русскими землями, ущемляющими права династии Рюриковичей.

В годы Ливонской войны, шедшей за восточнославянские земли ВКЛ, в Москве при дворе русского царя Ивана IV была создана легенда о происхождении литовских правителей от полоцкой династии. Это было сделано для того, чтобы показать наследственное право полоцких князей на территории только их княжества и опровергнуть легитимность их возможных притязаний на другие восточнославянские земли, входящие когда-то в состав Руси. На переговорах 1562 г. московская сторона заявляла: «Только вспомнить старину, каким образом гетманы литовские Рогволодовичей Данила да Мовкольда на Литовское княжество взяли и каким образом великому государю Мстиславу Владимировичу Мономаху к Киеву дань давали, то не только что Русская земля, но и Литовская земля вся – вотчина государя нашего» [15, с. 324]. Эта фраза вошла в позднейшие московские летописные своды и именно оттуда была взята большинством белорусских историков XIX в., включая Адама Киркора [16, с. 98]. Последний утверждал, что династия великих князей литовских является славянской и имеет полоцкое происхождение. Согласно его концепции, великие князья использовали религию в стратегических целях и именно поэтому называли себя язычниками [16, с. 156]. Для подтверждения данной легенды он даже разместил в своей концепции истории белорусских земель генеалогическую таблицу полоцких князей, посредством которой и Гедимин, и Ольгерд, и Ягайло, и даже Витовт якобы имели полоцкое происхождение. Разумеется, документального подтверждения в современной исторической науке данная версия не находит и не соответствует действительности.

Противостоит вариантам легенд о конюшестве Гедимина, о его убийстве Витеня и узурпаторстве престола версия о законном происхождении правителя Литвы. Большая часть летописей и хроник как восточнославянских, так и европейских называют Гедимина сыном или братом Витеня.

Так, и «Хроника Быховца», и «Хроника Литовская и Жмойтская», и Матей Стрыйковский подчеркивают законность статуса Гедимина в качестве правителя,

называя его преемником литовских князей и основоположником династии [17, с. 277]. В «Хронике Литовской и Жмойтской» Гедимин называется полноправным преемником Витеня, его сыном, воцарившимся на престоле после смерти отца и проводившим выдающуюся политику, направленную на усиление ВКЛ и расширение его границ: «Гедимин, сын великого князя Витеня, сѣл на князствѣ отца своего Литовском, Жомойтском и Руском, а скоро осѣл на столицы» [18, л. 468]. Подчеркивается его легитимность и в упомянутой выше «Хронике Быховца»: «Naczało kniażenia wielikoho kniazia Gidymina na kniastwie Litowskom, Żmuydzkom y Ruskom. Buduczy wielikomu kniaziui Gidyminu po smerty otca swoiego Witenia na Wielikom kniazstwie Litowskom, Żomoyckom i Ruskom» [19, л. 137].

Еще более глорификационную запись можно найти в «Летописи Рачинского», в которой о Гедимине говорится не только как о родоначальнике династии, законно сидящем на своем престоле, но и о великом дипломате и политике, при этом часть его достижений носит явно преувеличенный характер: «Будучи великому князю Кгидимину по смерти отца своего Витеня на Великом князстве Литовском, Руском и Жомойтском, и седечи на стольцы отца своего на Кернове...» [20, л. 241]. Такая позиция была в целом характерна для Третьего Белорусско-литовского свода. Примечательно также, что подробные записи о Гедимине, обоснование его легальных прав на престол, а также роль его в качестве основателя династии появляется в белорусско-литовских летописях только в XVI в. Очевидно, что для летописцев, живших на территории ВКЛ в это время, было необходимым подчеркнуть легитимность статуса родоначальника династии правителей, а также показать его достойным властителем своего народа. Это можно объяснить конфронтацией идей, особенностями социо-политических реалий, в условиях которых создавался тот или иной источник, а также необходимостью создать свою версию о законном происхождении династии Гедиминовичей, способной противостоять обличительным легендам, созданным в среде орденских хронистов и, главным образом, в Московском государстве.

Разумеется, следует осторожно подходить к идеализированному образу правителя, тем не менее, данные источников, а также анализ политики, проводимой Гедимином после вокняжения, а также его восприятие христианским сообществом, несомненно, доказывают его знатное происхождение, принадлежность к княжескому роду, а также легальное право занимать престол.

Наиболее ярким аргументом в пользу этой версии может быть проводимая Гедимином династическая политика, в результате которой все его сыновья и дочери женились или вышли замуж за представителей княжеских или королевских родов. Особенно красноречивым в указанном контексте может оказаться брак дочери Гедимина Альдоны (Анны) с сыном польского короля Владислава Локетка Казимиром.

Так, в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга содержится запись о том, что “Anno domini MCCCXXVI Loteko rex Polonie rogavit Gedeminum regem Lethowinorum, cujus filiam filius ejus noviter duxerat in uxorem, ut ei aliquos armigeros de gente sua mitteret” («В год от Рождества Христова 1326 Локетек, король Польши, попросил Гедимина, короля литвинов, чью дочь его сын только что взял в жены, чтобы он послал ему оруженосцев из народа своего») [10, с. 193; 21, с. 185]. Насколько ли возможным был такой династический союз, если бы Гедимин был узурпатором незнатного происхождения? Вряд ли. И хотя этот факт является лишь косвенным доказательством того, что Гедимин действительно имел все легальные права на великокняжеский престол, его нельзя не принимать во внимание.

Косвенным доказательством легальности его статуса может служить также титулатура, применяемая не только им самим в дипломатической переписке, но и в используемой в его отношении терминологии со стороны папского духовенства или других представителей европейского сообщества. Здесь мы говорим, прежде всего, о формулировке “Dei gratia ... Rex” (по милости Божьей) [22, с. 313–332]. Хотя только Миндовг, будучи коронованным, формально мог носить данный титул, его использование по отношению к Гедимину может говорить как минимум о легальности и признанности его статуса в глазах христианского мира и других правителей.

В то же время вопрос о том, кем же был Гедимин – сыном или братом Витеня – остается открытым. Не представляется достоверно точно определить и его династическое происхождение. Наряду с правдоподобными версиями в историографии можно найти мифические версии, возникшие, как отмечалось выше, в связи с теми или иными интересами создателей текстов нарративных источников.

Т. Нарбут говорил о том, что Витень относился к полоцкой династии и оставил после себя трех сыновей, в том числе Гедимина. В «Хронике Литовской и Жмойтской» есть запись о том, что после смерти Тройдена князем Литвы стал Витень, до этого маршалок Тройдена, а после него стал править его сын – Гедимин: «Витеня, маршалок бывший Тройдена, князя литовского, от Лаврентия князя, сына Тройденова, паном литовским, князем есть поданный, котрый му доброволне права дѣдичнаго уступил и на том князствѣ потвердил» [18; л. 467]. Версия о том, что Гедимин был сыном Витеня можно также найти в продолжении «Галицко-Волынской хроники», найденном в рукописи Бундура/ Яроцкого: «... нача княжити Кгедимин[ъ] Витунович[ъ] в лѣтѣ в Новугородку и Керновѣ и воева на русь крѣпко» [23, с. 649].

Вместе с тем более широкое распространение получила версия о том, что Гедимин является братом Витеня. Эту версию поддерживали такие историки, как Ю. Вольф, А. Прохаска, а также современные исследователи – К. Петкевич, Р. Петраускас,

А. Бумблаускас и др. [24, с. 60; 25, с. 311; 26, с. 100]. Одна из наиболее развернутых гипотез встречается у Ю. Вольфа. Ссылаясь на «Хронику Быховца», он говорил о том, что Пукувер умер в 1292 или сразу после того, оставив после себя трех сыновей – Витеня, Гедимина и Воина [19, с. 13]. Кроме того, он допускал, что Гедимин мог захватить престол после смерти Витеня, когда тому унаследовал его сын, упомянутый в войне с Ливонией под 1310 г. [4, с. 12]. Хотя вполне вероятно, что единственный сын правителя Литвы, которого Г. Пашкевич называл Свальготе, погиб незадолго до Витеня в одном из сражений, а значит, не мог участвовать в борьбе за престол после смерти своего отца. Сведения о других детях Витеня известные нам источники не содержат [3, с. 165]. В качестве одного из ключевых доказательств в пользу данной теории Ю. Вольф привлекал обращение купцов Риги к Гедмину от 1323 г., в котором они выражали надежду на продолжение сотрудничества, которое было с братом и предшественником его Витенем: «Sicut Withene bone memorie frater vester et antecessor, nobiscum habiuit» [27, № 53]. Правда, здесь необходимо с осторожностью подходить к использованию данного термина в контексте подобного анализа, так как в источниках указанного периода термин «брат» часто использовался и в значении «союзник» и др. Кроме того, в письме Гедимина к Папе Иоанну XXII от 1323 г., правитель Литвы называет Витеня не отцом, но «предшественником нашим, королем Витенем», а в упомянутом выше письме рижан «братьями» называются и другие участники союза [27].

В то же время данная версия поддерживается и С.К. Роуэллом, который также называет Гедимина братом Витеня [5, р. 55]. Он предпринял попытку проследить родовой Гедимина и Витеня. Так, возникновение новой династии он отводит к периоду до 1289 г., когда государством правили братья Букидид и Пукувер (Будивид), отмечая, что точно идентифицировать их происхождение на данном этапе не представляется возможным. Предполагается, что предки Гедимина пришли из Аукшайтии и основали клан уже к 1219 г., что отличается принятой ранее версии о том, что они пришли из Жемайтии. Тем более, он считает, что они не имели близкой кровной связи с Тройденом [5, р. 54].

В сохранившихся источниках действительно нет деталей о родителях Пукувера. М. Гедройц считает, что Пукувер мог быть сыном одного из православных братьев Тройдена. Но этой версии нет подтверждения [28]. Не сохранилось также свидетельств, что у Тройдена были сыновья, хотя у него была дочь. Брак его правнука Болеслава-Юрия Галицкого с дочерью Гедимина в 1331 г., по мнению С.К. Роуэлла, противоречил бы каноническому закону в случае, если бы Гедимин был внуком Тройдена. Но опять-таки, данный факт нельзя принимать в качестве аргументированного доказательства, так как языческие правители не придерживались христианских норм, в том числе, в сфере династических связей. А кроме того, в средневековых

государствах было немало примеров кровных браков, которые постоянно рассматривала церковная администрация в XIII и XIV вв. [5, р. 53].

Еще одним источником, на который следует обратить внимание в контексте изучения данной проблемы – памятник XIV в. «Задонщина». В ней внуки Гедимина называются правнуками Сколоменда. Эта версия была рассмотрена в работах Е. Охманьского, С.К. Роуэлла, которые считают ее достаточно правдоподобной. Отмечая, что термин «правнук» означает также «дальний потомок, наследник», исследователи подчеркивают, что, возможно, Сколоменд являлся литовским правителем на поколение раньше Пукувера [29, с. 358–364]. К сожалению, записей о нем не сохранилось, если только не ассоциировать его со Скирмонтом, как это делал М. Гедройц, считая, что он мог быть Гирмантасом, дядей Тройдена [28]. Другой исследователь, литовский историк А. Никжентайтис указывал, что он мог быть братом Тройдена [2, р. 16].

Осложняет ситуацию также то, что источники не зафиксировали точной даты начала и конца правления Витеня. Он появляется в орденских хрониках в 1292 г. в военных кампаниях своего отца. Последнее же упоминание о нем можно найти в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга в связи с походом Литвы в Пруссию в сентябре 1315 г., в ходе которой литовцы понесли много потерь [9, с. 181–182]. Таким образом, Гедимин стал править Литвой на рубеже 1315 – 1316 гг. без указания точной датировки. К тому же, в историографии существует концепция диархического (совместного) правления Витеня и Гедимина в начале XIV в. (ок. 1305 – 1315/1316 гг.). Несмотря на то, что она не находит убедительных доказательств в письменных источниках, очевидно, что к указанному времени Гедимин занимал значимое место в политической иерархии Литвы и мог претендовать на занятие престола.

Заключение. Вопрос о происхождении Гедимина является одной из наиболее дискуссионных проблем в историографии, включающей в себя сразу несколько аспектов. Во-первых, это легальность статуса Гедимина в качестве правителя, то есть его происхождение, которое в письменных источниках варьируется от незнатного до княжеского. Во-вторых, в случае его знатного происхождения и принадлежности к правящему роду, к чему склоняется автор данной статьи в виду вышеперечисленных аргументов, – степень его родства с Витенем. К сожалению, имеющиеся в сохранившихся источниках данные не позволяют точно ответить на поставленный вопрос, выступая спорными, и открывают поле для дальнейших исследований. Вполне вероятно, что Гедимин был если не сыном или братом Витеня, то, по крайней мере, его близким родственником. Так как уже в начале XIV в., еще до смерти правителя Литвы, он обладал значительной силой, участвовал в военных акциях и был известен хронистам, что позволило историкам даже говорить о диархии Витеня и Гедимина. Остается также открытым вопрос

о способе получения Гедимином власти над Литвой. Не представляется очевидной версия о его узурпаторстве или насильном захвате власти, так как в целом он являлся последователем политики, начатой при Витене. Более того, Гедимин апеллирует к своему предшественнику и к его успехам в дипломатической переписке, в том числе, в письмах к Папе Иоанну XXII, что вряд ли было бы возможным в случае насильного захвата власти.

Как бы то ни было, данная проблема видится автору не только дискуссионной, но перспективной в контексте изучения ранней истории ВКЛ с точки зрения изучения оснований власти его первых правителей, механизмов легитимизации их власти, а также ответа на вопрос: откуда пошла династия Гедиминовичей?

Данная статья подготовлена в рамках задания гранта БРФФИ по теме: «Механизмы легитимизации верховной власти в ВКЛ в середине XIII – середине XVI в.» (договор № Г20М-074 от 04.05.2020 г.).

Литература

1. Войтович, Л. Княжа доба: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 782 с.
2. Nikzentaitis, A. Gediminas / A. Nikzentaitis. – Vilnius: Vyriausioji enciklopediju redakcija, 1989. – 125 s.
3. Paszkiewicz, H. Jagiellonowie a Moskwa / H. Paszkiewicz. – T. 1. – Warszawa, 1933. – 451 s.
4. Wolff, J. Rod Gedimina / J. Wolff. – Kraków: drukarnia Wł. L. Anczyca i Spółki, 1886. – 172 s.
5. Rowell, S.C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345 / S.C. Rowell. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 375 p.
6. Stadnicki, K. Synowie Gedymina / K. Stadnicki. – T. 1: Monwid – Narymunt – Jawnuta – Koryat. – Lwow: drukarnia zakładu Narodowego Ossolinskich, 1849. – 272 s.
7. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / J. Tęgowski. – Poznań–Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999. – 319 s.
8. Długosz, J. Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich. – Ks. 12: T. 5. – Kraków: Czas, 1870. – 662 s.
9. Дмитриева, Р.П. Сказание о князьях Владимирских / Р. П. Дмитриева. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 465 с.
10. Peter von Dusburg, Chronicon terrae Prussiae / Peter von Dusburg // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. – B. 1. – 454 s.
11. Wigand von Marburg Nowa kronika pruska / Wigand von Marburg; oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. – Toruń: TNT, 2017. – 666 s.
12. Danilowicz, I. Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów / I. Danilowicz. – Wilno: s.n., 1860. – T. 1. – 390 s.
13. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – Кн. 1. – Т. 4. – М.: Книга, 1988.
14. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен: в 15-ти кн. / С.М. Соловьев. – Кн. 1: Т. 1–2. – М., 1959. – 818 с.
15. Щапов, Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археологии / Я.Н. Щапов. – М.: Наука, 2004. – 368 с.
16. Киркор, А.К. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / А.К. Киркор. – Т. 3. – СПб.: тип. М.О. Вольф, 1882. – 490 с.
17. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkich Rusi Macieja Strykowskiego / M. Strykowski. – Warszawa: Wydawn. Artystyczne i Filmowe, 1985. – 392 s.
18. Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей / предисловие Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
19. Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей / предисловие Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
20. Летопись Рачинского // Полное собрание русских летописей / предисловие Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
21. Петр из Дусбурга Хроника земли Прусской / под ред. В.И. Матузовой. – М.: Ладомир, 1997. – 384 с.
22. Adamus, J. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń / J. Adamus // Kwartalnik historyczny. – R. 44. – T. 1. Zesz. 1. – Lwów: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1930. – S. 313–332.
23. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatr. D. Dąbrowski, A. Jusupowicz przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. – Kraków–Warszawa, 2017. – 710 s.
24. Bumblauskas, A. Wielkie Księstwo Litewskie Wspólna historia, podzieleną pamięć / A. Bumblauskas. – Warszawa: Museum Historii Polski – Bellona, 2014. – 328 s.
25. Петкевич, К. Великое княжество Литовское / К. Петкевич // Раннее государство. Его альтернативы и аналоги / ред. Л.Е. Гринин, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 280–334.
26. Петраускас, Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства / Р. Петраускас // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2012. – № 1(11). – С. 95–116.
27. Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans. Gedimino laiškai / ed. by S.C. Rowell. – Vilnius: Leidykla Vaga, 2003.
28. Giedroyc, M. The Arrival of Christianity in Lithuania: Between Rome and Byzantium (1281–1341) / M. Giedroyc // Oxford Slavonic Papers. – 1987. – № 20. – P. 1–33.
29. Охманский, Е. Гедиминовичи – «правнуки Сколомендовы» / Е. Охманский // Польша и Русь. – М.: Наука, 1974. – С. 358–364.

Поступила в редакцию 04.05.2021

Проекты правил по организации и осуществлению православного храмового строительства на территории Беларуси (1865–1867)

Кейко Ю.В.

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно

В статье анализируются проекты правил, представленные виленским и киевским генерал-губернаторами в Министерство внутренних дел в 1865 г., для формирования общей законодательной базы по организации и осуществлению православного храмового строительства. Под законодательной базой подразумеваются правила «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» (1867), которые системно упорядочили организацию и регулирование церковно-строительного процесса на всех уровнях государственного управления.

Цель статьи – раскрыть основные подходы к организации процесса православного храмового строительства на территории Беларуси в 60-е гг. XIX в.

Материал и методы. Исследование выполнено на основе неопубликованных источников, хранящихся в фондах Литовского государственного исторического архива и Российского государственного исторического архива. Используются специальные исторические методы: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. В проектах правил показаны подходы государственных чиновников высокого ранга к осуществлению церковного строительства в Виленском и Киевском генерал-губернаторствах, что позволило выявить структуру и определить функции государственных и общественных институтов, задействованных в этом процессе. Раскрыта определяющая роль генерал-губернаторов и Министерства внутренних дел в осуществлении контроля за реализацией государственной программы церковного строительства.

Заключение. Анализ предложенных проектов позволил сопоставить и реконструировать структуру и функции государственных и общественных институтов, действовавших в Виленском и Киевском генерал-губернаторствах, что было закреплено на законодательном уровне.

Ключевые слова: православная конфессия, строительство храмов, законодательство, генерал-губернатор, белорусские земли.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 48–52)

Regulation Drafts for the Organization and Implementation of Orthodox Church Construction on the Territory of Belarus (1865–1867)

Keiko Yu.V.

Education Establishment “Yanka Kupala State University of Grodno”, Grodno

The article analyzes the regulation drafts submitted by Vilna and Kiev Governors-General to the Ministry of Internal Affairs in 1865, for the formation of a common legislative framework for the organization and implementation of Orthodox Church construction. The legislative framework refers to the rules “On the order of organization of Orthodox churches in the nine provinces of Western Region” (1867), which systematically structured the organization and management of the church-building process at all levels of state government.

The purpose of the article is to reveal the main approaches to the organization of the process of Orthodox church construction on the territory of Belarus in the 60-s of the 19th century.

Material and methods. The research is based on unpublished sources stored in the collections of the Lithuanian State Historical Archive and the Russian State Historical Archive. Special historical methods were used: the historical-comparative, historical-genetic and historical-systemic.

Findings and their discussion. The regulation drafts show the approaches of high-ranking government officials to the implementation of church construction in Vilna and Kiev Governorates-General, which made it possible to identify the structure and determine the functions of state and public institutions involved in this process. The decisive role of the Governors General and the Ministry of Internal Affairs in monitoring the implementation of the state program of church construction is revealed.

Conclusion. The analysis of the proposed projects made it possible to compare and reconstruct the structure and functions of state and public institutions operating in Vilna and Kiev Governorates-General, which was fixed at the legislative level.

Key words: Orthodox denomination, construction of churches, legislation, Governor General, Belarusian lands.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 48–52)

Система православного храмового строительства на территории Беларуси, сформированная в 1864 г. виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьевым, не получила законодательного оформления на центральном уровне власти. Действовали нормативно-правовые акты локального характера – постановления и инструкции Виленского и Гродненского временных губернских комитетов по строительству и ремонту православных храмов [1, л. 6; 2, л. 11]. Противоречия, возникшие во время организации и выполнения строительных работ между офицерами Генштаба (ответственные за церковное строительство от Министерства внутренних дел) и церковно-строительными комитетами (учреждены М.Н. Муравьевым), вызывали ненужные разногласия и замедляли сам процесс строительства. Требовалось выработать общую законодательную базу.

Цель статьи – раскрыть подходы виленского и киевского генерал-губернаторов к организации процесса православного храмового строительства на территории Беларуси с 1865–1867 гг.

Материал и методы. Процесс организации православного храмового строительства в 1860-е гг. фрагментарно рассматривается в работах исследователей второй половины XIX в.: А.И. Миловидова «Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н. Муравьеве», Е.Ф. Орловского «Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794–1900)», Н.Д. Извекова «Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г.». В современной историографии проблема косвенно затрагивается в работах: А.Н. Кулагина «Эклектыка. Архітектура Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст.», И.Н. Слюньковой «Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия». Проблема актуальна и требует комплексного исследования. В основу статьи положены неопубликованные источники, хранящиеся в фондах Литовского государственного исторического архива (фонд 378 «Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора») и Российского государственного исторического архива (фонд 1284 «Департамент общих дел Министерства внутренних дел», фонд 796 «Канцелярия Синода»). Применены специальные методы исторического познания: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Виленский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман являлся продолжателем М.Н. Муравьева в вопросах организации и управления церковным строительством. Это подтверждается основными положениями «Правил, которые следует наблюдать при постройке Православных Церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае», предложенными им императору и утвержденными 24 мая 1865 г. Документ определял функции государственных организаций (временные губернские и уездные комитеты) и общественных организаций (церковные советы) в строительном процессе, включая способы и технологию строительства, сроки выполнения работ [3, л. 24].

Киевский генерал-губернатор А.П. Безак высказал свою точку зрения на систему церковного строительства, сетуя на недостаточность полномочий генерал-губернаторов в этой области. Поскольку строительство храмов не было для Министерства внутренних дел основным направлением деятельности, министр П.А. Валуев из-за систематически возникающих разногласий с генерал-губернаторами Северо-Западного и Юго-Западного края ходатайствовал перед императором о передаче церковно-строительного дела в личное распоряжение или обер-прокурора Святейшего Синода, или генерал-губернаторов. Ведомство рассматривало вариант сохранения за собой права финансирования процесса. Но император Александр II дважды отклонил прошения министра, считая, что данное направление должно оставаться в компетенции ведомства, а для более продуктивного осуществления храмового строительства необходимо было разработать общие положения, которые позволили бы согласовывать распоряжения министерства с указаниями генерал-губернаторов, а действия командированных чиновников – с местной администрацией и учреждениями. Министерству было поручено выработать общую позицию, согласованную с генерал-губернаторами [4, л. 58об.].

Первым собственное видение проблемы предложил виленский генерал-губернатор в отношении от 11 августа 1865 г. Объехав Витебскую и получив сведения по Минской губернии, он пришел к выводу, что действующая система строительства православных храмов не является удовлетворительной. Храмы в большинстве своем возводятся деревянные, небольших размеров, и это при большом количестве прихожан. По его мнению, «убогие наши церкви», на

которые правительство выделило немалые деньги, не могли составить конкуренцию величественным и богато украшенным в архитектурном плане костелам. Дав положительную оценку работе специалистов министерства, К.П. фон Кауфман настаивал применить систему, сложившуюся в Гродненской и Виленской губерниях (церковные советы – уездные комитеты – губернский комитет). Члены церковных советов (прихожане во главе с приходским священником), не являясь специалистами в этом деле, были в нем заинтересованы. Они не только контролировали строительство, но и сами принимали участие, привлекая других к пожертвованиям. Такой подход способствовал удешевлению стоимости работ. При этом церкви, построенные из кирпича и булыжного камня в «литовских» губерниях, обходились ненамного дороже деревянных храмов. После осмотра зданий техниками представители церковных комитетов точно и в срок исправляли сделанные замечания. Церковные советы, как считал К.П. фон Кауфман, должны действовать там, где они были учреждены М.Н. Муравьевым, а где нет – создавать приходские попечительства (альтернативный орган приходского самоуправления в церкви, функциональные обязанности которого были намного шире, чем у предыдущего) [5, с. 118–124]. Их деятельность регламентировалась «Положением о приходских попечительствах при православных церквях» от 2 августа 1864 г. [6, с. 349]. Вторую ступень контроля осуществляли уездные комитеты. Их роль заключалась в своевременном реагировании на текущие проблемы. Чиновники министерства посещали объекты, где велось строительство, один раз в год, поэтому постоянный контроль со стороны уездных комитетов предотвращали различного рода махинации подрядчиков. Управление строительным процессом в губерниях осуществляли губернские комитеты. Виленский генерал-губернатор полагал, что именно в это учреждение должны быть направлены офицеры, которым будет подчиняться несколько техников. Это обстоятельство позволяло разгрузить чиновников и предоставляло им свободное время для информирования министерства о ходе церковных строительных работ. Противоречия между комитетом и членом ведомства должен был разрешать генерал-губернатор. К.П. фон Кауфман стремился максимально сконцентрировать в своих руках церковное строительство и считал правильным оставить за собой право на утверждение всей проектно-сметной документации, кроме той, что предназначалась для возведения больших храмов и требовала согласования с императором. Он планировал докладывать Министерству внутренних дел только предложения губернских комитетов о намеченных церковных постройках на следующий год для выделения необходимых денежных средств [4, л. 58об. – 59об.].

Второй проект, представленный киевским генерал-губернатором А.П. Безаком, поступил в министерство 24 ноября 1865 г. Он считал, что не стоит тратить

государственные деньги на ремонт храмов, поскольку это является прямой обязанностью прихожан. Лучше всего сделать упор на строительство храмов с богатым внешним убранством, которые смогли бы конкурировать с костелами. Следовательно, необходимо пересмотреть все предыдущие распоряжения по этому вопросу и выбрать те населенные пункты, где срочно требовалось возвести церковные здания: в местности с большой плотностью населения, в приграничных районах, вдоль главных дорог, там, где имеются костелы и ощутимо католическое влияние. В результате должна была сформироваться сеть из основных пунктов, на которые можно было бы опираться при сооружении новых храмов. По мнению А.П. Безака, нужно возводить исключительно каменные церкви, восстанавливать полузаброшенные православные святыни, перестраивать под православные храмы бывшие униатские церкви и костелы. Контроль за качеством выполнения строительных работ и расходом денежных ассигнований он предполагал возложить на церковно-строительные комитеты и приходские попечительства, подчиняющиеся генерал-губернатору. При всем этом А.П. Безак просил разрешить ему лично утверждать чертежи и сметы на несложные проекты храмов и давать разрешение на начало строительных работ. Надзор за работой техников должен был осуществлять старший архитектор. Ему предписывалось совершать периодические осмотры выполненных работ, решать технические вопросы на местах. Избрание и назначение архитектора, инженера и офицера из Генштаба А.П. Безак оставлял за министерством, но просил дать ему и губернаторам право представлять на эту должность лиц, положительно себя зарекомендовавших. Он настаивал на предоставлении губернскому церковно-строительному комитету всех полномочий по возведению храмов хозяйственным и подрядным способами, что экономило время и избавляло от лишней переписки с ведомством и генерал-губернатором. Остатки денег по сметам А.П. Безак планировал направить для снабжения новых храмов колоколами и другими церковными принадлежностями [4, л. 59об. – 60об.].

Отсюда следует, что в представленных генерал-губернаторами в Министерство внутренних дел проектах по организации и управлению церковным строительством определялась следующая структура государственных и общественных организаций: а) в компетенцию губернских комитетов, возглавляемых губернаторами, должно входить содержание церковных зданий в надлежащем состоянии, распорядительная часть о их строительстве и ремонте, использование денежных средств и составление отчетной документации; б) уездные церковно-строительные комитеты должны содействовать членам губернского комитета при осмотре действующих православных храмов и при сборе сведений, необходимых для составления проектно-сметных документов, а также контролировать текущие строительные работы; в) совершение церковно-строительных работ

и мотивирование прихожан к пожертвованиям возложить по Киевскому генерал-губернаторству на приходские попечительства, по Виленскому генерал-губернаторству – на ранее образованные церковные советы, а затем на созданные приходские попечительства. Главное наблюдение и координирование за церковно-строительным делом должно находиться в руках генерал-губернаторов, а участие министерства в этой области ограничивалось получением кредита, командированием в каждую губернию офицеров Генштаба в качестве членов губернских комитетов, предоставлением на согласование императора проектов больших по размерам храмов.

При рассмотрении Министерством внутренних дел проектов, предложенных К.П. фон Кауфманом и А.П. Безаком, появился ряд вопросов, требовавших ответа. Для этого министр П.А. Валуев в 1865 г. приказал создать «особую комиссию» под председательством заведующего делами по строительству церквей и обеспечению духовенства П.Н. Батюшкова и лиц, руководивших церковным строительством в помещичьих имениях «белорусских» и юго-западных губерний. В ее состав вошел инспектор по строительству храмов от Министерства государственных имуществ. По итогам работы комиссия составила свое заключение. Разделение церковно-строительного дела на две части (экономическую и техническую) на практике отрицательно сказалось на этом направлении деятельности. Ведомство решило передать его в ведение губернских церковно-строительных комитетов и определило состав их членов: два председателя – епископ (для разрешения религиозных вопросов) и губернатор; члены – вице-губернатор, управляющий губернской палатой государственных имуществ, чиновник из Министерства внутренних дел, главный техник и приглашаемые председателем другие лица, которые могли быть полезны в этой области. Только комиссия сделала одно уточнение: каждый из членов губернского комитета, кроме техников, при объезде губернии и осмотре строительных объектов, обязан был следить за хозяйственной частью (качеством стройматериалов и выполняемых строительных работ). За техническую часть отвечали специалисты министерства и главный техник. Предположения генерал-губернаторов о значимости уездных церковно-строительных комитетов комиссия сочла бесполезными и замедляющими данный процесс излишними спорными ситуациями между звеньями всей этой системы. Учреждать церковные советы и приходские попечительства допускалось при тех храмах, которые не нуждались в ремонте или реконструкции после осмотра членами губернского комитета. В случаях, когда на возведение храма выделяло деньги правительство, церковные советы и приходские попечительства учреждались для наблюдения за всеми работами, а управлять строительством должен был губернский церковно-строительный комитет [4, л. 64об. – 65об.].

Министр государственных имуществ А.А. Зеленой о заключении комиссии и предложенных проектах от генерал-губернаторов был проинформирован на совещании двух министерств 8 января 1866 г., на котором обсуждался вопрос о строительстве храмов в государственных владениях западных губерний [7, л. 130]. Он согласился на централизацию управления храмовым строительством губернскими церковно-строительными комитетами. Этим организациям предоставлялись все полномочия по хозяйственному и техническому сопровождению. Возглавить комитет следовало губернатору во избежание излишних споров. Поскольку деятельность уездных комитетов комиссия признала менее результативной, то А.А. Зеленой рекомендовал дать больше самостоятельности церковным советам и приходским попечительствам [4, л. 65об.–66]. Отдельно инспектор по строительству храмов Министерства государственных имуществ прекратил давать распоряжения о строительстве новых храмов и утверждать на них сметы, так как церковно-строительное дело передавалось Министерству внутренних дел. Кроме того, он отметил, что ранее по соглашению министра госимуществ и виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева хозяйственная часть по строительству храмов в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях была передана в компетенцию созданных там губернских и уездных комитетов. В остальных 6 губерниях строительными работами руководил инспектор и губернские палаты государственных имуществ [7, л. 130]. А.А. Зеленой сообщил о готовности передать все церковные здания Министерству внутренних дел за исключением тех, которые еще не окончены или где ведутся строительные работы. Вместе с тем на баланс данного министерства он обещал перенаправить 170 000 руб., выделенных по смете 1866 г., и остатки денежных средств за предыдущий год [4, л. 66].

Долгие споры и обсуждения в министерствах, поиск решений и рекомендации киевского и виленского генерал-губернаторов по данной проблеме были обстоятельно изложены в представлении министра внутренних дел П.А. Валуева «По делу об установлении порядка производства церковных построек в Западных губерниях», внесенном на рассмотрение в Комитет министров 14 марта 1866 г. вместе с проектом правил для строительства православных храмов в 9-ти губерниях Западного края [7, л. 245]. Суть проблемы заключалась в отсутствии строгого разграничения обязанностей между чиновниками Министерства внутренних дел и лицами, принимавшими непосредственное участие в строительстве. Поэтому первоственной задачей перед министерством являлось восстановление общего единства в управлении, а затем – оценка целесообразности существующей системы строительства и ее организации. Министерство приняло во внимание требования генерал-губернаторов и предоставило им полный контроль за действиями губернских церковно-строительных комитетов, оставив за собой прямое взаимодействие с этими

учреждениями. Итоговое решение по всем возникающим вопросам принимало ведомство. Из-за этого утверждение проектно-сметной документации для ремонта и перестройки каменных или деревянных храмов на любую сумму министерство предписало исполнять губернским комитетам с согласия генерал-губернаторов. Для возведения новых храмов генерал-губернатору требовалось отсылать только смету после ее предварительной проверки в губернском учреждении, т.к. оно владело текущими ценами на стройматериалы и услуги рабочих. Чертежи на новые церкви необходимо было направлять в Министерство внутренних дел, а для исправления – в Техническо-строительный комитет. В исключительных случаях чертежи необходимо передавать на согласование императора. К каждому объекту должна была прилагаться краткая информация о численности прихода и его средствах, о сметной стоимости работ и сумме, требуемой для выделения государственным казначейством, сроках строительства. Генерал-губернаторам поручалось наблюдение за деятельностью чиновников из министерства и его информирование о их работе. Также им разрешалось использовать остатки денег на приобретение колоколов и церковных принадлежностей [4, л. 67об. – 68]. В заключение П.А. Валуев предложил управление церковным строительством в Северо-Западном крае предоставить одному ведомству – Министерству внутренних дел, а на губернском уровне – губернским церковно-строительным комитетам под наблюдением генерал-губернаторов и министерства.

Проекты правил для строительства православных храмов в 9-ти губерниях Западного края, утвержденные министерством, были отправлены на согласование в Синод Русской Православной Церкви и в Министерство государственных имуществ [4, л. 73об.; 8, л. 2].

7 декабря 1867 г. император Александр II одобрил новые церковно-строительные правила «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края», сделав запись собственноручно на журнале Комитета министров: «исполнить»

[7, л. 341]. 27 декабря 1867 г. решение императора было озвучено Сенату после докладов министра внутренних дел и исполняющего обязанности обер-прокурора Святейшего Синода [9, с. 369].

Заключение. Правила «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» являются первым комплексным законодательным документом в области православного храмового строительства. В его основу легли проекты от виленского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана и от киевского генерал-губернатора А.П. Безака, предложенные в 1865 г. в Министерство внутренних дел. Генерал-губернаторы представили действующую систему церковного строительства. Полный контроль за осуществлением церковного строительства генерал-губернаторы планировали оставить в своей компетенции. В итоге сложилась отдельная система управления строительным процессом, включавшая губернские церковно-строительные комитеты, уездные церковно-строительные комитеты, церковные советы и приходские попечительства.

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 846. Оп. 1. Д. 1.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 951.
3. НИАБ в Гродно. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 13.
4. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 73. Д. 1650.
5. Положение о приходских попечительствах при православных церквях // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1877. – № 5. – С. 118–124.
6. Римский, С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов) / С.В. Римский. – М., 1999. – 568 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. Оп. 225. Д. 94.
8. РГИА. – Ф. 796. Оп. 147. Д. 840.
9. ПСЗРИ – 2-е собрание. – Т. 42. – Отд. 2. – № 45252. О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях западного края от 7 декабря 1867 г. – СПб., 1871. – С. 369–378.

Поступила в редакцию 22.03.2021

Физическое воспитание и военно-прикладная подготовка пионеров в советской Белоруссии (1924–1925)

Крюковский В.Д.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

Белорусские историки раскрыли многие аспекты деятельности государственных органов по военному строительству, патриотическому воспитанию молодежи. Однако проблема физической и военной подготовки пионеров остается малоисследованной.

Цель статьи – проанализировать в масштабах республики роль партийных и государственных органов, общественных организаций в физическом воспитании и военно-прикладной подготовке юных пионеров, обобщить накопленный опыт, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Материал и методы. Автором использованы документы ЦК КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, окружных, районных парткомов, исполкомов советов, комитетов комсомола, отделов народного образования, военных комиссариатов и советов физкультуры. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируется работа государственных органов и общественных организаций по физическому воспитанию и некоторой военной подготовке пионеров, раскрывается накопленный опыт. Анализируются причины, препятствовавшие проводимой деятельности, связанные с недооценкой значимости детского движения, нехваткой физкультурных кадров, слабой базой обучения, халатностью в работе пионервожатых.

Заключение. Несмотря на имеющиеся проблемы и недостатки в работе, пионерское движение сыграло огромную роль в физическом и военном становлении детей и подростков.

Ключевые слова: физическое воспитание, военная подготовка, военно-спортивные кружки, военкоматы, отряды, вожатые, мальчики и девочки, пионеры.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 53–58)

Physical and Military Applied Training of Pioneers in Soviet Belarus (1924–1925)

Krukovski V.D.

Education Establishment “Belarusian State University”, Minsk

Belarusian historians have revealed many aspects of the state bodies' activities on military construction and patriotic education of young people. However, the problem of physical and military training of pioneers remains poorly researched.

The purpose of the article is to analyze the role of the Party and state bodies, public organizations in physical and military-applied training of young pioneers on the level of the Republic, to generalize the accumulated experience, to reveal the problems that hindered the undertaken activities.

Material and methods. The author used the documents of the Central Committee of the Communist Party, the Central Committee of the Lenin Communist Youth Union of Belarus, district Party committees, local administration bodies, Komsomol committees, and departments of public education, military commissariats and councils of physical training. The research methodology is based on the principles of objectivity and historicism.

Findings and their discussion. The work of state bodies and public organizations on physical and military training of pioneers is analyzed; the accumulated experience is described. The reasons which hindered the undertaken activities related to the underestimation of the importance of children's movement, the lack of physical training personnel, a weak training base, and negligence in the work of pioneer leaders are analyzed.

Conclusion. Despite the existing problems and shortcomings in the work, the pioneer movement played a huge role in the physical and military development of children and adolescents.

Key words: physical training, military training, military sports clubs, military registration and enlistment offices, detachments, counselors in training, boys and girls, pioneers.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 53–58)

Деятельность государственных органов по физическому и патриотическому воспитанию подрастающего поколения привлекала к себе внимание многих исследователей. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют труды П.Г. Чигринова [1; 2]. В монографии и диссертационном исследовании анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, деятельность партийных организаций по формированию морально-политической готовности трудящихся к защите Родины, партийное руководство спортивной и оборонно-массовой работой, содержание, формы и методы воспитательной практики партийных организаций с молодежью, упрочение идейного, социально-политического единства народа и вооруженных сил. Однако вопросы физического и военно-патриотического воспитания юных пионеров ограничиваются лишь отдельными примерами.

Большое научное и практическое значение имеют труды А.Е. Журова [3; 4]. В монографии и диссертационном исследовании анализируются деятельность коммунистической партии Белоруссии по созданию и руководству ЛКСМБ, роль комсомола в героической обороне Минска, партизанском и подпольном движении в период польско-советской войны, примеры военно-патриотической работы комсомольских организаций с юношами и девушками в годы военной реформы. Но поскольку автор не ставил целью специальное изучение деятельности партийных, советских органов, комсомольских комитетов по физическому воспитанию и военному обучению пионеров, в работах, естественно, отсутствует системный анализ данной проблемы.

Формы и методы работы партийных, комсомольских, других общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи освещаются в ряде кандидатских диссертаций. Интерес в этой связи вызывают исследования Е.В. Пиульского и В.Ф. Кушнера [5; 6]. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают накопленный опыт партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки трудящихся и молодежи к защите Отечества, практику военно-спортивной работы с юношами и девушками, шефские связи трудовых коллективов и частей Красной армии. Однако вопросы военно-физической подготовки юных пионеров в диссертациях не рассматривались.

Монография Д.Н. Хромченко раскрывает деятельность партийных и комсомольских комитетов по коммунистическому воспитанию молодежи, оборонно-массовую работу общественных патриотических организаций БССР в 1920–1940-е годы. Аспекты военно-физической подготовки юных пионеров ограничиваются в книге отдельными примерами [7].

Научный интерес для исследования проблем воспитания подрастающего поколения, истории и мето-

дики патриотической работы с детьми, подростками и молодежью представляют исследования белорусских педагогов. В докторской диссертации К.А. Кулинковича [8] излагаются приемы спортивной практики с юношами и девушками Беларуси в предвоенные годы. В кандидатских диссертациях В.И. Шаврука и Г.П. Коваленко [9; 10] раскрываются методические аспекты проведения спортивных занятий с подростками, опыт военно-патриотической работы со школьниками БССР в 1920–1930-е годы.

Характерные формы и методы патриотической деятельности республиканской комсомольской и пионерской организаций с подрастающим поколением в 1920–1930 гг. освещаются в сборниках документов, очерков, статей и воспоминаний [11; 12]. Отдельные вопросы физического и патриотического воспитания детей и подростков трактуются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании изучения научных исследований и другой литературы можно сделать вывод, что государственная политика физической и военной подготовки пионеров к защите Родины рассматриваемого периода остается малоисследованной.

Цель статьи – проанализировать в масштабах республики эффективность работы партийных, советских органов, советов физкультуры, военкоматов, войсковых частей по вовлечению детей и юных пионеров в регулярные занятия физической культурой и военной подготовкой, изучить накопленный опыт, приемлемый для использования на современном этапе, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Материал и методы. Источниковой базой статьи явились фонды государственных архивов Республики Беларусь. Исследователем изучены материалы ЦБ КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, окружных парткомов и исполкомов советов, комитетов комсомола, отделов народного образования, советов физкультуры и военных комиссариатов. Это позволило получить сведения о деятельности партийных, советских органов, общественных организаций по руководству физическим и некоторым военным обучением юных пионеров. Практически весь использованный материал впервые вводится в научный оборот. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Образование СССР, воссоединение с основной частью республики восточно-белорусских земель, успехи новой экономической политики создали благоприятные условия для улучшения благосостояния, развития социально-политической и культурно-национальной жизни белорусского народа. Проводимая в стране военная реформа 1924–1925 годов значительно повысила значимость патриотического воспитания, физической и военной подготовки подрастающего поколения. Существующие детские коммунистические группы имени Спартака 23 января 1924 года постановлением экстренного

плenumа ЦК РКСМ переименовываются в единую организацию юных пионеров имени Ленина.

С мая по июль 1924 года состоялись съезды партии и комсомола: XIII ВКБ(б), VIII КП(б)Б, VI РЛКСМ, VII ЛКСМБ. Решения руководящих политических форумов поставили перед партийными, комсомольскими и пионерскими организациями задачу активизации воспитания пионеров на примере подвигов красноармейцев, партизан и тружеников тыла в период гражданской и польско-советской войн, вовлечения мальчиков и девочек в регулярные занятия физкультурой и спортом, распространения среди детей элементов военных знаний. В марте–мае 1925 года прошли Всебелорусское первое совещание работников пионерского движения и Всебелорусское второе собрание советов физкультуры, выработавшие формы и методы работы по физическому воспитанию и военно-прикладной подготовке юных пионеров [13, л. 685–690, 706–708].

Представляет интерес практика физического воспитания и военной подготовки пионеров в Оршанском округе. 31.05.1924 года на расширенном заседании коллегии агитпропа партийного комитета с приглашением представителей патриотических организаций заслушали доклад секретаря детского бюро «О положении пионерского движения и плане дальнейшей работы». По итогам обсуждения поставлена задача создания при профсоюзных, комсомольских организациях, трудовых коллективах, учебных заведениях сеть пионерских отрядов и налаживания в них военно-патриотической работы.

Решения окружного агитпропа партии активизировали организаторскую и патриотическую деятельность профсоюзных, комсомольских организаций, отделов народного образования, советов физкультуры и войсковых частей гарнизона. В крупных населенных пунктах силами учителей, сотрудников военкоматов, инструкторов физкультуры, командования войсковых частей, комсомольскими и пионерскими активистами развернулась агитационно-пропагандистская кампания по вовлечению детей в пионерские отряды и военно-спортивную работу. Действенной формой осуществляемой практики стали индивидуальные разъяснительные беседы с неорганизованными детьми и их родителями. К проводимой кампании подключились редакции окружной, стенных комсомольских и детских газет, культурно-просветительные учреждения.

Принятые меры привели к заметным результатам. Так, 31 мая в детском бюро ОК ЛКСМБ состояло на учете 8 отрядов, охватывавших 350 пионеров. На 1.11.1924 года уже действовало 47 отрядов с числом 2350 юных пионеров. В октябре 1925 года в округе активно работало 83 отряда, объединяющих 4 100 мальчиков и девочек [14, л. 13об., 252].

Руководством и координацией физической и военно-прикладной подготовкой ребят занималась военно-физкультурная комиссия при окружном комитете ЛКСМБ, в которую входили представители отделов

образования, здравоохранения, народного комиссариата труда, военного комиссариата, совета физкультуры, спортобщества «Динамо», патриотических организаций. На заседаниях комиссии, проводимых несколько раз в месяц, заслушивались отчеты советов форпостов и пионерских отрядов, утверждались планы, основные направления военно-спортивной работы.

Вдумчиво осуществлялись подбор, обучение пионерских кадров. Подготовка вожатых и детских организаторов выполнялась поэтапно в ходе 10-дневных курсов, организуемых во время зимних и летних каникул на базе одной из школ города, педучилища, комсомольского или пионерского клубов. Первый этап обучения проходил под руководством райкомов, второй – окружкома ЛКСМБ. Курсанты 9 часов в день осваивали биографию В.И. Ленина, марксистско-ленинское учение, историю международного коммунистического молодежного и рабочего движения, теорию, методику и практику пионерской работы. Один из разделов программы посвящался изучению основ детской физиологии, гигиены, физкультуры, строевой, тактической, топографической и противогазовой подготовки, организации детских военно-спортивных игр. В ходе обучения прорабатывались вопросы белорусизации физкультуры, развития национальных спортивных игр и танцев. Успешно прошедшим курсы выдавались удостоверения вожатых и организаторов детской работы. В 1925 году курсы успешно закончили 35 пионерских активистов [14, л. 165, 251].

Уделялось внимание улучшению базы физкультурно-военной подготовки. При большинстве учебных заведений имелись площадки для занятий физкультурой и детскими спортивными играми. В окружном центре при спортивном обществе «Динамо» действовал стационарный стрелковый тир, стрельбища на воздухе, оборудованные с финансовой помощью исполкомов, функционировали при всех районных советах физкультуры и военкоматах. На территории войсковых частей гарнизона, окружного и районных военкоматов размещались военно-спортивные городки. Исполкомами, профсоюзными организациями и трудовыми коллективами оказывалась помощь ячейкам физической культуры в приобретении спортивного имущества: наклонных лестниц, ковров для борьбы, гири, гантелей, штанг различного веса, лыж с палками, ядер, дисков, наконечников для копий, физкультурной формы. В ходе изучения было установлено, что к июлю 1925 года заявки первичных ячеек в окружной совет физкультуры на получение спортивного имущества были удовлетворены на 75% в городах, 15 – в деревнях [15, л. 158].

Улучшалась работа в физкультурных ячейках трудовых коллективов, общественных организациях и по месту жительства. Если в начале января 1925 года в окружном центре работало 3 ячейки физкультуры, в которых занимались 750 физкультурников, в том числе 600 пионеров, то 1 сентября в округе уже действовало 20 спортивных ячеек, в которых тренировалось 4 333 юношей и девушек, из них 700 пионеров [14, л. 268].

Исследование показывает, что юные пионеры являлись энергичными сторонниками динамичного образа жизни. На уроках физкультуры они занимались гимнастикой в порядке школьного обучения, а в отрядах новыми спортивными упражнениями и подвижными играми. Вожатые и советы отрядов поручали пионерам ежедневно делать утреннюю физзарядку и самостоятельно выполнять в вечернее время несложные упражнения для рук и ног. При наличии желания и свободного времени часть пионеров тренировались в кружках при школах, общественных организациях, пионерских клубах. В октябре 1925 года 710 детей регулярно занимались укреплением здоровья в физкультурных кружках 8 местечковых и городских школ, третья часть из них были пионерами.

Значительное количество пионеров совершенствовали физическое развитие в комсомольских и профсоюзных кружках. В октябре 1925 года в 10 кружках профсоюзов занимались 290 физкультурников, из них 46 были юными пионерами, из 1 159 человек, тренирующихся в спортивных кружках комсомола, 187 являлись пионерами.

Юные ленинцы занимались физкультурой, военно-спортивными играми при проведении звеньевых и отрядных сборов. О степени охвата пионеров такими занятиями в масштабе республики на 1 октября 1925 года дает представление табл. 1 [16, л. 50, 52, 53].

Важнейшее значение придавалось военно-прикладной подготовке мальчиков и девочек. С детскими работниками, вожатыми, не проходящими обучение на пионерских курсах, ежемесячно проводились совещания, где в сокращенной форме рассматривались вопросы воспитательной практики с пионерами, в том числе военно-спортивной работы. В пионерских клубах сотрудники военкоматов, инструкторы советов физкультуры, воинских частей, работники общества Красного Креста много времени уделяли методическим занятиям с вожатыми, посвященным проведению физической зарядки, организации военизированных спортивных игр [14, л. 254].

Увлекающиеся военно-прикладными видами спорта пионеры занимались в стрелковой секции общества «Динамо». В ходе теоретических занятий, проводимых сотрудниками военкомата и офицерами войсковых частей гарнизона, мальчики и девочки по учебным пособиям, плакатам знакомились с оружием, стоящим

на вооружении в красноармейских частях и войсках ГПУ. В обществе функционировал стрелковый тир, где обучались меткой стрельбе более 100 школьников и допризывников от 12 до 22 лет. При тире работал кружок «Юный пионер», в котором занимались 20 мальчиков и девочек. Детско-юношеские стрелковые кружки численностью от 10 до 30 членов действовали при 79-м стрелковом полку, окружном и районных военкоматах и советах физкультуры, более двадцати процентов их состава являлись пионерами.

Пионерский кружок в количестве 30 ребят занимался изучением основ красноармейской службы при отделении всеобщего окружного военного комиссариата. Мальчики и девочки под руководством инструктора допризывной подготовки Станислава Бобровича занимались по сокращенному курсу военной гимнастики, получали на плацу основы знаний об одиночной строевой подготовке, порядке передвижения под пионерские песни в составе звена и отряда. Дети осваивали устройство трехлинейной винтовки, противогазовой маски, учились ориентированию в лесу, определять на открытой местности расстояние на глаз, все члены кружка произвели по три выстрела дробинками из берданки по мишеням в стрелковом тире военкомата [16, л. 46, 47; 17, л. 235об., 391].

Двадцать пять пионеров занимались в «Отряде юных дружинников» при городском добровольном пожарном обществе. Мальчики и девочки изучали причины возникновения пожаров, меры их профилактики, с помощью шанцевого инструмента, воды, песка учились тушить небольшие очаги возгорания. Участники кружка приобретали основы знаний о порядке действий при воздушной и химической тревоге, знакомились с некоторыми принципами организации противовоздушной обороны, противохимической и медико-санитарной защиты [14, л. 252об.; 18, л. 137].

Пионеры поддерживали тесные связи с воинским коллективом 79-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии. В полку функционировала физкультурная ячейка, в которой на постоянной основе занимались 95 школьников и допризывников, в том числе 15 пионеров. В воскресные и праздничные дни широко практиковались экскурсии ребят на территорию полка и 774-й отдельной роты особого назначения. Больше всего нравилось мальчикам и девочкам знакомиться с жизнью, бытом красноармейцев и коммунаров,

Таблица 1

Спортивные занятия пионеров на 1 октября 1925 года

Наименование округов	Слуцкий	Калининский	Оршанский	Бобруйский	Витебский	Полоцкий	Борисовский	Мозырский	Минский	Всего
Количество отрядов	17	24	78	48	101	29	97	22	79	495
Пионеров	905	1646	3962	2006	5000	1433	4833	1106	4000	24892

образцами оружия, стоящего на вооружении в армии и специальных частях. Во всех отрядах были оформлены военно-ленинские уголки, в которых в обязательном порядке размещались плакаты с текстами присяги красноармейца, нормативами физической и военной допризывной подготовки, инструкциями пользования противогазовой маской, противохимической обороны. Военно-пионерские уголки имелись в большинстве красноармейских частей гарнизона [14, л. 253; 19, 155об.].

Деятельность окружной пионерской организации по физическому воспитанию, военной подготовке пионеров отмечалась как положительная на пленумах, заседаниях бюро и секретариатов ЦК ЛКСМБ (1924–1927 гг.), втором Всебелорусском съезде физкультурников (ноябрь 1925 года). Успешно решались вопросы военно-спортивного обучения юных пионеров в Богушевском, Горецком, Городокском, Жлобинском, Кличевском, Круглянском, Лепельском, Полоцком, Толочинском, Свислочском, Слуцком, Рогачевском, Червенском районах, городах Бобруйске, Борисове, Витебске, Минске, Могилеве [16, л. 54; 20, л. 55–57; 21, л. 219, 318; 22, л. 26, 32; 23, л. 35, 37, 67; 24, л. 76].

В физической и военной подготовке пионеров имели место проблемы и недостатки. Поддерживая в официальных заявлениях детское коммунистическое движение, ряд райкомов КП(б)Б, большинство сельских партийных ячеек не занимались пионерскими проблемами, считая, что с решением этой задачи справится комсомол. Так, Бельинковичский, Каролинский, Лельчицкий, Острошицко-Городокский, Смиловичский райкомы партии в 1924–1925 годах ни разу не рассматривали деятельность пионерских организаций на заседаниях бюро и агитационно-пропагандистских отделов. Причина такого положения состояла в том, что многие партийные руководители и активисты не понимали сути нового детского движения, не знали его принципов, форм и методов работы. Как результат, организационная, военно-физкультурная деятельность с пионерами в данных регионах развивалась значительно медленнее в сравнении с другими районами ССРБ [21, л. 370, 390; 22, л. 30].

Много проблем имелось с качеством подготовки кадров. Просматривающаяся у многих вожатых слабая профессиональная подготовка, безынициативность способствовали формализму в пионерских делах, спортивной и оборонно-массовой работе. Частыми были случаи, когда на должности вожатых отрядов рекомендовались не только неподготовленные, но даже случайные люди. В этих условиях военно-спортивная деятельность во многих пионерских отрядах ограничивалась лишь периодическим проведением упрощенного варианта физической зарядки. Такое положение дел было характерно для Копаткевичского, Костюковичского, Петриковского, Шкловского районов республики [25, л. 144; 26, л. 337].

Проведению физкультурной и военной подготовки с пионерами мешали отсутствие удовлетворительных

гимнастических залов, нехватка спортивного оборудования и инвентаря. Например, развитие спортивно-массовой работы с пионерами в Бобруйске и Орше значительно сдерживал затянувшийся с июля 1924 по май 1925 года ремонт в центральных пионерских клубах. В сельских населенных пунктах Бельничского, Житковичского, Кормянского, Туровского районов не было даже примитивных спортивных залов, кабинетов, классов для занятий физической культурой [16, л. 125; 27, л. 332].

Исходя из вышесказанного можно констатировать, что спортивно-массовая работа с мальчиками и девочками во многих районах и городах республики осуществлялась в летнее время, а в зимний период прекращалась по причине отсутствия отопления в помещениях для спортивных занятий. Например, в Калинковичском, Краснопольском, Наровлянском, Озаричском, Рясненском районах физические упражнения с мальчиками и девочками в холодное время года не проводились из-за того, что пионерские клубы нечем было обогревать. Даже в Бобруйске, где окружные детское бюро, отдел образования, совет физкультуры, военкомат и войсковые части в целом успешно занимались военно-спортивной работой с пионерами, ежегодно с ноября по апрель наблюдалось ее заметное замедление в связи с нехваткой в пионерском клубе дров для топки печей [28, л. 235].

Проведение физической и военно-прикладной подготовки с юными ленинцами затрудняло отсутствие на местах понимания важности детской работы, необходимости помощи в ее проведении. Изучение показывает, что пионерским строительством в республике главным образом занимались комитеты комсомола. Но у них не было реальных административных и финансовых возможностей поддержки детского коммунистического движения. Число комсомольских активистов было малочисленным, у большинства из них не хватало компетенций для организации системной воспитательной работы.

Не имея четких указаний «сверху», ясного представления перспектив развития пионерского дела, местные структуры исполнительной власти, прежде всего отделы народного образования, проявляли нерешительность, старались не вмешиваться в работу детских бюро райкомов комсомола. В результате школьные и пионерские патриотические мероприятия шли параллельно друг с другом и даже противопоставлялись. Многие учителя, не желая заниматься дополнительной общественной нагрузкой, под различными предлогами уклонялись от участия в жизни пионерских отрядов. Например, весной 1925 года на учебно-методической конференции работников образования Толочинского района одна из участниц заявила: «Отряд не должен вмешиваться в школьную воспитательную работу, а учитель в отрядную» [27, л. 453].

Несмотря на то, что в крупных городах пионеры в целом вовлекались для занятий в кружки физической культуры и военного дела, спортивная и оборонно-

массовая работа в сельской местности велась неудовлетворительно. В Оршанском округе, где такие вопросы решались лучше, в кружках физического воспитания и военно-технических знаний мальчики и девочки регулярно занимались только в городах Горки, Орша, местечках Богушевск, Коханово, Толочин и прилегающих к ним территориях. В селах и деревнях остальных районов физкультурная и военно-прикладная подготовка пионеров велись эпизодически. Намного хуже обстояли дела в Журавичском, Койдановском, Луполовском, Пропойском районах, на территории которых юные пионеры занимались физической культурой от случая к случаю, ознакомление ребят даже с некоторыми военными знаниями в сельской местности не проводилось [14, л. 253об.; 29, л. 223, 232].

Заключение. Архивные источники, материалы прессы свидетельствуют о том, что в 1924–1925 годы в ССРБ складывались основы системы физической и военной подготовки пионеров. Руководство этой деятельностью осуществляли военно-спортивные комиссии при окружках, райкомах ЛКСМБ, в состав которых входили представители отделов исполкомов, советов физкультуры, военкоматов, патриотических организаций. В ходе обучения вожатых на курсах детских работников рассматривались вопросы физического воспитания пионеров, военизации физкультуры. Юные ленинцы занимались физической культурой в ходе школьных уроков, а также во время отрядных сборов. Во многих районах физическое воспитание и военная подготовка пионеров проходили на высоком уровне. Накопленный опыт учебы пионеров требует вдумчивого осмысления и возможен, по мнению автора, для использования на современном этапе.

На качество военно-физкультурной работы с мальчиками и девочками отрицательно влияли слабая база обучения, крайне низкая осведомленность вожатых в вопросах спорта, военного дела. Во многих районах в холодное время года физкультурная деятельность с пионерами прекращалась по причине отсутствия отапливаемых помещений для занятий. В ряде отрядов физкультурная и военно-прикладная подготовка проводились формально, особенно в сельской местности.

Исследование показало, что пионерское движение, несмотря на имеющиеся проблемы и недостатки в работе, сыграло огромную роль в физическом и военном становлении детей и подростков, подготовке подрастающего поколения к защите Родины. Среди миллионов тех, кто мужественно и стойко сражался в годы Великой Отечественной войны во имя Победы с фашистскими захватчиками, было немало бывших пионеров, которые с честью выдержали экзамен на верность своей Отчизне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск: Беларусь, 1981. – 207 с.
2. Чигринов, П.Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и

- упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / П.Г. Чигринов; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
3. Журов, А.Е. Под руководством партии / А.Е. Журов. – Минск: Беларусь, 1970. – 216 с.
4. Журов, А.Е. Деятельность коммунистической партии Белоруссии по созданию и руководству ЛКСМБ (1918 – 1925 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.570 / А.Е. Журов; БГУ. – Минск, 1967. – 45 с.
5. Пиульский, Е.В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Е.В. Пиульский; М-во высш. и сред. спец. образования БССР [и др.]. – Минск, 1975. – 26 с.
6. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Ф. Кушнер; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.
7. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск: БНТУ, 2017. – 204 с.
8. Кулинкович, К.А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945–1970 гг.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: № 13734 / К.А. Кулинкович; Моск. гос. ин-т физ. культуры. – М., 1972. – 53 с.
9. Шаврук, В.И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / В.И. Шаврук; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967. – 22 с.
10. Коваленко, Г.П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Г.П. Коваленко; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972. – 22 с.
11. Комсомол – нашей доблестной партии сын: из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии: [сб. очерков] / редкол.: А.К. Зинин, А.А. Маркевич. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – 492 с.
12. Искры пионерских костров: книга-летопись об истории белорусской пионерии: [для сред. шк. возраста] / сост.: Г.В. Бизюк, А.В. Герасимова, Е.Н. Рацевич, А.С. Рокош. – Минск: Юнацтва, 1983. – 303 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1757.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1791.
15. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 641.
16. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 64а.
17. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 612.
18. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 62.
19. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 610.
20. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 37.
21. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 70.
22. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 71.
23. НАРБ. – Ф. 63п. Оп. 1. Д. 72.
24. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1106.
25. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1790.
26. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1789.
27. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1784.
28. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1787.
29. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3114.

Поступила в редакцию 04.05.2021

Вклад представителей белорусских губерний в подготовку крестьянской реформы 1861 г.

Серeda A.C.

Учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск

В статье рассматривается деятельность представителей белорусских губерний, направленная на реализацию крестьянской реформы 1861 г.

Цель – выявление масштабов участия представителей белорусских губерний, содержания и восприятия их идей при подготовке отмены крепостного права.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе данных, содержащихся в фондах Российского государственного исторического архива, а также информации, уже введенной в научный оборот. Применены методы анализа и обобщения, историко-сравнительный, историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. В исследовании анализируются идеи, предложения и мнения по проектированию условий отмены крепостного права представителей белорусских губерний. Дана их характеристика, представлены и описаны варианты отмены крепостного права. Выявлены достоинства и недоработки проектов. Обнаруженные архивные документы позволяют оценить вклад представителей белорусских губерний в разработку Общих и Местных Положений, закрепляющих реализацию крестьянской реформы 1861 г.

Заключение. Перед отменой крепостного права правительством был организован сбор идей и предложений относительно будущей реформы. Среди авторов были уроженцы белорусского региона или лица, тесно с ним связанные. Часть составителей прибегали к анонимности при создании проектов. Белорусские губернии представлены проектом Виленского губернского комитета за подписью Виленского губернского предводителя дворянства А.Ф. Домейко и обширной запиской 13-го Несвижского ордinata князя К.В. Радзивилла. Оба проекта ориентированы для применения как в общегосударственном масштабе, так и в региональных условиях белорусских губерний. Идеи данных проектов получили свое развитие при составлении «Общего и Местных положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Предложения, изложенные в записке К.В. Радзивилла, были в большем объеме восприняты авторами реформы.

Ключевые слова: крестьянская реформа, белорусские губернии, элита, проекты.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 59–64)

The Contribution of Representatives of Belarusian Provinces Into the Preparation of the Peasant Reform of 1861

Sereda A.S.

Education Establishment “National Institute for Higher Education”, Minsk

The article examines the activities of representatives of the Belarusian provinces, aimed at the implementation of the peasant reform of 1861.

The purpose is to identify the scope of the participation of representatives of the Belarusian provinces, the content and perception of their ideas in preparing the abolition of serfdom.

Material and methods. The research was carried out on the basis of data contained in the funds of the Russian State Historical Archive, as well as information already introduced into scientific circulation. Methods of analysis and generalization, historical-comparative, historical-systemic methods are applied.

Findings and their discussion. The study analyzes the ideas, proposals and opinions on elaborating the conditions for the abolition of serfdom of the representatives of the Belarusian provinces. Their characteristics are given, and variants of serfdom abolition are presented and described. The advantages and shortcomings of the drafts are revealed. The found archival documents allow us to estimate the contribution of the representatives of the Belarusian provinces to the development of the General and Local Provisions, securing the implementation of the peasant reform of 1861.

Conclusion. Before the abolition of serfdom, the government organized a collection of ideas and proposals concerning the future reform. Among the authors were natives of the Belarusian region or persons closely associated with it. Some of the authors resorted to anonymity when creating the drafts. The Belarusian provinces are represented by the draft of the Vilna Provincial Committee signed by Vilna Provincial Leader of the Nobility A.F. Domeyko and by extensive notes by the 13th Nesvizh Ordinate of Duce K.V. Radziwill. Both drafts aimed to be applied both on the national scale and in the regional conditions of the Belarusian provinces. The ideas of both drafts were developed while elaborating the General and Local Regulations on the Peasants Emerging from Serfdom. The proposals set out in K.V. Radziwill's note were widely accepted by the authors of the reform.

Key words: peasant reform, Belarusian provinces, elite, drafts.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 59–64)

В статье рассматривается деятельность представителей белорусских губерний, направленная на реализацию крестьянской реформы 1861 г.

Любая реформа, становясь изменением правил, зачастую приобретает формы коренного перелома устоявшихся традиций, явлений и процессов. Реализация широких внутригосударственных преобразований объективно требует изучения положения в реформируемой сфере. Одним из условий успешного проведения модернизации выступает осведомленность и заинтересованность в ней тех, кто будет жить по новым законам и правилам. Поэтому важной составляющей успеха любой реформы является обратная связь реформаторов и реформируемых. Отмена крепостного права в 1861 г. представляет собой пример такого взаимодействия.

Цель – выявление масштабов участия представителей белорусских губерний, содержания и восприятия их идей при подготовке отмены крепостного права.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе данных, содержащихся в фондах Российского государственного исторического архива, сведения из дореволюционных изданий, а также информации, введенной в научный оборот рядом исследователей. Методологическую основу работы составили принцип историзма и объективности, системный подход. Применены методы анализа и обобщения, историко-сравнительный, историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. После восшествия на престол в 1855 г. Александр II запланировал окончательно решить проблему крепостного права. Позиция императора была закреплена в известной речи от 30 марта 1856 г. о том, что лучше освободить крестьян сверху, чем дать им самим освободить себя снизу [1, с. 391]. С апреля 1856 г. вопросами освобождения крестьянства занялось Министерство внутренних дел [2, с. 88]. В августе 1856 г., во время коронации императора в Москве, министр внутренних дел С.С. Ланской провел переговоры с предводителями дворянства губерний об освобождении крестьян. Оказалось, что большая часть предводителей совершенно не была готова к реформам, и только предводители дворянства западных губерний, особенно Гродненской, Ковенской и Виленской, были заинтересованы в решении крестьянского вопроса. Ключевой фигурой в этом процессе был Виленский генерал-губернатор В.И. Назимов – знаменитым рескриптом Александра II от 20 ноября 1857 г. ему и его окружению было поручено создать

первый пробный проект освобождения крестьянства – этим путем власти надеялись подвести дворянство трех западных губерний к тому, что оно сделает первый шаг и первое произнесет слово «освобождение» [2, с. 90]. В феврале 1858 года был учрежден «Штаб» обсуждения программы будущей реформы – Главный комитет по крестьянскому делу. Попутно учреждались особые комитеты из предводителей дворянства и других помещиков, которые порекомендовали бы проекты, на основании которых можно было бы выработать общее положение [3, с. 379]. В 1858 г. в Главном комитете по крестьянскому делу начинается рассмотрение идей, записок, проектов и мнений подданных Российской империи и других государств относительно будущей реформы [4]. Анализ и обсуждение длилось с 7 августа 1858 по конец января 1861 г. В феврале 1859 г. были созданы Редакционные комиссии – межведомственный орган с участием специально привлеченных экспертов, с целью обработки информации и составления единого общегосударственного проекта. Труды комиссий оперативно публиковались [5, с. 105].

Сохранилось достаточно большое количество записок, предложений, мнений и планов относительно будущей реформы. Специфическим признаком ряда проектов является их анонимность. Имеющиеся данные говорят о том, что наибольший объем идей был создан жителями великорусских губерний. Однако были проекты, поступавшие из других регионов империи, в которых существовало крепостное право. Свои предложения прислали жители Пруссии и Франции – так некий неизвестный автор опубликовал открытое письмо лично царю во французской газете L'Union [6, л. 372].

Известный русский юрист А.Ф. Кони делил данные записки и проекты об освобождении на: 1) доводившие начала освобождения ad absurdum (Примечание: к абсурду) и предлагавшие всю землю помещиков отдать крестьянам, 2) устрашительные, в которых ... говорилось о «народной Немезиде с обнаженным мечом» 3) сентиментальные – предлагалось освобождать людей постепенно, после ряда предварительных испытаний, в виде награды за благонравие [7, с. 81]. Изучение материалов позволяет отметить страх части имперского общества перед возможной революцией, анархией и крахом государства. Так некий анонимный автор крайне эмоционально предостерегал правительство от попытки создать: «Фантастическую систему

демократической монархии... где власть перейдет, в сущности, в руки необразованной и неподготовленной к тому массе народа. Долго ли тогда устоять действующим государственным силам и всему государственному устройству? ... Не дай тогда, Боже, Российской Державе, сохраниться всецело хотя еще два года!» [4, л. 353]. Существовали идеи приурочить отмену крепостного права к какой-либо знаковой символической дате. Так один из авторов предлагал отменить крепостное право в 1862 г. в год Тысячелетия Руси [4, л. 355].

Свой вклад в проектирование реформы внесли и представители белорусских губерний.

Исследовательница отмены крепостного права в белорусских губерниях М.Б. Фридман утверждала, что представители дворянских комитетов белорусских земель широко рассматривали вопросы поземельного обустройства крестьянства [8, с. 82–85]. Однако во время исследования не было обнаружено большого количества программ, которые отчетливо можно соотносить с белорусскими губерниями. Бесспорно, они были, однако либо не сохранились в архивных данных, либо фигурируют в качестве анонимных посланий. Так уже на одном из первых заседаний Главный комитет рассматривал особую записку неизвестного сочинителя [9, л. 20], в которой автор предлагал вместо масштабной реформы ограничиться введением во всех помещичьих имениях инвентарей, подобных введенных недавно в Витебской и Могилевской губерниях. Суть записки заключалась в идее установления правила, требовавшего, чтобы все отработки крестьян не превышали 3-х дней в неделю и принятия некоторых других второстепенных мер, сводившихся к постепенному ослаблению крепостного права [9, л. 20]. Из протокола известно, что данная записка изначально была послана лично на имя императора, который, ознакомившись с ее содержанием, отправил ее на рассмотрение Главного комитета. Возможно данный план был создан уроженцем белорусских губерний, поскольку автор обстоятельно ссылается на известный ему опыт внедрения инвентарей в Витебской и Могилевской губерниях.

Помимо анонимных писем ряд проектов разработан установленными авторами. Одним из таких примеров является письмо Виленского губернского предводителя дворянства, помещика А.Ф. Домейко, в котором обобщены идеи членов Виленского губернского комитета. Проект был изучен Главным комитетом 23 декабря 1860 г.

Проект не затрагивал переустройства во всей России и очерчивает только региональные проблемы «решения поземельных вопросов в Западных Губерниях» [4, л. 235]. Предлагаемый план условно делится на рассмотрение двух составляющих реформы: экономической и административной. Губернский предводитель дворянства указывал на то, что в результате введения инвентарей в результате предшествующей Инвентарной реформы Киселева, земельный вопрос

для крестьян Литовских губерний «окончательно решился» [4, л. 385]. Автор, критикуя инициативу В.И. Назимова, утверждал, что идеи некоторых землевладельцев Западного края, собранные генерал-губернатором, на самом деле неудобны и невыгодны для большинства землевладельцев, поскольку идеи В.И. Назимова и солидарного с ним дворянства не обращают внимания на местное экономическое удобство края. Домейко, осведомленный о работе Главного комитета, указывал на невыгодность для помещичьего хозяйства разрабатываемых планов, при которых помещику оставалось бы только 1/3 часть его поместья: «Помещик жертвует часть своего состояния, эта часть состоит из 2/3 его имущества, следовательно, он должен быть вознагражден, а не вознаграждать сам за оставленные в его распоряжение 1/3 удобных земель» [4, л. 389]. Объективно предвидя сложность преобразований, Домейко указывал, что во время процесса раздела собственности необходимо соблюсти справедливость, удержать общий порядок и спокойствие края предоставлением каждому Гражданину в пользование не того, что он желает, а того, что ему предназначается [4, л. 393]. Зная обстановку в регионе, Домейко указывал на слабое понимание местным крестьянством абстрактного понятия собственности, которое в будущем приведет к путанице в случае продаж или размена земель, участков и угодий («...правила, в котором при произведении публичного торга все перепутано, оценка продающихся строений и цена продающегося права пользования участком, так что трудно понять продаются ли строения, продаются ли право пользования») [4, л. 402]. Предвидя экономические трудности, губернский предводитель отмечал отсутствие капиталов у крестьян на все то, что им необходимо для последующей жизни [4, л. 405], в связи с чем настаивал на необходимости организации адекватного налогообложения: «чтобы денежный чинш представлял действительную стоимость вольнонаемного труда» [4, л. 405], а также на постепенность перехода к денежному налогообложению, «поскольку безусловный и внезапный переход от барщины на чинш может быть причиною слишком крутого экономического перелома и преждевременно уничтожить производительность большинства хозяйств [4, л. 410].

В административной сфере Домейко отмечал, что назначение органов самоуправления не должно совершиться революционным образом [4, л. 391]. Исходя из текста, он был сторонником преобладания мирных, добрососедских соглашений между крестьянами и помещиками, считая, что «передача крестьян в жертву должностных лиц Сельского общества, а крестьян и помещиков в руки чиновников посредством постановлений, клонящих их к разъединению между собой» приведет к негативным последствиям [4, л. 417]. Автор критически относился, но признавал необходимость государственного регулирования и чиновничьего вмешательства в ряд процессов. Исходя из данной необходимости, Домейко предлагал создать

специальные Уездные комиссии [4, л. 422] для решения хозяйственных дел на основе добровольных договоров между сторонами – в состав комиссий должны были входить члены губернского по крестьянским делам присутствия, выборные представители от крестьян и мировой посредник [4, л. 422–431]. Мировой посредник – особая чиновничья должность в Российской империи, предназначенная для осуществления посреднической деятельности и разрешении взаимных противоречий при столкновении интересов между помещиками и крестьянами во время реализации крестьянской реформы. Автор предполагал избрание мировых посредников из дворянской среды дворянством в первые три года – позже право избрания посредников должно было быть передано крестьянам [4, л. 426]. Функции мирового посредника не были строго обозначены. Предполагалось, что по итогам осуществления реформы в каждой местности будет составлен план разграничения угодий в двух экземплярах, один из которых направлялся бы в уездный суд, другой – оставался у помещика [4, л. 423]. Домейко предлагал оставить за помещиками власть вотчинной полиции [4, л. 431].

Проект Виленского предводителя дворянства слишком абстрактный – в нем не хватает конкретики, ясности и четкости. Несмотря на понимание двух разных сфер будущего реформирования – административного и экономического – Домейко не смог выделить четкие точки соприкосновения между ними. Указывая на явные и возможные недостатки государственных планов, автор не смог предложить четкого механизма осуществления преобразований, опираясь только на общие представления о руководящей роли дворянства, которое будет осуществлять реформу в союзе с крестьянством, на основе итогов инвентарной реформы, широко применяя полюбовные договоры между сторонами [4, л. 422]. Домейко, предвидя будущие сложности и возможные беспорядки в ходе реформы, допускал безусловное, но ограниченное участие государственных структур в осуществление реформы, однако считал, что деятельность государства в большей степени будет направлена на работу с крестьянством, а не на помещиков.

Другим примером является обширная записка князя Карла Вильгельма Радзивилла. Князь, являясь представителем рода Радзивиллов, был подданным Пруссии, генералом пехоты прусской армии. Однако, несмотря на постоянное проживание и службу в другой стране, с 1832 по 1870 гг. выступал 13-м Несвижским ординатом – владельцем больших земельных владений на белорусских землях, куда входили Несвижский и Мирский замки [10], а, следовательно, был осведомлен о ситуации в помещичьей деревне в белорусских губерниях. Помимо этого, Радзивилл был очевидцем проведения в Пруссии собственной аграрной реформы, и, судя из письма, имел тесные контакты с ее непосредственными исполнителями. Наблюдая все положительные и отрицательные стороны

преобразований в Пруссии, князь считал своим долгом помочь в осуществлении будущей реформы всеми средствами, какими он может располагать, предоставив «некоторые наблюдения, сделанные в течении 47 лет в стране, к которой привязан отношениями» [6, л. 429–430].

Так же, как и проект Домейко, записка Радзивилла условно делится на рассмотрение экономической и административной составляющих будущей реформы. Однако в ней Радзивилл более отчетливо разделяет два этих компонента. Автор постоянно отталкивается на известный ему прусский опыт отмены крепостного права. Радзивилл, пытаясь экстраполировать свои идеи на всю империю, в ходе письма сужает границы возможного применения проекта на территорию белорусских губерний, делая упор на близкие к Пруссии территории.

Князь объективно перечислил ошибки и недостатки прусской аграрной реформы, выводя их происхождение «от ложных политических положений и бюрократических стремлений» либеральных деятелей Пруссии, считая их идеи виновниками «катастрофы 1848 г.» [6, л. 431] (Примечание: Революции 1848–1849 гг.). Предостерегая русское правительство от прусских ошибок при желании осуществить реформу быстро, князь указывал на первоначальную необходимость и важность создания необходимых экономических условий: необходимость наличия хорошо развитых товарно-денежных отношений – всего того, что способствует «легкости обмена произведений на деньги» [6, л. 434] и просит о создании соответствующих региональных условий (надлежащая инфраструктура, рынки, банковские конторы и т.д.) на границе Российской империи с Пруссией (экономическими центрами, по его замыслу, должны были выступить города Ковно, Брест-Литовск и Рига) [6, л. 434–436].

В целях недопущения революции князь советует применить продолжительный процесс эмансипации, состоящий из ряда этапов. Первоначально стоило начать с личного освобождения крестьян и предоставления им полного права распоряжения всем движимым имуществом. Затем предоставить крестьянам возможность приобретения земельной собственности [6, л. 437]. Попутно необходимо подготовить сельское население «мудрым переходом» к независимому от помещика существованию, создав дееспособные органы самоуправления в виде сельской общины («укрепить и преобразить хорошее общинное устройство») [6, л. 438]. Все время необходимо приучать крестьянство к самостоятельному существованию на основе экономического равноправия и юридической договороспособности («Обратить барщину в систему фермерства на основе контрактов») [6, л. 438]. Радзивилл, указывая на необходимость существования переходного периода для адаптации населения к новой правовой и экономической реальности, отводил на него 10 лет, который должен был быть закреплен в форме заключения обязательных 12-летних контрактов

между помещиками и крестьянами. Арендная плата должна была оплачиваться деньгами либо отработками [6, л. 439].

Идею заключения обязательных контрактов князь выводил как из общепринятого на тот момент опыта, так и на основе понимания неразвитого представления крестьянства и части помещиков относительно земельной собственности. Радзивилл, осознавая эту особенность крестьянского мировоззрения, предлагал широко применять государственное регулирование, поскольку «собственность представляет для славянского крестьянина идею столь новую, столь привлекательную, что весьма важно иметь в виду, с самого начала, сильные законодательные меры, чтоб воспрепятствовать раздроблению земельной собственности» [6, л. 440]. Целями заключения обязательных контрактов являлась необходимость избежать в ближайшем будущем массового обезземеливания крестьян [6, л. 440], а также осуществление политики экономического протекционизма, направленного «против влияния иностранных капиталов, которые бы устремились на спекуляции поземельной собственностью» [6, л. 443].

В связи с данными обстоятельствами князь указывал на естественную необходимость сильного государственного вмешательства в процесс раскрепощения [6, л. 441]. Одной из наиболее критикуемых ошибок прусской реформы Радзивилл считал возложение обязанностей по ее реализации «на существующие административные и судебные власти сверх их текущих занятий», что привело к множеству «проволочек, промедления и полного застоя в ходе дела» [6, л. 442]. Князь отмечал наибольшую трудность в решении данного вопроса, поскольку требовалось удовлетворять потребности и интересы всех подданных [6, л. 444]. В связи с этим предлагалось создать отдельные временные органы власти («особые властные учреждения») [6, л. 446], которые занимались бы только вопросами проведения реформы и ничем другим. Структура учреждений, по замыслу составителя, представляла из себя следующее: 1) уездные комитеты, 2) губернские комитеты под началом предводителя дворянства, 3) делопроизводство – поручить чиновникам, назначенным от правительства, 4) высшая инстанция – генерал-губернатор, 5) конечный орган – Центральный комитет, назначенный императором и расположенный в столице. Комплектование данных органов должно было осуществляться лицами, которые бы гарантировали монархическому правительству самые верные и самые прочие гарантии [6, л. 446–447].

Идеи К.В. Радзивилла опираются на опыт отмены крепостного права в Пруссии. Автор смог предложить отчетливый план действий и механизм для его достижения. Для этого князь делал ставку на широкое вмешательство государства в процесс реформирования с отстаиванием интересов как помещиков, так и крестьян. Заслугой автора является обоснование концепции о постепенности реформирования, необ-

ходимости государственного патернализма, важности создания особых органов, которые бы занимались только вопросами аграрной реформы. В идеале план Радзивилла позволил бы избежать диспропорций при реализации реформы и обеспечил бы поступательное осуществление модернизации. Недостатком плана являлось то, что воплощение замысла потребовало бы продолжительного периода времени.

Главный комитет по крестьянскому делу учел предложения авторов. Анализируя итоговый законодательный акт – «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», возможно говорить, что были учтены ряд идей авторов.

Согласно закону, все движимое имущество крестьян, а также их дома и постройки, было признано их личной собственностью [11, ст. 31]. На принятии данной нормы прямо настаивал князь Радзивилл [6, л. 437] и, в более завуалированном виде, А.Ф. Домейко [4, л. 393]. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, назывались «временно-обязанными крестьянами». Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и приобретшие в собственность поземельные угодья, именовались «крестьянами-собственниками».

После получения свободы, крестьяне могли в последующем выкупить земли и угодья [11, с. 11–12, 31–37] – данное положение отображает предлагавшуюся идею Радзивилла [6, л. 437]. В местном Положении для Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской губернии нашла воплощение идея Домейко об наделении крестьян землей на основе инвентарей с компенсацией в пользу помещика в том случае, если помещику останется менее 1/3 части угодий [12, с. 3, 5, 6, 9]. Закон декларировал, что наделение крестьян землей, угодьями и повинностями в пользу помещика должно производиться преимущественно по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению [11, с. 6]. Право вотчинной полиции над временнообязанными крестьянами также принадлежало помещику [11, с. 18]. Вышеназванные пункты также были отражением идей Виленского предводителя дворянства [4, л. 417]. Законом допускалось отбывание временнообязанными крестьянами повинностей «работою или деньгами» [11, с. 4], на что настаивали и Домейко [4, л. 410] и Радзивилл [6, л. 439]. В случае, если крестьяне и помещик не могли договориться по какому-либо вопросу, стороны должны были обратиться за помощью к мировому посреднику. Мировой посредник должен был разрешить спор лично, либо перенаправить его в иные инстанции. Мировые посредники получили широкие права и полномочия, являясь частью специально созданного для проведения реформы ведомства – губернских по крестьянским делам присутствий. В уездах существовали уездные съезды мировых посредников. Каждый уезд делился на несколько мировых участков [11, с. 20]. Ведомство находилось

в подчинении министерства внутренних дел. Структура ведомства во многом скопирована из предложения К.В. Радзивилла. Идея князя об обязательных контрактах между сторонами нашла воплощение в требовании обязательного составления уставных грамот – особых документов, фиксирующих имущественные правоотношения сторон [11, с. 7]. В течение переходного периода власть и обязанности помещика перед крестьянами постепенно ликвидировались [11, с. 9], однако помещику и мировому посреднику вменялось попечительство над временнообязанными крестьянами [11, с. 148–163], что доказывает применение идеи Радзивилла о «мудром переходе» к независимому от помещика существованию [6, л. 438]. Предложение князя об организации органов самоуправления на основе крестьянской общины [6, л. 438] также нашло свою поддержку в создании сельского общественного управления [11, с. 46–129].

Заключение. При разработке крестьянской реформы правительством был организован сбор идей и предложений среди подданных империи и за ее пределами. Среди авторов предложений были уроженцы белорусских губерний или лица, тесно с ним связанные. Несмотря на мнение исследовательницы М.Б. Фридман, нет оснований утверждать о широком участии дворянства белорусских губерний в проектировании реформы. Некоторые анонимные проекты, вопреки имеющим признакам, не могут быть достоверно отождествлены с белорусским губерниями. Выявлено два проекта, имеющих отношение к белорусским землям. Это проекты Виленского губернского комитета под предводительством А.Ф. Домейко и 13-го Несвижского ордinata К.В. Радзивилла. Программы отображали как распространенные среди общества воззрения на реформу, так и имели свои индивидуальные особенности. Оба проекта имели свою специфику, достоинства и недостатки. Наиболее проработанным стоит считать план К.В. Радзивилла, основанный на итогах Прусской аграрной реформы. Подписанные императором Александром II Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, учитывали идеи обоих авторов, которые были доработаны и доведены до логичного завершения. Наибольшее воплощение, судя по Положению, получил проект К.В. Радзивилла.

Литература

1. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3 т. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – Т. 2. Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З.Е. Абэзгаўз [і інш.]; пад рэд. В.П. Панюціча. – 552 с.
2. Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1968. – 369 с.
3. Гродненская губерния в законодательных актах Российской империи (1801–1913) / Гос. Учреждение «Нац. Ист. Арх. Беларуси в г. Гродно», Упр. Делами Гродн. обл. исполн. ком. – Слоним: Слонимская типография, 2004. – 359 с.
4. Первая серия записок и проектов, поступивших в главный комитет от разных лиц по вопросу об освобождении помещичьих крестьян // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1180. Оп. 1. Д. 82.
5. Христофоров, И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.) // И.А. Христофоров. – М.: Собрание, 2011. – 368 с.
6. Первая серия записок и проектов, поступивших в главный комитет от разных лиц по вопросу об освобождении помещичьих крестьян // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1180. Оп. 1. Д. 81.
7. Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. 1864 – 20 ноября 1914: к пятидесятилетию судебных уставов / А.Ф. Кони. – М.: Издательство И.Д. Сытина, 1914. – 296 с.
8. Фридман, М.Б. Отмена крепостного права в Белоруссии / М.Б. Фридман. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1958. – 200 с.
9. Журналы секретного и главного комитетов по крестьянскому делу. Том первый. С 3 января 1857 года по 30 ноября 1860 года // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1181. Оп. 2. Ед. хр. 1.
10. Радзивилл, Антоний Вильгельм [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://howlingpixel.com/ru/Радзивилл,_Вильгельм. – Дата доступа: 07.12.2018.
11. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗРИ. № 36657: в 55 т. – Собрание 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 36, Ч. 1. С. – 141–169.
12. Высочайше утвержденное Местное Положение о земельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской // ПСЗРИ № 36665: в 55 т. – Собрание 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 36, Ч. 1. – С. 340–371.

Поступила в редакцию 12.05.2021

Государственная политика в сфере высшего медицинского образования БССР в 1946–1991 гг.: историография

Перевалов Я.О.

Учреждение образования «Витебский государственный
ордена Дружбы народов медицинский университет», Витебск

В статье рассматривается отечественная и зарубежная историография государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР в 1946–1991 гг. Установлено, что фундаментальных исследований в этой сфере не проводилось, имеются лишь работы по узким вопросам высшего медицинского образования. Существующие историографические исследования не раскрывают все стороны развития высшего медицинского образования БССР данного периода и носят эпизодический, несистемный характер. История государственной политики в сфере высшего медицинского образования в БССР 1946–1991 гг. в исторической науке остается малоисследованной сферой.

Цель работы – выделить этапы и дать характеристику историографическим материалам и источникам по государственной политике в сфере высшего медицинского образования БССР в 1946–1991 гг.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе научно-исторической литературы, хранящейся в Национальной библиотеке Республики Беларусь, Витебской областной библиотеке, а также архивных данных, содержащихся в фондах Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области. Были использованы специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. В основу периодизации историографии положен принцип, учитывающий формирование государственно-территориальных образований. В соответствии с ним выделены этапы: 1) 1946–1991; 2) 90-е гг. XX – начало XXI в. Первый этап охватывает развитие историографии в СССР. Второй – в период независимости Беларуси и других республик бывшего СССР. Появившиеся в это время издания можно разделить на обобщающие труды по истории высшей школы БССР и СССР и работы, затрагивающие отдельные аспекты развития системы высшего медицинского образования в республике.

Заключение. Подводя итог необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день нет достаточного объема научных работ, отражающих государственную политику в сфере высшего медицинского образования. Среди имеющихся исследований особое место занимают диссертации. Однако ни одна из них не посвящена непосредственно рассматриваемым аспектам государственной политики. В них только затрагиваются отдельные политические вопросы.

Ключевые слова: государственная политика, высшее медицинское образование, социальная политика, медицинское образование, медицинские аспекты, историческое исследование.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 65–69)

State Policy in the Field of Higher Medical Education in the BSSR in 1946–1991: Historiography

Perevalov Ya.O.

Education Establishment “Vitebsk State Order
of Peoples’ Friendship Medical University”, Vitebsk

The article discusses domestic and foreign historiography of the state policy in the field of higher medical education in the BSSR 1946–1991. It was found out that no fundamental research was actually carried out in this area; there are only a few works on some specific issues of higher medical education. The existing historiography studies do not reveal all aspects of the development of higher medical education of the BSSR in 1946–1991; they are scarce and unsystematic in nature. The history of state policy in the field of higher medical education in the BSSR in 1946–1991 still remains a little explored area in history science.

The purpose of the article is to highlight the stages and characterize historiography materials and sources on state policy in the field of higher medical education in the BSSR in 1946–1991.

Material and methods. The research was carried out on the basis of archival data contained in the collections of the National Archive of the Republic of Belarus, the State Archive of Vitebsk Region, scientific and historical literature stored in the National Library of the Republic of Belarus, Vitebsk Regional V.I. Lenin Library as well as information already available in scientific circulation. Special historical methods were used: the historical-genetic, historical-comparative, and historical-systemic.

Findings and their discussion. The periodization of the historiography is based on the principle that takes into account the formation of state-territorial entities. In accordance with it, the following stages are identified: 1) 1946–1991; 2) the 1990s – early 21st century. The first stage covers the development of historiography in the USSR. The second one covers the period of independence of Belarus and other Republics of the former USSR. The publications that appeared at that time can be divided into generalizing works on the history of higher education in the BSSR and the USSR and works affecting certain aspects of the development of the system of higher medical education in the Republic

Conclusion. Summing up, it should be emphasized that so far there hasn't been a sufficient amount of scientific works reflecting the state policy in the field of higher medical education. Among the available research, dissertations occupy a special place. However, none of them is directly devoted to the considered aspects of state policy. They only touch on certain political issues

Key words: state policy, higher medical education, social policy, medical education, medical aspects, historical research.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 65–69)

Высшее медицинское образование Беларуси имело ключевое значение в сложной, многофункциональной структуре подготовки медицинских кадров. За полувековой период развития с 1946 по 1991 г. был накоплен большой организационный и дидактический опыт. Поиск оптимальной модели, разработка программ деятельности и основных принципов реализации в соответствии с современными социальными задачами национальной системы здравоохранения предполагают опору на исторический опыт [1, л. 9–20; 2, л. 1–7; 3, л. 56–70]. Поэтому раскрытие эволюции высшего медицинского образования как части социальной системы страны определяет актуальность и практическую значимость изучения данной проблемы.

Современный научный поиск, по нашему мнению, должен основываться на допущении, что высшее медицинское образование БССР в 1946–1991 гг., являясь частью системы здравоохранения республики, в своем развитии определялось социальными стандартами государственной политики проводимой в советском обществе [4, л. 64–69; 5, л. 146–147; 6, л. 7–31]. Исходя из этого, исследователю необходимо выявить социальные задачи, изучить основные аспекты государственной политики, проводимой в советском обществе. С этой точки зрения и произведен историографический анализ проблемы.

Цель работы – выделить этапы и дать характеристику историографическим материалам и источникам по государственной политике в сфере высшего медицинского образования БССР в 1946–1991 гг.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе архивных данных, содержащихся в фондах Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, научно-исторической литературы, хранящейся в Национальной библиотеке Республики Беларусь, Витебской областной библиотеке, а также информации, уже введенной в научный оборот. Были использованы специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. В основу периодизации историографии положен принцип, учитывающий формирование государственно-территориальных образований. В соответствии с ним выделены этапы: 1) 1946–1991; 2) 90-е гг. XX – начало XXI в. Первый этап охватывает развитие историографии в СССР.

Второй – в период независимости Беларуси и других республик бывшего СССР. Появившиеся в это время издания можно разделить на обобщающие труды по истории высшей школы БССР и СССР и работы, затрагивающие отдельные аспекты развития системы высшего медицинского образования в республике.

В исследованиях С.А. Умрейко, П.И. Саевича, Г.М. Кованцевой, В.П. Елютина, Е.И. Фирсовой¹ дается общий исторический анализ развития высшей школы БССР и СССР в послевоенный период. Показаны задачи, стоявшие перед высшей школой в советское время, особенности их решения, выделены проблемы, с которыми сталкивалось руководство в рамках адаптации высшего образования к потребностям общества, восстановлении основных фондов системы здравоохранения, в т.ч. и системы подготовки врачей.

Высшая медицинская школа в советский период прямо или косвенно зависела от принятых социальных стандартов. Они лежали в основе государственной политики, проводимой как на общесоюзном, так и на республиканском уровнях. Поэтому историографический анализ затрагивает исследования, в которых рассматривается социальная и государственная политика СССР.

В период 1946–1991 гг. концептуальные подходы к изучению советского партийно-государственного руководства в реализации социальной политики СССР в 50-х гг. в своих работах рассматривал А.В. Молодчик. Он выделял такие подходы, как направленность социального преобразования на огосударствление всех сфер общественной жизни в решение задач государства и ликвидацию экономической основы общественного самоуправления, исследовал

¹ Умрейко С.А. Очерки народного образования Белорусской ССР: автореф. ... канд. пед. наук / С.А. Умрейко. – М., 1952. – 19 л.; Саевич П.И. Народное образование БССР [Текст] / П.В. Саевич, министр просвещения БССР; О-во по распространению полит. и науч. знаний Белорус. ССР. – 2-е изд., доп. – Минск: Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит., 1950 (тип. им. Сталина). – 39 с.; Кованцева Г.М. Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 годы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Г.М. Кованцева; Минск, 1955. – 19 с.; Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма / В.П. Елютин. – М.: Высш. школа, 1980. – 560 с.; Фирсова Е.И. Подготовка специалистов народного хозяйства и культуры БССР / Е.И. Фирсова; Науч. ред. д-р ист. наук И.Е. Марченко; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1976. – 172 с.

подходы к изучению социальной политики СССР 1929–1953 гг. во взаимодействии двух непосредственных участников социально-экономических преобразований – центральной власти и советского общества [7, л. 10–31].

В советский период 1946–1991 гг. вопросы изучения высшего медицинского образования Беларуси находились в поле зрения ученых-медиков и организаторов здравоохранения, которые занимались рассмотрением вопросов истории медицины. Наиболее продуктивным в исследовании аспектов изучения высшего медицинского образования БССР был период 1960–1980-х гг., когда было издано значительное количество научных трудов, касавшихся истории развития высшего медицинского образования республики. Стоит отметить, что во главу своих работ ученые-медики ставили вопросы влияния качественной подготовки врача на основные показатели развития системы здравоохранения, оставляя за полем своих исследований историко-социальные аспекты высшего медицинского образования.

В числе работ по исследованию высшего медицинского образования союзных республик конца 80-х гг. стоит выделить труд украинского ученого медика Б.П. Крыштопы, который показал связь высшей медицинской школы с деятельностью Коммунистической партии Советского Союза на примере высшего медицинского образования в Украинской ССР. Он рассмотрел достижения высшей медицинской школы на различных этапах ее становления, главным образом за годы социалистического строительства, проанализировал отдельные вопросы перспективного развития высшей медицинской школы УССР. Б.П. Крыштопа описал основные этапы развития высшей медицинской школы с позиций марксистской методологии [8, с. 5–6].

Среди отечественных историков медицины данного периода следует выделить работу Е.И. Шишко «Развитие высшего медицинского образования в БССР 1921–1961 гг.». В ней был обобщен сорокалетний опыт подготовки врачей в высших учебных заведениях БССР. Автор в своей работе уделила особое внимание освещению учебно-воспитательной работы на отдельных этапах социалистического строительства, осветила связь высших медицинских учебных заведений республики с практическим здравоохранением. Е.И. Шишко раскрыла процессы становления и развития высшего медицинского образования за годы советской власти, показала роль высшей медицинской школы в деле подготовки врачей для здравоохранения БССР. Исследователь отметила связь высших медицинских учебных заведений республики с практикой здравоохранения, показала их роль в повышении уровня медицинской помощи населению и взаимное влияние лечебно-профилактических учреждений на практическую подготовку врачей. В развитии высшего медицинского образования БССР 1921–1961 гг. она выделила три основных периода: период 1921–1930 гг. (основание и деятельность медицинского факультета Белорусского государственного университета);

период 1930–1941 гг. (развитие высшего медицинского образования в БССР в годы предвоенных пятилеток) и период 1943–1961 гг. (восстановление и дальнейшее развитие высшего медицинского образования в БССР в послевоенные годы). Работа Е.И. Шишко до настоящего времени является единственным диссертационным исследованием по вопросам высшего медицинского образования БССР. Отдельно необходимо остановиться на том, что в своем диссертационном исследовании она акцентировала внимание на медицинских аспектах проблемы: помощи практическому здравоохранению, повышении уровня медицинской помощи населения, влиянии системы здравоохранения БССР на качество подготовки медицинских кадров [9, л. 1–21].

Также среди отечественных исследователей истории высшего медицинского образования, сельской медицины и системы здравоохранения необходимо отметить ряд фундаментальных работ по истории медицины Беларуси подготовленных профессором Г.Р. Крючком Как опытный организатор здравоохранения, участник Великой Отечественной войны (начальник отделения эвакогоспиталя), он с 1949 г. работал на кафедре организации здравоохранения Минского медицинского института. В 1952 г. Г.Р. Крючок возглавил курс истории медицины. Его первые научные работы посвящены изучению сельской медицины Беларуси. В последующем исследовал развитие медицины, и здравоохранения Беларуси с конца XIII до начала XX в. (медицинское образование, медико-санитарное дело, деятельность медицинских работников). Эти исследования впоследствии были изложены в докторской диссертации, где впервые был обобщен и показан характер развития отечественного здравоохранения и роль в нем медицинского образования Беларуси (что это дает) [10].

Значимый вклад в изучение высшего медицинского образования Беларуси 60–80-х гг. XX столетия внесли исследования организаторов здравоохранения и историков медицины: М.И. Барсукова, Н.А. Виноградова, С.В. Курашова, Б.Д. Петрова², которые раскрыли механизмы оказания медицинской помощи населению, показали социальную направленность советского здравоохранения и медицинского образования.

Таким образом, в советский период 1946–1991 гг. история высшего медицинского образования изучалась историками медицины, получившие профильное медицинское образование. В своих работах они рассматривали его с точки зрения проблем медицины, что предопределило фрагментарность исследований, фактическое игнорирование социального контекста.

² Барсуков М.И. Очерки истории здравоохранения СССР / М.И. Барсуков. – М., 1957. – 420 с.; Виноградов Н.А. Здравоохранение в СССР (1917–1957) / Н.А. Виноградов. – М.: Медгиз, 1957. – 100 с.; Курашов С.В. Современные проблемы здравоохранения: автореф. дис. д-ра мед. наук / С.В. Курашов. – М., 1963. – 27 с.; Петров Б.Д. Очерки истории отечественной медицины / Б.Д. Петров. – М.: Медгиз, 1962. – 149 с.

Также необходимо отметить высокую степень идеологизации исследований советского времени, негативно сказавшейся на их научном уровне. Вместе с тем лишь в рамках профессионального исторического исследования, в котором ключевой темой анализа является система высшего медицинского образования как элемент социальных отношений, можно рассчитывать на удовлетворяющий всем научным критериям уровень обобщения.

Неотъемлемой частью истории высшего медицинского образования являются наука и научные кадры. Большой вклад в изучение вопросов отечественного высшего образования внесло комплексное исследование проблем подготовки научных кадров БССР в 1944–1990 гг. Г.В. Корзенко, основоположника научного направления изучения истории формирования и подготовки отечественных научных кадров. В его научных трудах наглядно обозначена позиция автора, обоснованная широким объемом новых документальных источников: обеспеченность научных учреждений и вузов квалифицированными кадрами, их высокий творческий потенциал как важнейший фактор общественного прогресса. Своими научными работами, среди которых особенно выделяются опубликованные монографии: «Научная интеллигенция Беларуси в 1944–1990 гг. (подготовка, рост, структура)» и «Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы», Г.В. Корзенко внес большой вклад в раскрытие вопросов изучения отечественной науки, в т.ч. и науки в медицинских институтах БССР. Он является одним из основоположников нового научного направления, связанного с изучением истории формирования и подготовки научных кадров [11, л. 30–34].

На современном этапе развития отечественной истории в числе отечественных историков, занимающихся вопросами изучения высшего медицинского образования БССР, стоит отметить работы белорусского историка М.Е. Абраменко. В монографии «Очерки истории здравоохранения Беларуси 1946–1985 гг.» он раскрыл ряд особенностей в развитии отечественного высшего медицинского образования, среди которых: программно-целевой принцип планирования учебной и научной деятельности, организация обучения студентов непосредственно в лечебно-профилактических и санитарно-гигиенических учреждениях, начиная уже со второго курса, увеличение количества часов производственной практики у студентов старших курсов по сравнению с другими институтами СССР. При рассмотрении высшего медицинского образования с точки зрения кадрового обеспечения здравоохранения и вклада в развитие медицинской науки остались нераскрытыми социальные аспекты проблемы [12, с. 84–98].

В то же время среди современных отечественных работ по тематике высшего образования, в т.ч. высшего медицинского образования необходимо отдельно выделить работы Е.Я. Олесик, которая занимается изучением вопросов подготовки женщин-специалистов в вузах БССР 1944–1991 гг., в т.ч. и медицинских институтах.

Ею впервые в отечественной историографии выявлены проблемы в реализации прав советских женщин на высшее образование в 1944–1991 гг., проведен комплексный анализ динамики роли женщин в студенческом контингенте вузов БССР по этапам, формам обучения и профессиональным направлениям. В четвертой главе диссертации «Особенности регулирования численности женщин в педагогических и медицинских вузах» осуществлен сравнительный анализ процессов феминизации педагогических вузов, университетов, медицинских институтов. В разделе диссертационного исследования «Формирование студенческого контингента на медицинских специальностях» хорошо отражена специфика процессов феминизации медицинских вузов и политики государства в области ее регулирования. Вместе с тем, Е.Я. Олесик показала, что целенаправленные усилия государства и руководства отдельных вузов по поддержанию гендерного баланса студенческого контингента были одни из факторов, сдерживавших рост женщин в медицинских вузах [13, л. 3–24].

Также необходимо выделить как один из элементов изучения истории высшего медицинского образования Беларуси различные юбилейные сборники медицинских университетов Республики Беларусь, отражающие некоторые исторические аспекты развития и становления высшего медицинского образования: «Витебский государственный медицинский университет. 85 лет» под общей редакцией проф. А.Т. Щастного; «Минский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт (к 70-летию)» Е.И. Шишко, А.А. Ключарев, А.И. Кубарко; «Заведующие кафедрами и профессора Гродненского государственного медицинского (института) университета (1958–2003)» под редакцией П.В. Гарелика и Е.М. Тищенко.

На общесоюзном уровне изучением проблем государственной политики в сфере высшего медицинского образования в 1980–1990-х гг. занимались в основном российские ученые. Так, например, в своей диссертации на тему: «Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере науки и научно-технического прогресса 1955–1997 гг.» Т.О. Машковская выделяет формирование хозяйственно-политического механизма науки в высшем образовании СССР и партийно-государственного управления научной сферой [14, л. 3].

В диссертации российского ученого Е.А. Киселевой «Эволюция государственной политики СССР в области народного образования в 50–80-е гг. XX в.» проанализированы общественно-политические процессы в СССР и изменение подходов к образованию. Ею были определены особенности государственной политики по развитию образования в период стагнации общественно-политической жизни в СССР, рассмотрены причины кризисных явлений и попытки реформирования системы образования в 1980-е гг. [15, л. 124–137].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг., по интересующей нас тематике, появились отдельные научные статьи и заметки в медицинских журналах. С пози-

ций исторического исследования вопрос по-прежнему оставался не изученным как в Республике Беларусь, так и в странах СНГ. Лишь начиная с 2000 г. стали появляться целостные исторические работы по данному вопросу. Так, например, аспекты высшего медицинского образования с позиций подготовки медицинских кадров отражены в работе российского историка Н.Т. Ерегина: «Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг.». Несмотря на то, что работа касается истории России и лишь частично затрагивает рассматриваемый нами период, ценным является ее подход к выделению этапов в развитии высшей медицинской школы России. Автором были показаны особенности подготовки медицинских кадров в зависимости от реформ системы медицинского образования. Н.Т. Ерегина охарактеризовала содержание и формы учебного процесса в медицинских вузах в советский период; выявила влияние процессов, происходивших в обществе на учебную, методическую и научную деятельность высшей медицинской школы. В своих трудах она проследила структурные, количественные и качественные изменения в высшей медицинской школе с октября 1917 г. по начало 1950-х гг. [16, л. 3–10].

Высшее медицинское образование историками медицины изучалось по-прежнему в сторону определения медицинских особенностей развития того или иного аспекта системы здравоохранения. С исторической точки зрения вопрос влияния государственной или социальной политики на проблемы высшего медицинского образования и подготовку врачебных кадров БССР историками оставался не изученным.

До настоящего времени в Беларуси практически не было проведено обобщающих исследований по вопросам высшего медицинского образования с позиций государственной или социальной политики. Не была раскрыта суть высшего образования как единый элемент проводимой государственной политики на различных этапах развития советского общества с 1944 по 1991 г. С исторической точки зрения изучение данных вопросов в отечественной истории и вовсе носили единичные случаи и были отражены фрагментарно.

Заключение. Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день нет достаточного объема научных работ, отражающих государственную политику в сфере высшего медицинского образования. Среди имеющихся исследований особое место занимают диссертации. Однако ни одна из них не посвящена непосредственно рассматриваемым аспектам государственной политики. В них только затрагиваются отдельные политические вопросы.

Отчасти такие пробелы связаны с идеологическими ограничениями советского периода. Закрытые архивы не давали возможности подойти к объективному и более полному исследованию вопросов государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1944–1991 гг. На современном этапе очевидно разнообразие доступных для исследования проблем

исторического развития нашего общества повлияло на то, что комплексного исследования влияния государственной политики на высшее медицинское образование в БССР так до сих пор нет.

Основные вопросы высшего медицинского образования БССР были рассмотрены фрагментарно. Преобладают сугубо медицинские аспекты проблематики. Исходя из проведенного анализа отечественной и зарубежной историографии можно утверждать, что тема государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. является малоизученной и нуждается в более детальной разработке и концептуализации.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 46. Оп. 14. Д. 1339.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт) – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 397.
3. ГАВт. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 398.
4. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 11. Д. 967.
5. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 11. Д. 968.
6. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 11. Д. 1025.
7. Молодчик, А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А.В. Молодчик. – М., 2004. – 322 л.
8. Крыштопа, Б.П. Высшее медицинское образование в Украинской ССР: монография / Б.П. Крыштопа. – Киев: Здоров'я, 1985. – 320 с.
9. Шишко, Е.И. Развитие высшего медицинского образования в БССР (1921–1961 гг.): автореф. дис. ... канд. мед. наук / Е.И. Шишко; МГМИ. – Минск, 1966. – 21 л.
10. Заведующие кафедрами и профессора БГМУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bsmu.by/page/55/3274/>. – Дата доступа 15.06.2020.
11. Корзенко, Г.В. Научные кадры Белоруссии: проблемы формирования и развития (1944–1990 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук 07.00.02 / Г.В. Корзенко; Ин-т истории Нац. АН Беларуси. – Минск, 1996. – 34 л.
12. Абраменко, М.Е. Очерки истории здравоохранения Беларуси 1946–1985 гг.: монография / М.Е. Абраменко. – Гомель: ГГМУ, 2019. – 200 с.
13. Олесик, Е.Я. Подготовка женщин-специалистов в вузах БССР 1944–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 / Е.Я. Олесик; Ин-т истории Нац. АН Беларуси. – Минск, 2015. – 24 л.
14. Машковская, Т.О. «Государственная политика СССР и Российской Федерации в сфере науки и научно-технического прогресса 1955–1997 гг.» : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Т.О. Машковская. – Томск, 1999. – 559 л.
15. Киселева, Е.А. Эволюция государственной политики СССР в области народного образования в 50–80-е гг. XX в.: на материалах южных регионов европейской части РСФСР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Киселева. – М., 2002. – 202 л.
16. Ерегина, Н.Т. Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук 07.00.02 / Н.Т. Ерегина; ФГОУ ВПО Северо-западная академия гос. службы. – С.-Петербург, 2010. – 40 л.

Поступила в редакцию 26.04.2021

Название и состав памятников археологии в отечественных учетных списках во второй половине XX – начале XXI в.: эволюция подходов и имеющиеся проблемы

Юрчак Д.В.

Управление культуры Витебского облисполкома, Витебск

В статье отражена эволюция формирования названий археологических памятников в государственных учетных списках в БССР и Республике Беларусь.

Цель статьи – проанализировать эволюцию названий и состав памятников археологии, учитываемых как объекты наследия (памятников истории и культуры, историко-культурных ценностей), выявить общие тенденции, характерные для различных периодов, а также существующие проблемные вопросы.

Материал и методы. При подготовке статьи использовались учетные списки памятников археологии БССР и Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.) и частные методы исторического исследования (историко-генетический и историко-сравнительный).

Результаты и их обсуждение. Обращается внимание на особенности формирования названий памятников археологии в 1950-е годы, эволюцию системы наименования археологических объектов в 1980-е годы. Особое внимание уделяется памятникам археологии, внесенным в государственные учетные списки объектов наследия на современном этапе, включая проблему их наименований и объединения в комплексы.

Заключение. За период с середины XX века до настоящего времени в названиях памятников археологии в учетных списках произошла существенная эволюция. При этом те процессы, которые шли преимущественно в 1980-х гг., усложнили процесс учета памятников археологии и обусловили имеющиеся сложности с отсутствием единообразного подхода в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Вместе с тем если заимствовать наиболее успешные примеры различных регионов республики в данном вопросе и в случае выработки единообразного подхода с участием специалистов Института истории НАН Беларуси, процесс государственного учета и оптимального названия памятников археологии может быть существенно усовершенствован.

Ключевые слова: Беларусь, археология, культурное наследие, археологическое наследие, законодательство.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 70–77)

Names and Composition of Archaeological Sites in the National Registration Lists in the Late 20th – Early 21st Centuries: the Evolution of Approaches and the Existing Problems

Yurchak D.V.

Culture Department of Vitebsk Regional Executive Committee, Vitebsk

The article reflects the evolution of the formation of the names of archaeological sites in the state registration lists in the BSSR and the Republic of Belarus.

The purpose of the article is to analyze the evolution of names and the composition of archaeological sites considered as heritage objects (historical and cultural sites, historical and cultural values), to identify general trends characteristic of different periods, as well as existing problematic issues.

Material and methods. In preparing the article, the registration lists of archaeological sites of the BSSR and the State List of Historical and Cultural Values of the Republic of Belarus were used. In processing the material, general scientific (analysis, synthesis, comparison, etc.) and particular methods of historical research (the historical-genetic and historical-comparative) were used.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kajuga@list.ru – Д.В. Юрчак

Findings and their discussion. Attention is drawn to the peculiarities of the formation of the names of archaeological sites in the 1950s as well as to the evolution of the naming system for archaeological objects in the 1980s. Particular attention is paid to archaeological sites included in the state registration lists of heritage sites at the present stage, including the problem of their names and combining into complexes.

Conclusion. Over the period from the middle of the twentieth century to the present time, there has been a significant evolution in the names of archaeological sites in the registration lists. Moreover, the processes that took place mainly in the 1980s complicated the process of registering archaeological sites and caused the existing difficulties with the lack of a uniform approach in the current State List of Historical and Cultural Values of the Republic of Belarus. At the same time, if we point out the most successful examples of various Regions of the Republic in this issue and in the case of a uniform approach with the participation of specialists from the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, the process of state registration and the optimal name of archaeological sites can be significantly improved.

Key words: Belarus, archeology, cultural heritage, archaeological heritage, legislation.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 70–77)

Археологическое наследие является важной составной частью культурного наследия республики. Об этом свидетельствует значительная эволюция отечественного законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, в том числе выделение отдельного раздела в Кодексе Республики Беларусь о культуре, посвященного археологическим объектам и археологическим артефактам, а также существенное число памятников археологии, которые имеют статус историко-культурной ценности.

Вместе с тем подробное изучение состава имеющихся исторических учетных списков культурных ценностей позволяет проследить, как менялись существенные названия объектов археологического наследия, а также состав комплексных памятников. При этом далеко не все названия памятников археологии в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь (далее – Государственный список) [1] можно считать удачными, полностью отражающими особенности каждого конкретного объекта. Некоторые из них вообще выглядят спорными и ошибочными. В то же время существовавшие ранее еще в советское время подходы к названию культурных ценностей могут быть заимствованы и в наши дни. Это делает данную статью актуальной и своевременной.

Цели исследования – проанализировать эволюцию названий и состав памятников археологии, учитываемых как объекты наследия (памятников истории и культуры, историко-культурных ценностей), выявить общие тенденции, характерные для различных периодов, а также существующие проблемные вопросы.

Данная проблематика практически не исследовалась в отечественной науке. Более того, озвученная тема является продолжением публикаций автора, касающихся эволюции законодательства об охране археологического наследия и базовых понятий, характеризующих археологическое наследие в законодательствах БССР и Республики Беларусь [2; 3].

Материал и методы. При подготовке статьи использовались учетные списки памятников археологии БССР и Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В процессе обработки материала применялись общенаучные (анализ,

синтез, сравнение и др.) и частные методы исторического исследования. Среди последних уместно назвать историко-генетический и историко-сравнительный.

В рамках данной работы будут применяться категории «археологические объекты» и «памятники археологии» (ранее использовался и альтернативный вариант «археологические памятники»). В отношении советского периода преимущественно будет употребляться последний термин, закрепленный в законодательстве того времени. Вместе с тем наравне с ним может быть использован и второй, в значении, определенном в Кодексе Республики Беларусь о культуре, где под археологическими объектами понимаются *недвижимые материальные объекты или их комплексы вместе с археологическими артефактами и культурным пластом (слоем), возникшие в результате жизни и деятельности человека более 120 лет назад, сохранившиеся в земле или на дне природных и искусственных водоемов, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, которые могут соответствовать критериям для предоставления им статуса историко-культурной ценности*. В отношении существующих историко-культурных ценностей понятие «памятник археологии» будет применен исключительно к тем археологическим объектам, которые включены в Государственный список.

Результаты и их обсуждение. В советском законодательстве в послевоенное время первое четкое определение понятия «памятник археологии» было дано в Положении об охране памятников культуры, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898, в котором под данной категорией понимались *«древние курганы, городища, свайные постройки, остатки древних стоянок и селищ, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надмогильные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр., древние рисунки и надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также найденные древние предметы»* [4, с. 57–58]. Данная дефиниция стала базовой для всего советского законодательства, носила описательный характер, а главное,

четко перечисляла виды археологических объектов, которые чаще всего и отражались в названиях в учетных списках.

Первым документом, в котором были зафиксированы списки археологических памятников общесоюзного и республиканского значения, стало постановление Совета Министров БССР от 19 декабря 1950 г. № 1629 «Об утверждении списков археологических и исторических памятников на территории БССР». В приложениях 1 и 3 к данному постановлению встречаются такие виды памятников, нашедшие отражения в названиях, как *замчище*, *земляное укрепление*, *городище*, *стоянка*, *замок*, *селище*, *курганы*, *курган*, *вал* [4, с. 121–122, 129–147].

При этом в редких случаях в названии к виду памятника добавлялся хронологический период, к которому относился памятник археологии: «*стоянка палеолита*», «*стоянка эпохи неолита или бронзы*» или вообще указывалось «*древняя стоянка*», как это было с памятником археологии у д. Тальковщина Слонимского района (здесь и далее используются названия первоисточника, притом в тексте публикации имеются опечатки по наименованию географических объектов, речь шла о д. Тальковщина) [4, с. 145]. Кроме того, в названии памятника археологии в данном постановлении в одном случае употреблялась географическая привязка к конкретному географическому месту: *Полоцкий замок* [4, с. 129].

В ряде случаев в отношении преимущественно городищ, а в исключительных случаях земляных укреплений и курганов, использовалась практика написания в кавычках местного названия памятника археологии (например, *курганы «Крушинник»*, *городище «Троицкая гора»*, *земляное укрепление «Замок»*). Больше всего подобных примеров в названиях памятников в Витебской области, что, на наш взгляд, говорит об отсутствии единообразия в подходах названия памятников археологии в учетных документах в различных регионах или среди исследователей археологов, принимавших участие в подготовке проекта постановления. В большинстве случаев такую практику использования локальных названий можно считать уместной, за исключением примеров повторяющегося сочетания, когда название памятника и его видовое определение полностью совпадали (*городище «Городище»*). В частности, в приложении 3 к названному постановлению зарегистрировано пять таких названий (четыре случая в Витебской области, один в Молодеченской [4, с. 134–135, 138].

Также интересен единственный пример названия одного памятника, объединившего сразу два разновременных археологических объекта в одном месте. Это касается памятника археологии с названием «*Стоянка и селище*», локализованного на берегу Черевятского озера между деревнями Славены (сейчас Славени) и Ляхи Ушачского района [4, с. 132]. При этом в описании памятника указывается, что на территории стоянки периода неолита или бронзы было славянское сели-

ще XI–XII веков. В данном случае объединение в один комплексный памятник археологии напластований разных хронологических периодов, связанных между собою исключительно местом размещения, выглядит полностью оправданным.

Впоследствии список охраняемых археологических памятников был дополнен постановлением Совета Министров БССР от 26 августа 1957 г. № 538 «Об утверждении дополнительных списков археологических и исторических памятников, находящихся на территории БССР». На этот раз в республиканский перечень, содержащийся в приложении к постановлению, был включен 131 памятник археологии [4, с. 253–279]. В данном документе прослеживаются те же тенденции, вместе с тем появляются и некоторые новеллы. Например, кроме общего понятия «*курганы*» для курганных могильников единожды применяются категории «*группа курганов*», «*курганы-могильники*», а в Гродненской области на четырежды используется понятие «*курганный могильник*», а три раза «*курганы*» [4, с. 256, 269]. Все это свидетельствовало об отсутствии единообразного подхода в терминологии при формировании названий однотипных памятников археологии.

Кроме того, в 1957 году появилось еще два памятника с привязкой в названии к географическому месту (Банцеровщинское городище, Быховское городище), среди типовых названий возникли новые, ранее не встречавшиеся в списке (*замковая гора*, *остатки укрепления*). Также отличительной особенностью постановления 1957 года стало возросшее число памятников с хронологической привязкой в названии. В первую очередь это касалось археологических объектов периода неолита. Особый интерес вызывает памятник археологии «*Вал «Литовский вал»*» и его название. В настоящее время данный археологический объект не имеет статуса историко-культурной ценности, хотя в 1957 г. был памятником археологии республиканского значения [5, с. 207].

Еще одной важной вехой развития отечественного законодательства стало принятие в 1978 году нового Закона БССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Именно этот нормативно-правовой акт с некоторыми изменениями регулировал вопросы сохранения археологического наследия до обретения Республикой Беларусь независимости. В целях реализации нового законодательства была начата работа над новыми списками памятников республиканского значения. В этом плане особый интерес для исследования представляет сам подготовленный список, утвержденный постановлением Совета Министров БССР № 32 от 18 февраля 1988 г. и опубликованный отдельным изданием [6]. Кроме того, мы попробовали сравнить с итоговым документом предложения в проект постановления от Объединения отделов археологии Института истории АН БССР по Витебской области, подписанное Л.Д. Поболем, П.Ф. Лысенко, Г.В. Штыховым и Л.В. Дуциц. Данный документ хранится в настоящее время в текущем ар-

хиве управления культуры Витебского облисполкома [7, л. 1–55]. Итоговый перечень 1988 года содержал 1 818 памятников археологии республиканского значения. По Витебской области имелось 345 памятников, хотя в упомянутом проекте значилось только 335.

В новом учетном списке господствовал иной единообразный подход написания названий памятников. В частности, практически во всех из них название обязательно содержало вид археологического объекта, периодизацию и дату. Например, «Городище. Ранний железный век. 5 в. до н. э. – 5 в. н. э.». Это было обусловлено тем, что первая графа общей таблицы была обозначена следующим образом: «Наименование памятника. Исторический период». Касаясь периодизации уместно отметить, что первым делом бросается сочетание археологической и формационной периодизации. В частности, все памятники периода средневековья и нового времени относились к раннему феодализму или феодализму, далее приводилась датировка (при ее наличии).

В списке 1988 года появляются новые названия, характеризующие вид объектов, которые не встречались ранее, в их числе: *бескурганый могильник, поклонный камень, остатки замка, языческое святилище, почитаемый камень, каменный крест, языческое святилище с поклонными камнями, поклонные камни, кремнедобывающие шахты, камень-следовик, культовый камень, мастерская, камень-следовик и культовый родник*. Данный перечень позволяет сделать вывод о расширении числа разнообразных памятников археологии и возросшем внимании к культовым камням и каменным крестам, которые не всегда назывались единообразно с учетом локальных особенностей и, вероятно, различными подходами отдельных исследователей.

Немного иная картина наблюдается в терминологии, касающейся древних захоронений. В частности, в тексте совсем не употребляются такие понятия, как «курганы», «группа курганов». Их в подавляющем большинстве случаев заменяет категория «курганый могильник». Также в списке имеется единичный пример использования названия «могильник-жальник». На территории же преимущественно Гродненской области широкое распространение в названии памятников археологии получает понятие «каменный могильник» (иногда «каменные могилы»), которые применялись преимущественно к старинным кладбищам с каменными надгробиями.

Также в сравнении с подходом 1950-х годов бросается в глаза практически полное отсутствие в названиях местных наименований городищ и курганов рядом с видами памятников, что ранее было не такой и редкостью. Однако в списке 1988 года подобные примеры единичны. Кроме того, нет единообразного подхода в их написании, в отдельных случаях названия берутся в кавычки, в других нет (*камень «Дед», городище Замачэк, городище «Городок»*). В то же время широкое распространение получает практика обозначения однотипных памятников археологии, локализованных

возле одних поселений, по номерам в порядке выявления (например, стоянка-1, стоянка-2 и т.д.). При этом каждый такой учитывался самостоятельно и отдельно, на что мы обратим внимание ниже.

Особо нужно уделить внимание вопросу, как в списке 1988 года обозначались территории средневековых городов. Здесь можно отметить наличие нескольких подходов, большинство из которых нельзя считать удачными. И это при том, что городская археология в данное время развивалась весьма активно. Чаще всего укрепленные поселения на территории средневековых городов именовали посредством конструкции «*городище древнего + название города*». Это касалось Минска, Пинска, Гомеля, Турова, Мозыря и других городов. Примечательно, что для Бреста и Славгорода использовались исторические названия городов (Берестье, Пропошеск), а в Заславле указывалось и местное название городища (Замачэк). При этом более точная конструкция, построенная по этому типу, на наш взгляд, встречается в Слониме: «*Замчище древнего Слонима*». Она позволяет отличать укрепленное поселение периода раннего железного века от средневековых.

Также применено название «*городище древнего города*» без указания названия города (исторического города). Такое мы можем видеть в Лукомле, Друцке, Полоцке, а также в проекте постановления касаясь Витебска [7, л. 1]. Однако в последнем случае эта конструкция подверглась уточняющей редакции и вместо общих однотипных названий, которые не совсем удачно звучали по отношению к Верхнему, Нижнему и Взгорскому замкам, появились следующие названия «Древнее городище, детинец города», «Древнее поселение, окольный город», «Древнее поселение, посад». Также в сравнении с упомянутым проектом к памятникам археологии по Витебску добавились Заручевская и Задунавская слободы [6, с. 30–32]. Это редактирование интересно еще и тем, что перечисленные первые три памятника проходят в постановлении под одним номером (165), и это единственный пример подобного учета во всем списке 1988 года. На наш взгляд, у этого может быть только два объяснения: техническая неточность или относительно поздняя редакция, когда изменить нумерацию и общее число объектов уже не представлялось возможным.

В то же время в Полоцке категория «*городище древнего города*» использовалась для названия древнего городища, а также Верхнего и Нижнего замков. Кроме того, отдельно в списке имелся памятник археологии «*Бельчицкий Борисоглебский монастырь: три фундамента церквей*», а также селище в Заполотье [6, с. 63–64].

Третьим вариантом названий исторических центров древних городов являлось применение в названии одного только слова «городище». Это можно увидеть в Гродно, Новогрудке, Волковыске. Относительно последнего уместно обратить внимание, что окольный город имеется в списке как отдельный памятник. А в Гродно значился и памятник археологии «Уча-

сток культурно-исторического слоя древнего Гродно» [6, с. 150–151, 167].

Более детально памятники археологии были названы в Минске и Могилеве. В первом имелся памятник «Культурный слой Верхнего города – исторического центра Минска». В Могилеве выделялись следующие памятники археологии: «Культурный слой ядра исторического центра», «Культурный слой древней территории Никольской церкви», «Грунтовой могильник и остатки средневековых укреплений», «Территория Троицкого посада средневекового Могилева» [6, с. 4, 234].

Примерно те же тенденции, которые касались названий памятников археологии республиканского значения, распространялись и на региональный уровень. Исключение составляли исторические города, так как их статус был значительно выше. Вместе с тем на примере решений Витебского облисполкома 1976 и 1987 гг. можно увидеть некоторые детализованные названия, которые не встречались в республиканском списке: «Городище (убежище)», «Каменный крест с изображением человека», «Камень с изображением человека на лошади», «Остатки земляных укреплений», «Земляной вал (пограничный вал)» [7, л. 61, 69].

Кроме советских учетных списков стоит обратиться к наиболее авторитетному многотомному изданию, подготовленному в 1980-х гг. Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР – Сбору памятников истории и культуры Беларуси. Каждый том включал все объекты наследия конкретной области, зарегистрированные и охраняемые, или которые, по мнению исследователей, могли получить официальный статус памятника. Анализ этого издания по областям позволяет сделать вывод, что при создании действующего Государственного списка, прежде всего, пользовались именно этим авторитетным изданием. Поэтому те тенденции формирования названия памятников археологии (в том числе и не самые выигрышные), которые были заложены в данном издании, отчетливо прослеживаются в действующем Государственном списке.

Главной из них стало объединение расположенных у одних населенных пунктов археологических объектов в один памятник археологии, которому давалось сложное название в зависимости от состава (например, «Городище, курганный могильник», «Поселения», «Селища, курганы», «Стоянки», «Курганный могильник, селища, каменные могилы» и т.д.). Далее в описании памятника с единым номером перечислялись все составные части. Они нумеровались также как и общий комплекс, только к цифре прибавлялась литература: а, б, в, г и т.д. С точки зрения сегодняшнего дня такой подход выглядит излишне сложным и не совсем правильным, так как часто объединялись памятники, которые никогда не могли быть единым археологическим комплексом (например, поселения неолита и бронзы, хронологически разделенные тысячелетиями) или их связь было не так просто доказать (например,

городище и курганный могильник примерно одного периода, но расположенные между собой на расстоянии в несколько километров). Такие многочисленные примеры можно увидеть во всех областях республики [8, с. 105, 113, 194, 209; 9, с. 97–98, 104, 137; 10, с. 128, 132; 11, с. 86; 12, с. 158–159; 13, с. 95, 140, 153, 273].

В то же время объединение в один комплекс расположенных в непосредственной близости друг от друга одновременных по хронологии городища и селища, а также курганных могильников (или иных видов захоронений, которые могут располагаться и на территории селища), а такие примеры также имеются [8, с. 191, 200; 10, с. 101; 13, с. 330], однозначно, оправдано. Это же касается и расположенных в одном месте напластований памятников разных эпох, о чем уже говорилось выше.

В сравнении со списком памятников археологии республиканского значения 1988 года в Сборе памятников истории и культуры Беларуси гораздо более детально прописаны памятники на территории средневековых городов. Особый интерес может представлять описание и состав памятника «Старый замок» в Гродно, так как его составные части (замчище, остатки княжеского дворца, остатки Нижней церкви, остатки Верхней церкви, окольный город, дворец) перечисляются без использования вышеназванного принципа литерации общего номера комплексного памятника археологии [10, с. 78].

Еще одной особенностью Сборов памятников было то, что один и тот же памятник мог быть одновременно памятником истории и археологии либо архитектуры и археологии. Например, Коложская церковь в Гродно, в составе данного памятника был выделен Коложский падад, а также упомянутый выше Старый замок [10, с. 45, 78]. Кроме того, те остатки древних укреплений и руинированные памятники архитектуры, которые в настоящий момент в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре могут считаться только археологическими объектами [14], в разных томах Сборов памятников могут относиться к памятникам архитектуры или истории [10, с. 200; 13, с. 108].

Кроме того, нужно обратить внимание и на то, что в данном издании имелись неточности. Например, городище у д. Зайцево Витебского района было ошибочно отнесено к Летчанскому сельсовету, были перепутаны памятники в Бешенковичском и Шумилинском районах Витебской области [5, с. 205–206]. Эти примеры дают основания предполагать, что имелись и иные неточности в этом авторитетном издании.

Советские учетные списки памятников действовали и в первое десятилетие независимой Беларуси. В начале 2000-х гг. Министерством культуры Республики Беларусь создан новый Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, который впоследствии был утвержден Советом Министров (впервые в 2007 г.) и с многочисленными изменениями и дополнениями действует по сегодняшний день. Причем теперь он доступен в виде

специализированной электронной базы из любой точки мира [1].

Анализ названий памятников археологии, имеющих в действующем Государственном списке, также позволяет говорить об отсутствии единообразия при его формировании не только в целом по республике, но и по отдельным областям. В глаза бросается сразу несколько проблемных вопросов.

Во-первых, необходимо сделать акцент на периодизации, которая часто присутствует в названиях памятников. В единичных случаях в названиях можно встретить рудименты формационного подхода, в основной массе уже ставшие частью истории. Иногда некорректно подается периодизация раннего железного века, который присутствует в названии, но в полной мере не соотносится со следующими вариантами датировки: 1-е тысячелетие, VI–VIII века. Тем не менее самым проблемным, на наш взгляд, в настоящее время является сохранение в названии датировки слов «раннее средневековье», «средневековье», «позднее средневековье», которое датируется в соответствии со старым советским подходом. Последний же никак не соответствует общепринятой в настоящее время периодизации, что закреплена в школьных и вузовских учебниках. Поэтому у любого школьника, знающего курс истории, может вызвать улыбку датировка раннего средневековья, например, XI–XIV веками, при том, что в школе их учат завершать Средние века 1492 годом. А во многих случаях в Государственном списке средневековье выходит за эти хронологические рамки. Имеются примеры, когда позднее средневековье датируется XIII–XV, XIV–XVI, XV–XVII веками. Поэтому в периодизации, которая отражается в названиях, необходимо единообразие и существенный пересмотр имеющихся устаревших названий. В Витебской области в отдельных районах список в этой части уже пересмотрен и внесены уточнения в названия памятников археологии, где сохранялась ссылка на средневековье.

Более того, наиболее оптимальным, на наш взгляд, выглядит отказ от использования любых хронологических ссылок в названиях памятников археологии. Для этого в Государственном списке имеется другая графа «датировка». Именно там конкретно указываются годы, века, тысячелетия, к которым относится памятник. При необходимости туда же может быть вынесена и отсылка к конкретным историческим периодам. В названиях же оптимально оставить только вид памятника археологии, при необходимости уточняющую информацию и локальные названия.

В настоящее время имеются памятники археологии, в названии которых присутствует указание археологической культуры (иногда двух), к которым они относятся. Целесообразность этого также вызывает вопросы, так как более детальное изучение памятника может давать новые фактологические данные, что в свою очередь будет подталкивать к внесению изменений в название памятника (например, указанию сразу

трех археологических культур). А такое нагромождение информации в названии является излишним.

Это же касается и указания количества курганов в курганном могильнике, так как для этого существует паспорт историко-культурной ценности. Поэтому реально существующее в настоящее время название «*Курганный могильник периода раннего средневековья: 2 группы через 250 м, 20 курганов и 1 кургано-подобная насыпь для выжигания дегтя*» никак не похоже на название памятника, и, на наш, возможно, субъективный взгляд, требует изменения.

Дискуссионным является вопрос указания условных наименований археологических объектов, данных исследователями по мере их выявления, в названиях памятников археологии в Государственном списке. Мы ранее обращали внимание, что еще в 1950-х годах в учетных документах присутствовали локальные названия («Городище», «Городок», «Волотовки», «Церковище»), которые являются названиями урочищ и должны быть вынесены в графу локализации объекта наследия. А вот наименования, под которыми памятники упоминаются в научной литературе, стоило бы сохранить в названиях памятников археологии, так как они далеко не всегда правильно привязаны географически (например, городище Шапуры на самом деле находится в д. Селюты Витебского района, а не в одноименном населенном пункте деревне), а многие деревни исчезают с карт (городище у д. Бороники Витебского района теперь находится в г. Витебске и в разделе Государственного списка по району его не найти). Все это в свою очередь может вносить некоторую сумятицу. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно для такой категории памятников было бы сохранять их прежнюю привязку в названии (например, *городище «Бороники», городище «Шапуры»*).

О сложности данного вопроса говорит то, что в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь не существует единообразного написания таких названий. Стоянки у д. Осавец вообще подаются по-разному: *стоянка «Осавец-4», стоянка-2, стоянка-3* и т.д. Также в Государственном списке имеются следующие варианты написаний: *стоянка Горбов-1, селище «Кусичи», каменный комплекс с изображениями и надписями (Каменка 1), городище Загорцы, стоянка «Новоселки-1», городище Бортники-1*. Тем самым, названия подаются то в скобках, то в кавычках, то без них. Нет единообразия и в написании номеров (отдельно или через дефис). На наш взгляд, наиболее оптимальным является написание в кавычках, так как сами названия условны и связаны с современными географическими объектами. Сами же жители городищ, селищ, стоянок подобными названиями не пользовались. Кроме того, чаще употребляется написание чисел через дефис, поэтому наиболее правильным выглядит вариант написания *селище «Кусичи», стоянка «Новоселки-1»*. При этом в кавычки могут браться современные названия объектов, или их исторически первая привязка в научной литературе.

Дискуссионным вопросом является включения в Государственный список в составе комплексных памятников археологии архитектурных объектов. В частности, в г. Орша в составе «Посада Надднепровского» в настоящее время имеются три здания. Одно из них начала XX века, второе вообще датируется 1930-ми гг., а следовательно, ни при каких условиях они не могут быть археологическими объектами (не старше 120 лет). Поэтому самым оптимальным выглядит вариант признания подобных объектов самостоятельными памятниками архитектуры.

Отдельно необходимо остановиться над вопросом археологических комплексов. В статье 68 Кодекса Республики Беларусь о культуре комплексом признаются изолированные или соединенные между собой недвижимые историко-культурные ценности, которые размещены рядом или в разных местах, но объединяются общими признаками [14]. В письме Института истории НАН Беларуси от 1.09.2020 года также указывается, что для признания комплексом необходимо, чтобы группа археологических объектов была объединена общим культурным, хронологическим и территориальным контекстом [15]. Таким образом, комплексом можно считать примеры размещения в одном месте памятников разных эпох, и таких примеров в Государственном списке достаточно. При этом самым полным, отражающим все аспекты такого археологического объекта названием, стоит считать название памятника у д. Углы Бобруйского района: «Многослойное поселение периода неолита, бронзового и железного веков, средневековья». Внеся уточнение только по раннему железному веку, стоит признать его полностью характеризующим объект наследия. Хотя всю периодизацию можно было бы исключить из названия, оставив точную датировку для многослойного поселения.

Вместе с тем указанная комплексность не всегда прослеживается. Например, у д. Лужесно и в д. Селюты селища, примыкающие к городищам и, безусловно, составляющие с ними единый комплекс, в Государственном списке считаются отдельными памятниками. В то же время в Россонском районе пять городищ, расположенные на расстоянии в несколько километров друг от друга, объединены в один памятник, целесообразность этого вызывает сомнение и у специалистов-археологов [15]. По нашей оценке, такие спорные комплексные памятники археологии имеются в следующих областях: Витебской (Браславский, Верхнедвинский, Витебский, Глубокский, Городокский, Докшицкий, Дубровенский, Лепельский, Полоцкий, Россонский, Толочинский, Чашникский и Ушачский районы), Гомельской (Калинковичский, Гомельский, Мозырский районы), Гродненской (Дятловский, Кореличский, Лидский, Мостовский, Новогрудский, Свислочский, Слонимский, Щучинский районы), Могилевской (Бельничский, Бобруйский, Быховский, Осиповичский, Шкловский районы), Минской (Березинский, Вилейский,

Логойский, Стародорожский, Столбцовский районы).

Автор данной статьи сам ранее инициировал изменение названий в Толочинском и Чашникском районах условно соединенных в одном памятнике однотипных археологических объектов. При этом было предложено их назвать по примеру ряда других районов «археологическим комплексом». Однако сейчас подобный подход вызывает вопросы в его цели сообразности. Можно ли считать курганные могильники, расположенные в нескольких километрах друг от друга, комплексом? Зачем жителям одного поселения несколько кладбищ? Вероятно, они были разделены между собой хронологически или относились к разным поселениям. В таких спорных случаях без убедительных доказательств более уместным будет выглядеть разделение подобных искусственно объединенных памятников, как это было сделано в прежних учетных списках и представлено в иных районах республики.

Еще одной спорной тенденцией является использование единого для нескольких эпох термина «городище» по отношению как к памятникам раннего железного века, так и древнерусскому периоду. Почему в Витебске среди памятников археологии указывается территория детинца, окольного города, посада, называются замки, а во многих городах, где на месте древнего городища сформировался городской центр, сохраняется прежнее название «городище»? О стадии формирования государств-княжеств и удельных центров в этих городах свидетельствует только датировка. В отношении этих памятников уместно было бы пойти по следам древнего Друцка, в котором городище в 2020 году в названии исчезло, а сам объект наследия стал именоваться «Территория средневекового города: детинец, окольный город». Одновременно была повышена и категория этого уникального сохранившегося города-памятника (с категории «3» до категории «1»). На наш взгляд, такой подход в настоящее время максимально оправдан, так как позволит разделять укрепленные поселения догосударственного периода, и средневековые города.

Заключение. Таким образом, за период с середины XX века до настоящего времени в названиях памятников археологии в учетных списках произошла существенная эволюция. При этом те процессы, которые шли преимущественно в 1980-х гг., усложнили процесс учета памятников археологии и обусловили имеющиеся сложности с отсутствием единообразного подхода в действующем Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Вместе с тем, если заимствовать наиболее успешные примеры различных регионов республики в данном вопросе и в случае выработки единообразного подхода с участием специалистов Института истории НАН Беларуси, отвечающих за ведение реестра археологических объектов, процесс государственного учета и оптимального названия памятников археологии может быть существенно усовершенствован.

Літаратура

1. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, 2020 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: gossписок.gov.by. – Дата доступу: 17.03.2021.
2. Юрчак, Д.В. Этапы формирования белорусского законодательства в сфере сохранения археологического наследия / Д.В. Юрчак // Віцебскі край: матэрыялы V Міжнароднага навука.-практ. канф. «Віцебскі край», прысвечанай Году малой радзімы, Віцебск, 21 лістап. 2019 г. / ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У. Леніна», кафедра гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава; рэдкал.: Т.М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. – Т. 5. – С. 131–137.
3. Юрчак, Д.В. Эволюция базовых понятий, характеризующих археологическое наследие в законодательствах БССР и Республики Беларусь / Д.В. Юрчак // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – Т. 31. – С. 80–86.
4. Советское законодательство о памятниках истории и культуры: сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Минск: Полымя, 1972 – 430 с.
5. Юрчак, Д. Помнікі археалогіі Усходняй Віцебшчыны: гісторыя дзяржаўнага ўліку / Д. Юрчак // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2020. – Вып. 35. – С. 201–209.
6. Список памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР: в 2 кн. – Минск: БелЭН, 1990. – Кн. 2: Памятники археологии. – 280 с.
7. Список памятников археологии 1988 г. // Текущий архив управления культуры Витебского облисполкома. – 72 л.
8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – 496 с.
9. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – 383 с.
10. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1986. – 371 с.
11. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1986. – 408 с.
12. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць: у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1987. – Кн. 1. – 284 с.
13. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: С.В. Марцелёв (гл. ред.) [и др.] – Минск: БелСЭ, 1990. – 424 с.
14. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-З: Прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 года, адобраны Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
15. Письмо ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» № 352-01-04/1151 от 1.09.2020 г. // Текущий архив управления культуры Витебского облисполкома.

Поступила в редакцию 08.06.2021

США во внешнеполитической стратегии России в период президентства Д. Медведева (2008–2012)

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

На протяжении всей постсоветской истории США являются одним из основных драйверов поведения Российской Федерации на мировой арене. Соединенные Штаты заняли центральное место во внешнеполитическом планировании России. В 1990-е гг. у россиян были большие надежды относительно построения российско-американских отношений на равноправной, не конфронтационной основе. Однако в результате разности видения Москвой и Вашингтоном нового мирового порядка между ними вновь стали усиливаться противоречия, особенно ярко проявившиеся после прихода к власти В. Путина и Дж. Буша-мл. Тем не менее в конце 2000-х гг. сторонами была предпринята попытка улучшить свои взаимоотношения путем так называемой «перезагрузки».

Цель статьи – рассмотреть политику России в отношении США в период президентства Д. Медведева.

Материал и методы. Исследование базируется на публикациях российских и американских авторов, раскрывающие механизмы двусторонних отношений Москвы и Вашингтона в 2008–2012 гг. В процессе написания статьи использовались общенаучные и специальные методы исследования.

Результаты и их обсуждение. В период президентства Д. Медведева Россия стремилась улучшить отношения с США, оказавшиеся в серьезном кризисе. Поэтому Москва откликнулась на инициативу администрации Б. Обамы нормализовать двустороннее взаимодействие. В какой-то мере это стало подтверждением внешнеполитических принципов РФ, о которых российская сторона неоднократно заявляла американским партнерам, – Россия открыта к полномасштабному сотрудничеству с Америкой, но на равных, взаимоприемлемых условиях. В связи с желанием Вашингтона путем улучшения отношений с Москвой достичь своих целей на мировой арене, большая часть президентства Д. Медведева прошла под знаком политики «перезагрузки» российско-американских отношений. При этом между сторонами никуда не исчезли многочисленные противоречия по целому ряду проблем мировой политики, что сделало «перезагрузку» довольно скоротечной.

Заключение. Период президентства Д. Медведева стал одним из наиболее конструктивных в истории российско-американских отношений после окончания Холодной войны. Москва смогла достичь ряда позитивных для себя результатов: был подписан и ратифицирован Договор СНВ-3, отменена поправка Джексона – Вэника, Россия стала членом ВТО. Однако не стоит забывать о том, что, предлагая России «перезагрузку», США исходили исключительно из своих национальных интересов, не собираясь признавать Российскую Федерацию равноправным партнером. Последовавшие вскоре события привели обе страны к новому витку противостояния, еще более напряженному, чем в начале президентства Д. Медведева.

Ключевые слова: Россия, США, Д. Медведев, Б. Обама, российско-американские отношения, «перезагрузка».

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 78–87)

The USA in the Russian Foreign Policy Strategy During D. Medvedev's Presidency (2008–2012)

Kosov A.P.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Over the post-Soviet history the USA has been one of the main drivers of Russia's behavior on the global arena. The United States has occupied the central place in Russia's foreign policy planning. In the 1990s the Russians had big hopes concerning Russian-American relations built on equal but not confronted basis. However, due to the differences in Moscow's and Washington's ideas of the new global order contradictions went on increasing between them, especially vivid after V. Putin's and J. Bush Jr. coming to office. Still, in the late 2000s both the sides took efforts to improve their relations by the so-called reboot.

The purpose of the article is to consider Russia's American policy during D. Medvedev's presidency.

Material and methods. The study is based on publications by Russian and American authors, which reveal mechanisms of Moscow's and Washington's bilateral relations in 2008–2012. General scientific and special research methods were used in the course of the study.

Findings and their discussion. During D. Medvedev's presidency Russia strived to improve relations with the USA, which were in serious crisis. That was why Moscow responded B. Obama's administration initiative to stabilize the bilateral relations. To some extent, that was the confirmation of Russia's foreign policy principles which were repeatedly stated by the Russian side: Russia is open to wide scale cooperation with America but on equal, mutually acceptable conditions. Taking into account Washington's desire to reach their own aims on the global arena by improving relations with Moscow, most part of D. Medvedev's presidency was marked by the reboot policy of Russian-American relations. The multiple contradictions still did not disappear between the parties concerning a number of global policy problems, which made the reboot quite short in time..

Conclusion. D. Medvedev's presidency became one of the most constructive periods in the history of Russian-American relations after the cold war. Moscow managed to reach a number of positive for itself results: SOA-3 Treaty was signed and ratified, Jackson-Vanik Amendment was abolished, Russia became a WTO member. However, one should not forget that by suggesting the reboot the USA cared only for its national interests and was not going to consider the Russian Federation an equal partner. Events which followed resulted in a new round of confrontation that was tenser than the one at the beginning of D. Medvedev's presidency

Key words: Russia, the USA, D. Medvedev, B. Obama, Russian-American relations, reboot.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 78–87)

К моменту прихода в Кремль Д. Медведева российско-американские отношения находились в глубоком кризисе. После краткосрочного сближения на фоне борьбы с международным терроризмом в начале 2000-х гг. Москва и Вашингтон шаг за шагом разошлись по целому ряду принципиальных позиций международной повестки. Разногласия между двумя странами возникли из-за разного видения ими своего места и роли в мире. Усилившаяся Россия стала позиционировать себя в качестве самостоятельного «центра силы». Со своей стороны, США не собирались уступать мирового лидерства и пытались сдерживать всех потенциальных конкурентов. По справедливому мнению американского политолога Т. Грэма, взаимоотношения двух держав осложнены двумя существенными несоответствиями: 1) не совпадением приоритетов – для РФ Соединенные Штаты занимают более важное место, чем для Америки – Россия; 2) в американском госаппарате властные полномочия и ответственность распространяются на более низкий уровень, нежели в российском, что нередко влечет за собой наличие хороших отношений между руководством (Дж. Буш-мл. – В. Путин) при сложностях на межгосударственном уровне в целом [1].

Цель представленной статьи – рассмотреть политику России в отношении США в период президентства Д. Медведева.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили публикации российских и американских авторов, позволяющие судить о перипетиях взаимоотношений Москвы и Вашингтона. Данная статья написана с учетом основополагающих принципов научного познания – историзма, объективности, ценностного подхода и системности. При этом использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специальные (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический) методы, позволившие рассмотреть российскую политику России на американском направлении.

Результаты и их обсуждение. Известно, что в 2000-е гг. российское руководство проявляло заинтересованность в сотрудничестве с Вашингтоном,

особенно в сфере безопасности, но исключительно на равноправной основе. Этот подход нашел свое отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 15 июля 2008 г. Она была разработана еще в период президентства В. Путина, поэтому налицо просматривалась преемственность внешнеполитического курса Д. Медведева. Относительно сотрудничества с США в ней указывалось, что РФ заинтересована во всех сферах взаимодействия. Поэтому Москва выступила за «достижение новых договоренностей с Соединенными Штатами в сфере разоружения и контроля над вооружениями в интересах сохранения преемственности этого процесса, укрепления мер доверия и транспарентности в области космической деятельности и противоракетной обороны, а также по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения, безопасного развития мирной ядерной энергетики, наращивания сотрудничества в сфере противодействия терроризму и другим вызовам и угрозам, урегулирования региональных конфликтов». В долгосрочной перспективе заинтересованность РФ проявлялась и в подведении под российско-американские отношения солидной экономической базы, а также в обеспечении «совместной выработки культуры управления разногласиями на основе прагматизма и соблюдения баланса интересов, что позволит обеспечить большую стабильность и предсказуемость российско-американских отношений» [2]. Однако США продолжали проводить в отношении России политику сдерживания, что усиливало конфронтационную составляющую в двусторонних отношениях.

Тем не менее после прихода в Кремль Д. Медведева у многих появились ожидания возможного «потепления» в российско-американских отношениях «с учетом либерального имиджа и якобы большей гибкости нового российского президента» по сравнению с В. Путиным, раскритиковавшим США в феврале 2007 г. в своей мюнхенской речи. Но вскоре новый президент столкнулся с первым серьезным вызовом со стороны Запада. Речь шла о пятидневной войне в Закавказье. Вашингтон всецело поддержал М. Саакашвили. Политический истеблишмент США

практически единогласно осудил Россию, публично «вылив» антироссийский поток лжи. Так, госсекретарь США К. Райс, выступая 18 сентября 2008 г. в германском Фонде Маршалла, обвинила Москву в агрессии и заявила, что Вашингтон не позволит РФ реализовать свои планы в регионе [3]. А президент Дж. Буш-мл. сказал, что «Россия должна заплатить за свое ужасающее поведение» [4, с. 82–83]. Не отставали в своих комментариях и претенденты на Белый дом. Например, достаточно жестко критиковала Москву Х. Клинтон, уверенная в том, что за «вторжением» в Грузию стоял В. Путин, который использовал удобный момент, чтобы устранить ситуацию, которая его не устраивала [5, с. 296]. Кандидат на пост от республиканцев сенатор Дж. Маккейн в ультимативной форме потребовал, чтобы РФ «незамедлительно и без всяких условий» прекратила огонь и отвела войска с территории Грузии. Кандидат от демократов сенатор Б. Обама занял более гибкую позицию, призвав воюющие стороны к «сдержанности» и отказу от эскалации конфликта [6, с. 40]. Правда, подвергшись жесткому давлению со стороны американского истеблишмента, Б. Обама был вынужден несколько ужесточить свою позицию, заявив, что РФ подорвала грузинский суверенитет [7]. В целом, именно после «пятидневной войны» Россия стала «острой темой» для кандидатов. До августовских событий она не являлась сколько-нибудь значимой у претендентов на Белый дом. Так, Дж. Маккейн, считавший РФ противником США, выступал за ужесточение политики Вашингтона в ее отношении. Сенатор допускал возможность конструктивного российско-американского взаимодействия только в случае «правильного» поведения Москвы: «...Мы также должны расширить программы поддержки свободы и законности в России и сделать акцент на том, что реальное партнерство остается возможным для Москвы, если она этого захочет, но при условии, что она будет ответственным актором, как в международных отношениях, так и внутри страны» [8]. Б. Обама высказывался в отношении России более осторожно и расплывчато, нежели Дж. Маккейн. Во время первых телевизионных дебатов он позволял довольно резкие высказывания в адрес Москвы, отмечая при этом наличие у двух держав общих интересов, особенно в сфере нераспространения ОМУ. В ходе вторых дебатов Б. Обама подчеркнул, что центральным вопросом для Соединенных Штатов на ближайшие годы станет «восстающая Россия», а также пообещал помогать соседям РФ в их противостоянии российскому давлению [9, с. 257–258]. Но общий его внешнеполитический посыл был следующим: работать со всеми, кто необходим Америке для решения актуальных проблем [8]. Поэтому он и его команда считали, что необходимо наладить взаимодействие с Москвой. Так, в сентябре 2008 г. на слушаниях в Конгрессе, посвященных российско-американским отношениям после событий в Закавказье, будущий посол в России М. Макфол, являвшийся тогда одним из негласных советников

Б. Обамы, раскритиковал политику администрации Дж. Буша-мл. в отношении РФ и призвал Вашингтон к диалогу с Д. Медведевым [10].

Поведение США, особенно реакция на события 7–8 августа 2008 г. вызвали у российского руководства «кризис доверия» в отношении американской политической элиты. Подтверждением стали слова В. Путина в интервью телеканалу CNN 28 августа о том, что после начала Грузией боевых действий в Южной Осетии российские власти обратились к Вашингтону с призывом остановить М. Саакашвили. Об этом В. Путин лично просил Дж. Буша-мл. во время их встречи в Пекине. Несмотря на заверения американского президента в том, что «война никому не нужна», реально для предотвращения эскалации конфликта ничего сделано не было [4, с. 82]. А президент Д. Медведев на встрече с представителями общественных организаций в Кремле 19 сентября 2008 г. прямо обвинил Соединенные Штаты не только в содействии агрессии Грузии против Южной Осетии, но и во вмешательстве во внутренние дела России [11]. Подобные настроения отразились и на российской общественности. Большинство россиян усмотрели основную причину конфликта в Закавказье в агрессивном экспансионизме США, от которых исходит главная угроза национальным интересам России на постсоветском пространстве. Так, согласно опросам ВЦИОМ, с июня по сентябрь 2008 г. позитивное отношение россиян к Соединенным Штатам сократилось в два раза: с 47 до 22%, тем самым достигнув минимума за десять лет. 65% граждан РФ воспринимали Америку негативно. Неудивительно, что 37% респондентов оценили текущие российско-американские отношения как «напряженные». При этом, более трети россиян (39%) полагали, что после смены главы Белого дома российско-американские отношения не изменятся, 8% были уверены в их ухудшении. Правда, 18% опрошенных сделали оптимистичный прогноз улучшения отношений, 35% – затруднились ответить [12].

В своем первом послании Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г., оглашенном в день президентских выборов в США, Д. Медведев вновь осудил действия США во время грузинской агрессии против Южной Осетии, подчеркнув, что конфликт на Кавказе был использован Вашингтоном как предлог для ускоренного навязывания Европе американской ПРО. В связи с этим президент России озвучил возможные контрмеры относительно планов США по развертыванию элементов противоракетной обороны в Польше и Чехии. Он отказался от запланированного ранее снятия с боевого дежурства трех ракетных полков и расформирования ракетной дивизии, дислоцированной в Козельске, а также подчеркнул, что «для нейтрализации при необходимости системы ПРО в Калининградской области будет развернут ракетный комплекс “Искандер” и вестись “радиоэлектронное подавление новых объектов системы ПРО Соединенных Штатов Америки”». При этом

Д. Медведев сказал, что с российской стороны – это вынужденная мера. По его словам, «у нас нет проблем с американским народом, у нас нет врожденного антиамериканизма. И мы надеемся, что нашими партнерами, новой администрацией Соединенных Штатов Америки, будет сделан выбор в пользу полноценных отношений с Россией» [13].

Следует отметить, что российское руководство допустило определенные просчеты относительно результатов президентских выборов в США. Дело в том, что российский истеблишмент мало верил в возможность победы в Америке «небелого» кандидата. В связи с этим в Москве с наибольшей вероятностью ожидался успех Дж. Маккейна, что сказалось на превентивных действиях российской дипломатии, ожидавшей жесткой реакции со стороны Вашингтона. Этим объяснялась и та поспешность, с которой РФ признала независимость Абхазии и Южной Осетии, нанеся урон внешнеполитическому имиджу страны [6, с. 41]. Кроме того, в Москве не связывали особых надежд с победившем в итоге Б. Обамой. В российском руководстве сохранялась неопределенность в оценках ситуации и перспектив отношений с США. Негативный опыт попыток найти взаимоприемлемую формулу сотрудничества с администрацией Дж. Буша-мл. переносился на отношение к новой администрации. Многие помнили о том, что в свое время он являлся одним из соавторов сенатской резолюции о скорейшем вступлении Грузии и Украины в НАТО. Прекрасно знали об отношении к России и кандидата на пост вице-президента Дж. Байдена, на протяжении многих лет возглавлявшего сенатский комитет по международным отношениям. Помнили, как в августе 2008 г. он резко осудил действия РФ в отношении Тбилиси, пообещав Москве «монументальное стратегическое поражение» и пригрозив наложить на нее санкции и сорвать сочинскую Олимпиаду [14, с. 337]. Тем самым отмечалось, что позиция нового руководства США не сулит существенного смягчения позиций Вашингтона по острым вопросам российско-американских отношений. Ведь, политика США в отношении России носит, по сути, двухпартийный характер, а американская политическая машина довольно инерционная. К тому же, Б. Обама во многом будет зависеть от Конгресса и влиятельных лоббистских групп [4, с. 81, 83]. Как справедливо отмечал А. Богатуров, «события августа 2008 г. слишком глубоко повлияли на российскую элиту, чтобы она безоговорочно и разом вернулась к линии на достижение согласия с Вашингтоном просто потому, что “с Америкой надо дружить”» [15]. По словам политолога, постепенно российское руководство пришло к мысли о необязательности партнерства с США. Оно стало считать, что сотрудничать с Вашингтоном нужно, но это не должно быть самоцелью. Если можно достичь соблюдения национальных интересов РФ путем взаимодействия с Западом, то это прекрасно. Однако, если по каким-либо причинам сотрудничество с ним не получится, то Россия должна

идти своим путем, т.е. Москва отказывалась от безусловности ориентации на сотрудничество с США. Американское направление продолжало считаться важным, но теперь РФ стремилась обусловить его необходимостью учета важного для себя требования – в частности в вопросах безопасности в Европе [15].

Вызвав озабоченность на Западе, российское руководство решило несколько смягчить ситуацию. Так, в середине ноября 2008 г., находясь с визитом в США с целью участия в саммите «большой двадцатки», посвященному глобальному финансовому кризису, Д. Медведев заявил, что приветствует избрание Б. Обамы на пост президента [9, с. 260]. А в своем выступлении в Совете по международным делам в Вашингтоне президент России подчеркнул, что «мы ничего делать не будем до тех пор, пока Америка не сделает первый шаг. Если этот шаг будет такой неудачный, как сегодня предполагается, нам придется действовать. Но мне кажется, что у нас сейчас есть очень хорошие возможности к тому, чтобы эту проблему развязать» [16].

Несмотря на то, что Москва неоднократно открыто декларировала свою готовность к конструктивному диалогу с Вашингтоном, временное улучшение российско-американских отношений, получившее название «перезагрузки» (reset), произошло в первую очередь благодаря принятому решению со стороны администрации Б. Обамы. Это стало возможным в силу того, что Белый дом нуждался в сотрудничестве с РФ по таким важным направлениям, как соблюдение режима нераспространения ОМУ, Афганистан и иранская ядерная программа. Было очевидно, что получить необходимую поддержку Вашингтон мог, лишь пойдя на отказ от жесткой риторики в адрес Москвы.

В понимании американцев сущность политики «перезагрузки» заключалась в том, чтобы найти сферы взаимовыгодного сотрудничества, но при этом твердо отстаивать свое мнение в спорных для обеих держав вопросах и поддерживать демократию и права человека в России [5, с. 289]. Тем самым с американской стороны в рамках предложенной «перезагрузки» речь шла не о том, чтобы стать «добрыми друзьями» с РФ, а о том, чтобы привлечь Москву к решению тех проблем, где она может сыграть ту или иную роль, и предложить ей приемлемые условия взаимодействия [17, с. 7]. Сам термин «перезагрузка» первым употребил в своей речи на 45-й Мюнхенской конференции по международной безопасности вице-президент США Дж. Байден. Присутствовавший там вице-премьер РФ С. Иванов расценил его предложение в качестве «позитивного сигнала». Правда, его комментарий содержал скрытую озабоченность, поскольку многое зависело от того, что были намерены предпринять Соединенные Штаты [9, с. 262]. Ведь Дж. Байден не предложил сколько-нибудь приемлемых для Москвы способов решения ни одной из имевшихся проблем российско-американских отношений, что позволило бы говорить о возможных путях поиска компро-

миссных решений [18, с. 8–9]. Однако американцы хотели сыграть на публику и показать всем свои «добрые» намерения в отношении Москвы. Госсекретарь Х. Клинтон решила использовать идею «перезагрузки» в качестве способа встраивания разногласий между Россией и США в программу двустороннего взаимодействия наряду с областями, представляющими взаимный интерес. Поэтому во время встречи с С. Лавровым в марте 2009 г. в Женеве она преподнесла ему кнопку «перезагрузки», оказавшейся, правда, кнопкой с надписью «перегрузка» [5, с. 290–291]. Кстати, в подписанном 1 апреля 2009 г. в Лондоне совместном заявлении Д. Медведева и Б. Обамы, провозглашавшем намерение двух государств строить отношения на основе «многих общих интересов» и решимость совместно работать над укреплением стратегической стабильности и международной безопасности, противостоять глобальным вызовам современности и решать возникающие разногласия в духе взаимного уважения и признания интересов друг друга, термин «партнерство» вообще не использовался [19]. Тем самым это событие скорее символизировало намерения американцев нормализовать российско-американские отношения, чем конкретизировало цели и пути их достижения. Поэтому многие в России рассматривали поведение Вашингтона скорее как лукавство и двойные стандарты. Российское руководство никогда не воспринимало «перезагрузку» как свое детище и подчеркивало, что ее инициатором была американская сторона. По словам замминистра иностранных дел РФ С. Рябкова, «никогда я не был сторонником употребления термина “перезагрузка”, хотя он неплохо вписался в медийное пространство с подачи американцев» [20]. Более того, проводя аналогию с информационными технологиями, дипломат выражал справедливые опасения, подтвердившиеся спустя несколько лет, что перезагрузка может не только вернуть систему к старому состоянию, но и наполнить ее вирусами [21]. Но в целом российское руководство позитивно оценило стремление Вашингтона улучшить российско-американские отношения.

Кремль был настроен на диалог и встраивание конструктивных отношений с Соединенными Штатами. Бывший министр иностранных дел РФ И. Иванов назвал три основные предпосылки, подтолкнувшие Москву пойти навстречу американцам. Во-первых, осенью 2008 г. Россия оказалась перед угрозой внешнеполитической изоляции, поскольку российскую политику, направленную на признание Абхазии и Южной Осетии, не поддержало ни одно сколько-нибудь значимое государство, включая союзников по СНГ, ОДКБ, ШОС и БРИК, а уровень российско-американской напряженности достиг критической отметки. Во-вторых, РФ все больше стала ощущать последствия глобального финансово-экономического кризиса и конфронтация с США могла негативно отразиться на экономике страны. В-третьих, провозглашенная российским руководством «модернизация», предпола-

гающая переход форсированными темпами от модели сырьевой экономики к инновационному развитию, в условиях конфронтации с Западом, имеющим наибольший потенциал в этой сфере, была нереализуема [22, с. 25–26]. Поэтому после прихода в Белый дом Б. Обамы характер и тон высказываний Д. Медведева о США стали более благожелательными для Вашингтона. В частности, он дал позитивную оценку своей встрече с Б. Обамой на саммите «большой двадцатки» в Лондоне в апреле 2009 г. В утвержденной 12 мая 2009 г. президентом Д. Медведевым «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» подчеркивалось стремление к встраиванию равноправного и полноценного стратегического партнерства с США на основе совпадающих интересов в сферах разоружения и контроля над вооружениями, решения вопросов нераспространения ОМУ, антитеррористического сотрудничества, урегулирования региональных конфликтов [23]. Во время визита Б. Обамы в Москву (6–8 июля 2009 г.), президенты двух стран приняли несколько совместных заявлений, которые должны были определить повестку российско-американских отношений на ближайшие годы. Так, стороны заключили межправительственное соглашение о предоставлении воздушного пространства страны для транспортировки в Афганистан военных грузов и персонала; сделали совместное заявление по вопросу дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений; совместные заявления по проблеме ПРО, Афганистану и сотрудничеству в ядерной сфере. Кроме того, двумя президентами было принято решение о создании Российско-американской двусторонней президентской комиссии, насчитывавшей 18 рабочих групп по широкому спектру вопросов двустороннего сотрудничества, которая задумывалась как обновленный вариант существовавшей в 1990-е гг. Комиссии Гор – Черномырдин [9, с. 266]. Ее целью стало проведение различных мероприятий в таких областях, как ядерная безопасность, энергетика, борьба с наркотрафиком, здравоохранение, образование, культура и т.д. [19].

По итогам встречи лидеры двух стран признали, что у них разные точки зрения по ряду актуальных вопросов, но оба готовы работать над их разрешением. В частности, Д. Медведев подчеркнул: «Наша страна хотела бы достичь такого уровня взаимодействия с Соединенными Штатами Америки, который будет реально достоин XXI века, который будет обеспечивать международный мир и безопасность», но «российско-американские отношения, а точнее достигнутый на сегодня их уровень не соответствует их потенциалу, не соответствует возможностям двух стран» [24]. Следует отметить, что спустя год Д. Медведев достаточно высоко оценивал успехи налаживания взаимопонимания между двумя державами [25]. Со временем у президентов РФ и США, по словам Х. Клинтон, сложились хорошие личные отношения, ставшие основой для дальнейшего сотрудничества [5, с. 294].

Действительно, Д. Медведев оказался более позитивно настроен к США, нежели В. Путин, но и один, и другой сходились во мнении, что нужно содействовать улучшению отношений с США [9, с. 302]. Так, премьер-министр РФ во время встречи с Б. Обамой 7 июля 2009 г. в Ново-Огарёво выразил «умеренный оптимизм» относительно развития российско-американских отношений, заявив, что Москва заинтересована в «конструктивной и надежной работе» с Вашингтоном [9, с. 265]. На наш взгляд, царившие в окружении Д. Медведева настроения относительно развития российско-американских отношений четко отразил известный американист В. Кременюк: «Нельзя ни на минуту забывать о важности для России выстраивания стабильных, приемлемых и партнерских отношений с Вашингтоном. От этого зависят не только многие аспекты международного положения страны, но и развитие ее экономики, технологической оснастки, научных достижений. Короче, отношения с США должны рассматриваться на уровне главных проблем национальной безопасности, как одна из ее самых серьезных и ответственных категорий» [17, с. 3].

В своих заявлениях Д. Медведев неоднократно подчеркивал, что в обоюдных интересах необходимо сделать двусторонние отношения по-настоящему партнерскими. Первая его речь в ООН 24 сентября 2009 г. многими была оценена как одна из самых проамериканских речей российского лидера в истории [14, с. 349]. В ней он хвалил Б. Обаму за его шаги на мировой арене. В частности, российский президент приветствовал намерение своего американского коллеги отказаться от политики единоличного доминирования США в мире [26]. Слова Д. Медведева, сказанные с трибуны ООН и перед студентами Питтсбургского университета, многие расценили как его отказ от линии, долгое время проводившейся российским руководством в отношении Соединенных Штатов. Однако С. Лавров практически сразу внес пояснения, дав понять, что Россия не собирается менять свою позицию по ряду важных вопросов, но настроена на сотрудничество [14, с. 350].

По мнению Д. Медведева, конструктивное партнерство намного важнее, нежели получение каких-либо односторонних преимуществ. Поэтому на американском направлении российская сторона выступала за широкомасштабное взаимодействие по всей двусторонней и многосторонней повестке дня на равноправной основе с учетом интересов друг друга. Москва была настроена на решение не только проблем международной безопасности, но и расширении торгово-экономического сотрудничества с Вашингтоном. В сфере безопасности для российского руководства приоритетом были следующие вопросы: американские планы по созданию противоракетной обороны, сокращение стратегических наступательных вооружений, нераспространение оружия массового уничтожения, в том числе иранская и северокорейская ядерные программы, а также борьба с международным терро-

ризмом, создание новой архитектуры евроатлантической безопасности, включая постсоветское пространство и урегулирование региональных конфликтов.

Среди конкретных шагов Москвы навстречу Вашингтону в рамках политики «перезагрузки» можно отметить следующее. Во-первых, российское руководство дало разрешение США на транзит военных грузов в Афганистан. Это объяснялось тем, что американские войска находились там в составе международных сил по решению СБ ООН и боролись с терроризмом. А России вблизи своих южных границ очаг напряженности в виде нестабильного и подконтрольного террористам Афганистана был совершенно не нужен. Так что, несмотря на некоторые расхождения с американцами по афганскому вопросу, содействие Вашингтону в плане транзита полностью отвечало национальным интересам России. Американское присутствие в Афганистане играло стабилизирующую роль для всего центральноазиатского региона, а потому в Москве считали возможным оказывать США ограниченную, но немаловажную поддержку (вплоть до создания транспортно-логистического центра НАТО в Ульяновске) [22, с. 27–28]. Во-вторых, Москва всецело поддержала Вашингтон относительно возобновления диалога по сокращению стратегических наступательных вооружений, полностью замороженный несколькими годами ранее. Д. Медведев и Б. Обама договорились начать переговоры по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений 1 апреля 2009 г. на встрече в Лондоне [27]. Продолжавшиеся меньше года переговоры привели к выработке Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3), который был подписан Д. Медведевым и Б. Обамой 8 апреля 2010 г. в Праге. В соответствии с ним, через семь лет после его вступления в силу РФ и США должны были иметь на вооружении по 1 550 развернутых ядерных боезарядов и по 700 стратегических носителей [28]. Ратификационными грамотами С. Лавров и Х. Клинтон обменялись в феврале 2011 г., а срок договора составил 10 лет с возможностью продления еще на пять лет. Заключение Договора СНВ-3 рассматривалось российским руководством в качестве крупного внешнеполитического достижения. Москва исходила из того, что прорыв на переговорах по СНВ откроет новые возможности для перераспределения политических и интеллектуальных ресурсов на те области двусторонних отношений, где наблюдается отставание [28]. Хотя в обеих странах нашлось немало критиков договора, в основном он отвечал обоюдным интересам, юридически закрепив их планы по реструктуризации стратегических ядерных носителей и возродив практически утраченные механизмы верификации сокращений. Кроме того, подписание Договора СНВ-3 создало предпосылки для расширения российско-американского сотрудничества в атомной сфере в целом. Так, в 2011 г. в силу вступило

Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии («Соглашение 1-2-3»), открывшее американский рынок для российских компаний атомной энергетики [22, с. 27]. Правовая база для взаимодействия двух стран в области мирного атома была заложена еще в 2008 г. В. Путиным и Дж. Бушем-мл., но после «пятидневной войны» договор был отозван из Конгресса администрацией США. Однако 10 мая 2010 г. Б. Обама направил его на ратификацию в Конгресс, и 10 декабря Конгресс ратифицировал договор [15].

Серьезную тревогу у Москвы вызывала американская идея с размещением элементов ПРО в Европе. Намерения Вашингтона затрагивали именно российские силы стратегического ядерного сдерживания. Это нарушало сложившийся военно-политический баланс. Поэтому решение администрации Обамы пересмотреть планы развертывания элементов ПРО в Чехии и Польше и ее заинтересованность в дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений было воспринято российской стороной как позитивное намерение Вашингтона улучшить взаимоотношения России и США. 10 сентября 2009 г. Б. Обама заявил об отказе Вашингтона развертывать третий позиционный район американской ПРО на территории Польши и Чехии. Известно, что Кремль увязывал переговоры по ограничению СНВ с проблемой противоракетной обороны. Выступая 20 апреля 2009 г. в Университете Хельсинки, президент России пояснил позицию российской стороны. По его словам, одним из условий достижения соглашения с Соединенными Штатами о дальнейшем ядерном разоружении должна быть увязка на переговорах взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений. Он отметил: «Нас очень беспокоит перспектива одностороннего развертывания противоракетных систем, которая ломает существующую ныне систему противовесов в этой сфере и самым решительным образом осложняет перспективу ядерного разоружения» [29]. Исходя из складывавшейся ситуации, в конце 2009 г. С. Лавров оценил итоги российско-американских отношений следующим образом: «По-существу, мы в начале процесса возвращения наших отношений к норме, которая учитывала бы, в том числе и нашу совместную ответственность за судьбы мира. Яркой иллюстрацией сложности и важности этой задачи служат переговоры по новому Договору о СНВ» [30]. В результате Кремль пошел навстречу США по важным для американцев проблемам. Например, Москва поддержала умеренные экономические санкции против Ирана, чего добились Вашингтон.

Российское руководство понимало под «перезагрузкой» невмешательство Вашингтона в российскую «сферу интересов» на постсоветском пространстве и активно пыталось использовать улучшение двусторонних отношений для усиления своего влияния в этом регионе. Конечно, Вашингтон не признал и не мог признать за этой территорией статуса особой «сферы

влияния» Москвы, но в Вашингтоне стали внимательнее прислушиваться к российским озабоченностям. Например, администрация Б. Обамы начала проявлять большую сдержанность в оказании военно-технической помощи. Поэтому абстрагирование Белого дома от президентской кампании в Украине, где за пост президента боролись В. Ющенко и В. Янукович, было расценено Кремлем как еще один шаг навстречу Российской Федерации. Как итог, выступая в июле 2010 г. перед российскими послами в МИД РФ, Д. Медведев высоко оценил развитие отношений с администрацией Обамы, предложив их в качестве примера при построении контактов с другими государствами [25].

Несмотря на снижение в российско-американских отношениях напряженности, противоречия двух стран сохранились из-за их расхождений по целому ряду вопросов. Так, Москва высказала свою настороженность по поводу изданной в мае 2010 г. Стратегии национальной безопасности США, где РФ, по сути, отводилось второстепенное место (наряду с Бразилией, Индонезией и ЮАР) в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона и при этом подчеркивалось желание видеть Россию страной «уважающей международное право и соблюдающей территориальную целостность своих соседей» [31].

Россия и США разошлись во взглядах относительно ряда региональных проблем, что стало существенно подрывать атмосферу «перезагрузки». Например, это касалось событий так называемой «арабской весны». Развитие ситуации в ближневосточном регионе было воспринято Москвой и Вашингтоном диаметрально противоположно. Хотя, как известно, относительно принятия резолюции СБ ООН 1973 по Ливии взгляды Д. Медведева и В. Путина разошлись. Тогда Москва не пошла на применение права вето, чем санкционировала применение Западом силы в отношении режима М. Каддафи. Подобный сценарий Вашингтон решил осуществить и применительно к Сирии, что вызвало возмущение в России и, как следствие, блокирование антисирийских резолюций в ООН. Тем самым в сирийском конфликте РФ и США оказались по разные стороны.

Диалог и сотрудничество Москвы и Вашингтона по иранской ядерной проблеме, очевидной для обеих сторон как в геостратегическом, так и военно-политическом аспектах, проходили по-разному. Так, поддержка РФ американской позиции по Ирану относительно введения санкций — отказ от поставки законтрактованных комплексов ПВО С-300 — сменилась новыми разногласиями, после военной операции НАТО в Ливии [15].

Даже успешно продвигавшееся сотрудничество по Афганистану «споткнулось» о проблему с распространением наркотиков. Тогда, как в Москве считали правильным радикально бороться с афганской наркоугрозой, уничтожая посевы опиумного мака и предлагая крестьянам развивать другие отрасли сельского хозяйства, в Вашингтоне были уверены в необходимо-

сти поддержки афганских аграриев, для которых производство опиатов является единственной возможностью добычи средств к существованию [32].

Проблемы российско-американского взаимопонимания касались и других регионов. Так, США не отказались от ослабления своего влияния в Европе, что автоматически означало снижение веса России в большой европейской политике. Поэтому известная инициатива Д. Медведева о формировании новой архитектуры безопасности в Европе была отвергнута США и НАТО еще на старте «перезагрузки». Дело в том, что существующая натоцентрическая система европейской безопасности (в которой России нет места) вполне устраивает Запад [33, с. 25]. Более того, с повестки дня никуда не исчезла проблема американской ПРО. Разумеется, Москва была вынуждена реагировать. По словам С. Рябкова, «мы не раскручиваем гонку вооружений, мы реагируем на происходящее. Первые шаги сделаны. РЛС в Калининградской области введена. Президент Д.А. Медведев упомянул также о возможности развертывания в Калининградской области ракетных комплексов «Искандер». Я хотел бы подчеркнуть, что смысл идеи, лежащей в основе обращения президента, – это подтолкнуть американцев к переговорам. Если не получится, то последуют другие меры, вплоть до выхода из договора об СНВ. Мы не хотели бы этого развития» [20]. В свете вышесказанного, неудивительно, что 27 мая 2011 г. на встрече с Б. Обамой во время саммита во французском Довилле Д. Медведев признал, что между РФ и США имеются серьезные противоречия по целому ряду вопросов [14, с. 380].

Однако, конечно, наибольшим раздражителем для России стало открытое вмешательство Вашингтона во внутрисполитическую жизнь РФ. Ярким примером явилась открытая поддержка американцами протестных выступлений в Москве в декабре 2011 г. после прошедших выборов в Госдуму VI созыва. В. Путин отметил: «Я посмотрел на первую реакцию наших американских партнеров. Первое, что сделала госсекретарь, сказала, что они нечестные и несправедливые, хотя еще не получила даже материалов наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ». И далее продолжил: «Она задала тон некоторым нашим деятелям внутри страны, дала сигнал. Они этот сигнал услышали и при поддержке Госдепа США начали активную работу» [34]. В 2012 г. администрация США даже создала специальный фонд для поддержки демократии в России. По словам официального представителя Государственного департамента США В. Нуланд, «у нас есть созданный с одобрения госсекретаря и Конгресса новый фонд по укреплению гражданского и информационного общества и защите прав человека в России... Он также предназначен для работы с НПО – то есть для расширения диалога с американскими НПО, поддержки молодых политических лидеров. Его объем составляет около 50 млн долларов, которые были переведены из

ликвидированного российско-американского инвестфонда» [15]. Разумеется, подобное поведение американцев не могло сохранить достигнутый двумя годами ранее уровень взаимодействия. Стало очевидно, что «перезагрузка» достаточно быстро идет к своему завершению.

Следует отметить, что характерно, представители обеих держав достаточно спокойно рассуждали об изменении атмосферы двусторонних отношений в сторону их похолодания. Так, по словам С. Рябкова, у российской стороны не было иллюзий относительно безоблачного взаимодействия с США: «“Перезагрузка” – это, в принципе, одномоментный процесс, она не может продолжаться бесконечно» [20]. А. Пушкин оценивал «разрядку» в качестве временного изменения обеими сторонами, остающимися стратегическими противниками, тактики взаимодействия для достижения поставленных целей. США увидели в России лишь временного партнера, необходимого для решения афганской ситуации и иранской ядерной проблемы. В свою очередь, российская сторона воспринимала Соединенные Штаты лишь как возможный источник инвестиций в российскую экономику и как временного партнера в решении других важных вопросов, таких, например, как вступление в ВТО [35]. Поддержка США была очень важна для Москвы, за что Д. Медведев был благодарен Б. Обаме [36]. Россия хотела вывести торгово-экономические отношения на принципиально новый уровень. Однако ожидания Москвы не оправдались ни в политике, ни в экономике. Поэтому, как справедливо отмечал А. Пушкин, рано или поздно «перезагрузка» должна была завершиться [35]. По мнению М. Макфола, бывшего в 2012–2014 гг. американским послом в РФ, у «перезагрузки» были ограниченные цели, большинство которых было достигнуто, поэтому к 2012 г. это понятие перестало отражать суть российско-американских отношений [9, с. 256].

В целом, российское руководство достаточно скромно оценивало результаты «перезагрузки». Несмотря на то, что на саммите по ядерной безопасности в Сеуле 26 марта 2012 г. Д. Медведев назвал период 2009–2011 гг. как «лучшие три года в истории взаимоотношений между Россией и США за последнее десятилетие» и добавил, что «удалось многое сделать, начиная Договором об ограничении стратегических наступательных вооружений и заканчивая нашим сотрудничеством по наиболее чувствительным международным вопросам» [36], результаты «перезагрузки» оставляли желать лучшего. По словам В. Путина, «за последние годы сделано немало в развитии российско-американских отношений. Но все-таки решить вопрос о фундаментальном изменении матрицы этих отношений пока не удалось, они по-прежнему подвержены приливам и отливам. Такая неустойчивость партнерства с Америкой – отчасти следствие живучести известных стереотипов и фобий. Наглядный пример – как Россию воспринимают на Капитолийском холме» [37]. Согласно ему, «в отношениях с США мы были

бы готовы пойти действительно далеко, совершить качественный прорыв, однако при условии, что американцы на деле будут руководствоваться принципами равноправного и взаимоуважительного партнерства» [37]. Как известно, этого не произошло. Соединенные Штаты оказались не готовы к налаживанию равноправного российско-американского сотрудничества. Поэтому понятно, почему 6 марта 2012 г. на одном из брифингов официальный представитель МИД РФ А. Лукашевич заявил буквально следующее: «“Перезагрузка” – не наш термин и не наш тезис. Мы всегда исходили и продолжаем исходить из того, что Россия налаживает с США реальное равноправное стратегическое партнерство, взаимоуважительный диалог при учете интересов и позиций друг друга», пояснив, что этот термин скорее относится к тому курсу, который проводила администрация Б. Обамы [32].

Заключение. Таким образом, в годы президентства Д. Медведева ключевыми аспектами взаимодействия Москвы и Вашингтона стали следующие: трансформация мирового порядка; сокращение стратегических наступательных вооружений и противоракетная оборона; укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения; борьба с международным терроризмом, включая сотрудничество по Афганистану; ситуация на Ближнем Востоке после начала «арабской весны»; постсоветское пространство. При этом внешняя политика России на американском направлении по-прежнему носила реагирующий характер на поведение Соединенных Штатов. Москва неоднократно подчеркивала свою готовность к развитию равноправных конструктивных российско-американских отношений. Однако их временное улучшение в большей степени зависело от Вашингтона. Именно необходимость администрации Б. Обамы в налаживании взаимодействия с РФ для решения стоящих перед Соединенными Штатами проблем мировой повестки привела к так называемой «перезагрузке». Данный период российско-американских отношений оказался наполненным рядом позитивных для Москвы результатов – подписание и ратификация Договора СНВ-3, отмена поправки Джексона – Вэника, поддержка России при вступлении в ВТО. К сожалению, наличие ряда глубинных противоречий, лежащих в их основе, спустя несколько лет более-менее конструктивного взаимодействия вновь привели к нагнетанию атмосферы противостояния Вашингтона и Москвы. По сути, «перезагрузка» по ряду причин была изначально обречена на неудачу. Экзистенциальные противоречия между двумя странами оказались неподвластны конъюнктурным веяниям, возобладавшими в политических кругах США в конце 2000-х гг. Последовавшие вскоре события привели Соединенные Штаты и Российскую Федерацию к новому витку противостояния, еще более напряженному, чем в начале президентства Д. Медведева.

Работа выполнена в рамках научной темы 1.6.4 «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополити-

ческой трансформации современного миропорядка» по заданию 12.1.6 «Всеобщая история, международные отношения и геополитика» подпрограммы «История» Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства».

Литература

1. Грэм, Т. Взгляд поверх геополитических баталий [Электронный ресурс] / Т. Грэм // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 5. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11635. – Дата доступа: 20.08.2018.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом Российской Федерации от 15 июля 2008 г. № Пр-1440 // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.
3. Secretary Rice Addresses U.S.-Russia Relations At The German Marshall Fund. Renaissance Mayflower Hotel. Washington, DC. September 18, 2008 [Electronic resource] // U.S. Department of State. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20080919223202/http://www.state.gov/secretary/rm/2008/09/109954.htm>. – Date of access: 23.08.2018.
4. Соловьев, Э. Американский комплекс в российской внешней политике / Э. Соловьев // Мир. экономика и междунар. отношения. – 2009. – № 5. – С. 81–87.
5. Клинтон, Х. Тяжелые времена / Х. Клинтон. – М.: Эксмо, 2016. – 736 с.
6. Загладин, Н. Предвыборная кампания в США: «русский вопрос» / Н. Загладин // Мир. экономика и междунар. отношения. – 2009. – № 4. – С. 35–43.
7. Knowlton, B. U.S. candidates diverge in response to Russian-Georgian conflict [Electronic resource] / B. Knowlton, E. Bumiller // The New York Times. – 2008. – 10 August. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2008/08/10/world/americas/10iht-box.4.15152501.html>. – Date of access: 06.08.2018.
8. Шаклеина, Т. Российско-американские отношения в конце первой декады XXI века [Электронный ресурс] / Т. Шаклеина // Россия и Америка в XXI веке : электронный научный журнал. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=89>. – Дата доступа: 02.08.2018.
9. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.
10. U.S.-Russia Relations in the Aftermath of the Georgia Crisis. Hearing before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. One Hundred Tenth Congress. Second session. September 9, 2008. Serial № 110 – 221. – Washington, D.C. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hsdl.org/?view&did=233716>. – Date of access: 25.08.2018.
11. Выступление на встрече с представителями общественных организаций. 19 сент. 2008 года. Москва, Большой Кремлевский дворец [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://archive.is/WFKxx#selection-1207.0-1207.34>. – Дата доступа: 15.08.2018.
12. ВЦИОМ: Позитивное отношение россиян к США снизилось почти в три раза [Электронный ресурс] //

- ИА REGNUM. – 2008. – 24 окт. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1074146.html>. – Дата доступа: 17.08.2018.
13. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Большой Кремлевский дворец, 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>. – Дата доступа: 02.08.2018.
14. Терентьев, А.А. Эпоха Обамы: Наши интересы в Белом доме / А.А. Терентьев. – М.: Алгоритм, 2012. – 400 с.
15. Богатуров, А. Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США [Электронный ресурс] / А. Богатуров // Международные процессы. – 2009. – Сентябрь–декабрь. – Т. 7, № 3. – Режим доступа: <http://intertrends.ru/old/twenty-first/004.htm>. – Дата доступа: 28.08.2018.
16. Встреча с представителями Совета по международным отношениям. Вашингтон, 16 нояб. 2008 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2092>. – Дата доступа: 02.08.2018.
17. Кременюк, В.А. Новая категория: система взаимодействия между Россией и США / В.А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 12. – С. 3–16.
18. Кременюк, В.А. Россия и США после Афганистана: сотрудничество и/или соперничество? / В.А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – № 1. – С. 3–16.
19. Подлесный, П.Т. Эволюция российско-американских отношений после холодной войны: от «партнерства» к новой конфронтации (1992–2015 годы) [Электронный ресурс] / П.Т. Подлесный // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=456>. – Дата доступа: 11.08.2018.
20. Рябков, С. Год был неплохим, жаловаться не приходится [Электронный ресурс] / С. Рябков // Междунар. жизнь. – 2011. – № 12. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/num/2011/12>. – Дата доступа: 30.08.2018.
21. Рябков, С. Не обернется ли «перезагрузка» российско-американских отношений возвратом на старую страницу... [Электронный ресурс] / С. Рябков // Междунар. жизнь. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/95>. – Дата доступа: 29.08.2018.
22. Иванов, И. «Перезагрузка» в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? / И. Иванов // Междунар. жизнь. – 2012. – № 9. – С. 22–33.
23. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, 12 мая 2009 г., № 537 // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.
24. Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Б. Обамой по итогам российско-американских переговоров. Москва, Кремль, 6 июля 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/4733>. – Дата доступа: 25.08.2018.
25. Медведев, Д. Российская дипломатия: защита национальных интересов и содействие комплексной модернизации страны [Электронный ресурс] / Д. Медведев // Междунар. жизнь. – 2010. – № 8. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/284>. – Дата доступа: 30.08.2018.
26. Выступление на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 24 сент. 2009 года // Сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/5552>. – Дата доступа: 30.08.2018.
27. Совместное заявление президента РФ Д.А. Медведева и президента США Б. Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений. 1 апр. 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/167>. – Дата доступа: 25.05.2020.
28. Батюк, В. Механизмы Российско-Американского партнерства [Электронный ресурс] / В. Батюк // Междунар. жизнь. – 2010. – № 6. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/254>. – Дата доступа: 30.08.2018.
29. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева в Университете Хельсинки и ответы на вопросы аудитории. Хельсинки, 20 апр. 2009 [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3805>. – Дата доступа: 25.05.2020.
30. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова агентству «Интерфакс», 25 дек. 2009 года [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/267850. – Дата доступа: 25.08.2018.
31. National Security Strategy of the United States. Washington, The White House, May 2010 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>. – Date of access: 25.08.2018.
32. Перегрузка России и США: продолжению быть? // РИА НОВОСТИ. – 06.03.2012. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20120306/585738803.html>. – Дата доступа: 18.04.2021.
33. Батюк, В.И. Российско-американский диалог по региональным проблемам в XXI веке: итоги и перспективы / В.И. Батюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 8. – С. 17–32.
34. Путин обвиняет США в провоцировании протестов [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба. – 2011. – 8 дек. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/12/111208_putin_opposition_protests. – Дата доступа: 01.05.2021.
35. Пушков, А.К. Идти и жевать жвачку одновременно? Есть ли будущее у перезагрузки [Электронный ресурс] / А.К. Пушков // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 6. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Idti-i-zhevat-zhvachku-odnovremenno-15057>. – Дата доступа: 15.08.2018.
36. Встреча с Президентом США Бараком Обамой. 26 марта 2012 года, Сеул. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/14840>. – Дата доступа: 27.08.2018.
37. Путин, В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] / В. Путин // Московские новости. – 27.02.2012. – Режим доступа: <https://www.mn.ru/politics/78738>. – Дата доступа: 12.05.2021.

Поступила в редакцию 08.06.2021

Историография миссионерской деятельности неопротестантских религиозных организаций на территории Беларуси (1905–1917)

Ситко Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В статье рассматривается историография по истории миссионерской деятельности религиозных организаций пяти неопротестантских деноминаций (штундизма, баптизма, адвентизма, евангельского христианства и пятидесятничества) на территории Беларуси в 1905–1917 гг. Дана общая характеристика дореволюционной, советской, современной белорусской, российской и украинской, западной историографий, а также отдельных школ и направлений внутри них. Приведены ключевые исследования, сделан анализ содержащихся в них сведений, их полноты, объективности и значимости для освещения данной темы.

Цель работы – выявить особенности и общие характеристики историографии по миссионерской деятельности неопротестантских религиозных организаций на территории Беларуси в 1905–1917 гг.

Материал и методы. Данная статья была создана по итогам анализа корпуса историографии и существующих историографических обзоров по рассматриваемой теме. Методология исследования включила как общенаучные, так и специально-исторические методы (идеографический, историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный).

Результаты и их обсуждение. В течение развития историографии по исследуемой теме наблюдается повышение научного интереса к ней, включение большего числа исторических источников, и на современном этапе расширение методологии, вовлечение представителей различных наук и старт междисциплинарных исследований. Каждый историографический период представляет ценность для изучения рассматриваемой темы: дореволюционная историография – для анализа позиций современников событий, советская и современные российская и украинская, белорусская – для опоры на уже изученные аспекты и введенные в научный оборот источники, западная – для заимствования теоретических моделей и концепций.

Заключение. Корпус историографии по исследуемой теме характеризуется широтой и разноплановостью, представлением различных идеологических позиций, более чем 100-летним периодом создания, а также авторством со стороны представителей различных наук, православных священников и деятелей неопротестантизма, чиновников и общественных деятелей. Ряд аспектов рассматриваемой темы являются довольно изученными, например, законодательное регулирование деятельности неопротестантов, процесс возникновения и распространения отдельных деноминаций и др. Однако более углубленного изучения требуют вопросы форм и методов миссионерства неопротестантов, работы неопротестантских организаций, взаимоотношений между неопротестантами и другими акторами в сфере религии на территории Беларуси.

Ключевые слова: неопротестантские деноминации, неопротестантизм, баптизм, адвентизм, евангельские христиане, штундизм, пятидесятничество, Российская империя, белорусские губернии, 1905–1917 гг., дореволюционная историография, советская историография, современная белорусская историография, современная российская историография, западная историография.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 88–95)

Historiography of the Missionary Activities of Neo-Protestant Religious Organizations in the Territory of Belarus (1905–1917)

Sitko E.A.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

The article examines historiography on the history of the missionary activities of religious organizations of five neo-Protestant denominations (Stundism, Baptism, Adventism, Evangelical Christianity and Pentecostalism) in the territory of Belarus in 1905–1917. The article provides a general description of the pre-revolutionary, Soviet, modern Belarusian, Russian and Ukrainian, Western historiography, as well as individual schools and trends within them. Key studies are presented, an analysis of the information contained in them, their completeness, objectivity and significance for the coverage of this topic is made.

Адрес для корреспонденции: e-mail: sitko.zhenya@gmail.com – Е.А. Ситко

Accordingly, the purpose of this article is to identify the features and general characteristics of historiography in the missionary activities of neo-Protestant religious organizations in the territory of Belarus in 1905–1917.

Material and methods. This article was created based on the analysis of the corpus of historiography and existing historiographic reviews on the topic under consideration. The research methodology included both general scientific and special-historical methods (ideographic, historical-typological, historical-systemic, historical-genetic, historical-comparative).

Findings and their discussion. During the development of historiography on the topic under study, there is an increase in scientific interest in it, the inclusion of a larger number of historical sources, and, at the present stage, the expansion of methodology, the involvement of representatives of various sciences and the start of interdisciplinary research. Each historiography period is valuable for studying the topic under consideration: pre-revolutionary historiography – for analyzing the positions of contemporaries of events, Soviet and modern Russian and Ukrainian, Belarusian – for relying on already studied aspects and sources introduced into scientific circulation, Western – for borrowing theoretical models and concepts.

Conclusion. The corpus of historiography on the topic under study is characterized by its breadth and diversity, the presentation of various ideological positions, more than 100 years of creation, as well as authorship by representatives of various sciences, Orthodox priests and figures of neo-Protestantism, officials and public figures. A number of aspects of the topic under consideration are quite studied, for example, the legislative regulation of the activity of neo-Protestants, the process of the emergence and spread of individual denominations, etc. However, issues of forms and methods of missionary work of neo-Protestants, the work of neo-Protestant organizations, the relationship between neo-Protestants and other actors in the sphere of religion in the territory of Belarus require more in-depth studies.

Key words: neo-Protestant denominations, Neo-Protestantism, Baptism, Adventism, Evangelical Christians, Stundism, Pentecostalism, Russian Empire, Belarusian provinces, 1905–1917, pre-revolutionary historiography, Soviet historiography, modern Belarusian historiography, modern Russian historiography, Western historiography.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 88–95)

В последние три десятилетия наблюдается значительное повышение научного интереса к конфессиональной истории Беларуси, в т.ч. к истории неопротестантизма. Периодически в научных изданиях появляются отдельные статьи по историографии неопротестантских деноминаций в Российской империи в целом и белорусских губерниях в частности, а также на научно-практических конференциях в рамках докладов кратко освещается данная проблема. В качестве примера следует привести статьи Д.М. Уайта [1], А. Вардина [2], В.В. Яновской [3]. Все кандидатские и докторские диссертации по историческим и юридическим наукам, создаваемые российскими и белорусскими исследователями, согласно требованиям, содержат обзор литературы по изучаемой проблеме. Историографию неопротестантизма в России, например, освещают диссертации Т.К. Никольской [4], П.П. Балдина [5], Н.Н. Ярыгина [6]. Наконец, в монографиях, посвященных истории неопротестантских деноминаций в Российской империи, также присутствуют обзоры историографии обозначенной темы, однако они охватывают ограниченный круг исследований, часто игнорируя западную историографию. К таким работам следует отнести труд Л.Н. Митрохина [7], коллективные монографии «Евангельскія хрысціане ў Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517–2017 гг.)» [8], «Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)» [9]. Монография О.В. Дьяченко [10], посвященная пятидесятилетнему в Беларуси, а также монография Н.В. Потаповой [11], излагающая историю баптизма и евангельского христианства на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг., являются наиболее полными с точки зрения охвата проанализированной литературы, включая и отечественные, и зарубежные исследования.

Однако обе они посвящены отдельным неопротестантским деноминациям и охватывают в основном более поздний исторический период, чем рассматривается в данной статье.

Таким образом, цель статьи – выявить особенности и общие характеристики историографии по миссионерской деятельности неопротестантских религиозных организаций на территории Беларуси в 1905–1917 гг. Достижение поставленной цели позволит определить более изученные аспекты рассматриваемой темы, а также вопросы, нуждающиеся в последующем рассмотрении. Исследование указанной темы представляется актуальным для полного и объективного освещения конфессиональной истории Беларуси конца XIX – начала XX вв., а также для выработки эффективной и взвешенной политики Республики Беларусь в сфере религии.

Материал и методы. В рамках данного исследования был изучен корпус историографии по рассматриваемой теме, а также существующие историографические обзоры, посвященные литературе по истории неопротестантизма в Российской империи в целом и белорусских губерниях в частности в 1905–1917 гг. и в предшествующий исторический период, начиная с появления неопротестантов в Российской империи (с начала 1860-х гг.).

При проведении работы были использованы общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и сравнение) и специально-исторические (идеографический, историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. Историография по рассматриваемой теме характеризуется широтой географии, подходов к изучению и степенью ангажи-

рованности выводов, а также длительным периодом ее создания, насчитывающим более 100 лет. Следует отметить, что в исследование проблем возникновения и распространения неопротестантских деноминаций в Российской империи в 1905–1917 гг. были вовлечены не только профессиональные историки, но и православные священники и миссионеры, деятели неопротестантских деноминаций, чиновники и общественные деятели.

По хронологическому и территориальному признакам следует выделить дореволюционную российскую, советскую, современную российскую и украинскую, современную белорусскую историографии, а также западную историографию. Однако кроме указанного подхода для углубленного понимания идеологических позиций авторов и, соответственно, формулируемых ими выводов, необходимо добавить и вторую классификацию, представленную советским и российским религиоведом Л.Н. Митрохиным. Он предложил деление историографии по данной теме на три группы – православно-миссионерскую школу, либерально-буржуазную школу и марксистскую историографию [7, с. 20]. Такой подход не релевантен для освещения советской и западной историографий, но позволяет глубже изучить и систематизировать дореволюционную российскую историографию. Современная же российская и украинская, белорусская историографии нуждаются в разделении исследований на две группы – созданные профессиональными историками и проведенные деятелями и активными членами неопротестантских деноминаций.

Для дореволюционной историографии характерны, с одной стороны, использование массива источников, в т.ч. устной истории, зафиксированной местными чиновниками и полицейскими, а с другой – частое преобладание идеологических позиций и политических целей над научной объективностью.

Целью *православно-миссионерской школы* была апологетика православия и тотальная критика неопротестантизма, от которого исходила угроза в прозелитизме. Особенно ярко возвышение религиозных целей над научными заметны в работах, вышедших во время Первой мировой войны (например, в труде И.Г. Айвазова «Баптизм – орудие пангерманизма»), где представители баптизма, адвентизма и евангельского христианства однозначно трактовались как ставленники Германии и Австро-Венгрии, что коррелировало с официальной позицией царизма в данный период.

Работы, написанные местными священниками, в основном фокусируются на констатации фактов появления первых неопротестантов в их регионе, биографических описаний первых приверженцев новых вероучений, фактов «сращения» односельчан в новую веру, исследовании религиозных практик неопротестантов, особенно в части их отпадения от православной обрядности. Среди ключевых исследователей следует назвать профессора протоиерея Т.И. Буткевича, священника А. Рождественского и епископа А. Дородницына.

Т.И. Буткевич в работе «Обзор русских сект и их толков» рассматривает все основные секты и движения в России в XVII – начале XX в., разделяя их на три категории: мистические, рационалистические (сюда он включает штундо-баптистов, адвентистов, евангельских христиан) и недоразвившиеся секты. По каждому религиозному направлению автор освещает историю возникновения, основы вероучения и их критику с православных позиций, рассматривает наличие взаимосвязей между отдельными сектами. В данной работе, несмотря на обилие значимого фактологического материала, отсутствует освещение положения каждой секты в государстве и обществе с точки зрения правового регулирования и отношения населения к ней.

Для описания истории возникновения и распространения штундизма ценность представляет работа А.В. Рождественского «Южнорусский штундизм». Автор излагает учение штундистов, организацию их быта, богослужений, структуру и функционирование общин. Детально освещается история штундизма от появления в Российской империи в начале 1860-гг. вплоть до 1887 г. Понимая идеологическую позицию исследователя, которая проявлялась, например, в излишнем освещении пороков штундистов, следует отметить высокую степень репрезентативности и объективности приведенных данных.

Труды епископа А. Дородницына ценны для освещения вопросов взаимоотношений местных чиновников и неопротестантов, функционирования штундистских и баптистских общин, анализа степени схожести баптистского и штундистского вероучений. Как и другие исследователи православно-миссионерской школы, Дородницын уделяет особое внимание методам борьбы со штундой, целью чего и служат его работы.

Также среди представителей православно-миссионерской школы следует назвать В. Базарянинова, В.М. Скворцова, архимандрита Арсения и др.

Представители *либерально-буржуазной школы*, разделяя идеи свободы совести, остро полемизировали с православными исследователями. Их интерес к неопротестантским течениям, особенно во время революции 1905–1907 гг., был связан с общим желанием добиться гражданских прав и ослабить влияние царизма и его института РПЦ на жизнь российского общества [7, с. 30]. В работах А.С. Пругавина и С.П. Мельгунова дается подробное описание борьбы властей и православия против неопротестантских деноминаций в конце XIX – начале XX в., процесса появления и распространения указанных течений на территории Российской империи, делаются попытки осветить проблему самобытности русского неопротестантизма. Существенным недостатком данных работ является формулирование выводов, не опирающихся на реальные факты. Например, А.С. Пругавин, размышляя о причинах интереса крестьян к баптизму, говорит о религиозном поиске и желании кардинального отхода от формальной обрядовой веры как решающем

факторе, хотя во многих случаях такие причины были связаны с желанием прекратить пьянство (штундисты и баптисты вели трезвеннический образ жизни), а также исповедовать веру на понятном языке, а не на далеком церковнославянском.

Среди других авторов данной школы следует упомянуть В.И. Ясевич-Бородаевскую, В. Андерсона, П.Н. Милюкова, С. Бондаря. Особо стоит отметить исследование Ясевич-Бородаевской «Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектанству в его последовательном развитии», которая 25 лет прожила среди староверов и «сектантов». В своей работе автор дает подробную характеристику различным направлениям неопротестантизма, показывает проблему взаимоотношений православной церкви и неопротестантов, а также приводит тексты ряда законодательных актов, касающихся регулирования неопротестантской деятельности.

Марксистская историография достаточно часто интересовалась историей неопротестантизма с политических, а не научных позиций. Неопротестанты как оппоненты господствующего православия и стоящего за ним царизма рассматривались как потенциальные союзники, что было отражено в резолюции II съезда РСДРП [7, с. 43]. Ключевым представителем научной школы являлся В.Д. Бонч-Бруевич (отметим, что его работы после 1917 г. следует отнести к советской историографии). Он ввел новую классификацию «сект», включающую «свободомыслящих» и «евангеликов», показал организационные способности баптизма, который, как им было доказано, был верой не только для крестьян, но и для представителей буржуазии. В определенных выводах Бонч-Бруевич был некорректен, например, отождествляя баптизм и православие в организационном и идеологическом плане.

Особняком в дореволюционной историографии стоит исследование историка и археографа А.И. Миловидова «Современное штундо-баптистское движение в Северо-Западном крае», в котором он предоставляет сведения о количестве баптистских общин и самих верующих в белорусских губерниях, освещает порядок проведения богослужений и вероучение баптистов, а также рассматривает предпринимаемые меры по борьбе с баптизмом и анализирует их эффективность. Исследование Миловидова является наиболее объективным с научной точки зрения, однако из-за небольшого объема не может претендовать на полноту описания изучаемых событий.

В целом, говоря о дореволюционной историографии, следует сказать о значимости данных работ в двух аспектах. Во-первых, они содержат в себе ценнейший фактологический материал, часто с приложением самих исторических источников. Во-вторых, они также являются взглядом определенной части общества (православной церкви, либеральной части общества, деятелей социал-демократического движения и др.) на неопротестантизм и его распространение, что помога-

ет осветить культурно-исторические условия развития неопротестантских деноминаций в 1905–1917 гг. в Российской империи. Среди негативных черт указанных работ стоит назвать идеологическую окраску, использование неподтвержденных фактов и часто даже стереотипов (кроме исследования А.И. Миловидова), отсутствие полноты освещения темы.

В советской историографии рассматриваемой темы работы, вышедшие до 1960-х гг., были в большей степени идеологическими, чем историческими. Для них было характерно обличение неопротестантизма, как и в целом религии, отбор фактов и документов, которые подкрепляли официальную позицию властей. В качестве примера необходимо упомянуть работы Ф.М. Путинцева, Б. Тихомирова и А. Ярцева. Положительной стороной данных работ является включение в научный оборот большого числа исторических источников.

С 1960-х гг. появляются серьезные исследования, глубже раскрывающие историю неопротестантизма в России. В первую очередь необходимо сказать о работах советского историка и религиоведа А.И. Клибанова (например, «История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.)»). Он освещал хронологию возникновения и развития неопротестантских деноминаций, социально-экономические условия, повлиявшие на их популяризацию. Исследователь анализировал вероучение и практику самых распространенных течений русского «сектантства», научно обосновал отличие неопротестантских деноминаций от других сект, имеющих чисто русское происхождение.

В коллективной работе «Баптизм и баптисты», созданной Институтом философии и права АН БССР в 1969 г., дается исторический анализ распространения неопротестантизма в Беларуси, начиная с середины XIX в. и до 1917 г. Однако данный анализ освещен довольно кратко, ввиду того, что фокус работы – изучение положения баптизма в БССР в конце 1960-х гг., особенностей мировоззрения верующих.

Вопросы быстрого роста баптистских церквей во время и после революции 1905–1907 гг. и отношение верующих к происходящим событиям, социальный состав и его изменение среди баптистов были изложены в работах Б. Гальперина и Г.С. Лялиной [3, с. 224–225]. Следует отметить, что многих советских историков интересовали вопросы политической активности баптистов, их попытки создать политические партии.

В монографии Н.М. Никольского «История русской церкви» освещена история появления и распространения штундизма, а также показано, как «штундой» в источниках часто именовались различные вероучения внутри неопротестантизма [5, с. 8]. В кандидатской диссертации В.В. Сарычева была исследована проблема распространения баптизма на территории Российской империи и влияния на нее социальных, экономических и политических факторов. Различные аспекты возникновения и развития адвентизма,

баптизма и пятидесятничества были раскрыты в работах Л.Н. Митрохина, В.Д. Граждан, А.В. Белова, А.Т. Москаленко.

Сами неопротестанты также изучали историю своего движения. Наиболее значимым исследованием следует назвать монографию «История евангельских христиан-баптистов в СССР», созданную по инициативе Всесоюзного совета ЕХБ и освещающую также историю пятидесятничества. В ней описано возникновение неопротестантизма в различных регионах Российской империи (в т.ч. в белорусских губерниях), деятельность организаций баптистов и евангельских христиан, а также самих миссионеров, по распространению своих вероучений. Внимание уделяется также подготовке служителей, издательской деятельности, законодательному регулированию неопротестантизма. Указанная работа, содержа в себе большой объем достоверных сведений, представляет в большей степени баптистский взгляд на историю неопротестантизма, что подтверждает преувеличение масштабов распространения вероучений, отсутствие освещения внутренних проблем неопротестантских церквей и организаций.

В целом, историография советского периода, понимая идеологический и политический контекст ее создания, содержит множество ценных данных о распространении неопротестантизма в различных регионах Российской империи, о политике центральных и местных властей в отношении неопротестантов, в т.ч. о судебных процессах и ссылках в отношении последних. В советское время были созданы первые фундаментальные исследования, включившие большой массив источников и сделавшие попытки целостного изучения рассматриваемой темы. Поэтому даже в современных исследованиях использование советской историографии представляется необходимым.

Современная российская и украинская историографии характеризуются ростом интереса к изучению неопротестантизма в Российской империи. На это повлияли ликвидация ограничений на выбор тем и методологии исследования, открытие ряда архивов и введение в научный оборот новых источников. Указанную тему для исследований кроме профессиональных историков выбирают также юристы, изучающие правовые аспекты функционирования неопротестантских деноминаций и политику центральных и местных властей в отношении них (С.А. Лукьянов, Н.В. Шингарева, Л.Р. Романовская, А.А. Сафонов и др.). Также характерной чертой является освещение истории отдельных деноминаций и неопротестантизма в отдельных губерниях Российской империи (диссертации Н.Н. Ярыгина, Л.Н. Суловой и др.).

Историю штундизма и его взаимоотношения с властями изучают исследователи И.В. Амбарцумов, П.П. Балдин. Они описывают истоки появления штундизма в России, принципы организации штундистских общин, основные положения вероучения штундистов, их схожесть и отличие от вероучений других неопро-

тестантских деноминаций, взаимоотношения штундистов и православной церкви.

Историю развития баптизма изучают Л.Н. Митрохин, В.С. Санников, М.В. Иванов, А.В. Синичкин. Советский и российский историк и религиовед Л.Н. Митрохин в работе «Баптизм: история и современность» [7] отдельную главу посвятил развитию баптизма в России до 1905 г., а также в 1905–1917 гг., где показана политика царских властей в отношении неопротестантов, деятельность баптистских и евангельских организаций, миссионерская деятельность отдельных верующих. Однако в данном исследовании практически не уделяется внимание отношению к баптистам со стороны местного населения, православной церкви и представителей других конфессий.

Т.К. Никольская в 2003 году защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг.» [4], 1-я глава которой посвящена неопротестантским деноминациям в Российской империи до 1905 г. и в 1905–1917 гг. В работе подробно излагаются основные законодательные акты, повлиявшие на динамику миссионерской деятельности неопротестантов, показано влияние на этот процесс ключевых исторических событий данного периода (революции 1905–1907 и Февральской революции 1917 г., Первой мировой войны), исследованы основные съезды баптистских, адвентистских и евангельских организаций. Данная работа имеет ценность в качестве системного взгляда на развитие неопротестантизма в Российской империи.

Проблемы возникновения, трансформации, распространения неопротестантизма в Российской империи изучают К. Прохоров, Т.Е. Оленич. Статистику по количеству верующих, общин, церквей и религиозных организаций, а также их динамику в Российской империи освещает М.Ю. Смирнов. Социальный состав неопротестантов и их распространение среди крестьян исследует А.В. Ушаков.

Н.В. Потапова [11] изучает историю неопротестантов в 1917–1922 г. – влияние Февральской и Октябрьской революций на динамику миссионерской деятельности, отношение верующих и религиозных деятелей к этим историческим событиям, функционирование религиозных организаций евангельских христиан и баптистов, вопрос схожести и отличий вероучений различных деноминаций.

Кроме светских исследователей историю неопротестантов в Российской империи активно изучают представители пятидесятнических, баптистских и адвентистских церквей. В общем, их работы являются достаточно объективными, в первую очередь потому, что основаны на широком корпусе исторических источников. Однако данным авторам часто характерны преувеличение масштабов распространения неопротестантизма, отсутствие изучения негативных черт неопротестантского движения (например, взаимной критики и непринятия различными деноминациями друг друга), использование спорных утверждений

о состоянии духовного поиска у широких масс населения России и «духовном пробуждении» после начала распространения неопротестантизма.

Одним из примеров таких работ являются «Альманахи по истории русского баптизма», выходявшие под редакцией М.С. Каретниковой. Также историю баптистской церкви активно исследует С.Н. Савинский (например, работа «История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии»).

В.И. Франчук в своем трехтомном исследовании «Просила Россия дождя у Господа» освещает процесс возникновения пятидесятнического движения в Российской империи в 1910-х гг., его распространение на белорусские и украинские губернии.

Работа адвентистского проповедника В.В. Теппоне «Из истории Церкви адвентистов седьмого дня в России» представляет актуальность при рассмотрении вопросов возникновения и начала распространения адвентизма, а также создания и функционирования адвентистских союзов, координирующих миссионерскую работу.

Современная **белорусская историография**, как и российская и украинская, характеризуется увеличением научного интереса к изучению истории религий, в т.ч. неопротестантизма в Беларуси.

Одним из первых исследователей, начавших изучение данной темы, была А.В. Верещагина, подготовившая статью «Зарождение и развитие протестантских сект на территории Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в.». В статье автор рассмотрела основные неопротестантские деноминации и пути их проникновения на территорию Беларуси.

Значимым исследованием следует назвать коллективную монографию под редакцией В.В. Яновской [8], которая излагает социально-правовое положение неопротестантов, модернизацию их правового статуса после реформы 1905–1906 гг., вопрос межконфессиональных отношений в рассматриваемый период, положение неопротестантов во время Первой мировой войны.

С 2013 г. были проведены 4 международные научно-практические конференции, организованные Минской богословской семинарией ЕХБ и Теологическим институтом ХВЕ, по итогам которых были изданы три и в процессе подготовки находится четвертый сборник научных докладов «Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць». Несмотря на организацию данных конференций со стороны религиозных организаций и участия в них представителей неопротестантских церквей, среди докладчиков и авторов присутствуют и светские историки (В. Яновская, А. Унучак, М. Кривицкий и др.).

В 2019 году вышла коллективная монография «Евангельские христиане в Беларуси: пять столетий истории (1517–2017 гг.)» [9], написанная совместно ректором Теологического института ХВЕ С.С. Поднюком и светскими историками В.И. Новицким, Н.Г. Болтрушевич и Л.С. Ивановой. В монографии раскрывается история возникновения и распростране-

ния различных течений неопротестантизма в Российской империи и на территории Беларуси, деятельность отдельных лидеров и организаций неопротестантов. Существенным недостатком данной работы является слабое освещение процессов и событий именно в Беларуси – при рассмотрении отдельных вопросов (например, деятельности неопротестантов во время Первой мировой войны) большинство исторических фактов приводится по другим регионам России.

Из современных исследователей неопротестантизма следует назвать В.Н. Линкевича, М.А. Кривицкого, Т.В. Лисовскую и др. В.Н. Линкевич излагает проблемы межконфессиональных отношений на территории Беларуси до 1914 г., в т.ч. взаимоотношения неопротестантских деноминаций с православной церковью, а также пути проникновения новых вероучений на территорию Беларуси, их количественный состав и географию распространения. М. Кривицкий освещает возникновение и распространение баптизма, адвентизма и малеванства на белорусских землях, а также правовое положение неопротестантов в 1905–1914 гг. Т.В. Лисовская в своей кандидатской диссертации осветила историю различных неопротестантских деноминаций в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Несмотря на то, что данная работа охватывает более поздний исторический период, она представляет ценность для понимания процессов, которые происходили в самих неопротестантских деноминациях и их миссионерской работе, в межконфессиональных отношениях, т.к. во многом являлись следствием предыдущего этапа 1905–1917 гг., что помогает проследить долгосрочное влияние и развитие неопротестантизма в Беларуси, заложенное миссионерами и религиозными организациями еще в начале XX в.

Среди других ученых неопротестантизма в Беларуси следует назвать В.В. Табунова, С. Веремеева, Е. Глаговскую, Н. Балтрушевич, О.В. Дьяченко, В.П. Пичукова и др.

Для изучения статистических вопросов (количество населения белорусских губерний, в т.ч. его этнический состав, данные по миграции и отходничеству как факторам распространения неопротестантизма) ценной является монография А.Г. Кохановского «Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.)».

Отдельно следует упомянуть ряд авторов-представителей неопротестантских церквей, исследующих различные аспекты деятельности неопротестантских общин и организаций на территории Беларуси в рассматриваемый период. Среди них необходимо назвать адвентиста О.В. Габрусевича, баптистов П. Осиненко, Л. И. Миховича, С. Пекуна, С. Бриштеля, пятидесятников Е. Сергиеню, А. Бокуна, В. Русецкого.

В целом, говоря о современной российской и украинской, белорусской историографиях следует отметить рост исследовательского интереса к рассматриваемой теме, специализацию данных работ (по регионам, отдельным деноминациям, аспектам (закон-

нодательное регулирование, проблема межконфессиональных отношений и др.), включении большого числа новых источников. Однако до сих пор недостаточно изученными являются вопросы форм и методов миссионерской деятельности неопротестантов, работы неопротестантских организаций и их влияния на развитие евангелизма в конкретных губерниях, в первую очередь белорусских, до сих пор нет однозначного всеобъемлющего исследования по социальной характеристике и количественному составу каждой из неопротестантских деноминаций.

До 1991 г. **западными историографами** неопротестантизм в Российской империи, как и в целом, религиозный вопрос, были изучены слабо. Это было связано как с невозможностью получить доступ к архивным материалам, так и со спадом научного интереса к религиозной истории России, начавшегося в 1950-х гг. Ситуация кардинально изменилась с 1991 г. после открытия архивов для западных исследователей, а также благодаря созданию междисциплинарного поля для изучения темы религиозных меньшинств в Российской империи, где кроме историков и религиоведов научный вклад внесли антропологи, культурологи и другие специалисты [1, с. 199].

Одним из ведущих специалистов по изучению религиозной сферы в Российской империи является профессор университета Невады П. Верт, работы которого (например, «Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи») ценны в исследовании вопросов регулирования актов гражданского состояния и смешанных браков, законодательной политики в отношении религий и конфессий. Важнейшим вкладом П. Верта является объяснение специфики религиозной политики царизма и ее гибкости в конкретно-исторических условиях через создание сложной многокомпонентной системы, которая может выступать теоретической моделью для освещения проблемы законодательного регулирования деятельности неопротестантов. Однако работы П. Верта уделяют незначительное внимание именно неопротестантским деноминациям и их миссионерской деятельности.

Среди западных исследователей, изучавших непосредственно неопротестантские деноминации, необходимо назвать американского профессора украинского происхождения С. Жука [18], освещавшего в работе «Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917» появление и распространение неопротестантизма среди крестьян Российской империи, а также попытавшегося реконструировать мировоззрение людей, перешедших из православия в штундизм. Также следует упомянуть работу профессора университета Альберты Х. Коулмэн «Russian Baptists and Spiritual Revolution, 1905–1929», сделавшей важный вывод о провале миссионерской стратегии православия по противостоянию неопротестантизму и возвращению отпавших [1, с. 204].

Весомый вклад внес почетный профессор Беломонского университета А. Вардин, изучавший вопрос самобытности русского баптизма и влияния на него других религиозных течений, процесс возникновения и распространения неопротестантизма в Российской империи. И. Дик, Директор Института теологии и истории Боннской библейской семинарии (Германия), рассматривает влияние ключевых исторических событий (например, легализации неопротестантизма в Российской империи в 1905 г.) на изменение теологических воззрений верующих и их последующей практической миссионерской деятельности. Джеймс М. Уайт, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского гуманитарного университета, исследует вопросы историографии религиозных меньшинств в Российской империи, взаимного влияния православия, религиозной политики царизма и поликонфессиональной карты страны друг на друга, а также на развитие религиозной свободы в России.

Говоря о западной историографии рассматриваемой проблемы, стоит отметить ее значительный вклад в вопросах заимствования и адаптации концепций, созданных при изучении других научных вопросов, а также в разработке собственных теоретических моделей, позволяющих системно изучить религиозную политику Российской империи, взаимоотношения между конфессиями и распространение неопротестантских деноминаций.

Заключение. Говоря обо всем корпусе историографии по исследуемой теме, начиная с дореволюционной и заканчивая современными западной, российской и украинской, белорусской, следует отметить ее широту и разноплановость, представление различных идеологических позиций (в первую очередь это касается работ, созданных самими неопротестантами, а также работы, написанные идеологическими противниками неопротестантизма – православными священниками и советскими атеистическими авторами). В процессе развития историографии данной темы наблюдается все большее повышение научного интереса к ней (причем в последние десятилетия не только со стороны историков), расширение источниковой базы и методологии исследования, что влияет на рост объективности выводов и большую системность в изучении. Ряд аспектов рассматриваемой темы являются довольно изученными: законодательное регулирование деятельности неопротестантов, процесс возникновения и распространения отдельных деноминаций, воздействие русских революций на активизацию миссионерской деятельности неопротестантов и др. Однако другие аспекты требуют более углубленного изучения. Главным образом это касается форм и методов миссионерства неопротестантов, их благотворительной, просветительской и издательской деятельности, работе неопротестантских организаций (в т.ч. вопроса финансирования), взаимосвязей между различными деноминациями, а также контактов

с иностранными неопротестантами и получении от них финансовой помощи. Отдельной темой для ряда будущих исследований являются взаимоотношения между неопротестантами и другими конфессиями и религиями на территории Беларуси (в первую очередь с Православной церковью), центральными и местными властями, немецкой администрацией во время Первой мировой войны, а также с местным населением. Необходимо изучить не только влияние всех перечисленных акторов на неопротестантов, но и обратный эффект воздействия неопротестантизма на вероисповедную политику центральных и местных властей, изменение миссионерской стратегии православной церкви, трансформацию процессов, происходящих в обществе. Перспективными также представляются междисциплинарные исследования по сравнению положения и развития различных неопротестантских деноминаций в Российской империи, а также в России и за рубежом, статистические исследования по динамике социального состава и количества неопротестантов в Российской империи в целом, и в белорусских губерниях в частности. Для успеха указанных исследований представляется необходимым включение большого числа неопубликованных источников, в первую очередь по истории неопротестантизма в Беларуси. Таким образом, практическим результатом данной статьи является обозначение широкого круга тем для последующих поколений ученых, а также аналитический обзор ключевых исследований различных историографических периодов, знакомство с которыми должно быть первым этапом углубленного изучения истории неопротестантизма в Беларуси.

Литература

1. Уайт, Д.М. Религиозные меньшинства в Российской империи: обзор англоязычной историографии (1991–2017) / Д.М. Уайт // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2018. – № 436. – С. 199–212.
2. Wardin, A.W. Historiography of baptists in Russia / A.W. Wardin // 105 лет легализации русского баптизма: материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва. 5–7 апр. 2011 г. / Рос. Союз ЕХБ, Москов. богослов. семинар. ЕХБ, Центр изуч. религ. РГГУ, Рос. нац. комиссия Междунар. комиссии по сравнит. истор. церквей, Ин-т теолог. и ист. Боннской библиот. семинар; ред.-сост.: Н.А. Белякова, А.В. Синичкин. – М.: Информ Принт, 2011. – С. 50–56.
3. Яноўская, В.В. Пратэстанцкія дэнамінацыі ва ўмовах новага рэлігійнага курса Расійскай імперыі на пачатку XX ст. / В.В. Яноўская // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Вып. 3. (да 500-годдзя Рэфармацыі і 500-годдзя беларускай Бібліі): зб. матэр. III Міжнарод. навуц.-практ. канф., Мінск, 9 сн. 2017 г. / Мінск. багасл. семінарыя Саюза ЕХБ у Рэспубл. Беларусь, Тэалаг. ін-т ХВЕ; рэдкал.: П.І. Асененка [і інш.]. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2018. – С. 220–241.
4. Никольская, Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.К. Никольская; Европ. ун-т в СПб. – СПб. 2003. – 28 с.
5. Балдин, П.П. Движение штундистов в России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П.П. Балдин; Москов. гос. обл. ун-т. – М., 2013. – 24 с.
6. Ярыгин, Н.Н. Происхождение и эволюция российского баптизма (на материалах Волго-Вятского региона): автореф. дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.13 / Н.Н. Ярыгин; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 47 с.
7. Митрохин, Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки) / Л.Н. Митрохин. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 480 с.
8. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.]; навуц. рэд. В.В. Яноўская. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 496 с.
9. Евангельскія хрысціяне ў Беларусі: пяць стагоддзяў гісторыі (1517–2017 гг.) / У.І. Навіцкі [і інш.]. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2019. – 470 с.
10. Дьяченко, О.В. Пятидесятничество в Беларуси: монография / О.В. Дьяченко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 188 с.
11. Потапова, Н.В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг. (на материалах Дальнего Востока): монография: в 2 т. / Н.В. Потапова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2014. – Т. 1. – 400 с.

Поступила в редакцию 11.06.2021

ФИЛОСОФИЯ

Трансгрессия политических и социокультурных ценностей в условиях информационного общества

Рудковский Э.И.

Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Трансгрессия стала неотъемлемой чертой современного общества.

Цель статьи – анализ трансформации политических и социокультурных ценностей современного социума в условиях глобализации.

Материал и методы. Материалом исследования является политический и социокультурный ландшафт современного мира. Используются общелогические и общепринятые методы теоретического познания.

Результаты и их обсуждение. В современных условиях изменяется содержание суверенитета государств, их безопасности, роль государственных границ, существенно трансформируется феномен демократии, роль политических партий, их идеологических платформ. Происходит отказ от базовых общечеловеческих ценностей в результате насаждения либертарианской идеологии через социальные сети.

Заключение. Важнейшим способом онтологизирования социального организма в современном мире является идеология, конечной целью которой должно быть народосбережение, сохранение национальной идентичности, которая и делает народ народом.

Ключевые слова: трансгрессия, ценности, идеология, демократия.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 97–100)

Transgression of Political and Social and Cultural Values in the Conditions of Information Society

Rudkovski E.I.

Education Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Transgression has become an indispensable feature of the contemporary society.

The purpose of the article is an analysis of the transgression of political and social and cultural values of the contemporary society in the conditions of globalization.

Material and methods. The research material was political as well as social and cultural landscape of the contemporary world. General logical and generally accepted methods of theoretical cognition were used.

Findings and their discussion. In the contemporary conditions the content of sovereignty of states, their security, the role of state borders change; the phenomenon of democracy, the role of political parties, their ideological platforms are considerably transformed. Rejection of basic general human values as a result of imposing libertarian ideology through social networks takes place.

Conclusion. In the contemporary world ideology has become a significant way to make the social body ontological. Its final aim should be saving the nation, its national identity which makes the people what it is.

Key words: transgression, values, ideology, democracy.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 97–100)

Многие исследователи указывают на то, что трансгрессия стала атрибутом современного общества. Данная категория получила широкое распространение в философии постмодернизма (Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.). Трансгрессия (от лат. *trans* – сквозь, через, за и *gressus* – приближаться, переходить, нападать) может трактоваться не только как нарушение границ привычного, устоявшегося, но и как расширение границ социального организма, выхода за его пределы, конструктивное создание новых форм общественной жизни. Проявлением трансгрессии является экспансия и творчество во всем его многообразии.

Сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда отдельные субъекты общественной жизни (государства, партии, корпорации, СМИ) выходят за пределы устоявшихся ограничений и рубежей. Происходит нарушение традиционного общественного порядка, сложившихся социальных норм и ценностей в сфере морали, политики, искусства, гендерных отношений. Современное общество во все большей мере становится трансгрессирующим. Ревизия устоявшихся норм приобретает перманентный характер.

Трансгрессивная динамика амбивалентна и неопределенна, способна качественно менять социальные реалии и не всегда в сторону общественной полезности [1, с. 62].

Цель статьи – анализ трансформации политических и социокультурных ценностей современного социума в условиях информационного общества.

Материал и методы. Материалом исследования являются политические и социокультурные процессы современного мира. Использованы общелогические и общепринятые методы теоретического познания.

Результаты и их обсуждение. «Девятый вал» глобализации, подстегиваемый информационными технологиями, кардинально меняет всю архитектуру международных отношений, все стороны человеческой жизнедеятельности: экономические и политические процессы, духовную жизнь общества, его социальную структуру, уклад повседневной жизни людей. Видоизменяется статус и роль в обществе многих политических и социальных институтов, трансформируются привычные условия, которые столетиями определяли отношения между странами и народами.

Прежде всего, изменяется содержание суверенитета государства, что обусловлено целым рядом причин. В условиях глобализирующегося мира ни одна страна не может не учитывать интересы других государств и зависит от ситуации, складывающейся на международной арене. Большинство государств могут обеспечить свой суверенитет, лишь входя в различные региональные экономические, политические организации и объединения. При этом, конечно, приходится и в данном случае делегировать часть суверенных прав наднациональным органам. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что изменяется роль государственных границ в современном мире [2]. Издревле гра-

ницы были важнейшим фактором бытия государства, его суверенитета. Вне границ невозможно обеспечить стабильность социума и безопасность граждан, создать условия для функционирования всей совокупности общественных отношений. Границы – это своеобразная предпосылка и мера идентичности народов. Однако следует учитывать, что в современном информационном обществе нарастает прозрачность и транспарентность границ, которые становятся все более условными. Интеграционные и информационные процессы идут поверх границ. В этой связи следует учитывать, что безопасность и суверенитет любого государства тесно связаны с культурной безопасностью. Это не только политическое и юридическое понятие. Сегодня практически любое государство может стать мишенью агрессивного, деструктивного воздействия, несущего угрозу национальной и культурной безопасности. В условиях крупномасштабных информационных войн появляется возможность подрыва суверенитета страны без непосредственного применения военной силы. Культурный генофонд человечества находится под угрозой. Возрастает стандартизация образа жизни людей, малочисленные этносы теряют аксиологическое измерение бытия: традиции, обычаи, язык и, как следствие, свою идентичность. В странах Запада формируются новые способы управления, связанные с опорой на радикальные расовые, национальные, гендерные меньшинства. Как следствие – ломается константа западной цивилизации, ценностное измерение жизни людей.

Следует отметить, что изощренные информационные технологии ведут к существенной трансформации такого феномена цивилизованного общества, которым является демократия. Произошел захват политического пространства соцсетями. И это опасный прецедент. Соцсети используются для все большего манипуляционного воздействия. При этом контроль над информационными ресурсами осуществляет узкий круг собственников. Корпорации никто не избирал и не наделял большими полномочиями, но в конечном счете они решают, как поступить, что делать, кого выбирать. Фейсбук, Твиттер, Телеграмм приобрели необъятную власть над обществом, потеснив в конкуренции прежних владык – прессу и телевидение, а по отдельным направлениям политики подменяют легитимные политические институты.

Либеральная идеология глобальной сети оказывается порочной в том плане, что, провозглашая свободу и равенство в доступе к информации, она обходит стороной проблему невозможности реализации эгалитарных условий в праве пользования компьютерными сетями и тем самым невольно попустительствует утверждению «информационного апартеида» [3]. Как следствие этого – рост конформизма и политической апатии. Мир вступил в цифровую диктатуру. Агрессивно радикальное меньшинство из разных этнических, политических, гендерных групп диктует свою повестку во многих странах.

Насаждаемая либертарианская идеология ставит под сомнение традиционные социальные институты, политические и моральные ценности. Борьба за свободу и права человека, призывы к толерантности обернулись своей противоположностью. Толерантен не тот, кто уважает иной взгляд, а тот, кто его принимает. Давая оценку происходящему, будучи сторонником базовых цивилизационных ценностей, человек не может открыто отстаивать свою позицию. Иначе его обвинят в фашизме, расизме, сексизме и т.п. Либертарианские взгляды на демократию давно создали свой новояз и систему политической цензуры. В условиях растущего влияния интернета все чаще идет речь о демократии электронного участия. Ссылка на общественное мнение, а не участие в выборах и не результаты выборов, объявляется показателем поддержки тех или иных политических сил. Действительно, граждане получили доступ через социальные сети огромному объему информации, возможность формулировать и высказывать свою точку зрения. С другой стороны, появилась и возможность для деструктивного влияния на формирование общественного мнения и его использование в узкоэгоистических целях. И важнейшим средством такой манипуляции являются, к примеру, социологические опросы. Последние порой рассматриваются как путь к прямой демократии. Вместе с тем известно, что результатами социологических опросов можно очень умело оперировать. И это очень часто делается идеологически и политически ангажированными социологами и политехнологами.

Более того, демократия – это отнюдь не только высказывание мнения. Она предполагает конкретное продуктивное участие субъектов политического процесса: выдвижение кандидатов, обсуждение программ и т.д. Традиционно в механизме демократии важную роль играли политические партии. Однако в современных условиях привычные идейные различия между классическими политическими партиями теряют свое былое значение и сводятся порой к различиям в названиях. Роль политических партий становится технологической: участие в организации выборов и формировании правительства. Данная тенденция обусловлена насаждением потребительской психологии, согласно которой основные социальные различия между группами сводятся к различию в стиле жизни. Следует учитывать, что происходит ослабление политической роли классов, больших социальных групп, поскольку в условиях социальной мобильности затруднена самоидентификация с той или иной социальной группой. Традиционные идеологии (либерализм, консерватизм, социализм) превратились в достаточно аморфные образования, идеологический «салат», лишенный четких программных установок, целей и принципов. О том, что партии теряют свое «лицо», говорит хотя бы такой факт: от выборов к выборам примерно 30% избирателей в странах Западной Европы меняют свои предпочтения. Партии все больше заняты повышением рейтинга, имиджа, а не реальными проблемами,

волнующими население. Показательна в этом отношении историческая судьба левой идеологии. Левыми сейчас принято называть приверженцев либертарианства, сторонников, к примеру, демократической партии в США. Произошла своеобразная аберрация сознания, все перевернуто с ног на голову. Так, левые во времена III Интернационала – это нечто принципиально отличное от тех, кого сегодня называют на Западе левыми. У коммунистов была своя идеология, основанная на четких классовых позициях и принципах. Конечной целью этой идеологии было создание нового, более справедливого (в версии ее создателей) общества. Это была идеология для народа и во имя народа. Сейчас как-то не принято отмечать, что важнейшие социально-экономические права (право на труд, бесплатное образование, охрану здоровья, равенство мужчины и женщины и т.д.) были впервые гарантированы и реализованы в СССР. Ничего подобного нет у современных левых. Показательна в этом отношении трансформация идейно-политических предпочтений социал-демократических европейских партий, которые далеко ушли от той идейной основы, которой являлась концепция демократического социализма. Рассматривая идеологическую эволюцию лейбористской партии Великобритании, Н.В. Работяжев отмечает, что новый лейборизм придерживается так называемого третьего пути, пролегающего между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом, сочетающего в себе идеи неолиберализма в экономике с социал-демократической социальной политикой. «Новые лейбористы» – сторонники либеральной концепции мультикультурализма [4, с. 104]. Вот почему представители социал-демократических партий в правительствах европейских стран очень часто занимают во внешней политике более радикальные, даже агрессивные позиции, чем их традиционные оппоненты – консерваторы и либералы.

В обществе люди живут, как известно, руководствуясь определенными ценностями и символами. Ничего подобного нет у современных левых (и не только у них). Есть лишь тотальный отказ от базовых общечеловеческих оснований бытия (семьи, религии, морали). Нет традиционных ценностей, есть одна ценность – это цена и борьба за рынки. Человек ушел из культурного пространства Запада, он не интересен, оно заполнено утвердившимися принципами мультикультурализма, политкорректности, либертарианства.

Создатели сетевых технологий полагают, что при их помощи можно создать электронную агору – некое виртуальное место, где все будут свободны выражать свои мнения без страха цензуры. В этом «коктейле» или «какофонии» берет свое начало процесс формирования выстроенной вокруг информационных технологий культуры, главным принципом которой становится свобода личности от власти любых структур. Такие взгляды В.А. Емелин называет сетевым либертарианством [3, с. 5]. Либертарианство пронизано иногда доходящей до фанатизма верой в историческую миссию

всего частного, индивидуального, спонтанного, несущего в конечном счете благо для человечества. Трудно назвать плодотворной либертарианскую идею полного демонтажа социальной функции государства, хотя осуществление этой функции и требует некоторой корректировки [5]. Основное предназначение культуры сводится к закреплению идеала успешности. Однако свято место пусто не бывает. Если минимизировать социокультурную функцию государства, на его место придут организации, которые не будут нести никакой ответственности перед обществом.

Реализация таких «принципиальных» установок обернулась тем, что свобода оказалась без сдержек, информационные потоки ушли из-под контроля. Сегодня в интернете каждый «сам себе режиссер». Возникает вопрос: может ли общество пускать все, что происходит в социальных сетях на самотек? Свободы без ответственности, как известно, не бывает. В противном случае она превращается в произвол. Свобода, доведенная до крайности, становится своей противоположностью – новым тоталитаризмом. Нормы существуют не для того, чтобы отдельному индивидууму было комфортно. Как раз наоборот. Нормы, ограничивающие свободу членов общества, существуют для того, чтобы общество нормально функционировало, не подвергалось хаосу и тем самым обеспечивало защищенность каждого.

Сегодня часто как мантру повторяют, что цензура недопустима. Понятно, что на этот термин и на практику цензуры возникла определенная «аллергия». Однако важно учитывать, что человеческое общество в данный момент находится в новой информационной реальности. И то, что считалось неприемлемым для традиционных СМИ (радио, печать, телевидение) в демократическом обществе, вполне допустимо сегодня. Речь должна идти, прежде всего, о цензуре нравственной. Создатели и вдохновители сетевых технологий должны видеть духовные и юридические «берега». Нельзя в этой связи не отметить, что принимаемые государством законы по сути своей и есть ни что иное, как цензура, ведь они многое запрещают. При этом, конечно, некоторые правовые нормы не всем нравятся и приветствуются.

Постмодернизм, как известно, отрицает возможность представления об обществе как целостном организме, осуществляет деконструкцию общественных отношений, заменяет социум чем-то виртуальным и фрагментарным, эклектичным (симулякром). В таком представлении и идеология приобретает характер симулякра, который не имеет ничего общего с реальностью. Создатели и пользователи интернет-ресурсов заявляют о времени постидеологии, что на поверку

оказывается ничем иным, как идеологией неолиберализма. Когда говорят о ненужности идеологии – это и есть своеобразная идеология.

Заключение. Духовные ценности и ориентиры, социальные связи в современном мире подвержены хаотическим трансформациям. Тот культурный продукт, который предлагают западные неолиберальные СМИ, не может стать стратегией и смыслом развития человеческой, в первую очередь, восточнославянской цивилизации. Идеология определяет цели и варианты развития общества, средства их реализации. Это способ онтологизирования социального организма, его воспроизводства в современном быстро меняющемся мире.

Важнейшая идеологическая цель – это народосбережение и сохранение национальной идентичности, которая и делает народ народом. Идеология – это образ страны, который мы предъявляем миру. Многочисленные предсказания «конца идеологий», как известно, не оправдались в прошлом, не оправдаются и в будущем.

Сегодня восточнославянская цивилизация сталкивается не с трансгрессией, а с агрессивной бездуховностью. У страны должен быть образ будущего, ценностно-нормативный образец, определяющий вектор развития. Его отсутствие чревато дезорганизацией, дисфункциональностью основных сфер жизнедеятельности.

Литература

1. Громова, Е.А. Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка / Е.А. Громова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2015. – № 3. – С. 59–63.
2. Рудковский, Э.И. Трансформация лимитарности в условиях глобализации / Э.И. Рудковский // Феномен границы в глобализирующемся мире: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.) Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 44–46.
3. Емелин, В.Н. Киберкультура и сетевое либертарианство / В.Н. Емелин // Национальный психол. журнал. – 2018. – № 3(31). – С. 3–11.
4. Каменская, Г.В. Политические идеологии в современном мире: кризис очередной этап эволюции / Г.В. Каменская, Э.Г. Соловьев, А.Н. Смирнов // Власть. – 2015. – № 12. – С. 101–108. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-ideologii-v-sovremennom-mire-krizis-ili-ocherednoy-etap-evolyutsii>. – Дата доступа: 07.02.2021.
5. Павкин, Л.М. Либертарианство: принципы, теория, оценка / Л.М. Павкин // Северо-Кавказский юрид. вестник. – 2014. – № 1. – С. 27–33.

Поступила в редакцию 10.03.2021

Невыполнимое понятие ценности

Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Понятие ценности в современной философии актуально и востребовано, однако сомнения и споры о его научной обоснованности до сих пор не получили разрешения.

Цель статьи – показать значимость исследования К. Видерхольда для преодоления теоретических и методологических трудностей в философии ценностей.

Материал и методы. Основным материалом является труд К. Видерхольда «Понятие ценности и философия ценностей» (1920). Изложены и проанализированы его значимые положения. Проведён компаративный анализ аксиологических концепций. Критическому анализу подвергнуты понятийные и методические средства, которые использовал К. Видерхольд.

Результаты и их обсуждение. Понятие ценности отличается широтой применения, мировоззренческой многозначностью, претензией на статус фундаментального философского понятия. Но оно не получило достаточного обоснования, которое необходимо для научных систем. Свою задачу Видерхольд видел в содействии систематическому его осмыслению понятия ценности. Он определил смысловой состав и смысловую структуру понятия ценности, выделил пять смысловых типов этого понятия, выработал критерии его выполнимости. Анализируя влиятельные концепции своего времени, Видерхольд показал, что используемые в них понятия ценности не соответствуют критериям осмысленности и несущей способности, они неизбежно оказываются метафизическими, неудовлетворительными для научного использования.

Заключение. Подобно тому, как И. Кант предпринял ограничение познания пределами возможного опыта, К. Видерхольд показал границы научной применимости понятия ценности. Критика К. Видерхольдом принципов философии ценностей является существенным вкладом в развитие ценностно-философских исследований.

Ключевые слова: аксиология, философия ценностей, метафизика, типология понятия ценности, критерии выполнимости понятия.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 101–114)

The Impossible Concept of the Value

Demidov A.B.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The concept of the value in modern philosophy is relevant and in demand, however, doubts and disputes about the scientific validity of the concept of the value have not yet been resolved.

The purpose of the article is to show the importance of K. Wiederhold's research for overcoming theoretical and methodological difficulties in the philosophy of values.

Material and methods. The main material is the work of K. Wiederhold "The concept of value and the philosophy of values" (1920). Its main provisions are stated and analyzed. A comparative analysis of axiological concepts is carried out. The conceptual and methodological means used by K. Wiederhold were subjected to critical analysis.

Findings and their discussion. The concept of the value is distinguished by its breadth of application, worldview meaningfulness, claim to the status of a fundamental philosophical concept. However, it has not received sufficient justification, which is necessary for scientific systems. Wiederhold saw his task in promoting a systematic understanding of the concept of the value. He defined the semantic composition and semantic structure of the concept of the value, identified five semantic types of this concept, developed criteria for the feasibility of the concept. Analyzing the influential concepts of his time, Wiederhold showed that the concepts of value used in them do not meet the criteria of meaningfulness and carrying capacity; they inevitably turn out to be metaphysical, unsatisfactory for scientific use.

Conclusion. Just as I. Kant undertook the limitation of knowledge to the limits of possible experience, K. Wiederhold showed the limits of the scientific applicability of the concept of the value. K. Wiederhold's criticism of the principles of the philosophy of values is a significant contribution to the development of value-philosophical research.

Key words: axiology, philosophy of values, metaphysics, typology of the concept of the value, criteria for the feasibility of the concept.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 101–114)

Понятие ценности имеет в современной философии двусмысленную репутацию. С одной стороны, оно представляется актуальным и востребованным. Человеческое существование постоянно к чему-то устремлено, и предметы стремлений представляются как ценности. Значит, понимание, истолкование, изучение всей человеческой деятельности и её результатов предполагает в качестве непрямого условия некие «ценности», «то, ради чего», целевую причину. Развёрнутое обоснование необходимости понятия ценности, особенно в «науках о культуре», представил Г. Риккерт в труде «Границы естественного образования понятий», появившемся в 1896 г. Но, с другой стороны, до сих пор не получили разрешения сомнения и споры насчёт определённости, осмысленности и научной состоятельности понятия ценности. В.К. Шохин в своём исследовании аксиологии отметил «наличие не только не решённых, но даже и не рассмотренных проблем, связанных с её “теоретическим каркасом”, а также методологический хаос, который царит в дефинициях самого понятия “ценности”, равно как и в определении места аксиологии в общей структуре философского дискурса» [1, с. 10]. Тем не менее, многие принимают философию ценностей за полноценный раздел философии.

Философия ценностей существует, по меньшей мере, с конца XIX века. За этот период появилось множество вариаций учения о ценностях, тогда как критических работ, ставящих под сомнение научную состоятельность понятия ценности как основы данного направления, значительно меньше. Обычно обсуждается вопрос о том, какая версия понятия ценности лучше мотивирована, а не о том, правомерно ли оно вообще в качестве научного понятия, отвечает ли оно критериям научности.

К числу сравнительно редких фундаментально-критических исследований принадлежит монография немецкого философа Конрада Видерхольда «Понятие ценности и философия ценностей», изданная в Берлине в 1920 г. в качестве приложения (№ 52) к журналу «Кантовские штудии». Это сочинение не упоминается в русскоязычных публикациях и, по-видимому, не приобрело известности на Западе, во всяком случае, поиск в интернете не дал никаких результатов. Между тем, К. Видерхольду удалось довольно отчётливо раскрыть некоторые принципиальные теоретические и методологические трудности аксиологии. Если выводы, полученные К. Видерхольдом, состоятельны, то нужно учитывать их в исследованиях, развивающих аксиологию или использующих понятие ценности в качестве системного понятия.

Цель статьи – показать значимость исследования К. Видерхольда для преодоления теоретических и методологических трудностей в философии ценностей.

Материал и методы. Основным материалом является труд К. Видерхольда «Понятие ценности и философия ценностей». Изложены и проанализированы

его основные положения. Проведён компаративный анализ аксиологических концепций. Критическому анализу подвергнуты понятийные и методические средства, которые использовал К. Видерхольд.

Результаты и их обсуждение. В преамбуле своей работы Видерхольд отмечает, что понятие ценности занимает среди современных философских понятий особое положение. Его отличает необычайная широта применения, мировоззренческая многозначность, претензия на статус центрального философского понятия. Оно оказалось востребованным как в научной философии, так и в течениях, которые довольствуются «модными словами и шаткими представлениями». «Рассмотрение применимости понятия ценности в качестве систематического понятия позволяет считать сам предмет, который стремилось понять ценностно-философское движение, серьёзнейшей проблемой, даже основным вопросом всей философии» [2, S. VI]. Но понятие ценности, несмотря на широту и частоту его применения, не получило той определённости, которая требуется для научных систем. Задачу своей работы Видерхольд видит в том, чтобы содействовать систематическому осмыслению понятия ценности, для этого он предпринимает «философский анализ понятия ценности».

Слово «ценность» применимо к необозримому множеству вещей, вследствие чего оно многозначно в обыденной речи. Люди оценивают всё, что можно себе представить. Но и в строгом языке науки трудно найти унифицированный смысл слова «ценность». В научный оборот понятие ценности вошло благодаря политэкономии (Смит, Менгер, Визер, Маркс). Первые психологические теории ценности выдвинули Эренфельс и Майнонг. Но ещё раньше в систематической философии понятие ценности употребил Лотце. Его начинание продолжил, прежде всего, Виндельбанд, затем последовали Риккерт, Мюнстерберг, Фолькельт, сделавшие понятие ценности центральным в своих систематических исследованиях. А ницшевский призыв к «переоценке всех ценностей» стал девизом модной философии. Образовалось «ценностно-философское движение». Слово «ценность» из-за его распространённости и многозначности приобрело стёртость ходкого выражения, под которым можно подразумевать всё и потому ничего.

1. Три необходимых момента ценностного отношения: предмет, сознание и ценностный масштаб.

При философском анализе понятия ценности требуется не объяснение мысленных актов как психических процессов, но осознание их мысленного содержания. Таковой анализ означает у Видерхольда выявление устойчивого *смыслового состава* и *смысловой структуры* понятия «ценность» в его многообразных употреблениях. «Иначе понятие становится невыполнимым, становится не-понятием (Unbegriff), лишь словом, с которым больше не соединяется смысл [2, S. 4]. В ходе анализа устанавливаются три необходи-

мых момента ценностного отношения: предмет, сознание и ценностный масштаб. «Ценностное отношение, которое мы утверждаем как новое, особое отношение, хотя и основанное на определении предмета, мыслимо только так, что сознание приводит определяемый предмет в отношение к чему-то третьему. Это третье мы называем *масштабом*. Определение предмета соотносится с этим масштабом, т.н. *ценностным масштабом*. Только через отношение к нему сознание придаёт предмету ценность. Только эта величина меры даёт ценностному отношению его собственный смысл поверх всего лишь определения признака» [2, S. 5].

Термин «ценностный масштаб» обозначает у Видерхольда то, с чем оцениваемый предмет должен быть соотнесён в акте оценки. У иных авторов понятие, выполняющее аналогичную функцию, обозначается словами «образец», «идеал», «должное». Например, у А.А. Ивина используется слово «образец»: «Ценностью может называться любой из тех трёх элементов, из которых обычно складывается ситуация оценивания: оцениваемый предмет; образец, нередко лежащий в основе оценки; отношение соответствия оцениваемого объекта утверждению о том, каким он должен быть» [3, с. 329]. Нам представляется, что термин Видерхольда имеет преимущество: он более абстрактен, благодаря чему охватывает содержание, обозначаемое вышеуказанными альтернативными выражениями.

Видерхольд указывает на различие ценностного и познавательного отношения. Их смешение происходит, когда не учитывают «третий момент» – масштаб как совершенно специфичный компонент в смысловом составе понятия ценности. Подобный ход мысли имеет место и у А.А. Ивина, утверждающего, что «истина – это соответствие мысли своему объекту, позитивная ценность (добро) – соответствие объекта мысли о нём» [4, с. 11].

В итоге «философского анализа понятия» Видерхольд получает дефиницию: «Ценность – это отношение, установленное сознанием между предметом и масштабом. Ценностное отношение, таким образом, связано с сознанием, предметом и масштабом как его предпосылками... Эти три момента требуют друг друга: только в их триединстве они составляют эту смысловую структуру – ценность» [2, S. 6].

Получив опорную дефиницию, Видерхольд методично продвигается к установлению смысловых типов ценности. Сначала им вырабатывается схема возможных способов установления значимости (*Gültigkeit*). Видерхольд перебирает логически возможные варианты соотношений единичного-особенного-общего, с одной стороны, и объективного-субъективного, с другой. В результате получаются две последовательности. Одна линия увенчивается объективной общезначимостью: 1) субъективно-индивидуальная значимость, 2) объективно-сингулярная значимость,

3) объективно-партикулярная значимость, 4) объективно-общая значимость, 5) объективная общезначимость. Вторая последовательность завершается субъективной общезначимостью: 1) единичная субъективная значимость, 2) субъективно-партикулярная значимость, 3) субъективно-общая значимость, 4) субъективная общезначимость.

Данная схема служит основой для различения видов ценностных масштабов. Соответственно этим масштабам Видерхольд выделяет пять смысловых типов ценности, представленных далее. Таким образом, он внёс свою лепту в типологию понятий ценности.

2. Смысловые типы ценности. Тип I: Ценность удовольствия (*Lustwert*). Этот тип понятия ценности является основной формой восприятия и оценки предметного вообще. Ценностным масштабом выступает желание и его удовлетворение. В большинстве случаев на нём основывается субъективно-индивидуальная значимость, но общезначимость исключена.

Тип II: Конвенциональная ценность. Это ценностные установления, основанные на конвенции. Их масштаб либо учреждается путём соглашения людей, либо является естественно сложившимся обычаем. Соответственно различаются ценности устанавливаемые (например, деньги, цены) и естественно складывающиеся, принимаемые по обычаю. Они имеют субъективно-партикулярную значимость (для определённого круга людей).

Тип III: Полезная ценность (*Nutzwert*). Масштабом для неё служит полезный эффект. К полезной ценности относятся понятия потребительной ценности и предельной полезности, играющие роль в политэкономии. С психологической точки зрения оценки пользы – это волевые оценки. Они близки к оценкам удовольствия как чувственным оценкам. Они не могут быть общезначимыми.

Тип IV: Ценность целостности (*Ganzheitswert*). В науке этот тип понимания ценности преобладает над тремя уже рассмотренными типами. Некая целостность рассматривается как масштаб для определения ценности какой-то её части. Эта целостность может существовать в данный момент или предполагаться в будущем как конечная цель. В любом случае имеется в виду целевая связь между частью и целым. Здесь можно ещё различать статический и эволютивный тип целостности. Последнему типу как *эволюционной* ценности в науках придаётся особое значение.

Все социально-гуманитарные науки, или науки о культуре, как выражался Риккерт, используют ценностные масштабы для оценки изучаемых явлений. Понятие ценности целостности применимо и в естественных науках, особенно в биологии, когда речь идёт о роли части для существования или развития органического целого.

Оценки в этом смысловом типе имеют не чувственный, а интеллектуальный характер. Тем не менее, проблематично, можно ли избавиться от субъективности

ценностный масштаб, применяемый социально-гуманитарными науками. Спорной представляется и общезначимость ценности целостности как исторической категории.

Тип V: Нормативная ценность (Normwert). Масштабом для ценностных определений этого типа служит некая норма, автономная по отношению к индивидуальному усмотрению и переживанию. Понятие нормативной ценности находит научное применение, прежде всего, в философии. Подробнее оно будет рассмотрено далее.

Подытоживая своё предварительное рассмотрение понятия ценности, Видерхольд кратко формулирует следующие положения. Смысловой состав понятия ценности включает в себя сознание, предмет и ценностный масштаб. По преобладанию одной из психических функций в мотивации оценки различаются волевые (оценки воли), эмоциональные (оценки чувства) и интеллектуальные оценки. Указанные смысловые типы ценности образуют иерархию по степеням их притязаний на общую значимость.

3. Проблема применения понятия ценности в философской системе. Исследование Видерхольда вступает в решающую фазу с вопросом о том, адекватно ли вообще понятие ценности в качестве системного понятия философии и может ли на его основе строиться научно-теоретическая система. Для ответа на этот вопрос нужны критерии адекватности. И здесь вступает в действие одна из научных новаций Видерхольда. Он предлагает критерии выполнимости понятия. Их два: 1) *формальный* критерий – осмысленность применения понятия, 2) *содержательный* критерий – систематическая несущая способность понятия.

Критерий осмысленности применения понятия определяется следующими характеристиками: 1) понятие должно полностью соответствовать своей дефиниции, 2) его смысловой состав должен быть неизменным, 3) понятие должно выражаться одним и тем же словом, 4) это слово должно применяться в одном и том же смысле. Второй критерий характеризует способность понятия схватывать и нести некоторое смысловое содержание. Между этими критериями, выражающими определённые требования к понятию, имеется напряжённость. Требование второго критерия склоняет к охвату системной категорией как можно большего содержания; при этом понятие растягивается, подрывается его смысловая структура. Первый критерий, напротив, требует сохранения первоначального ограниченного, узкого смысла, сковывает содержание. Видерхольд замечает, что «в метафизических системах, пожалуй, будут нарушаться оба требования сразу» [2, S. 20] из-за противоречивого стремления к одновременному расширению и сужению понятия.

4. Критическая оценка типов понятия ценности. Далее Видерхольд с помощью двух вышеуказанных критериев оценивает ранее выделенные типы понятия ценности на пригодность в качестве систем-

ных категорий. Не все они удостоиваются пристального внимания, поскольку смысловые типы I–IV лишь в незначительной мере нашли действительное применение в философии.

4.1. Ценность удовольствия. Понятие ценности удовольствия уже в античности вовлекалось в философские размышления. Особенно важную роль оно играло у Эпикура. В философии нового времени гедонизм выступал в сочетании с утилитаризмом, например, у Бентама. Разумеется, понятие удовольствия является существенным для философии морали, но оно неоправданно сужает философскую систематику, на нём можно основать только индивидуалистическую и натуралистическую, но не нормативную или социальную этику. «Оно не может рассматриваться в качестве решающего и несущего понятия» [2, S. 23].

4.2. Полезная ценность. Понятие полезной ценности находит применение, по-видимому, только в этике. В истории философии оно часто применялось в тесной связи с ценностью удовольствия. Утилитарная этика близка к этике удовольствия, не может обойтись без понятия удовольствия. Общий принцип этих двух форм этики – эвдемонизм. То, что было сказано о несущей способности понятия ценности удовольствия, относится и к понятию ценности пользы. Единая философская система, основанная на нём, неоправданно сузила бы задачу систематической философии постичь всё мыслимое.

4.3. Конвенциональная ценность. Понятие конвенциональной ценности пригодно для объяснения генезиса институтов человеческого общества, но не может обосновывать сверхвременной смысл и содержание этих явлений. Поэтому оно не подходит для основания всеобъемлющей философской системы.

4.4. Ценность целостности. Первые три типа понятия ценности могут применяться без противоречия с критерием осмысленности. В них понятие ценности имеет эмпирический характер и является уместным в таких отдельных науках, как психология (типы I и II) и история (тип III). Но когда речь заходит о ценности целостности, возникает существенно иная ситуация. В философской систематике ценность целостности предстаёт как метафизическое понятие, и в качестве такового оно несостоятельно. Обоснование этого тезиса Видерхольд приурочивает к последующему анализу нормативной ценности, а пока отмечает, что ценность целостности мыслима только в рамках целевой связи, но если покидается почва эмпирического, конкретно-научного рассмотрения и ценность целостности поднимается до системной философской категории, то нельзя избежать телеологической метафизики.

5. Нормативная ценность в философии ценностей.

5.1. Предпосылки понятия нормативной ценности. Далее Видерхольд обосновывает положение о том, что проблема ценностей становится важнейшей проблемой современной философии именно тогда,

когда речь заходит не о ценностях вообще, но о нормативной ценности. По мнению Видерхольда, философия ценностей берёт начало от Г. Лотце: «Мы впервые встречаем *действительное* применение понятия ценности в качестве системного понятия философии и именно в такой центральной позиции и в такой полноте, что, начиная от Лотце, можно говорить о движении философии ценностей» [2, S. 29]. С точки зрения историка философии такое утверждение может представляться небесспорным. Так, В.К. Шохин настаивает на том, что зачинателем аксиологической мысли, совершившим в 1808 г. «аксиологическую революцию», является Я.Ф. Фриз [1, с. 19–22]. Л.Н. Столович задавался вопросом, не следует ли Канта считать основателем философии ценности, и пришёл к заключению: «Лотце “поставил точку над i”, но Кант создал то, над чем можно было поставить точку» [5, с. 29]. Однако предмет этой дискуссии лежит за тематическими рамками настоящей статьи, и мы не будем входить в его подробности.

Прагматические и исторические предпосылки понятия нормативной ценности и, соответственно, философии ценностей берут начало в античной философии. Софисты инициировали осмысление проблемы нормы. Платон своим учением об идеях «заякорил» объективное содержание норм в сфере метафизики. Августин сделал новый шаг, решив, что бестелесными истинами норм Бог изливает свет в недра нашего преходящего индивидуального сознания. Рациональная метафизика Декарта и Спинозы тоже полагала Бога условием объективного содержания человеческого сознания. Философия эпохи Просвещения способствовала разложению рациональной метафизики, развитию эмпирического и психологического исследования сознания норм. «Вечные истины» получили психогенетическое объяснение и стали называться «врождёнными идеями», чтобы сохранить видимость метафизической значимости. Чем больше метафизика сдавала позиции в теоретической философии, тем упорнее она держалась в этике и религиозной философии. Не прекращались колебания между психологическим и метафизическим обоснованием морали. До Канта обоснование норм двигалось между психологистическим и догматично-метафизическим образом мысли.

Кантовская философия нашла в критицизме особый тип обоснования нормативного содержания по ту сторону психологистического релятивизма и догматической рациональной метафизики. Своим трансцендентальным методом Кант стремился обосновать нормы как идеи и категории, являющиеся условиями возможности познания. Но разум, дающий в нормах законы самому себе, – это порядок сверхиндивидуального рода, в котором субъективное сознание всего лишь участвует. Только так Кант мог отвергать толкования его категорий как врождённых идей.

Хотя Кант отказывался от обоснования объективности форм мышления догматической метафизикой,

его построения основаны на метафизике, пусть и иной, трансцендентальной. Его отношение к метафизике представляется проблематичным, едва ли поддающимся однозначной интерпретации. К примеру, его ближайшие последователи (Фихте, Шлейермахер, Шеллинг, Гегель) воспринимали его совсем не так, как основатели неокантианского движения.

За апогеем спекулятивного метафизического мышления, которое обосновывало нормы в системе разума, в XIX веке последовала реакция. Такие направления мысли, как позитивизм, эволюционизм, прагматизм искали решение проблемы нормы в явлениях сознания, а в качестве мерила принимали психологические закономерности. С ослаблением влияния материализма и возвращением к Канту нормативный подход снова обрёл почву. «Вновь начинают спрашивать о смысловом содержании, независимом от психологических процессов и вообще от всех природных событий, или, выражаясь более популярно, о смысле и “ценности” жизни. В этой связи в философии впервые появляется понятие ценности». «Мы можем видеть в появившейся теперь философии ценностей попытки решения проблемы нормы» [2, S. 36], обоснования общезначимых, абсолютных ценностей. Так Видерхольд истолковывает подоплёку становления философии ценностей, по-видимому, солидаризуясь с В. Виндельбаном, показавшим, как «философия могла вернуться, правда, удивительнейшими обходными путями, к *кантовской основной проблеме общезначимых ценностей*» [6, с. 438]. Так Виндельбанд и Видерхольд истолковали ценностный поворот в философии своего времени.

5.2. Понятие ценности в философии Г. Лотце.

Герман Лотце пытался совместить в одной системе механистическое и метафизическое воззрение на мир. Как заметил Георг Миш, он хотел реализовать «основное метафизическое убеждение, в котором он всегда придерживался Гегеля, уверенность в единстве действительного как осмысленного целого» [7, S. XX]. В противоположность каузальному исследованию условий действительности Лотце настаивал на идеальном истолковании её ценности.

Механическое рассмотрение природы Лотце относил с «миром ценностей», который раскрывается только в чувстве, причём масштабом ценностных определений является удовольствие. Ввиду субъективной обусловленности чувственных оценок Лотце исключал мысль об «абсолютной ценности»: «Мысль о некоем безусловно ценном, которое не доказывало бы свою ценность своей способностью вызывать удовольствие, перелетает саму себя и то, что ему угодно» [8, S. 316]. Но это психологическое обоснование всего ценного на чувстве не последнее слово учения Лотце о ценности. Он пытался гарантировать ценностям объективность двумя путями, которые пролегают в метафизической сфере. Во-первых, у Лотце наметилась тенденция интер-

претировать оценивающее Я как не эмпирическое, но всеобщее, нормальное Я. Этот путь, которым позже пошёл Виндельбанд, с необходимостью ведёт к обоснованию ценности «сознанием вообще», но Лотце не развивал эту мысль далее. Во-вторых, он настаивал на том, что чувство удовольствия указывает на содержание переживаемого предмета. В чувствах мы испытываем не только ценность чего-то для нас, но его ценность в себе; мы покоряемся собственной ценности вещей, она только признаётся посредством удовольствия. Наша чувственность организована так, что ей присущ общий разум.

Учение Лотце о ценностях противоречиво, в нём заметны колебания между психологическим и метафизическим обоснованием ценностей. Причина этой двойственности не столько зависит от мыслителя, сколько обусловлена проблематичностью понятия ценности.

5.3. Философия ценностей В. Виндельбанда.

Впоследствии в философии Вильгельма Виндельбанда понятие ценности стало центральным, а философия вообще превратилась у него в философию ценностей. В его трудах тоже заметны колебания между метафизическим и эмпирическим (историческим) обоснованием ценностей. Видерхольд замечает: «Если последнее систематическое исследование Виндельбанда (Введение в философию, 1914) обнаруживает сильную склонность обосновывать свою философию ценностей метафизически, то его более ранние сочинения часто обнаруживают решительный отказ от метафизического мышления» [2, S. 42]. К примеру, в «Прелюдиях» говорится: «...метафизика с её планом мироздания как наука невозможна, а как вера – недоказуема» [9, с. 293].

Виды ценностей располагаются у Виндельбанда в последовательности, ведущей к метафизическому абсолюту. Первичным индивидуальным оценкам противостоят оценки «более высокого и рефлексированного рода». Эти «оценки оценивания» не основываются на полезности, приятности, обычаях, фактах, но они совершаются в совести. Смысл таких ценностных предикатов, как «хорошо», «прекрасно», «истинно» побуждает нас переступить через относительность этих оценок к абсолютным ценностям. Но эти «ценности-в-себе» значимы не для индивидуального сознания и не для исторической формы общего человеческого сознания, а для «нормального сознания». В нём поверх человеческого способа представления правит «решающий порядок разума». Эти порядки должны представляться как определения абсолютного разума, т.е. Бога. «Ценностная жизнь требует метафизического укоренения», чтобы «подняться над индивидуальной и исторической релятивностью» [10, S. 394–395].

Моральная ценность как одна из высших ценностей коренится только в человеческом родовом сознании, тогда как истина и красота принадлежат «более

высокому региону ценностей-в-себе». В нарастающей тенденции ценности очищаются от антропологического, ранжируются по порядку, чтобы обрести в святом свою причастность к сверхчувственному существу. Наука не в силах познать метафизическую последнюю взаимосвязь ценностей, но её постигает религия. «Так по Виндельбанду религия исполняет то, в чём и философии было бы отказано: закоривание общезначимых ценностей в абсолютном духовном основании мира», – заключает Видерхольд [2, S. 44].

5.4. Система ценностей Г. Риккерта. У Генриха Риккерта проблема ценностей представлена как проблема философии вообще. В статье «О понятии философии» он пишет о том, что философия как мировоззрение должна исследовать вопрос о едином понятии мира, – таком понятии, в котором удалось бы снять представляемую мышлением противоположность субъекта и объекта. Оба пути, которые предлагаются в качестве решений – понимать мировое целое исходя от объекта или субъекта, – это одинаково недостаточные ответы. Объективизм вообще не позволяет возникнуть вопросу о смысле жизни. Субъективизм пока не может дать ему позитивного содержания.

Объективизм и субъективизм знают только действительность, но кроме неё имеются ценности, которые не являются действительностью. «Они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [11, с. 23]. И всё же философия как учение о ценностях соприкасается с действительностью, исследуя ценности, кристаллизовавшиеся в объектах культуры. Философия «должна отделить ценности от объектов культуры и установить при этом, какие именно ценности делают из объектов культуры культурные блага. Тогда собственно и изучит она ценности и поймёт их во всей их чистоте как ценности» [11, с. 28]. Единство двух «царств» – действительности и ценности – обеспечивается у Риккерта благодаря «третьему царству», смыслу. Это царство предполагает оба других: «...Смысл, присущий акту оценки, с одной стороны, не психическое бытие, ибо он выходит за пределы простого бытия, указывая на царство ценностей. С другой стороны, это не ценность, ибо он только указывает на ценности. И, наконец, именно благодаря своему среднему положению он связывает вместе оба разделённые царства ценностей и действительности» [11, с. 36].

Теперь следует задаться вопросом, в какой мере обращение Риккерта к «царству ценностей», лежащему по ту сторону действительности и, таким образом, принадлежащему к области метафизики, соответствует нормам научного мышления. Риккерт постарался отгородиться от онтологической метафизики платоновского типа, указывая на «несостоятельность такого рода метафизики трансцендентно-действительных ценностей» [11, с. 30]. В работе «Предмет познания» Риккерт пытается оградить от упреков в метафизике (хотя бы и не онтологической) также понятие о «со-

знании вообще»: «...Важно, чтобы в особенности всё сказанное о сужающем сознании вообще не рассматривалось как *метафизическая* спекуляция и, следовательно, подвергалось всем тем возражениям, которые нужно сделать против всякой метафизики трансцендентной действительности» [12, S. 350]. Видерхольд отмечает, что Риккерт, как и Виндельбанд стремится не основывать познание ни на психологии, ни на метафизике, отвергает всякую онтологическую метафизику и гносеологический реализм. Это касается и обоснования понятия о «сознании вообще». Здесь речь должна идти только об осознании «*логических* предпосылок, которые как значимые смысловые образования вложены в любое познание действительного» [12, S. 351]. И всё же, полагает Видерхольд, «прохладное, прямо-таки отрицательное отношение ко всякой метафизике по существу и прежде всего по названию не должно означать при всём том последнего слова Риккерта о возможности метафизики вообще» [2, S. 47]. Выразив сомнения в том, не допускает ли Риккерт некую иную не онтологическую, а трансцендентальную метафизику, Видерхольд заключает: «Мы не получаем на этот вопрос определённого ответа» [2, S. 50].

5.5. «Философия ценностей» Г. Мюнстерберга.

Концепцию Гуго Мюнстерберга, изложенную в книге «Философия ценностей» (1908), Видерхольд характеризует как самую обширную систему философии ценностей из всех до тех пор выдвигавшихся. Подобно Фихте Мюнстерберг полагал, что волящее Я является метафизической первопричиной, деятельно творящей мир.

По мнению Мюнстерберга, при исследовании оценок нельзя принимать за отправной пункт мир физическо-психической природы, так как он принципиально мыслится в качестве каузальной системы, не имеющей ценности. Мир желаний содержит только индивидуальные оценки, обусловленные удовольствием или неудовольствием. Однако ценности, к которым апеллирует наше мировоззрение, должны быть «надындивидуальными и, таким образом, общезначимыми в смысле вечности» [13, S. 38]. Нужно познать абсолютные ценности, которые не даны ни в каузальных системах природы, ни в индивидуальных целевых системах. Но абсолютные ценности не пребывают в некоем вечном мире, принципиально отгороженном от познающего сознания. «Абсолютные ценности непременно должны находиться в мире, который в целом подчинён условиям переживаемости...» [13, S. 40]

Один из решающих вопросов у Мюнстерберга – следует ли понимать абсолютные ценности как должное или как желаемое. Верно, что мы подчиняемся должному в суждениях о действительности, повинемся этической и эстетической совести. Однако понятием должного невозможно обосновать связную систему разных ценностей. Понятие должного может иметь значение в качестве дополнения к понятию ценности, но оно «остаётся непригодным для образования

системы» [13, S. 52]. Оно прямо-таки вводит в заблуждение и препятствует пониманию ценностей. Ведь понятие должного влечёт за собой решение, выбор, возможность желать недолжное. Возможны противоречия, например, нравственность есть желание верности себе, которая никогда не может стать нежеланной и, значит, не включает должное. Так же и в отношении ценностей истины и красоты обнаруживается, что понятие должного полностью разрушило бы их смысл. Так на чём же нужно основывать ценности?

Ценностью следовало бы считать то, что желанно, доставляет удовлетворение. Однако ценность, основанная на удовольствии, не имела бы абсолютного характера. Так, возведение этики на удовольствие искажает суть этики. Решением задачи была бы независимость удовлетворения от удовольствия или неудовольствия. Но как это возможно? Мюнстерберг полагает, что чувство удовлетворения может происходить не от чувственного удовольствия, а от понимания, что некий достигнутый результат содержательно идентичен желаемому. По его словам, «удовлетворение соответствует осуществлению желаемого; между желаемым и достигаемым должна воцариться содержательная идентичность» [13, S. 71]. Например, мы испытываем удовлетворение, когда удаётся вспомнить имя: «Представление об ускользнувшем имени было идентично по содержанию с найденным» [13, S. 71]. Не само явление даёт нам удовлетворение, а именно осознание идентичности намеченного нашей волей (создание фантазии, продукт размышления) с тем, что осуществилось. «...Из желаемого получается достигнутое, из представленного получается осуществлённое. Такой переход является единственным источником нашего удовлетворения, и если ценность без удовлетворения не имеет смысла, то ценностью должно быть также осуществление того, что по содержанию идентично желаемому. Но эта воля не может быть управляемой удовольствием или неудовольствием; это должна быть чистая воля, которая стремится к осуществлению своей цели» [13, S. 72].

Мюнстерберг методично выстраивает систему, которая включает 24 ценности, представляющие собой «разветвления одной ценности». Система охватывает ценности логические, эстетические, этические и, наконец, метафизические – ценности святости и вечности. Исследование разных видов оценивания приходится на логику, эстетику, философию религии, природы, истории и т.д.; приведение их в единство – собственная цель философии, ведь «целое философии больше, чем сумма этих частей. ...Только благодаря такому единению само мировое целое становится ценностью, и лишь тогда мы вырабатываем мировоззрение» [13, S. 439]. Чтобы свести воедино разнородные ценности, философии нужно действовать иначе, чем отдельным и опытным наукам. Для философии в целом в отличие от математики, естественных, исторических и отдельных философских наук, занимающихся

сочетанием данного, отдельными оценками, взаимной связью вещей или сущностей, «при разработке глубочайшей сущности всего мира дело идёт о чем-то совсем ином». Отождествление отдельных групп ценностей достигается «не соединением данного, а благодаря тому, что они внедряются в мир по ту сторону опыта». При этом оценивающие действия понимаются «как части одной в себе неизменной первопричины, которая сама, таким образом, только требуется, но не познаётся». Вместо познания здесь вступает в действие «акт убеждения», признающий первопричину, утверждающую саму себя, «из которой происходят все отделённые оценки». Метафизическое убеждение личности является особой ценностью, которая принципиально отличается от ценности логической связи и «теснейшим образом связана с религиозной ценностью. Без глубочайшего решения, без включения всей личности, короче, без убеждённости нет конечной философии» [13, S. 444], – утверждает Мюнстерберг. Эта убеждённость личности, человеческого Я обращена к первопричине, Сверх-Я, последней ценности, в которой завершается бесконечная ценность мира. Она безлико действует в нас как основная сила. «Ценно, в конечном счёте, то, что сообразно воле Сверх-Я» [13, S. 452]. Эта последняя праволя не должное, а именно желание, воление. Вселенная и человечество являются осуществлением праволи. Праволя – это «воля к ценности» [13, S. 476].

Видерхольд резюмирует, что Мюнстерберг в противоположность Виндельбанду и Риккерту осознанно и недвусмысленно укореняет ценности в метафизических глубинах Сверх-Я, праволи, даёт своим рассуждениям метафизическое обоснование, покидая тем самым почву науки.

Подобный приговор системе Мюнстерберга десятиком лет раньше вынес Б.В. Яковенко. Русский неокантианец охарактеризовал эту концепцию как «знамение времени» и счёл, что «это первая система ценностей, выведенная с удивительной точностью и законченностью умелого архитектора мысли» [14, с. 310]. Вместе с тем, по мысли Яковенко, философия как особая отрасль знания, даже когда её предметом становятся ценности, не приобретает права веровать в существование «ценностной метафизической сверхдействительности», и «пусть философия трактует об особых предметах; но она обязана это делать подобно другим наукам» [14, с. 321].

5.6. Понятие ценности у Й. Фолькельта. Йоханнес Фолькельт в своей «Системе эстетики» (1914) осознанно придёт абсолютным ценностям метафизическое обоснование. Он отказывается от применения трансцендентального метода, рассматривает неокантианские разработки в их антиметафизической трактовке как ненадёжные, склоняющиеся к метафизике или уже являющиеся скрытой метафизикой.

Фолькельт разводит понятия относительной и абсолютной ценности, противопоставляет друг другу

относительные ценности и самооценности. Ценность относится либо к изменчивым состояниям субъекта, к особенностям оценивающего Я, либо к объекту самому по себе. В первом случае имеют место относительные ценности, во втором – самооценности. Самоценность основывается на «законности существа Я», целевом назначении субъекта, которое объясняется мировой телеологией. «Законность сущности человека, заостряясь к законности цели, поднимается над природными связями и ускользает от игры изменчивых влияний. <...> Человеческое раз и навсегда закорено в этой назначенной телеологической законности. <...> Только от целевой предназначенности Я может появляться самооценность» [15, S. 456]. Понятие самооценности у Фолькельта имеет смысл только как метафизическое понятие. Оно не постигается опытным путём, но относится к умопостижаемому миру: «...самоценность... основана в законности цели интеллектуального Я» [15, S. 457]. Понимание самооценности возможно благодаря «опросу внутреннего переживания», которое ведёт к непосредственной интуитивной уверенности в чём-то транссубъективном, метафизическом. Основными интуициями Фолькельт считает моральную, эстетическую, ноологическую и религиозную уверенность. Эти виды уверенности являются принципиальными источниками познания. Им соответствуют четыре самооценности как координированные самопредставления одной абсолютной ценности. Важнейшее метафизическое положение Фолькельта выражено в словах: «Не то чтобы сначала была абсолютная ценность, а потом добавилось бы бытие. Но я хочу сказать: бытие так основывается в абсолютной ценности, что оно есть не что иное как самоосуществление абсолютной ценности. Вообще дело не дошло бы до бытия, если бы абсолютная ценность не была тем, что давало бы ему опору и смысл» [15, S. 503]. Далее следует утверждение: «Абсолютное должное – это не что иное как присущая абсолютной ценности тенденция к самоосуществлению» [15, S. 503]. Посредством этого стремления абсолютная ценность необходимо связана с бытием. «Абсолютная ценность, абсолютно должное и абсолютное бытие суть вечно нераздельное» [15, S. 503]. Так мировой принцип получает «онтологическое значение», и абсолютная ценность, понятая таким образом, может иметь своё значение только для сознания. Она значима для «абсолютного духа». Абсолютная ценность и абсолютный дух совпадают: абсолютное самосознание осуществляется в абсолютной ценности. Фолькельт не преминул отметить, что «понятие абсолютной ценности вовсе не является, как у Риккерта, лишь высшей логической точкой зрения, а есть принцип, первенствующий по отношению к бытию» [15, S. 505]. Таким образом, теория ценностей у Фолькельта имеет откровенно метафизический характер.

В обзоре концепций ценностей от Лотце до Фолькельта, мы вслед за Видерхольдом наблюдали всё

более явную тенденцию к построению теорий ценностей на метафизическом фундаменте – вплоть до открытого противостояния Фолькельта «не-онтологической» метафизике неокантианцев.

6. Нормативная ценность как системная философская категория. Завершив предварительную исследовательскую работу, Видерхольд выдвигает свой главный вопрос: применимо ли понятие ценности как основополагающее понятие для разрешения проблемы нормы, способно ли оно в качестве категории нести на себе систему философии? К тому же надо уяснить прагматические трудности решения проблемы нормы, критически оценить философию ценностей в целом, выявить её границы и недостатки, установить поддерживающие её мотивы, указать тенденции её дальнейшего движения.

Видерхольд полагает, что неясности и противоречия проявляются вполне отчётливо именно тогда, когда пытаются обосновать безусловность ценностей, их абсолютную или всеобщую значимость. Теперь он намеревается более конкретно применить два вышеуказанных критерия (осмысленности и несущей способности понятия ценностей) для критики представленных систем.

6.1. Критика понятия нормативной ценности по критерию осмысленности. Приступая к решению намеченных задач, Видерхольд констатирует, что в философии ценностей почти отсутствует чёткое осмысление моментов, конституирующих смысловую структуру понятия ценности. Модное и многозначное слово «ценность» берётся как само собой понятное и не требующее объяснения или, наоборот, как необъяснимое и мистическое. Оно «окружает себя неким ореолом, но так, что темнота распространяется там, где мы хотим ясности» [2, S. 60]. Видерхольд предпринимает проверку, применялось ли понятие ценности в философии, начиная от Лотце, достаточно осмысленно и единообразно.

У Лотце понятие ценности, с одной стороны, используется в смысле ценности удовольствия, и это не вызывает возражений, пока оно удовлетворяет критериям осмысленности и несущей способности. Однако из него последовала бы эвдемонистическая этика, что для Лотце неприемлемо. Ему нужны ценности «в себе», основанные не на эмпирическом базисе, не относительные. Поэтому, с другой стороны, у Лотце встречаются указания на то, что ценное «в себе» нужно относить не к эмпирическому Я, а к разумному сознанию, и масштаб должно служить общее, непреходящее и в себе ценное. Но в таком случае ценность как некая самостоятельная сущность уже не является отношением между тремя вышеуказанными моментами (субъект, объект и масштаб). Когда Лотце говорит о собственной ценности вещей, то либо таковая подразумевается самостоятельной, либо эта ценность сливается воедино с предметом и масштабом в нераздельное целое. Если понятие ценности удовольствия

у Лотце было «выполнимым», то понятие ценности «в себе» уже таковым не является, так как не согласуется с цитированным выше его тезисом о том, что мысль о безусловно ценном, не доказывающем свою ценность способностью вызывать удовольствие, перелетает саму себя. Видерхольд отмечает, что Лотце в этой конструкции применяет такое же невыполнимое понятие, как «*causa sui*» Спинозы. Вместе с тем Лотце не совсем отказывается от связи безусловных ценностей с чувством, старается показать, что мы испытываем в чувстве не только ценность для нас, но и ценность в себе: «Мы повинемся *собственной* ценности вещей» [8, s. 321], она только признаётся удовольствием. Эта связь мотивируется тем, что «общий разум» мыслится как имманентный организации нашей чувственной жизни. Так же каким-то образом совмещаются не только разумное сознание и психическая организация единичного Я, но и индивидуальный масштаб чувства удовольствия совпадает с масштабом ценности общего, непреходящего. «Предметы, их масштаб ценного в себе и ценность, в конце концов, суть одно нераздельное целое. В этом понятии ценности мы не можем вполне усмотреть выполнимой мысли. В нём осмысленные отношения смешиваются с зыбкими определениями в некую совершенно непрозрачную совокупность понятия» [2, S. 62], – заключает Видерхольд.

Виндельбанд использует понятие ценности с большей однозначностью, чем Лотце. «Общезначимые ценности» у него психологически основываются на «оценках первичного набрасывания». Такие ценностные предикаты, как добрый, прекрасный, истинный, применяются в оценках более высокого уровня, удалённых от индивидуального усмотрения или конвенции. Чёткой дефиниции понятия ценности у Виндельбанда не нашлось, но всё же в совокупности его разработок можно выделить структуру в какой-то мере однозначную и стабильную. Сознание, с которым соотносятся ценности более высокого уровня, – «нормальное сознание» – это метафизически понятые определения содержания некоего божественного сознания. Предметами, которые оно оценивает, являются индивидуальные первичные оценивания. В качестве масштабов неоднократно указываются нормы, содержащиеся в системном порядке в разумном сознании. По-видимому, общезначимая ценность у Виндельбанда представляется как отношение между тремя моментами: разумным сознанием, первичными ценностями и нормами. Тем не менее, у него встречаются высказывания, в которых ценностям предоставляется абсолютное метафизическое существование. Он говорит о царстве ценностей как самодовлеющем, в себе покоящемся мире; или о «значимости ценностей разума, вследствие чего они становятся нормами для функций человеческого разума» [16, S. 285–286], как если бы ценности были самостоятельными сущностями, которые могли бы значить независимо от норм.

У Виндельбанда, как и у Лотце, происходит гипостазирование ценностей; соответствующее понятие перестаёт быть выполнимым, когда оно показывает ценность не как отношение, а как нечто самодовлеющее.

Разбирая понятие ценности у Риккерт по его работам «О системе ценностей» и «Предмет познания», Видерхольд отмечает, что понятие ценности здесь не обосновывается, а просто принимается как само собой понятное. Риккерт представляет «царство ценностей» настолько самодовлеющим, что оно вполне может обходиться без какого бы то ни было отношения и к субъекту, и к объекту, оно просто по ту сторону субъекта и объекта. Чтобы ценность резко противопоставить психическому акту оценивания, смысл понятия ценности полагается совершенно независимым как от сознания, так и объекта. Не принимается в расчёт и «нормальное сознание», с которым ценности соотносятся у Лотце и Виндельбанда. Правда, ценности представлены в субъективной или объективной действительности, но они отделены от этой действительности и рассматриваются как самодовлеющие. С действительностью связан только «имманентный смысл», тогда как чистые ценности образуют царство для себя. Тем не менее выдвигается тезис, что этими ценностями можно объяснить смысл жизни. При этом царству ценностей присуждается предикат значения, понятие которого, однако, имеет смысл только как понятие соотношения (с субъектом и объектом). Противоречивые толкования ценностей как самодовлеющих, с одной стороны, и соотносённых с действительностью, с другой – «лишают их всякого выполнимого смысла, делают их не-понятиями (Unbegriffen)» [2, S. 64], – полагает Видерхольд.

Мюнстерберг применяет своё понятие ценности единообразно и последовательно. Пожалуй, ему удалось учесть все моменты, необходимые для смыслового строения понятия ценности. Момент сознания представлен актами чистой воли, праволи, надындивидуального сознания, Сверх-Я. Масштабом является удовлетворение чистого воления. Наконец, объектами становятся представленные содержания, которые оцениваются по мере их идентичности тому, чего требует чистая воля Сверх-Я. Несмотря на то, что понятие ценности у Мюнстерберга удовлетворяет формальному критерию смысловой структуры, это понятие оказалось откровенно метафизическим и, значит, не удовлетворяющим содержательному критерию несущей способности.

Понятие ценности у Фолькельта, как считает Видерхольд, по смысловому строению является в новейшей философии наиболее ясно проработанным и последовательно применяемым. «Тем лучше оно позволяет распознать его самоснятие» [2, S. 66], – замечает Видерхольд. Отчётливо просматривается единство трёх моментов: 1) сознание – сверхиндивидуальное, 2) масштаб – метафизически обоснованная система целей, имманентная интеллигибельному Я, 3) предмет –

содержание переживания. Уязвимость системного построения Фолькельта становится вполне ясной, когда дело доходит до понятия абсолютной ценности. В конечном счёте, она совпадает и с абсолютным бытием, и с абсолютным сознанием. Этому мировому принципу определённо присуждается «онтологическое значение» как последнему метафизическому основанию. У Фолькельта чётко и последовательно продуманы до конца ходы мысли, так или иначе наметившиеся во всех построениях философии ценностей. Но здесь они нашли выражение достаточно откровенное для понимания того, что если ценность возвышается как последний принцип, то она должна мыслиться либо как самостоятельная сущность наряду с сознанием и объектным миром, либо абсолютная ценность совпадает с бытием и сознанием. В любом случае такое понятие ценности оказывается невыполнимым.

Видерхольд заключает: «Пусть называют это в себе значащее, этот последний мировой принцип как угодно, – ценность как наименование абсолютного неизбежно становится не-понятием» [2, S. 67]. Таким образом, Видерхольд показал, что понятие нормативной ценности не выдерживает критики по критерию осмысленности, т.е. не способно при системном применении сохранять вышеозначенное триединство своего смыслового состава (сознание, предмет и масштаб).

В дополнение к этому выводу Видерхольд обосновывает далее тезис о том, что понятие нормативной ценности не может не быть метафизическим, выходящим за пределы всякого возможного опыта.

6.2. Нормативная ценность и метафизика. Философия ценностей стремится обосновать некое покоящееся в себе самом, независимое от всякой субъективности объективное содержание, которое Видерхольд обозначает выражением «автономное наличие» (autonom Bestand). Оно должно быть «самостоятельным царством», чистым и девственным. Ему, начиная с Лотце, присуждали предикат «значащего» в противоположность «существующему», переменчивому бытию. Но при этом авторы учений о ценностях допускали связь значащего и существующего: уже сам термин «значимость» всегда говорит о значимости для кого-то или чего-то, о соотношении с бытием [2, S. 67].

Глубочайшим побуждением философии ценностей явилось стремление доказать безусловность ценностей, закорить их значение в абсолютности. Вместе с тем для всех мыслителей этого направления определилась и задача «единого фронта обороны»: отвергать всякое выведение ценностей из реальности, всякую фактичность, отклонять все генетические подходы, психологизм, историзм, эволюционизм, любой релятивизм. «Все от Лотце до Мюнстерберга и Фолькельта варьируют одну мысль: учреждение ценностей на эмпирической основе всегда гарантирует только их отнесенность, обусловленность значимостью» [2, S. 68].

Так, у Лотце значение ценности должно основываться не на индивидуальной оценке чувства, а на содержании, которое мы схватываем непременно разумом, имманентным организации нашей эмоциональной жизни. Виндельбанд отвергает генетический метод как неспособный обосновывать «общезначимость» ценностей, ведь «эта общезначимость не фактическая, её необходимость не каузальная» [16, S. 41]. По Риккерт, психологизм и историзм – формы «плохого субъективизма» [11, S. 27–29]. И Мюнстерберг, говоря об «абсолютных оценках», утверждает свои ценности как «надперсональные и общезначимые в смысле вечности» [13, S. 38]. Наконец, у Фолькельта «законность существа Я», на которой основаны «самоценности», не обусловлена природными задатками человеческого рода [15, S. 456].

Но каким образом, выступая против релятивизма, представители философии ценностей доказывают объективную и безусловную значимость ценностей? Здесь при всей общности оборонительной позиции против релятивизма, обнаруживается разнообразие ответов.

Лотце попытался обеспечить ценностям объективность двумя путями. Во-первых, он расширил субъективное Я до всеобщего Я, разумного сознания. Во-вторых, он указал на то, что в глубине переживания удовольствия постигается некое объективное содержание, поскольку организации нашей чувственной жизни имманентен общий разум. Лотце осознанно придал значимости ценностей метафизическое основание.

Виндельбанд пошёл дальше первым из путей, намеченных у Лотце, и полагал, что «ценности в себе» значимы для нормального сознания, в котором царит всеобъемлющий объективный порядок. Он колебался между соблюдением границ трансцендентализма и ссылками на некую перводействительность, признание которой не должно означать метафизического познания. Эта двойственность позволяет уповать на религию, которой дозволено то, чего не дозволено философии.

Риккерт пытался уклониться от метафизического обоснования своего «царства ценностей». Значащая ценность для него является последним теоретическим принципом. Абсолютное понимается только как значащее, о вере нет речи. Тем не менее, его «значащая ценность» тоже лежит в области метафизики.

Обоснование общезначимости «абсолютных ценностей» у Мюнстерберга, на первый взгляд, не метафизическое, поскольку общезначимое воление независимого мира не должно переступать границы переживаемости. Однако последнее основание ценностей относится к Сверх-Я, значимость ценностей покоится на достоверности метафизических убеждений.

Наконец, обоснование Фолькельтом самоценностей на «сущностной законности Я» и «абсолютной ценности» получается только метафизическим.

Продемонстрировав на примерах из истории философии ценностей её тенденцию к метафизике,

Видерхольд задаётся вопросом, является ли эта тенденция неизбежной. Метафизикой он называет «любую попытку с помощью средств мышления овладеть последними принципами, которые несут совокупность нашего переживаемого мира (Erlebniswelt), не совпадая с этим миром по его существу» [2, S. 71–72].

Философия ценностей пытается представить в своих понятиях «не переживаемость (Erlebtheit)» принципов как лишь *переживаемость*, но их покоящуюся в себе сущность, автономное наличие, независимое как таковое от акта переживания» [2, S. 72], – так Видерхольд характеризует эту познавательную ситуацию. Далее он высказывает принципиальное суждение: «И все же неотъемлемым свойством, глубинным нервом всего метафизического мышления является стремление уловить в мире переживания нечто, должное быть несущим основанием сущности именно этого мира, не будучи единым с ним. Как раз это и составляет тот глубокий антиномизм, пропитывающий всю метафизику, ту внутреннюю диалектику, которая никогда не даёт определённого решения метафизической проблемы и вытекает из самой сути дела» [2, S. 72]. Тем не менее неискоренимая метафизическая потребность побуждает не прекращать усилий.

Философские учения о самодостаточности ценностей, об их царстве как сфере безусловных значений представляют собой, по мнению Видерхольда, «гипостазирование пустых абстракций» [2, S. 74]. Ценность как нечто значащее само по себе – это бессмыслица, не-понятие (Unbegriff) [2, S. 75].

6.3. Несущая способность системного понятия ценности и его невыполнимость. Дальнейший текст Видерхольда выглядит несколько странно. Размывается последовательность и определённость суждений, необходимая связь между вопросами и ответами. Складывается впечатление, будто некие обстоятельства не позволили автору планомерно и без лакун завершить свой труд. Насколько верно это предположение, судить невозможно, так как никаких биографических сведений о Конраде Видерхольде найти не удалось.

Выше уже было показано, что философия нормативных ценностей возможна только как метафизика. Теперь ставится вопрос, может ли понятие ценности использоваться системно как метафизическое понятие? И, прежде всего, при этом спрашивается «о его несущей способности в области решения проблемы нормы» [2, S. 76].

Здесь обнаруживается странность в тексте. Выдвинув вопрос о «несущей способности» системного понятия ценности, автор больше не возвращается к нему, лишь мимоходом использует последний раз этот термин на следующей странице. Однако мы помним, что в начале работы он предложил применить критерий «систематической несущей способности» [2, S. 19] в качестве одного из двух критериев, позволяющих определять адекватность употребления

понятия ценности. Смысл этого критерия Видерхольд выразил вопросом: «Насколько это понятие способно схватывать данную предметность?» [2, S. 20]. В такой формулировке «несущая способность» понятия представляется не вполне отчётливо. Возможно, автор предполагал развить определение этого термина в процессе дальнейшей критики философии ценностей, но по каким-то причинам не успел осуществить это намерение, а оно, судя по некоторым нюансам текста, имелось.

По какой-то причине в авторском тексте не найдена отчётливая формулировка этого критерия. Нам приходится реконструировать её по контексту работы Видерхольда. Мы попытаемся прояснить, насколько возможно, значение термина «несущая способность понятия», опираясь также на аналогии, имеющиеся в сочинениях других авторов. Выражение «несущая способность» (*Tragfähigkeit*) используется во многих отраслях науки, техники, социальной и экономической деятельности. Оно может означать: «грузоподъёмность», «полезная нагрузка», «допустимая нагрузка», «социальная несущая способность», «экологическая несущая способность», «экономическая жизнеспособность компании» и т.п. В применении к понятию имеется, например, такое объяснение: «Несущая способность понятия – это его применимость к определённой группе» [17, S. 81] (некоторых предметов), полезность, плодотворность данного понятия. Наиболее ясной представляется трактовка из авиационной энциклопедии: «Несущая способность... – способность конструкции выдерживать нагрузку, обеспечивая нормальное функционирование изделия» [18, с. 377]. Эту дефиницию можно применить, наверное, и к понятию, поскольку оно тоже своего рода «конструкция», «изделие», только не материальное, а идеальное, мысленное.

Приемлемость такого толкования термина «несущая способность понятия» косвенно подтверждается словами Видерхольда о том, что действительность (*Gültigkeit*) ценностного отношения *носит* (*wird getragen*) действительностью её масштаба [2, S. 79]. Это может означать, что перегрузка ценностного масштаба (в данном случае метафизическим содержанием) чрезмерна для несущей способности понятия ценности и приводит к его разрушению.

7. Заключительные соображения Видерхольда о невыполнимости понятия ценности. Заключительные суждения Видерхольда имеют несколько сбивчивый характер. К дискурсу примешиваются эмоционально окрашенные слова о «почти удручающей многозначности» слова «ценность», об «изрядной путанице и помрачении в познании данной предметности». Автор характеризует «понятие ценности как совершенно неудачное и обманчивое» [2, S. 79]. Он сетует, что «часто словом “ценность” прямо-таки опьяняли себя, принимали его как само собой разумеющееся, оставляя его вместе с тем в мистическом тумане» [2, S. 81–82].

По существу проблемы Видерхольд пишет, что «у всех мыслителей понятие ценности по своей смысловой структуре становилось так или иначе невыполнимым понятием, как только они пытались использовать его в качестве системного понятия в решении проблемы нормы. ...Его смысловая структура неминуемо должна была нарушаться» [2, S. 78]. Так, у некоторых авторов ценностью называется сам абсолютный принцип, а не отношение между предметом и масштабом, устанавливаемое субъектом. Такое представление имеется у Риккерта и Фолькельта, принявшего абсолютную ценность за мировое основание. Некий «абсолютный принцип», обособленный от сознания субъекта, нарушает смысловую структуру понятия ценности.

Чтобы обеспечить ценностям объективность и общезначимость, их нужно превратить в метафизические сущности. Но как бы ни трактовали понятие ценности, оно не освобождается от изначальной соотносённости с субъективностью. Даже если признать понятие «сознания вообще», оно всё-таки было бы именно субъективностью, пусть и сколько угодно сублимированной ради обоснования объективности содержания. «Будь то нормальное сознание Виндельбанда, абсолютное сознание Фолькельта, чистое воление перво-Я (*Ur-Ich*) Мюнстерберга, ценности должны покоиться на такой субъективности, чтобы понятие ценности не оказалось заранее невыполнимым» [2, S. 79].

Философия ценностей сталкивается с неодолимой трудностью, стремясь от ценищего сознания отдельного эмпирического субъекта перейти к ценищему, но совершенно нечувственному разумному сознанию. Для этого гипостазировать пустую абстракцию, которая должна быть совершенно сверхиндивидуальной и нечувственной и всё же носить в себе следы своего психологического происхождения. Такое всеобщее сознание, быть может, допустимо в психологии в смысле усреднённого сознания, но как метафизическое понятие оно несостоятельно, как полагает Видерхольд. Понятие ценности в научной терминологии имеет обоснованный смысл только в политической экономии и психологии. В философии не следует использовать его как системное понятие. Благодаря этому из современной философии устранилось бы много неясности и путаницы.

Отвергая понятие ценности как системное понятие философии, нужно учитывать некоторые позитивные результаты ценностно-философского движения мысли. По мнению Видерхольда, оно придало понятию культуры философское содержание и систематическую существенность. Оно представило культуру как воплощение идеальных требований, которые человечество призвано исполнять в своей истории. Человеческий род стал вновь рассматриваться как носитель и завершитель сверхвременных определений. Вместе с тем в выражениях философии ценностей реанимировалась платоновская теория двух миров.

Проведённое критическое исследование вскрывает настоятельную необходимость выхода за пределы того умственного горизонта, который фактически развёрнут философией ценностей. Предложенные ею решения критически отвергнуты в важнейших пунктах, но сама проблематика, которую серьёзнейшим образом стремилась осилить философия ценностей, безоговорочно признаётся как важнейшая.

Видерхольд завершает свой труд словами: «Собственно говоря, мы хотели дать понять, что настоятельно необходимо выйти за пределы философии ценностей, чтобы на более высокой ступени познания “снять” (aufzuheben) её позитивные результаты в более обширной и глубже обоснованной системе. И в смысле этого систематического замысла можно и к философии ценностей применить слова, отнесённые Виндельбаном к Канту: понять её – значит выйти за её пределы» [2, S. 84].

8. Смысл и бессмысленность вопроса «Что такое ценность?». В завершение обзора основных идей критического исследования К. Видерхольда автор этой статьи предлагает тезисное изложение своих воззрений, разделяемых с Видерхольдом.

Спрашивать «Что такое ценность?» (как нечто самостоятельно существующее) бессмысленно. Этот вопрос требует определения того, чего не может быть. Ценность *сама по себе*, как *самостоятельное нечто*, невозможна. Так же, как невозможен круглый квадрат. Можно сформулировать «дефиницию» круглого квадрата, например, это – замкнутая кривая на плоскости, состоящая из точек, равноудалённых от заданной точки на этой же плоскости, и имеющая четыре равных угла при равных четырёх сторонах. Таким образом, можно «определить понятие» круглого квадрата, но невозможно выполнить это «понятие», которое есть не-понятие (Unbegriff). Аналогично невыполнимым является понятие ценности (как чего-то самостоятельно существующего).

Однако вполне осмысленно можно спрашивать и говорить о ценности *чего-то*, какого-либо предмета. В этом смысле *ценность предмета* не существует самостоятельно, независимо от самого предмета и оценивающего его субъекта. Суждение о ценности предмета всегда исходит от субъекта. Но, высказываясь о ценности предмета, субъект выражает не свойства самого предмета, а своё собственное отношение к нему – одобрение, неодобрение, безразличие (качественный аспект оценки), а также величину одобрения, неодобрения, безразличия (количественный аспект оценки).

Различаются суждения познавательные (о предмете и его свойствах) и оценочные (об отношении субъекта к предмету и его свойствам). Возможна путаница между познавательными и оценочными суждениями.

Например, может казаться, будто речь идёт об одном и том же предмете в двух следующих суждениях. 1) «В этом помещении тепло». 2) «В этом помеще-

нии температура +22,3 °С, влажность 29%». Но первое суждение – оценочное, оно выражает *отношение субъекта* к климату в помещении; второе суждение – познавательное, оно выражает *объективные характеристики* климата в помещении.

Оценочные суждения в принципе, по определению могут быть только субъективными и не могут быть объективными и общезначимыми, даже если бы их разделяли все без исключения субъекты в данной ситуации в данный момент. Однако аксиологический бум, охвативший в 1890–1920-е годы философские умы в Европе, сочетался с верой в *познаваемость ценностей*. Познание ценностей (если бы оно было возможно) показало бы их объективность и общезначимость.

Когда кто-то стремится представить ценность как нечто объективное и общезначимое, он способен это проделать лишь методом абстрагирования от 1) действительных оцениваемых объектов и 2) действительных оценивающих субъектов. При выполнении первого шага ценность должна стать не характеристикой отношения субъекта к данному объекту, а самостоятельным предметом, ценностью самой по себе, безотносительной к каким бы то ни было объектам. Но такая ценность сама по себе – без объекта – была бы метафизической, недоступной для её чувственного познания «эмпирическим субъектом». Какой субъект мог бы её познавать? Требуется сделать второй шаг, абстрагироваться от действительных субъектов и мысленно создать вместо них «метафизического субъекта», как, например, «нормальное сознание» Виндельбанда, «абсолютное сознание» Фолькельта, «Сверх-Я» Мюнстерберга и тому подобное.

Совершив такие процедуры абстрагирования, что мы получаем в итоге в качестве ценности? Ответ: ничего. Такое понятие ценности невыполнимое, так как оно не схватывает и не несёт никакой предметности. Такая ценность «есть» просто ничто.

Вывод о невыполнимости понятия ценности не означает бесполезности ценностной проблематики для философии и науки. Действительные субъекты постоянно совершают акты оценивания всевозможных предметов, в том числе своих собственных представлений, переживаний и действий. Поэтому необходимы философские и научные исследования, но не «объективных и общезначимых» ценностей как пустых абстракций, а действительных актов оценивания.

Заключение. Подобно тому, как И. Кант принял определение границ познания пределами возможного опыта, К. Видерхольд показал границы научной применимости понятия ценности. Для этого он проанализировал смысловой состав и смысловую структуру понятия ценности, выделил пять смысловых типов этого понятия. Он выработал два критерия выполнимости понятия: 1) критерий осмысленности применения понятия, 2) критерий несущей способности понятия. Эти критерии были успешно приме-

нены для анализа и критики влиятельных философских теорий ценностей. Было показано, что любые попытки обосновать объективность и общезначимость нормативных ценностей неудовлетворительны с точки зрения критериев выполнимости понятия ценности. Они неизбежно ведут к метафизике, к выходу за пределы компетенции науки. Критика К. Видерхольдом принципов философии ценностей является существенным вкладом в развитие ценностно-философских исследований.

Литература

1. Шохин, В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография / В.К. Шохин. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 455 с.
2. Wiederhold, K. Wertbegriff und Wertphilosophie / Konrad Wiederhold. – Berlin: Reuther & Reichard, 1920. – VII, 86 S.
3. Ивин, А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2005. – 591 с.
4. Ивин, А.А. Аксиология. Научное издание / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2006. – 390 с.
5. Столович, Л.Н. И. Кант и проблема ценности / Л.Н. Столович // Кантовский сборник. – 2009. – № 2(30). – С. 20–30.
6. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. / Вильгельм Виндельбанд. – М.: Гиперборея: Кучково поле, 2007. – Т. 2: От Канта до Ницше. – 2007. – 511 с.
7. Misch, G. Einleitung des Herausgebers / Georg Misch // Lotze R.H. Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen, hrsg. von G. Misch, F. Meiner. – Leipzig: Verlag von F. Meiner, 1912. – S. VII–XСII.
8. Lotze, H. Mikrokosmos: Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. B. 2 / Hermann Lotze / 5. Aufl. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1905. – 466 S.
9. Виндельбанд, В. Прелюдии: философские статьи и речи / В. Виндельбанд. – М.: Гиперборея: Кучково поле, 2007. – 400 с.
10. Windelband, W. Einleitung in die Philosophie / Wilhelm Windelband. – Tübingen: J. C. B. Mohr, 1920. – XII, 444 S.
11. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
12. Rickert, H. Der Gegenstand der Erkenntnis: Einführung in die Transzendental-Philosophie / Heinrich Rickert / 3. völlig umgearb. und erw. Aufl. – Tübingen: Mohr, 1915. – XVI, 456 S.
13. Münsterberg, H. Philosophie der Werte: Grundzüge einer Weltanschauung / Hugo Münsterberg. – Leipzig: J. A. Barth, 1908. – 486 S.
14. Яковенко, Б.В. Hugo Münsterberg. Philosophie der Werte / Б.В. Яковенко // Вопросы философии и психологии. – 1909. – Кн. II (97). – С. 309–322.
15. Volkelt, J. System der Ästhetik / Johannes Volkelt. – München: C. H. Beck, 1914. – Bd. 3. – XIV, 590 S.
16. Windelband, W. Präludien: Aufsätze und Reden zur Philosophie und ihrer Geschichte / Wilhelm Windelband. – Tübingen: J. C. B. Mohr, 1915. – B. 1. – XI, 299 S.
17. Thöndl, M. Bewahrung durch Umbruch: Die «Konservative Revolution» in Italien / Michael Thöndl // Moderne Politik: Politikverständnisse im 20. Jahrhundert / Hans J. Lietzmann (Hrsg.). – Springer-Verlag, 2013. – S. 81–102.
18. Авиация: Энциклопедия / гл. ред. Г.П. Свищев. – М.: Большая рос. энцикл.: Центр. аэрогидродинам. ин-т, 1994. – 736 с.

Поступила в редакцию 11.06.2021

Билингвизм в Канаде как социокультурный и политический феномен

Буденис О.Г.

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно

Данная статья посвящена изучению феномена государственного билингвизма на территории Канады, который представляет особый интерес для исследования ввиду ряда уникальных особенностей, повлиявших на его становление.

Цель статьи – рассмотреть предпосылки возникновения и специфику двуязычия, оказавшего существенное влияние на становление канадского общества.

Материал и методы. В своей работе автор опирается на результаты исследований В.С. Ахониной, В.С. Ажаевой и М.А. Марусенко и др. Особый интерес представили труды Г.М. Вишневецкой, М.А. Пироговой, Е.Н. Куралесиной и В.И. Соколова, также работавших в данном научном направлении. При этом автором использовались общелогические и общенаучные методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Принципиальное отличие двуязычия Канады заключается в том, что ни один из государственных языков этой страны не является родными для коренного населения, сложившаяся языковая ситуация – это продукт исторических взаимоотношений между колонистами практически одновременно заселивших страну. Более того, билингвизм Канады красноречиво отражает возможность двуязычия не только способствовать эволюции социума, но и функционировать как деструктивный фактор, превратившись в индикатор противостояния франко- и англоканадцев.

Заключение. Билингвальный опыт Канады представляет интерес не только особенностями исторического складывания лингвистической ситуации, но и комплексом принимаемых правительством мер, поступательная реализация которых направлена на достижение языкового баланса в обществе.

Ключевые слова: двуязычие, билингвизм, Канада.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 115–118)

Bilingualism in Canada as a Social Cultural and Political Phenomenon

Budenis O.G.

Educational Establishment "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno

This article deals with the study of the phenomenon of state bilingualism in Canada, which is of particular interest for research due to a number of unique features that influenced its formation.

The purpose of the article is to consider the prerequisites for the emergence and specifics of bilingualism, which had a significant impact on the formation of Canadian society.

Material and methods. The research is based on the studies by V.S. Akhonina, V.S. Azhaeva and M.A. Marusenko. Of particular interest were the findings by G.M. Vishnevskaya, M.A. Pirogova, E.N. Kuralessina and V.I. Sokolov, who also worked in this scientific field. General logical and general scientific methods of theoretical research were applied by the author.

Findings and their discussion. The fundamental peculiarity of the bilingualism of Canada lies in the fact that neither of the official languages of this country is a mother tongue of the natives, the current linguistic situation is a product of historical relationships between the colonists who settled in the country almost simultaneously. Moreover, bilingualism in Canada eloquently reflects the possibility of bilingualism not only to contribute to the evolution of society, but also to function as a destructive factor, becoming an indicator of the confrontation between French- and Anglo-Canadians.

Conclusion. The bilingual experience of Canada is of interest not only due to the peculiarities of the historical development of the linguistic situation, but also due to the complex of measures taken by the government, the progressive implementation of which is aimed at achieving a linguistic balance in society.

Key words: bilingualism, bilingual language situation, Canada.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 115–118)

В современной научной парадигме государственный билингвизм понимается не только как практика одновременного использования в ежедневной коммуникации двух языков, но и как социокультурное явление, способствующее мирному сосуществованию на определенной территории двух народностей, выработке навыков уважительного отношения к их культурам и традициям. В этом контексте двуязычие выступает мощным фактором развития современного социума, позволяя его членам осознать место своей культуры в диалоге культур и цивилизаций.

Опыт канадского билингвизма представляет особый интерес для исследования, поскольку обладает рядом уникальных особенностей, которые повлияли на его становление. Первое принципиальное отличие двуязычия Канады заключается в том, что ни один из государственных языков этой страны не является родными для коренного населения. Сложившаяся языковая ситуация есть продукт исторических взаимоотношений между первыми колонистами – англичанами и французами, которые практически одновременно заселили страну (в 1608 году было основано первое постоянное поселение французов, в 1622 – англичан) [1, с. 111–112].

Вторая особенность красноречиво отражает возможность билингвизма не только способствовать эволюции социума, но и функционировать как деструктивный фактор, содействующий разжиганию сепаратизма и расколу общества, отражая все его социальные проблемы. На территории современной Канады язык перестал выполнять отведенную ему функцию сохранения единства народа, превратившись в индикатор противостояния франко- и англоканадцев, а также в ведущий символ жестокого национализма [2, с. 19].

Еще одной специфической чертой двуязычия современной Канады выступает его ограниченная распространенность – он популярен исключительно на франкоязычной территории страны, в частности, в провинции Квебек, которая с 1966 года активно проводит провинциальную языковую политику, направленную на закрепление доминирующей позиции французского языка. Однако, несмотря на достаточно обособленный от англоговорящего населения уклад жизни, многие франкоканадцы испытывают вынужденную необходимость использовать более востребованный английский язык в деловой коммуникации [1, с. 112]. Согласно последним статистическим данным только 9% канадских англофонов говорят на французском, в то время как 43,4% франкофонов владеют английским языком [3].

Цель данной статьи заключается в детальном рассмотрении предпосылок возникновения и специфики билингвизма, повлиявшего на становление канадского общества.

Материал и методы. В своей работе автор опирается на результаты исследований В.С. Ахониной, В.С. Ажаевой и М.А. Марусенко и др. Особый интерес представили труды Г.М. Вишневской, М.А. Пироговой, Е.Н. Куралесиной и В.И. Соколова, также работавших в данном научном направлении.

При этом автором использовались общелогические и общенаучные методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. В.С. Ажаева полагает, что фундаментальное различие между франко- и англоканадцами заключается в понимании термина «нация». Франкоканадцы рассматривают Канаду как два отдельных сообщества или две нации – одну франкоговорящую, вторую – англоговорящую и полагают, что они должны быть равны во всех отношениях и, исходя из дуалистической концепции политической системы, состоящей из Квебека и остальной Канады, закономерно требуют особого статуса провинции Квебек. Англоканадцы же рассматривают Канаду как единую нацию с анклавом франкоканадцев в Квебеке [4, с. 6–17].

Позиция франкоканадцев обусловлена историческими фактами. Освоение земель, которые в то время назывались Новая Франция (la Nouvelle France), происходило в течении длительного времени – с XVI по XVIII век. В 1663 году данная территория была объявлена владением французского королевства. Территориальные претензии Англии, имевшие место на протяжении всего XVII века, послужили причиной Семилетней войны (1756–1763), в результате которой земли французской колонии перешли под господство англичан. В это время на территории Канады проживало примерно 70 000 французов, поселения которых в основном были сконцентрированы в районе между Квебеком и Монреалем. На завоеванных землях проводилась демократичная языковая политика, которая строилась на достаточно прагматических соображениях: франкоязычное население не ограничивалось в использовании своего родного языка и исповедовании римско-католической религии, французский язык функционировал как основное средство коммуникации во всех сферах жизнедеятельности [5, с. 29].

7 октября 1763 года губернатор Квебека Джеймс Мюррей предпринимает первую попытку изменить языковой уклад провинции посредством введения на ее территории английского права, предусматривающего использование английского языка в качестве рабочего. Однако Квебекский акт 1774 года восстановил легитимность французских законов в сфере гражданского права. Согласно Конституционному акту 1791 года Квебек был разделен на две самостоятельные колонии – англоязычную Верхнюю Канаду и франкоязычную Нижнюю Канаду, объединившиеся вновь в одну провинцию лишь в 1841 году. Акт Объединения признал официальным языком английский. В 1867 году был принят Конституционный закон, который разрешил использование французского языка в государственных институтах [6, с. 24], [7, с. 117–118].

Относительная терпимость английских властей в отношении французского языка продолжалась вплоть до создания 1 июля 1867 года Конфедерации британских владений в Северной Америке, которая составила доминион Канаду. Это повлекло за собой бурный рост экономического развития и модернизации, что сопровождалось увеличением социального престижа английского языка и параллельному подавлению интереса к французскому [5, с. 31]. Согласно

Конституции федеральные институты оставались двуязычными, однако де-факто это не соблюдалось. Язык приобрел функцию, так называемого социального трамплина, ограничивающего доступ франкоязычных чиновников к высшим постам.

Сложившейся языковой ситуации содействовал и тот факт, что долгое время в Квебеке сохранялось аграрное общество. Франкоканадцы не проявляли достаточной активности в бизнесе и интереса к политике не только на федеральном, но и на провинциальном уровне. Эти ниши были успешно заняты англоканадцами. В 60-е годы с началом «Тихой революции» ситуация изменилась. Индустриализация, урбанизация, преобладание светского общества, новая система образования изменили систему ценностей квебекцев. Многие жители этой провинции стали считать, их общество и экономика нуждаются в защите от господства англоканадцев. В 60-е годы франкоканадцы перешли к стратегии активных политических действий, их провинциальное правительство стало играть в обществе и экономике значимую роль. Была образована Квебекская партия, выступающая за национализацию наиболее важных отраслей промышленности [4, с. 17–19].

Федеральное правительство, осознавая важную роль Квебека в общенациональной политике, было обеспокоено развитием событий. Ввиду этого в 1963 году была создана Королевская комиссия по изучению билингвизма и бикультурализма, перед которой была поставлена задача изучить фактическую языковую ситуацию. По результатам работы в 1969 году был принят «Закон об официальных языках», закрепивший равенство статуса английского и французского языков, основные положения которого вошли в 1982 году в «Канадскую Хартию прав и свобод».

Официальное провозглашение государственного билингвизма вызвало недовольство в канадском обществе. По мнению англоговорящего населения, использование французского языка вне Квебека было недостаточным в количественном отношении для оправдания политики двуязычия. В Квебеке присутствие английского языка воспринималось как угроза национальному развитию.

Именно поэтому правительство Квебека активно осуществляло свое право на проведение провинциальной языковой политики и на законодательном уровне предпринимало жесткие меры, содействующие популяризации французского языка: было введено обязательное использование французского языка в рекламной продукции, на этикетках продуктов питания, гарантийных сертификатах, аннотациях к продукции, меню заведений общественного питания. Предусматривались высокие штрафы за нарушения предписаний. Было создано министерство иммиграции, требующее от вновь прибывших знания французского языка, а также определены контролирующие органы.

В 1974 году в Квебеке принимается «Закон об официальном языке», закрепивший статус французского языка как единственного языка администрации, обслуживания и провинциальных учреждений. Документооборот был полностью переведен на французский

язык, англоязычные переводы больше не имели юридической силы. Французский язык признавался языком трудовой деятельности, что позволяло профессиональной корпорации отказывать в выдаче лицензий на осуществление деятельности без определенного уровня владения французским языком. Предприятия, которые проводили меры по укреплению французского языка в трудовой сфере, получали значительную материальную поддержку от властей и имели ряд привилегий [8, с. 14].

Следующим законодательным шагом на пути укрепления позиций французского языка в Квебеке было принятие в 1977 году «Хартии французского языка», определяющей французский как единственный официальный язык провинции. Хартия выражала интересы правящей квебекской партии, однако вызвала яростную волну протеста со стороны англоязычного квебекского населения и Канады в целом, что содействовало зарождению сепаратизма и расколу общества. Началось яростное юридическое противостояние, которое вылилось в принятие многочисленных поправок в Хартию, призванных привести к юридической равнозначности языков, и усилению напряженности между представителями языковых сообществ.

Однако, несмотря на жесткий национализм франкоканадцев, правительство Канады хорошо понимает значимость двуязычия для своей страны, рассматривая его как источник интеллектуального и культурного обогащения нации, фактора экономического прогресса и политической успешности.

Стало очевидно, что между языковым равновесием и национальным единством существует прямая связь — созрело убеждение, что распространение французского языка и культуры на всей территории Канады, равно как и укрепление английского языка и культуры в Квебеке, выступает важнейшим гарантом национальной целостности страны [5, с. 37].

В 1988 был принят федеральный модифицированный «Закон об официальных языках», в который вошел ряд положений практического свойства, пропагандирующих двуязычие во всех сферах жизнедеятельности канадцев.

Одним из ключевых моментов, отражающих государственную поддержку билингвизма, является двуязычность государственного гимна «O, Canada», при исполнении которого хор делится пополам и поет его на обоих государственных языках одновременно, чередуя английскую и французскую строфы [4, с. 35].

Сегодня билингвизм воспринимается властями как один из наиболее благоприятных факторов для международной деятельности Канады. Двуязычие рассматривается как ключевое коммерческое преимущество, способствующее экономическому развитию страны. Свободное владение двумя языками международного уровня открывает предприятиям доступ к новым рынкам сбыта и налаживанию партнерских отношений.

Благодаря двуязычию современная Канада признана мировым лидером в преподавании второго языка и разработке «программ погружения» для изучения французского (известные как канадский успех), что

содействует привлечению большего количества иностранных студентов, привлекая в канадскую экономику значительные инвестиции.

Билингвизм также помогает развитию туризма, создавая возможность для безбарьерной коммуникации туристов на двух мировых языках. Согласно статистике в 2019 году Канада занимала вторую позицию среди самых популярных туристических направлений американского континента.

Нельзя не отметить роль двуязычия в процессе приобщения к культурному наследию посредством чтения французской и английской литературы на языке оригинала, что способствует обогащению духовного мира граждан.

Билингвизм также играет существенную роль в популяризации искусства французских деятелей культуры и выхода их на международную арену. Ярким примером тому служит известный канадский бренд, визитная карточка страны «Цирк дю Солей», основатель которого, Ги Лалиберте – коренной квебец. Основным языком выступлений цирка, организованных по всему миру – английский [9, с. 316]. Еще одной значимой фигурой на международной культурной арене является квебец Роберт Лепаж – всемирно известный режиссер театра и кино, актер, драматург и сценарист, основатель и художественный руководитель двуязычного квебекского высокотехнологичного театра Ex Machina [9, с. 321].

Всецело осознавая значимость билингвизма для канадского общества, правительство проводит планомерную и последовательную языковую политику, направленную на распространение французского языка по всей территории Канады.

Особое внимание уделяется сфере образования. Вне провинции Квебек стимулируется изучение французского языка в качестве второго иностранного, совершенствуется педагогический процесс, повышается уровень педагогического состава, финансируются программы обмена, стажировки, создаются образовательные и информационные ресурсы на французском языке, выделяются средства на финансирование служб по присмотру за детьми дошкольного и младшего школьного возраста [9, с. 153].

Еще одним шагом, предпринимаемым властями в рамках языковой политики, является предоставление медицинских услуг на французском языке. Данная мера реализуется с целью снять языковой барьер, который отрицательно сказывается на качестве услуг и их стоимости. Государство выделяет дополнительные средства на профессиональную подготовку врачей и среднего медицинского персонала. Создана национальная организация «Общество здравоохранения на французском языке».

В экономическом секторе приоритетом выступает помощь франкоязычным бизнес-сообществам в поддержании жизнеспособности их экономической деятельности, осуществляемой на родном языке. Специально для франкоязычных канадцев разработана программа Francocommunautés virtuelles, позволяющая предпринимателям, фирмам и корпорациям делиться опытом ведения бизнеса.

Федеральное правительство предпринимает попытку сбалансировать языковую представленность кадров в рамках программы по обновлению аппарата госслужащих. С этой целью Управление по официальным языкам активно взаимодействует с высшими учебными заведениями Канады, обращая особое внимание на необходимость формирования у будущих специалистов билингвальных языковых навыков. Помимо привлечения уже двуязычных кадров, предусмотрено также обучение второму языку на ранних этапах карьеры и последующее совершенствование языковых компетенций как обязательный элемент карьерного роста.

С целью взаимного культурного обогащения франкоязычного и англоязычного сообществ создана «Национальная программа перевода изданий», позволяющая издателям переводить произведения канадских авторов на французский и английский языки. Активно функционирует «Фонд культурного развития» и программа «Музыкальные витрины».

Заключение. Подводя итог вышесказанному, отметим, что билингвальный опыт Канады представляет интерес не только особенностями исторического складывания лингвистической ситуации, но и комплексом принимаемых правительством мер, поступательная реализация которых направлена на достижение языкового баланса в обществе.

Литература

1. Ахонина, В.С. Англо-французское двуязычие в современной Канаде / В.С. Ахонина // Канада-США: Экономика, политика, культура. – 2002. – № 11. – С. 111–120.
2. Тычино, В.М. Канада на пороге XX ст. / В.М. Тычино. – Минск: МИТСО, 1999. – 149 с.
3. Пирогова, М.А. Билингвизм как особенность языковой системы в Канаде [Электронный ресурс] / М.А. Пирогова, А.А. Кирсанова // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – № 50. – Режим доступа: https://vestnik.amursu.ru/wp-content/uploads/2017/12/№50_30. – Дата доступа: 23.09.2020.
4. Ажаева, В.С. Мозаика политической культуры Канады / В.С. Ажаева. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 51 с.
5. Марусенко, М.А. Квебекский язык / М.А. Марусенко. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 202 с.
6. Вишневская, Г.М. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм): монография / Г.М. Вишневская, А.А. Абызов. – Иваново: ИВГПУ, 2016. – 200 с.
7. Куралесина, Е.Н. Эволюция языковых политик Франции и Канады в сравнительно-историческом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.Н. Куралесина. – С.-Петербург., 2011. – 247 с.
8. Миронова, Е.А. Французский язык в Канаде. Контакты языков и культур на американском континенте: материалы науч.-практ. семинара / под ред. проф. В.Т. Клокова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. – С. 12–19.
9. Канада: современные тенденции развития. К 150-летию государства / В.И. Соколов [и др.]; отв. ред. В.И. Соколов. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт США и Канады Российской академии наук. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – 432 с.

Поступила в редакцию 11.06.2021

Генезис, сущность и формы объективации толерантности в социокультурном пространстве

Боярчук Т.Н.

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно

Межкультурный и религиозный плюрализм, получивший своё развитие в современном мире, актуализирует феномен толерантности, что вызывает научный интерес в осмыслении данного социального явления. Также процессы глобализации, широко развивающиеся в XXI столетии, способствуют интенсификации межкультурного взаимодействия на основных принципах толерантности.

Цель статьи – выявление генезиса, сущности и основных форм объективации толерантности в современном социокультурном пространстве.

Материал и методы. Материалом исследования выступают общеполитические концепции и теоретические подходы толерантности, рассматриваемые в контексте междисциплинарного подхода социогуманитарного знания. В статье применены методы исследования: историко-генетический, сравнительный, кросс-культурный, анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждения. На основе осуществлённого анализа было обосновано, что толерантность представляет собой не просто теоретическую доктрину, а характеристику реальных повседневных отношений между людьми и, в целом, существование социума. Реальное проявление толерантности обеспечивается в повседневности, формирующей толерантный менталитет, особенностями межэтнических и межконфессиональных отношений как к «своим», так и к «чужим». Каждая из представленных форм объективации толерантности имеет свои отличительные особенности, исходя из исторических реалий развития, культурных, этнических и национальных традиций, а также мировоззренческих взглядов и позиций представителей социума.

Заключение. Современное мультикультурное общество, подвергающееся влиянию процессов глобализации, стремится сохранить свою уникальную самобытность. Тем не менее мультикультурализм может служить внутренней предпосылкой неприятия инаковости и привести к нетерпимости, проявлению негативных тенденций вплоть до ксенофобии. Поэтому в современном поликультурном мире формирование толерантного сознания, развитие конструктивного диалога между представителями различных наций и народностей имеет свою обоснованность.

Ключевые слова: толерантность, «Я» – «Другой», интолерантность, плюрализм, объективация толерантности.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 119–127)

Genesis, Essence and Forms of Objectification of Tolerance in Social and Cultural Space

Boyarchuk T.N.

Education Establishment "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno

Cross-cultural and religious pluralism, which has developed in the modern world, actualizes the phenomenon of tolerance, which arouses scientific interest in understanding this social phenomenon. Globalization processes, which have been widely developed in the XXI century, also contribute to the intensification of cross-cultural interaction based on the fundamental principles of tolerance.

The purpose of the article is to identify the genesis, essence and main forms of objectification of tolerance in the modern social and cultural space.

Material and methods. The research material is general philosophical concepts and theoretical approaches of tolerance, considered in the context of an interdisciplinary approach of social and humanitarian knowledge. The article uses the following research methods: historical-genetic, comparative, cross-cultural, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. Based on the analysis carried out, it was proved that tolerance is not just a theoretical doctrine, but a characteristic of real everyday relations between people and, in general, the existence of society. The real manifestation of tolerance is provided in everyday life, which forms a tolerant mentality, by the peculiarities of interethnic and interfaith attitudes both to "our own" and to "strangers". Each of the presented forms of objectification of tolerance has its own distinctive features, based on the historical realities of development, cultural, ethnic and national traditions, as well as the ideological views and positions of representatives of society.

Conclusion. The modern multicultural society, which is being influenced by the processes of globalization, strives to preserve its unique identity. Nevertheless, multiculturalism can serve as an internal prerequisite for rejection of otherness and lead to intolerance, the manifestation of negative tendencies up to xenophobia. Therefore, in the modern multicultural world, the formation of a tolerant consciousness, the development of a constructive dialogue between representatives of various nations and nationalities has its validity.

Key words: tolerance, "I" and "Another", intolerance, pluralism, objectification of tolerance.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 119–127)

В XXI столетии проблема толерантности приобрела особую актуальность в связи с процессом глобализации, сталкивающей национальные и этнические интересы различных народов и их культур. Процессы интенсификации межкультурного взаимодействия, расширяющиеся глобализационные процессы, обострение различных по масштабам и последствиям противоречий актуализировали потребность современного общества в таком социальном феномене, как толерантность.

Осмысление толерантности имеет междисциплинарный характер, так как анализируется в различных исследованиях, где представлены разнообразные общефилософские концепции данного феномена и предложены различные теоретико-методологические подходы к ее осмыслению. При попытке дать научное обоснование толерантности возникают определенные сложности, поскольку категория «толерантность» используется как в различных областях научного познания (философия, этика, культурология, социология, психология, педагогика), так и в социальной практике повседневной жизни общества (право, политика, религия, медицина и т.д.). Одна из основных трудностей в анализе сущности толерантности состоит в том, что среди исследователей социально-гуманитарных наук отсутствует единство в понимании сущности этого феномена, и, тем самым, до настоящего времени нет однозначных ответов на вопросы о признаках или характерных чертах проявления толерантности личностью или определённым сообществом людей. Соответственно, данный социальный феномен необходимо анализировать, исходя из междисциплинарного подхода, предполагающего синтез теоретических подходов философии, культурологии, социологии, семиотики, психологии и других наук, а также посредством характеристики реальной практики проявления межкультурного взаимодействия людей на различных уровнях коммуникации.

Для того чтобы попытаться конкретизировать сущность толерантности как особого социокультурного феномена, необходимо обратиться к его генезису и дальнейшему развитию. Толерантность, или терпимость подразумевает стремление, а также способность личности к установлению и поддержанию единой общности с людьми, которые отличаются своими

взглядами, позициями, ценностными установками или не придерживаются общепринятых мнений.

Толерантность, безусловно, необходимое качество человека, исходя из того, что основой любого социума является родовое сознание. Люди объединяются в одной общности с теми, кто разделяет их убеждения, или с теми, кто разговаривает на том же языке или имеет ту же культуру, что и они, или с теми, кто принадлежит к единой социальной, этнической группе. В сущности, общность языка и чувство этнической близости на всем протяжении человеческой истории выступают в качестве основного базиса социума. В то же время люди склонны враждебно или со страхом относиться к «другим» – тем, кто от них отличается своими ценностными установками, взглядами, позициями и, в целом, отношением к внешнему миру. Данные различия могут проявляться на любом уровне биологической и социокультурной реальности общества.

Толерантность как особенность сознания или личностная черта не является врождённой и не присуща человеку изначально, она может и вообще никогда не появиться, не будучи специально сформирована в процессе социализации личности. Наоборот, человеку скорее органично присуща противоположная тенденция – настороженность, легко переходящая во враждебность, агрессию по отношению к тем, кто от него отличается. У человека есть бессознательный механизм, который фиксирует отношение «свой – чужой», где этот другой, иной воспринимается как представляющий угрозу, что формирует чувство страха и настороженности по отношению к Другому.

В греческом языке есть слово «ксенос», которое означает «странный, необычный, неслышанный, чуждый, посторонний», но в первую очередь «чужеземный», а значит – «чужой». Поэтому необходимо определить еще одно понятие, которое производно от слова «фобос» – «страх, ужас, боязнь; опасение, повод сомневаться, не доверять», так сформировалось понятие «ксенофобия». Нарушение терпимости изначально коренится в бездумной ксенофобии: «Раз не по-нашему, значит, плохо, раз плохо, значит, достойно неприязни». На основе различий в системе нравственных и этических норм, обычаев и традиций уже в первобытную эпоху появились противопоставления: «мы – они», «свои – чужие», «я – другой». А для того,

чтобы в ситуации «Я – Другой» другой не стал чужим, а своим, и зародилась толерантность как принятие этого Иного с его отличительными особенностями. Таким образом, толерантность в идеале должна восприниматься как сотрудничество, основанное на конструктивном диалоге, а не как конфронтация.

В процессе историко-культурного развития толерантность как социокультурный феномен претерпевает изменения, что становится естественным явлением, так как менялись исторические реалии, где в системе человеческих взаимоотношений формировались разные идеи и принципы, определявшие социокультурное пространство. Так, в процессе своего становления толерантность в социуме понималась как общечеловеческая ценность наряду с такими взаимосвязанными ценностями, как «ненасилие», «свобода», «равенство».

Большинство исследователей считают, что одним из первых философов, высказавших идеи терпимого отношения к окружающим, является Аристотель (IV в до н.э.). В своём труде «Никомахова этика» он описывает особый душевный склад, который позволяет человеку «...одинаково вести себя с незнакомыми и знакомыми, близкими и посторонними...» [1, с. 138]. Тем самым, античный философ в своих рассуждениях обосновывает сущность толерантности как особого терпимого отношения в поведении и во взаимодействиях с другими представителями социума.

Впоследствии взгляды и идеи в отношении терпимости, ненасилия и гуманности как достаточно близкие к понятию толерантности, представлены в разнообразных философских, религиозных и этических учениях, начиная с эпохи античности в трудах Платона и Аристотеля, а впоследствии в рамках западноевропейской философии Дж. Локка, Ф. Вольтера, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, А. Маслоу, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и в русской философско-культурологической мысли П.А. Флоренского, А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Л.Н. Толстого.

Необходимость проявления толерантности как социокультурной нормы возникла в условиях формирования новоевропейского общества как решение злободневной проблемы отношения к религиозным меньшинствам, когда постепенно стали проявляться принципы гуманных взаимоотношений с инаковерующими и инакомыслящими, включающие в себя такие ценностные приоритеты, как терпимость, лояльность, уважение к вере и взглядам других людей и народов.

Исторически первой характеристикой сущности феномена толерантности является её философское обоснование, которое было связано с религиозной терпимостью среди христианских конфессий в Западной Европе, возникшей в результате религиозных войн во Франции во второй половине XVII века. Теоретическими разработками религиозной и гражданской терпимости стали работы Джона Локка «Послание о веротерпимости» [2]; Вольтера «Трактат о веротерпимости» [3] и др.

В условиях сильной церковной цензуры Джон Локк писал о толерантности в своих трудах «Очерки о терпимости» и «Письма о терпимости». Исходя из взглядов английского мыслителя, толерантность как философская категория была обоснована в связи с проблемой нетерпимости и первоначально воспринята как осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга. Локк обсуждает такие проблемы современному его поколению общества, как взаимоотношения церкви и государства, позиция к еретикам и иноверцам. Исходная в этическом, этико-политическом плане мысль Локка заключается в том, что никто не вправе навязывать кому-либо свои взгляды силой. В первую очередь это касается религиозных взглядов, поэтому именно толерантность в религиозных ситуациях отвечает учению Евангелия, а также очевидным требованиям разума. Тем более, недопустимо оправдывать жестокие преследования инакомыслящих заботой о государстве и соблюдением законов.

Таким образом, Джон Локк сформулировал идею толерантности, посредством которой она возникает не столько потому, что это нравственно, сколько в контексте реализации государственного механизма урегулирования разносторонних позиций, мнений, взглядов людей.

В своём философском трактате «Послание о веротерпимости» мыслитель констатирует, что религиозные верования невозможно обосновать никаким способом, и делает вывод о недопустимости вмешательства государства в личную жизнь граждан. При этом частные различия не могут пошатнуть основы государственности, которая, в свою очередь, скреплена единством всех граждан на основе признания единого морального закона. В этом контексте Локк создает идею толерантности на основе общественного договора и разделения частной и общественной ипостаси жизни каждого человека: «Прежде всего, я считаю необходимым различать вопросы государственные и религиозные и должным образом определить границы между церковью и государством» [2, с. 136].

В то же время толерантность у Локка имеет свои границы. Вне сферы терпимости он оставляет целые категории людей: атеистов (причем, вплоть до поражения в неотчуждаемых правах) и приверженцев Папы Римского, так называемых «папистов», отрицающих власть британской короны, признающих авторитет Рима.

Тем самым, Джон Локк действительно является *«отцом либеральной концепции толерантности»*. Поскольку его труд собственно называется «О веротерпимости» и вопрос толерантности разрабатывался применительно к религиозной жизни, к религиозным конфликтам, все же Локк дает очень четкую формулировку, заключающуюся в том, что в той мере, в какой вера есть частное дело гражданина, государство не должно вмешиваться ни при каких условиях.

Этот было важное умозаключение и исторический момент, который во многом определил дальнейший ход политической истории Европы – посредством чего вера стала пониматься как частное дело.

Безусловно, толерантность в рассуждениях Локка утверждается в качестве одного из принципов существования организованного общества, при этом она не может быть безграничной. Общество должно быть нетерпимым к каким-либо формам социальной деструкции. Иными словами, терпимость распространяется до тех пределов, дальше которых возникает угроза тому общественному порядку, гарантирующему действенность самого этого принципа.

Таким образом, обоснование толерантности Дж. Локком в новоевропейской истории XVII века имеет следующее значение: 1) необходимость терпимости как морального консенсуса, причем и на нехристианских основаниях; 2) отказ в праве на терпимость к нетерпимым; 3) введение принципа осуждения за деяния, но не убеждения.

Французский просветитель Вольтер, внимательно изучив философское учение Локка, впоследствии развивает и усовершенствует понимание сущности толерантности. Труды Локка повлияли на его философские взгляды и послужили впоследствии основой для его фундаментального труда «Трактат о веротерпимости». Излагая свои впечатления о ситуации в Англии, Вольтер осуждал существующие во Франции феодальные порядки, религиозную нетерпимость и мракобесие. Он противопоставляет гражданские свободы в Англии французскому политическому абсолютизму.

В «Трактате о веротерпимости» (1763) Вольтер описывает те страшные «процедуры», которым одни люди подвергают других из-за религиозных разногласий. Вольтер был одним из первых, кто начал распространять и развивать идеи толерантности, кто осознал, что иные мнения не только возможны, но и необходимы. Именно ему принадлежит высказывание о том, что, даже если человек не разделяет чьи-либо взгляды, готов отдать жизнь за то, чтобы их можно было отстаивать [3]. «Свобода мысли» и «свобода слова» – основа теории великого мыслителя в контексте толерантности.

Осуждая жестокость к иноверцам, Вольтер в то же время обращает внимание на примеры мирной жизни народов с разными конфессиями и культурными традициями: «Если мы окинем взором земной шар, мы увидим, например, что великий султан мирно управляет двадцатью народностями разного вероисповедания: 200 тысяч греков спокойно живут в Константинополе; в Персии, Индии мы видим те же примеры веротерпимости, а Петр Великий покровительствовал всем вероисповеданиям в своей обширной империи; японцы – один из самых толерантных народов: в их стране издавна мирно сосуществовало двенадцать религий, и лишь прибывшие в нее иезуиты захотели основать тринадцатую, способную уничтожить двенадцать остальных; пример веротерпимости подают

и простодушные люди, называемые квакерами – они добродетельны и прививают свои мирные представления всему человечеству, в Пенсильвании их живет около 100 тысяч, и счастливая родина, которую они себе создали, не знает ни религиозных разногласий, ни вражды, а само имя их города – Филадельфия – постоянно напоминает о том, что все люди – братья» [3].

Вольтер ставит общие вопросы, которые волнуют и современное общество: является ли нетерпимость законом природы или же она представляет его извращение? «Конечно, – отвечает он, – это не закон природы: Бог призывает каждого возлюбить своих ближних, как самого себя» [3].

«Закон человеческий, – пишет он, – может основываться только на законе природы, и великий принцип, общий для всех повсюду на земле, гласит: “Не делай ближнему того, что ты не хочешь, чтобы делали тебе”. Следуя этому принципу, ни один человек не мог бы сказать другому: “Веруй в то, во что я верую и, во что ты веровать не можешь, или ты погибнешь...”». В некоторых других странах удовлетворяются тем, что говорят: «Веруй, или я тебя возненавижу, веруй, или я причиню тебе все зло, какое смогу; чудовище, ты не моей веры, у тебя, значит, нет никакой веры, так пусть же к тебе питают отвращение твои соседи, твой город, твоя провинция» [3, с. 251]. Но если бы таков был человеческий закон, то все ненавидели бы друг друга и, в конце концов, истребили. Закон нетерпимости, убежден философ, нелеп и варварски жесток: «Это закон тигров и даже хуже, поскольку тигры убивают ради пищи, а мы истребляем друг друга во имя догмы. Нет! Все народы должны любить друг друга; наша планета – всего лишь точка в огромном пространстве; мы затеряны в беспредельности, и маленький человечек мало что значит во вселенной, он должен быть скромным и терпимым» [3, с. 162].

Несомненно «Трактат о веротерпимости» французского просветителя Вольтера по-прежнему имеет свою актуальность, так как служит примером гуманности и взаимопонимания. Тем самым теория Вольтера основана на обосновании милосердия, доброты, терпимости.

Таким образом, эпоха Просвещения XVIII века, которую часто наделяют духом толерантности, сформировала рационалистический тип мышления. Идея Вольтера, как выражение классической теории толерантности, гласит: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая ваше право высказывать собственное мнение» [3, с. 181]. Безусловно, взгляды Вольтера сложились, когда он наблюдал за событиями в Англии, где в XVII веке в условиях религиозного плюрализма и религиозной толерантности был достигнут гражданский мир и установилась общая ситуация взаимопонимания.

Постепенно в ходе исторического развития социума толерантность перестаёт ассоциироваться только с проблемой религиозной терпимости, а становится формой объективации социокультурной толеран-

ности, подразумевающей признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, традиций, верований и при этом их уважения и равенства, отказ от доминирования и насилия одних над другими.

Толерантность постепенно расширяет свои позиции: от религии к национальностям, нациям, этносам, расам и другим разнообразным аспектам поведения человека. С введением понятия «права человека» толерантность стала востребованной, так как «толерантное отношение» к другому человеку – это, по мнению правозащитников, основа соблюдения его прав.

Таким образом, изначальное понимание толерантности как веротерпимости и свободы религиозного меньшинства в новоевропейской истории постепенно трансформировалось и к XXI столетию стала проявляться как неотъемлемая характеристика существования современного социума в сложном мультикультурном мире.

Все современные нации и народы в культурном, религиозном и этническом отношениях более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохраняли свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии. Культурный и религиозный плюрализм, получивший своё развитие в современном мире, вызвал к жизни толерантность, необходимую для установления социокультурного пространства и общности на основах взаимопонимания, мира и согласия.

Актуализация такого качества людей, как толерантность неразрывно связана с другими человеческими свойствами – стремлением к свободе и признанием ценности другого человека. Рассмотреть процесс формирования толерантного отношения к «Другому» позволяет *экзистенциальная философия*. В учениях Н. Бердяева, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса гуманное отношение к другому человеку связано с феноменом *свобода*. Анализ взглядов экзистенциалистов на проблему свободы и другого человека приводит к выводу о том, что формирование ценностного отношения человека к другому можно связать с процессом конструирования самого себя, открытия собственной способности быть свободным.

Идеи ненасилия как ценности и основы формирования толерантных отношений получили свое развитие в гуманистической психологии в работах А. Маслоу, К. Роджерса, В. Сатир и других. Представителями данного направления признается уникальность личности, способной самостоятельно выбирать свой жизненный путь. С позиций гуманистической психологии понимание и принятие себя, гармония с собственными переживаниями позволяют жить в согласии с окружающими людьми, устанавливать доверительные отношения. Таким образом, позиция ненасилия выражает стремление человека строить отношения с людьми без открытых и скрытых форм принуждения.

В *русской философии* понимание идеи толерантности как мира, добра, терпимости, милосердия развивалось различных направлениях, а именно – в народном,

религиозно-философском и светском. Несомненно, для каждого из них характерен антропоцентризм и панэтизм, а для светского – еще и социальная ориентация.

Философское обоснование проблем терпимости начинается в России уже в XVIII веке. Русский религиозный мыслитель и один из крупнейших богословов русской церкви данной исторической эпохи *Тихон Задонский* предложил в своих трудах осмысление основных постулатов православия, в том числе и проблем терпимости. В своем произведении «Сокровище духовное, от мира собираемое» [4] он определил терпимость не только как отсутствие мести (т.е. насилия), но и нежелание дальнейшего мщения. Тем самым, терпимость он относит к всепрощению.

В своих основных подходах в осмыслении феномена толерантности русская философия сосредотачивалась преимущественно на проблемах морали и этики. Разрабатываемый философами принцип единосущия – наличие важных онтологических связей, объединяющих все существа мира, преодолевающих временные и пространственные ограничения – нашел отражение и в учении о строении мира *П.А. Флоренского*, который ввел понятие «единосущее» по аналогии с его богословским значением. Он положил в его основу «представление о христианской любви, преображающей связи существ друг с другом» [5].

Важным понятием, обосновывающим идею толерантности, является понятие соборности, разрабатываемое *А.С. Хомяковым*. Под соборностью, являющимся одним из центральным для русской философии, он понимает совокупность единства и свободы множества лиц на основе совместной любви к Богу и всем другим общечеловеческим ценностям. Соборное Единство есть «*единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви*» [6, с. 177]. При этом принцип соборности должен быть основой не только в религиозном понимании и института Церкви, но и принципом единства и решением многих других проблем социума.

Русские просветители XVIII–XIX веков обосновывали проблему человека по преимуществу через призму социального, смещая акценты с сущности человека на его существование. А.Н. Радищев, С.Е. Десницкий, А.П. Куницын и другие исследователи в своих трудах утверждали самоценность личности, веру в мощь разума, возможность гармонии общественных отношений на справедливых, разумных началах. «Человек, – заявляли они, – свободен и не может ни для кого служить средством для каких-либо целей». В этом и проявляется сущностный подход и позиция русских философов-просветителей.

Значительное исследование феномену толерантности в русской философской школе принадлежит *В.С. Соловьеву*, который посвящает решению проблем терпимости целый раздел в своем труде «Оправдание добра». В.С. Соловьев определяет терпимость как

«допущение чужой свободы, хотя бы предполагалось, что она ведет к теоретическим и практическим заблуждениям» [7].

В русской философии толерантность как единое выражается через многообразие особенного, а в итоге их диалектическая связь и есть многообразие в единстве. При этом каждая из составляющих этого многообразия и самоценна, и многоаспектна.

Несмотря на то, что русские религиозные философы В.С. Соловьев, Г.В. Флоровский, будучи славянофилами, а П.Б. Струве, П.А. Сорокин – западниками, в воззрениях на сущность толерантности их объединяет то, что они проповедовали неревolutionное, ненасильственное, гуманистическое решение проблем социума в его стремлении к соборности и всеединству.

Очень важен вклад в рассмотрение проблемы войны, мира, толерантности идеи и взгляды таких философов, как А.М. Герцен, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский, которые обосновывают ненасилие как важнейший показатель уровня нравственного развития человека и общества. Вместе с тем оно является прагматическим императивом современной эпохи. Вся логика развития современной цивилизации приводит к пониманию ненасилия как важнейшего условия дальнейшего прогресса и развития человечества.

В XX веке идеи толерантности получили своё развитие в философско-педагогическом направлении. Так К.Д. Ушинский видел задачу педагогики в воспитании человека альтруистических взглядов, исполненного терпимости и готового к взаимодействию с другими.

К середине XX столетия в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (изд. 1901 года) не содержится сведений ни о существительном «толерантность», ни о прилагательном «толерантный». В появившемся позднее малом словаре тех же издателей (изд. 1907 года) представлена лишь небольшая статья о существительном «толерантность», как о *терпимости* к иного рода религиозным воззрениям.

По сути своей, понятия «толерантность» и «терпимость» в русском языке часто употребляются как синонимы, так как согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (Т. 4. 1940), «толерантность» – производное от французского *tolerant* – терпимый [8] (подобные примеры синонимичности данного понятия содержатся и в других языках; например: нем. *Duldsamkeit* – *терпимость* и *Toleranz* – *толерантность*).

В словаре В.И. Даля понятие «терпимость» трактуется как свойство или качество, способность что или кого-либо терпеть «*только по милосердию, снисхождению*» [9].

Подобным же образом трактует понятие «толерантность» и большинство современных справочников и энциклопедий. Так, «Словарь иностранных слов современного русского языка» определяет понятие «толерантность» как «...терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо» [10, с. 610], а «Большой энциклопедический словарь» под общей редак-

цией А.М. Прохорова объясняет «толерантность» как «...терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [11, с. 326].

Расширенное определение толерантности, раскрывающее необходимость и позитивную сущность данного качества, содержится в Краткой философской энциклопедии: «Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам» [12, с. 421].

Сущность толерантности в контексте *терпимости* представлено в словаре по этике под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона: «Терпимость – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в *стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения...*» [13, с. 351]. Данное определение не ограничивает, в отличие от предыдущего, применения толерантности только к представителям иных наций, народностей и религий, а отмечает моральную основу данного качества личности. При этом определение словаря по этике не является окончательным, так как в нем, подобно и ранее упомянутому определению, также трактовке, представленной в американском словаре «American Heritage Dictionary» толерантность трактуется в широком смысле как «способность к признанию или практическое признание и уважение убеждений и действий других людей» [14]. Тем самым речь идёт о признании и уважении самих людей, которые отличаются от нас, т.е. признании как отдельных личностей, так и социальных или этнических групп к которым они принадлежат.

Таким образом, для того чтобы определить сущность толерантности, необходимо также обратиться к этимологии данного понятия. Этимологически термин «толерантность» происходит от латинского глагола *tolero* – «нести», «держать», «терпеть» и этот глагол применялся в тех случаях, когда необходимо было «нести», «держать» в руках какую-нибудь вещь. При этом подразумевалось, что для переноса этой вещи человек должен прилагать определенные усилия, страдать и терпеть, тем самым «толерантность» в переводе с латинского языка «*toleratio*» подразумевает терпеливость или терпение. Таким образом, в социальном контексте от людей требуются усилия и умения «выносить», страдать, терпеть неблагоприятные внешние воздействия. Такие же смысловые оттенки толерантность имеет в переводе с английского «*tolerance*», «*toleration*»; немецкого «*toleranz*»; французского «*tolerance*», где является своеобразным синонимом «терпимости». Следовательно, одним из фундаментальных значений понимания сущности толерантности является «терпимость», и такое обоснование толерантности, сформировавшееся еще в XIX в., зачастую встречается и в современных словарях, и исследованиях.

Однако следует отметить, что теоретические исследования понятия «толерантность» формировались на протяжении многих веков и в различных культурах получало различные значения. Так, в английской интерпретации «tolerance» наряду с терпимостью означает «допускать», «снисходительность к кому-либо, чему-либо» [11, с. 671]. В данном контексте толерантность уже необходимо рассматривать в системе межличностных отношений, подразумевающих допустимое принятие и снисходительность к иным взглядам, позиций, социальных норм и установок.

В современном научном дискурсе существуют различные трактовки понимания толерантности. Так, толерантность связывают с антагонизмом в межличностном взаимодействии [15], с оценочностью, которая понимается как необходимый признак толерантности [16]. Исследователи также считают, что толерантность необходимо осмыслить как непреходящую ценность мира и справедливости. Именно толерантность способна выступить дефиницией, сохраняющей, транслирующей и передающей социокультурную идентичность человека от исторической эпохи к новой эпохе перехода, от поколения к поколению, от себя внешне-го к себе внутренне свободному [17].

Представитель современного философского анализа понятия толерантности Владислав Лекторский предлагает свое видение концепта «толерантность» через четыре возможных способа проявления толерантности: «толерантность как безразличие», «толерантность как невозможность взаимопонимания», «толерантность как снисхождение» и, наконец, «терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог», который позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога [16, с. 48–54].

1. «Толерантность как безразличие» предполагает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения и т.д.).

2. «Толерантность как невозможность взаимопонимания» ограничивает проявление терпимости уважением к другому, которого вместе с тем понять невозможно и с которым невозможно взаимодействовать.

3. «Толерантность как снисхождение» подразумевает привилегированное в сознании человека положение своей собственной культуры, поэтому все иные оцениваются как более слабые: их можно терпеть, но при этом одновременно и презирать.

4. «Терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог» позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога. На этот подход к толерантности и указывает автор в качестве перспективного в условиях современного поликультурного мира [16, с. 50].

Таким образом, В.А. Лекторский рассматривает четыре возможные модели толерантности, кото-

рым соответствуют некоторые реально существовавшие и существующие философские концепции.

Толерантность – это не только уважение чужих ценностей, но и позиция, предполагающая расширение круга личных ценностных ориентаций за счет позитивного взаимодействия с другими культурами, то есть в понятие толерантности закладывается подтекст обогащения новым и иным культурным достоянием, социальным опытом.

Идея толерантности в различных дискурсах, в том числе в национальном, этническом, религиозном, возникает только тогда, когда начинают артикулироваться различия между людьми. Отсюда возникает необходимость анализа тех идентификационных кодов личности, которые используются в дискурсе как одобряемые или, напротив, которым необходимо противостоять. Включение в дискурс маркеров этнических, субкультурных и других идентичностей обуславливает интенциональность идей толерантности.

В системе межэтнического взаимодействия терпимое отношение всегда направлено на конкретных индивидов или группы людей, т.е. к «Другому». При этом возникает значение понятия «ин\толерантности», которое понимается в следующих контекстах:

- Ин\толерантность как свойство или качество субъекта отношения или действия к «Другому».
- Ин\толерантность как само отношение к «Другому» (например, согласие или несогласие с идеями других людей, позитивная или негативная характеристика и пр.).
- Ин\толерантность как поведенческая установка по отношению к «Другому» [18].

Именно последний аспект, на наш взгляд, соответствует общепринятому пониманию толерантности в современном обществе (в соответствии с Международной Декларацией принципов терпимости), когда вне зависимости от личных качеств субъектов и их отношения друг к другу нормативным является лишь толерантное поведение.

Таким образом, представляется целесообразным исследовать сущность толерантности именно с установки на различные формы действия в отношении к «Другому», формируемые и транслируемые современным философским дискурсом. При этом необходимо различать следующие уровни толерантности к «Другому»:

- *высокий уровень толерантности*, когда «Другой» принимается как равноправный и проявляется готовность к взаимодействию с ним;
- *средний уровень толерантности*, когда «Другой» не принимается как равный, но артикулируется готовность взаимодействовать с ним;
- *низкий уровень толерантности*, когда нет установки на взаимодействие, но также отсутствует готовность противодействовать «Другому»;
- *нулевой уровень толерантности или интолерантность*, когда наличествует установка на противодействие «Другому» [18].

Важно отметить, что обозначенные уровни толерантности есть лишь условный, теоретически мыслимый континуум. Реальные установки людей на взаимодействие или противодействие друг к другу можно соотнести с тем или иным уровнем толерантности.

Соответственно, позиция «Мы» и «Они-группы», различаемые в межэтническом взаимодействии, подразумевает толерантность как необходимое нравственное качество и позиция в процессе социокультурной коммуникации людей. В условиях межэтнической толерантности отношения между людьми должны строиться на основе совпадения морально-нравственных и других ценностей. Однако существующее несовпадение этих ценностей, имеющиеся внутренние разногласия приводят к тому, что в современном дискурсе возникает и разрешается проблема толерантности к «Своему Другому».

Таким образом, исходя из многообразия и междисциплинарного подхода осмысления феномена толерантности, в социогуманитарном знании до настоящего времени не существует единого чёткого определения данного понятия, тем самым достаточно сложно типологизировать данную дефиницию. Анализ современных источников по рассматриваемой проблеме показывает, что понятие толерантность трактуется исследователями как личностное свойство, означающее «принятие другого человека, взаимную помощь и доверие, признание ценности многообразия человеческой культуры» в концепции А.Г. Асмолова [19, с. 9]; с позиции В.А. Лекторского толерантность есть «критический диалог, позволяющий расширить горизонты своего собственного опыта» [16, с. 48]; Р.Р. Валитова анализирует категорию «толерантность» как «настроенность человека на понимание и диалог с другими» [15, с. 33]; В.А. Тишков рассматривает толерантность как «привилегия сильных и умных людей продвигаться по пути к истине через диалог и разнообразие мнений и позиций» [20].

Исходя из проведённого анализа генезиса и сущности толерантности, можно выделить следующие *формы объективации толерантности*:

- мировоззренческая;
- религиозная;
- социокультурная;
- морально-этическая;
- психолого-эмоциональная;
- политико-правовая.

Каждая из представленных форм объективации толерантности, безусловно, имеет свои отличительные особенности, так как сущность и проявление феномена толерантности различаются в зависимости от исторических реалий и состояния общества, культурных, этнических и национальных традиций, а также мировоззренческих взглядов и позиций. В современном поликультурном мире формирование толерантного сознания, развитие конструктивного диалога между представителями различных наций и народностей имеют свою актуальность и обоснованность. Во избежание

социальных конфликтов и противоречий современное поколение должно быть заинтересовано в обществе, основанном на утверждении принципов толерантности.

Толерантность в современном обществе представляет собой не просто теоретическую доктрину, а характеристику реальных повседневных отношений между людьми и существование социума. Проявление основ толерантности, сохраняющейся в условиях современного динамично развивающегося общества рыночной экономики, должно стать первоочередным предметом социогуманитарных исследований. Реальное существование толерантности обеспечивается в повседневности, формирующей толерантный менталитет, особенностями межэтнических и межконфессиональных отношений как к «своим», так и к «чужим».

Заключение. Современное мультикультурное общество, подвергающееся влиянию процессов глобализации, стремится сохранить свою уникальную самобытность. Тем не менее мультикультурализм подразумевает этнокультурную мозаичность как во всем мире, так и в одном конкретном государстве или регионе, что может служить внутренней предпосылкой неприятия инаковости между людьми, а также привести к непониманию, нетерпимости, проявлению негативных стереотипов, предрассудков, разобщенности вплоть до ксенофобии и других негативных социальных явлений. Поэтому формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия имеет для современного общества особую актуальность. Это обусловлено тем, что современный мир, представляя собой многоуровневое пространство межкультурных отношений, актуализирует потребность в изучении этнонациональных особенностей поведения и навыков эффективной межкультурной коммуникации субъектов, составляющих единое социокультурное пространство.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf. – Дата доступа: 16.04.2021.
2. Локк, Джон. Послание о веротерпимости / Джон Локк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.inliberty.ru/library/187-poslanie-onbspveroterpimosti>. – Дата доступа: 21.04.2021.
3. Вольтер. Трактат о веротерпимости / Вольтер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://graphicdesign.ucoz.ua/files/booksfiles/VOLTAIREpart2.pdf>. – Дата доступа: 21.04.2021.
4. Задонский, Т. Сокровище духовное, от мира собираемое / Т. Задонский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/sokrovische_duhovnoe/ – Дата доступа: 24.04.2021.
5. Ромаха, Н.И. Толерантность как интеллектуально-культурологическая константа общества / Н.И. Ромаха, С.В. Попович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://analculturolog.ru/journal/archive/item/58-tolerance-as-intellektualnokulturologicheskaja-constant-company.html>. – Дата доступа: 24.04.2021.

-
6. Колесова, И.С. Учение о соборности А.С. Хомякова / И.С. Колесова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-o-sobornosti-a-s-homyakova/viewer>. – Дата доступа: 28.04.2021.
7. Соловьев, В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vchi.net/soloviev/oprav/index.html>. – Дата доступа: 05.05.2021.
8. Толковый словарь / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru> – Дата доступа: 05.05.2021.
9. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slovardalja.net/letter.php?charkod=210>. – Дата доступа: 05.05.2021.
10. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т.В. Егорова. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
11. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Совет. энцикл., 1993. – Т. 2 – 862 с.
12. Краткая философская энциклопедия – М.: «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
13. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона – М.: Политиздат, 1989. – 430 с.
14. American Heritage Dictionary of the English Language. Third Edition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.tracker.org/forum/viewtopic.php?t=431079>. – Дата доступа: 08.05.2021.
15. Валитова, Р.Р. Толерантность: порок или добродетель? / Р.Р. Валитова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 1996. – № 1. – С. 33–37.
16. Лекторский, В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.
17. На пути к толерантному сознанию / под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Смысл, 2000. – 255 с.
18. Трубицина, Л.В. Субъективные представления о толерантности, интолерантности и их границах / Л.В. Трубицина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-predstavleniya-o-tolerantnosti-intolerantnosti-i-ih-granitsah/viewer>. – Дата доступа: 15.05.2021.
19. Гречко, П.К. Поликультурное общество: конфликт, терпимость, толерантность / П.К. Гречко. – М., 2003.
20. Тишков, В.А. О природе толерантности и нетерпимости / В.А. Тишков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekci2/lekci/n52_o_priro.html. – Дата доступа: 15.05. 2021.
- Поступила в редакцию 14.06.2021

ФИЛОЛОГИЯ

«Протестация Яна Лисовского» как отражение языка жителей Полоцка начала XVII века

Вардомацкий Л.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Достоверность выводов относительно истоков формирования и путей развития любого языка должна базироваться на языковых фактах, извлеченных из исторических документов. А между тем активность исторических лингвистических исследований в белорусском языкознании в начале нового столетия значительно снизилась.

Цель работы – системное описание языка одного из памятников старобелорусской письменности для определения специфических особенностей речи жителей города Полоцка в первой половине XVII века и определения роли языка именно этого региона в истории формирования белорусского языка.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужил язык документа, созданного в 1633 году в г. Полоцке и получившего у историков название «Протестация, занесенная в Полоцкия магистратския книги, со стороны ротмистра королевского, подвоеводы Полоцкаго Яна Лисовскаго, противъ мещан Полоцкихъ...». При исследовании языка текста документа применялся метод системного сравнительно-исторического анализа.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на сравнительно небольшой объем, документ дает возможность осуществить определенную систематизацию отраженных в нем языковых особенностей. Среди них:

1. Фонетические особенности языка жителей Полоцка, которые бы мы отнесли к разряду старобелорусских, особенно в области отвердения шипящих, в орфографии текста проявляются в единичных случаях.

2. Грамматическая структура языка изучаемого документа отражает как архаичные грамматические формы, которые восходят к древнерусскому языку, так и элементы формирования новой, самостоятельной, собственно белорусской грамматической структуры.

3. Анализ лексического состава документа свидетельствует о минимальном использовании лексических заимствований, которые составляют всего около 5% словарного состава текста.

Заключение. В первой половине XVII века на территории полоцкого региона складывается самостоятельная языковая система, которая заметно отразилась уже в языке белорусской литературы XIX века и получила свое развитие в более поздние эпохи. Именно эту территорию нынешней Беларуси следует, вероятно, признать «прародиной» будущего белорусского языка, а сам язык этой эпохи и этой территории – старобелорусским.

Ключевые слова: памятники письменности, история языка, старобелорусский язык, фонетика, грамматика, лексика.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 129–135)

“Protestation by Yan Lisovsky” as a Reflection of Polotsk Residents’ Language of the Early 17th Century

Vardomatsky L.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The reliability of conclusions about the origin and development of any language should be based on linguistic facts extracted from historical documents. Meanwhile, the activity of historical and linguistic research in Belarusian linguistics at the beginning of the new century has noticeably decreased.

The purpose of this work is a systematic description of the language of one of the documents of the Old Belarusian script to determine the specific features of the speech of the inhabitants of the city of Polotsk in the first half of the 17th century and to identify the role of the language of this particular region in the history of the formation of the Belarusian language.

Material and methods. The material for the study was the language of the document, created in 1633 in the city of Polotsk and given by historians the name “Yan Lisovsky’s protest against the inhabitants of the city of Polotsk ...”. The study of the text was carried out by the method of systemic comparative historical analysis.

Findings and their discussion. Despite the relatively small volume, the document makes it possible to carry out a certain systematization of the linguistic features reflected in it. Among them are:

1. Phonetic features of the language of the inhabitants of Polotsk, which we would classify as Old Belarusian, especially in the area of hardening of hissing (fricative) consonants, in the spelling of the text appear in isolated cases.

2. The grammatical structure of the document language reflects both archaic grammatical forms that go back to the Old Russian language and the elements of the formation of a new, independent, proper Belarusian grammatical structure.

3. Analysis of the lexical composition of the document indicates the minimal use of lexical borrowings, which make up only about 5% of the vocabulary of the text.

Conclusion. In the first half of the 17th century, an independent language system was formed on the territory of Polotsk Region, which was noticeably reflected already in the language of Belarusian literature of the 19th century and developed in later eras. It is this territory of present-day Belarus that should probably be recognized as the “ancestral home” of the future Belarusian language, and the very language of that era and that territory - Old Belarusian.

Key words: written monuments, history of the language, the Old Belarusian language, phonetics, grammar, vocabulary.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 129–135)

Интерес к изучению языка белорусского народа возник, пожалуй, еще в начале XIX века, когда, с одной стороны, увлечение сравнительно-историческим методом в языкознании привлекает европейских и российских языковедов к исследованию все большего круга малоизученных языков и диалектов, что путем накопления языковых фактов должно подтвердить историческую общность языков и установить степень их родства, с другой – это время возрождения на фоне новых исторических знаний работ по поиску и определению признаков и аргументов национальной идентификации народа, хоть само название – Белая Русь – известно, уже с XIV в. [1, с. 39]. Именно поэтому среди видных историков и языковедов, чье внимание привлекала территория современной Беларуси, в первых рядах исследователей были все же этнографы. И по определенным объективным причинам, это были российские и польские языковеды и этнографы, чьи профессионально интересные, но очень часто исторически субъективные взгляды на белорусскую народность и ее язык требуют сегодня тщательного взвешенного изучения. Как, например, одна из первых работ о «белорусском языке» российского исследователя Василия Сопикова «Опыт российской библиографии» (1813), где автор пишет, что под понятием «белорусский язык» следует понимать смесь, состоящую «из славянского, русского, польского и латинского языков» [2, с. LXXXI]. Однако другие исследователи, среди которых были такие известные этнографы, как Г. Кулжинский, П. Шпилевский, И. Носович, М.Я. Никифорский, поляки А. Киркор, Я. Карлович, М. Федеровский, пошли по иному пути – сбору, накоплению и систематизации языкового, фольклорного и этнографического материала, избегая поспешных и не аргументированных выводов. Наконец, эти работы обобщил языковед-историк Беларуси Е.Ф. Карский в первом томе своего уникального даже по нынешним представлениям труда, изданного в 1903 году [3, с. 199–340].

Новое развитие историческое изучение белорусского языка получило в середине XX века в работах таких выдающихся белорусских советских языковедов,

как А.И. Журавский, А.Н. Булыко, В.В. Аниченко, Ф.М. Янковский, которые в определении истоков и путей развития белорусского языка во многом смогли выйти за идеологические рамки своего времени. Среди лингвистов-историков последних десятилетий можно назвать имена Е.И. Яновича, Т.Г. Трофимович, Н.В. Абабурко и др.

Изучение истории белорусского языка шло все это время в основном двумя путями: 1) библиографическое описание и классификация исторических этнографических и документальных материалов из области белорусской этнографии и письменности и 2) описание некоторых особенностей языка, представленного в известных крупных по объему памятниках письменности, созданных известными белорусскими авторами и просветителями разных эпох.

Тексты, которые мы могли бы назвать документами местного характера, в значительно меньшей степени подвергались изучению, и, прежде всего, в отношении описания особенностей их языка. Но именно такие документы, на наш взгляд, в значительно меньшей степени подвержены влиянию стилистических и формальных письменных традиций и в большей степени отражают живую народную речь.

Достоверность исторических выводов относительно истоков формирования и путей развития языка базируется на достаточном и всеобъемлющем количестве языковых фактов, извлеченных из таких исторических документов, которые можно верифицировать как несущие в себе языковые особенности, во многом отражающие живую каждодневную речь жителей той или иной территории. Выявление данных особенностей может значительно приблизить формирование всеобъемлющего объективного видения истории белорусского языка. А между тем активность исторических лингвистических исследований в белорусском языкознании в начале нового столетия значительно снизилась.

Цель работы – системное описание языка одного из памятников старобелорусской письменности, созданного в 1633 году в г. Полоцке, для определения специфических особенностей речи жителей города

Полоцка в первой половине XVII века и определения роли языка именно этого региона в истории формирования белорусского языка.

Такое описание, с одной стороны, позволит представить систему и совокупность особенностей языка эпохи и территории, а с другой – активизирует (надемся) интерес специалистов к историческим лингвистическим исследованиям в нашей стране, что, несомненно, находится в русле требований времени.

Актуальность разрабатываемой темы определяется необходимостью накопления исторического языкового материала и продолжения работы по выявлению, лингвистическому описанию и введению в научный оборот документов, ранее для таких целей не привлекавшихся, что, в свою очередь, должно позволить более точно определять исторические процессы, сформировавшие современный язык, условия, направления и этапы его развития.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования и лингвистического описания послужил язык документа, получившего у историков название «Протестация, занесенная въ Полоцкія магистратскія книги, со стороны ротмистра королевского, подвоеводы Полоцкаго Яна Лисовскаго, противъ мещан Полоцкихъ...» [4, с. 90]. Этот памятник письменности по существу является протоколом судебного слушания, в котором зафиксирована претензия полоцкого подвоеводы Я. Лисовского к некоторым мещанам города относительно невыполнения ими его приказа по подготовке города к обороне перед нападением «московского войска». В нашей работе условно будем называть этот документ сокращенно – «Протестация Я. Лисовского». Исследование языка текста документа проведено методом системного сравнительно-исторического анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализируемый документ создан 6 июля 1633 в г. Полоцке, «передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ будущими». Однако впервые опубликован он был лишь в 1865 году во втором томе «Актов, относящихся к истории южной и западной России, собранных и изданных археографической комиссией». К сожалению, место хранения оригинала документа (если такой вообще сохранился, что маловероятно) неизвестно. Поэтому говорить о его палеографических особенностях сегодня не представляется возможным. Однако сам текст, его содержание, а главное, его язык переданы подготовившим текст к изданию членом-корреспондентом Императорской академии наук Николаем Ивановичем Костомаровым с предельной точностью и сохранением всех его языковых особенностей (за исключением, к сожалению, знаков препинания, расставленных в опубликованном тексте по правилам русской пунктуации середины XIX века, которые в приводимых примерах мы сохраняем). Причем интересно, что в перечень документов, представляющих, по мнению Н.И. Костомарова «историческую и архе-

ологическую важность», который размещен в самом начале тома вместо предисловия, данный документ не включен. И это, на наш взгляд, имеет свое объяснение. В документе идет речь о разорении в ночь с 12 на 13 июня 1633 года «московскими людьми» полоцкого нижнего замка, когда «много добрых колекговъ в месте позабавали». (Здесь и далее в тексте орфография оригинала по техническим причинам незначительно упрощена, в частности, на месте буквы ять мы используем букву е. – Л.В). Вероятно, по этой причине в 1865 году такой документ не вполне вписывался в идеологию российской историографии и поэтому не рассматривался в качестве важного исторического источника.

Невнимательное либо одностороннее отношение к данному тексту стало причиной некоторых нестыковок фактического плана и в других работах, описывающих указанное событие. Так, в отдельных источниках можно прочесть, что «русское войско, пришедшее из Великих Лук», «большой острог июня в 3 день взяли и выжгли и польских и литовских людей посекали и языков поимали...» [5]. Между тем, в тексте «Протестации...» Яна Лисовского совершенно четко указана другая дата: «Людь непріятельскій... сего же року тысяча шесть сотъ тридцать третьего, месяца іюня зъ дванадцатого дня на тринадцатый день въ ночи, напавши чатою все место Полоцкое и Заполоте сплендровало и попалило». Обратим также внимание, что в цитируемом документе жители Полоцка названы «литовцами и поляками».

В отдельных работах упоминается о том, что в Полоцке «в 1633 г. произошло восстание горожан против подвоеводы Яна Лисовского и городской рады» [6, с. 314]. Ян Лисовский в указанной «Протестации» действительно говорит о бунте отдельных горожан Полоцка (фамилии которых он перечисляет). Но суть этого бунта сводилась к тому, что некоторые полочане отказались выполнять его указание о принятии конкретных мер по подготовке города к отражению нападения «Московского войска», которое «несподеване и нагле затого мело наступовать на замокъ». Группа горожан пришла в городскую раду с письменным объяснением своего отказа. «Написавши обмову свою на письме до нас на столь на ратушу подали». Однако о каких-либо действиях, которые можно было бы квалифицировать как восстание, здесь речи нет.

Как видим, фактологическое изучение текста «Протестации Яна Лисовского» еще ждет своего внимательного исследователя. Нас же в данной работе интересует, прежде всего, язык этого документа, который, отличаясь эмоциональной насыщенностью, в значительной степени лишен традиционных письменных канцелярских оборотов и в силу этого, на наш взгляд, в значительной степени отражает живую разговорную речь Полоцка первой трети XVII века. Документ структурно (но не в языковом плане!) состоит из двух частей: типовые для таких документов введение и заключительная часть, принадлежащие непосред-

ственно «Яну Дагилевичу, писарю места Полоцкого», и записанное этим же писарем от первого лица выступление подвоеводы Яна Лисовского. Естественно, осуществляя эту запись, Ян Дагилевич, с одной стороны, придерживался определенных «традиционных правил, принятых для исполнения такого рода документов», с другой – объективно переносил на письмо фонетические и грамматические формы, свойственные речи полочан того времени. И, таким образом, перед нами документ, текст которого, несмотря на его сравнительно небольшой объем, дает возможность провести определенную систематизацию отраженных в нем языковых особенностей.

Особенности фонетики и фонетические процессы. Графическое отражение фонетических особенностей речи в данном тексте минимизировано и представлено лишь отдельными записями, что представляется довольно странным на фоне других документов этого времени. Сравнительно-исторический анализ некоторых написаний создает впечатление более поздних «корректорских» правок, которые мог произвести либо более поздний русскоязычный переписчик, либо редактор, готовивший текст к публикации во втором томе «Актów, относящиеся къ истории южной и западной Россіи» в 1865 году. Однако и то, и другое сомнительно, поскольку, во-первых, как в самом тексте, так и в непосредственном послесловии к документу указана одна и та же фамилия: «На подлинном скрепя: Янъ Дагилевичъ, писарь места Полоцкого». И здесь же далее: «Изъ актовыхъ книгъ магистрата Полоцкаго» [4, с. 91]. Эти указания свидетельствуют о том, что в распоряжении Н. Костомарова, составителя и редактора второго тома «Актów», был именно оригинал документа.

Во-вторых, о том, что редактор не вносил сколько-нибудь заметных правок в орфографию подготовленных им к печати текстов, можно судить, например, по опубликованному в этом же томе под № 2 документе от 14 октября 1599 года, который условно можно назвать по его первой строчке: «Выпись съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьского староства Оршаньского». Созданный в Орше всего лишь на тридцать четыре года раньше полоцкого документа оршанский текст активно отражает фонетические особенности речи жителей этого города, в том числе:

- использование сочетания КГ для обозначения [г] взрывного;
- написания типа «господарьство», но «октябрь», что свидетельствует о сохранении различия [p'] и [p];
- последовательные написания ШЫ, указывающие на отверждение [ш];
- последовательные написания ЧЫ, указывающие на отверждение [ч];
- употребление предлога ЗЪ на месте этимологического СЪ;
- написания ТЪ в формах третьего лица множественного числа глаголов (деруть, пустошать, ведають) и целый ряд других примеров (документ еще

ждет своего внимательного исследователя-языковеда), свидетельствующих об активном формировании и внедрении в устную и письменную речь особенностей старобелорусского языка.

«Протестация» Яна Лисовского чуть более четверти века после названного оршанского документа и, казалось бы, должна была продолжить эту особенность. Однако фонетические особенности, которые бы мы отнесли к разряду старобелорусских, здесь проявляются не столь графически выражено.

1. Наиболее последовательно здесь представлены: Различение [г] взрывного и [г] фрикативного.

Как известно, во всех памятниках письменности для обозначения [г] взрывного писцы использовали сочетание кг. И если в указанном выше оршанском тексте использование такого сочетания регулярное и последовательное, то в «Протестации...» наблюдаем его лишь в следующих случаях: в написании имени собственного (*Кгабріель Лакгодный*; но, для сравнения, *Гарасимъ*), во всех случаях в написании союзного слова *кдымъ* – ‘когда’ (*Кдымъ вашимъ милостямъ всимъ перекладалъ*); в написании существительного *коллега* (*добрыхъ колекгов*). Во всех остальных случаях используется только буква г: *где, его, тогожь дня, нагле* и т.п. Являются ли такие написания признаком широкого и всеобъемлющего (за исключением иноязычных слов) функционирования в речи полочан [г] фрикативного? Ответ на этот вопрос может быть дан после дополнительного исследования этой проблемы на более широком текстовом материале.

Отражение диссимилиации сочетания ЧТ и перехода в ШТ во всех словоупотреблениях (*што ваша милость...; што онъ заразъ и записалъ; што есть записано*).

Последовательное использование восточнославянских форм с полногласными сочетаниями (*в полонъ побрано; для обороны, въ голосъ, дерева на тую вежу дали, до сторожи, передъ нами*). Правда, в одном случае встречаем полонизм презъ (*презъ тыхъ особъ*).

Написание з на месте этимологического с как результат фонетического принципа орфографии (*зъ мещанъ, зъ ратуша, зноситъ, знеситсе, згнула, зверхности, збудовали*). Но перед последующим глухим согласным – с (*съ Техановца*).

Во всех случаях словоупотребления буква И на месте этимологического [ѣ]- ять и Е на месте этимологического [е] в местоимении все: *всихъ особъ, вашихъ милостей всихъ, вашимъ милостямъ всимъ, всимъ магистратом; но: готови то все [’о] были учинить, о то все [’о]*.

2. Значительно менее последовательно представлены результаты отверждения шипящих. К случаям обозначения твердости шипящих отнесем написания: *пану нашому, Стефановичомъ, нашего, вжо* (‘уже’), *наимнейшого, чого*. Вероятно, сюда можно отнести и *Алексий Боярчонокъ*. Но это единичные примеры. В большинстве случаев наблюдаем традиционные написания: *будучимъ, иниихъ, Янъ Клишицъ, низшемъ,*

живцомъ, нежичливостъ и др. Между тем в упоминавшемся выше оршанском тексте 1599 года практически во всех написаниях наблюдаем графическое обозначение отвердения шипящих.

3. В одном случае (в приписке писаря) встречаем использование аффрикаты -дз-: *Пан подвоеводзи просиль. Но: на тыдень.*

И ни одним примером в тексте не представлено развитие аканья.

Грамматические особенности текста. Как известно, грамматика – наиболее консервативная часть языка. Грамматические изменения – это, как правило, процесс значительно растянутый во времени. Практически каждая эпоха, с одной стороны, демонстрирует формирование новых грамматических форм и даже категорий, но, с другой – с видимым трудом расстается с грамматическими особенностями прошлых эпох жизни языка. Весьма сомнительно говорить и о заимствованиях грамматических форм из других языков. Наличие иноязычных грамматических форм в тексте скорее можно отнести на счет билингвизма его автора.

В тексте «Протестации Яна Лисовского» выделяем грамматические особенности трех типов.

1. Сохранение архаичных грамматических форм, восходящих к древневосточнославянскому языку-основе. Среди них:

Редуцированные формы плюсквамперфекта: *служба вышла была, донесли быль протестацию.*

Употребление во всех случаях при передаче значения ‘в то время’ местоимения ОНЪ в значении указательного: *на онъ часъ будущий лянтойтъ, то все на онъ часъ... учинилемъ.*

Употребление фонетически измененной старой энклитической формы возвратного местоимения се (в древнерусском – на месте е юс малый) и использование его в препозиции: *а поготовю до послушенства се не мели, ледво се удержалъ.*

Формы В.п. ед.ч. личного местоимения первого лица и возвратного местоимения – *мене, себе* (совр. русск. меня, себя; совр. белор. мяне, сябе): *мене въ ратушу опримовали, на знесене мене; до себе взять.*

Употребление формы винительного падежа вместо местного: *оповедане... о бунтъ.*

2. Собственно польские или полонизированные грамматические формы.

Специфические формы глаголов первого лица единственного числа: *далемъ* (польск. *dalem*, совр. белор. я даў); *учинилемъ* (польск. *uczyniłem*, совр. белор. я зрабіў); *радиломъ* (польск. *radziłem*, совр. белор. я прапанаваў); но: *донеслиемъ* (польск. *zgłosilem*, совр. белор. я наведасіў).

Окончания -ови Д.п. ед.ч. существительных: *кролеви* (как и в польск. *królowi*, совр. белор. каралю); но: *урадови* (в польск. *rządowi*, совр. белор. ураду); *писарови* (в польск. *urzędnikowi*, совр. белор. пісару).

Однако следует отметить, что окончание Д.п. ед.ч. -ови было свойственно еще древнерусскому языку

раннего периода для существительных типа склонения на *-й. Поэтому использование таких форм писарем Яном Дагилевичем в нашем документе может рассматриваться и как проявление генетической общности языков.

3. Формирующиеся собственно белорусские грамматические формы.

Одним из признаков активной стадии формирования собственно белорусских грамматических форм, отраженных в текстах исторических документов, Ф.М. Янковский считает наличие специфической белорусской формы деепричастия (окостеневшей формы действительных причастия) [1, с. 47]. В «Протестации Яна Лисовского» такие формы как раз исключительно активны: *будучи отъ тых особъ... опримованый, видечи значное их непослушенство, обещаючи складать по шелягу, не хотечи тому всему досить чинить и подлегать, отходечи зъ ратуша.* Сюда же отнесем и формы прошедшего времени на -ви-, -и-: *написавши обмову свою, пришедши на ратушъ, на письме подавши.*

Выражение значения долженствования сочетанием личной формы древнерусского глагола *имати* плюс инфинитив: *Мело наступоватъ на замок – ‘Должно было (готовилось) наступать на замок’; Мел подати имена – ‘Должен был подать имена’.* Сравним совр. разговорн.: «Я имею сказать».

Новые (собственно белорусские) формы указательного местоимения женского рода (*тую* обмову взял; *дерева на тую вежу* дали, *тыхъ* мецань) и отрицательного местоимения *николи* (чего предъ тымъ *николи* не бывало). Подобные языковые особенности последовательно отмечаются и в других документах, созданных в эту эпоху на этой территории [7, с. 38].

Новая форма числительного: *зъ дванадцатого дня*, где в первой части в белорусских говорах стала использоваться форма мужского рода древнерусского числительного *дѣва*, в отличие от русского языка, где в первой части – древнерусское числительное женского (среднего) рода – *дѣве*.

Последовательное употребление предлога *зъ* вне зависимости от позиции: *зъ мецанъ, зъ ратуша, зъ дванадцатого дня, зъ выписанемъ именъ бунтовниковъ.*

Интересной, не отмеченной, как нам кажется, ранее в других исторических лингвистических исследованиях, особенностью является категория грамматического рода существительного *ратуша*. В документе это существительное используется 9 раз в двух значениях: здание, место, где происходят заседания магистрата, и сам состав участников заседания. И во всех случаях это существительное употреблено в форме мужского рода: *въ ратушу Полоцкомъ будучими; при бытности ваших милостей... въ ратушу Полоцкомъ; при обещаности ваших милостей всихъ на ратушу; пришедши в тотъ же часъ на ратушъ; до насъ на столъ на ратушу подали* (‘во время заседания ратуши’); *галасами мене въ ратушу опримовали; отходечи зъ ратуша;*

въ ратушу учиненные бунты; напреднейшими в ратушу герштами (здесь: агитаторами) *до бунтовъ*.

В качестве заметной языковой особенности текста отметим различия в синтаксическом оформлении значений, передающихся сегодня с помощью сложноподчиненных предложений. Так, в вводной части текста, традиционной для документов такого рода, вместо придаточной части сложноподчиненного предложения употребляются специфические причастные обороты: *Воеводы и войта Полоцкого, старосты Пернавского будущимъ* – *‘Воеводы и войта Полоцкого, который был старостой пернавским’*; *Передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками... въ ратушу Полоцкомъ будущими* – *‘Перед нами, бурмистрами, советниками и заседателями, которые в то время находились в ратуше Полоцкой’*. Однако в той части документа, которая непосредственно передает речь заявителя (Яна Лисовского) наряду с отмеченными синтаксическими конструкциями, используются и собственно сложноподчиненные предложения: *Теперь теды видечи... же тамтые ихъ бунты... skutokъ свой взяли* – *‘Теперь, когда я увидель, что ихъ бунтъ привел к такому результату...’*. Но: *Учинилемъ в голосъ на нихъ словную протестацію, которую далемъ писарови мескому Полоцкому*.

Эти примеры однозначно свидетельствуют, что в отличие от языка деловых документов, характеризующихся консервативностью синтаксических конструкций, в устной речи активно развиваются сложноподчиненные предложения. Данный процесс, судя по анализируемому тексту, еще не близок в первой половине XVII века к завершению, но демонстрирует активную тенденцию к этому. Так, в нашем тексте значительное количество предложений начинается с местоимений *какой, который, когда, которые*, однако, еще не являются союзными словами, соединяющими главную и придаточную части предложения, а начинают специфические самостоятельные предложения: *Которуюто речь они мещане Полоцкіе въ тотъ часъ и тогожъ дня... дополнили; Кгдымъ (когда) вашимъ милостямъ всимъ перекладалъ о небезпечности...; Которуюто ихъ... обьмову до себе взялъ, которая не ведать где загнула...; Которыхъ теперъ именно на письме подаю:...*

Лексика – самая подвижная часть языка. И изучение словарного состава какого-либо исторического документа не дает однозначного ответа на вопрос о степени самобытности либо степени зависимости языка, отраженного в историческом документе, от межъязыковых контактов. Но объем, границы и тенденции таких заимствований могут быть показательными в определении роли и тематической направленности таких заимствований в истории формирования современной лексической системы языка. Текст «Протестации...» Яна Лисовского дает возможность сделать в этом плане определенные выводы. Часть документа, передающее заявление

Яна Лисовского от первого лица, сравнительно небольшая и включает всего около 650 словоформ. В их числе словоформы выраженного иноязычного происхождения можно разделить на две группы. Первая группа – юридическая лексика делового документа, каким и оказывается данный текст, а также лексика, отражающая социально-политические особенности жизни города в эту эпоху: *лянтвойтъ, магистратъ, ратушь, бурмистръ, ротмистръ, жолнеры, Речь Посполита, поветъ, протестація*. Подобные слова мы не относим в разряд «лексические заимствования», поскольку они, как правило, не являются фактом живой речи. И в результате социальных и исторических изменений большинство таких слов, как правило, исчезает из языка. Вторая группа – слова и словоформы, которые мы без сомнения можем отнести к полонизмам, включая слова, не только полностью, но и частично сохраняющие особенности языка-донора и подвергшиеся определенной адаптации. В анализируемом тексте таковыми выступают: *меновите, зошлымъ, въ року, барзо, шкодливу, при обещаности, несподаване и нагле, радиломъ, тыдзень, (якую) колвекъ, (своимъ) коштомъ, будовать, розказали, лечъ, жаднымъ (способомъ), спольного выналязку, въ тумульте и въ галасахъ, ледво, skutokъ, нежичливостъ, сплендроване, зволокласе, тамтые, презъ*. То есть всего около 27–30 слов, что составляет около 5% словарного состава текста.

Заключение. «Протестация...» Яна Лисовского считается характерным историческим документом, который несет в себе «высокий объяснительный потенциал сведений об истории становления и развития языка», и в совокупности с другими документами подобного рода способствует формированию «концептуальных представлений о закономерностях устройства языковой системы, условиях ее функционирования, причинах и последствиях, происходящих в ней изменений» [8, с. 3]. Изучение языковых особенностей документа позволяет сделать ряд выводов, которые, дополненные результатами исследований языка других памятников письменности этой эпохи и этой территории, дают основание предположить, что:

1. В первой половине XVII века на территории полоцкого региона (вероятно, в бассейне между верховьями рек Западная Двина и Днепр) складывается самостоятельная языковая система, которая потом заметно отразилась в языке белорусской литературы XIX века и получила свое развитие в более поздние эпохи. Именно эту территорию нынешней Беларуси следует, вероятно, признать «прародиной» будущего белорусского языка, а сам язык этой эпохи и этой территории – старобелорусским.

2. В основе грамматической структуры этого языка лежит восточнославянская языковая традиция.

3. Лексические заимствования не играли сколько-нибудь существенной роли в формировании общего лексического состава этого языка.

Літэратура

1. Янкоўскі, Ф.М. Гістарычная граматыка беларускай мовы / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск: Выш. шк., 1983. – 271 с.
2. Сопиков, В. Опыт российской библиографии. Часть первая / В. Сопиков. – Санкт-Петербург, 1813. – 474 с.
3. Карскі, Е.Ф. Беларусы. Том I. Введзенне ў изученне языка і народнай словеснасці / Е.Ф. Карскі. – Варшава, 1903. – Х+466 с.
4. Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Том второй. 1599–1637. – Санкт-Петербург, 1865 г. – 314 с.
5. Штурм Полоцка (1633) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм_Полоцка_\(1633\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм_Полоцка_(1633)). – Дата доступа: 01.02.2021.
6. Древнейшие города Беларуси. Полоцк / О.Н. Левко [и др.]; под общ. ред. О.Н. Левко. – Минск, 2012. – 743 с.
7. Вардомацкий, Л.М. «Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований / Л.М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 27. – 200 с.
8. Трофимович, Т.Г. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие / Т.Г. Трофимович. – Минск, 2011. – 208 с.

Поступила в редакцию 17.02.2021

Моўныя формулы этыкету ў беларускіх народных песнях

Зіманскі В.Э.

Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

У артыкуле разглядаюцца моўныя формулы этыкету, ужытыя ў беларускай народнай песеннай творчасці. Асабліва ўвага надаецца аналізу структуры этыкетных адзінак, іх семантычнага напauнення, магчымасці вырашаць камунікатыўныя задачы ў творах розных народных песенных жанраў – каляндарна-абрадавых, сямейна-абрадавых, а таксама ў творах пазаабрадавай паэзіі.

Мэта даследавання – вызначыць асаблівасці функцыянавання моўных формул этыкету ў беларускіх народных песнях. Задачай даследавання з'явілася выяўленне семантычных, камунікатыўных і структурных адметнасцей этыкетных адзінак, ужытых у творах абрадавай і пазаабрадавай паэзіі.

Матэрыял і метады. Матэрыялам працы паслужылі тэксты песенных твораў беларускай народнай вусна-паэтычнай творчасці. Метады даследавання – семантыка-стылістычны, дэскрыптыўны, класіфікацыйны, супастаўляльны, статыстычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У песнях каляндарна-абрадавай паэзіі шырокае распаўсюджанне атрымалі ўніверсальныя прывітанні, якія могуць ужывацца незалежна ад часу і абставінаў камунікатыўнай сітуацыі. Этыкетныя формулы прывітання ў сямейна-абрадавай паэзіі не перанасычаны дадатковымі прырашчэннямі – чым больш "свабоднае" свята, тым больш часта ўжываюцца ўніверсальныя этыкетныя адзінкі, а ролю канкрэтызатара бярэ на сябе зваротак. Асабліва гэта датычыцца твораў пазаабрадавай паэзіі.

З этыкетных адзінак падзякі ў большасці выпадкаў ужываюцца нейтральныя, а эфект эмацыянальнасці дасягаецца за кошт розных прырашчэнняў: займеннікаў, звароткаў і г.д. Формулы падзякі ўжываюцца абмежавана, што звязана са спецыфікай твора, дзе патрэбна вытрымліваць рытм і рыфму.

Моўныя формулы этыкету для прахання прабачэння прадстаўлены не вельмі шырока – у большасці выпадкаў гэта фармальнае прахання прабачэння. Сапраўдная віна ў творах амаль не прадстаўлена, а ў выпадку яе наяўнасці словы прабачэння гучаць з вуснаў трэціх асоб.

Заключэнне. Такім чынам, сфера выкарыстання этыкетных адзінак у беларускіх народных песнях абмежавана пэўным канкрэтным прызначэннем песеннага твора, асаблівасцямі кампазіцыйнай будовы песень, папрабаванням рыфмы і рытму. У народных песнях ужываецца даволі вялікая колькасць універсальных адзінак моўнага этыкету. Павышаная эмацыянальнасць дасягаецца за кошт факультатывных кампанентаў, дадатковых сэнсавых прырашчэнняў, паўтораў, указанняў на жэставае афармленне і інш. Стылістычную адметнасць народным твораў надаюць этыкетныя адзінкі, прадстаўленыя дыялектнымі словамі.

Ключавыя словы: сямейна-абрадавая паэзія, каляндарна-абрадавая паэзія, прывітанне, развітанне, падзяка, прабачэнне, просьба, этыкет, вобразнасць, камунікацыя, функцыянаванне.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 136–145)

Speech Etiquette Formulae in Belarusian Folk Songs

Zimanski V.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The speech etiquette formulae used in Belarusian folk songs are considered in this article. Particular attention is paid to the analysis of the structure of etiquette units, their semantic content, the possibility to solve communicative problems in the works of various song genres – calendar-ritual, family-ritual and in the works of non-ritual poetry.

The purpose of this research is to determine the features of the functioning of the speech etiquette formulae in Belarusian folk songs. The research task was the identification of the semantic, communicative and structural features of the etiquette units that were used in works of ritual and non-ritual poetry.

Material and methods. The research material is the song texts of the Belarusian folk oral poetry. The following research methods were used: the semantic-stylistic, the descriptive, the method of classification, the comparative method and the statistical method.

Findings and their discussion. In the songs of calendar-ritual poetry universal greeting, which can be used irrespective of time and circumstances of a communicative situation, became widespread. Etiquette formulae of greeting in family-ritual poetry are not oversaturated with additional augments – the more “free” the holiday is the more often universal etiquette units are used. The form of address performs the role of the concretization. This is especially true of non-ritual poetry.

The neutral etiquette units of gratitude are used in most cases and the effect of emotionality is achieved through various augments: pronouns, the forms of address, etc. The gratitude formulae are limited. This is due to the specificity of the work where you need to maintain rhythm and rhyme.

The speech etiquette formulae of the pleas for forgiveness are not very widely represented; in most cases it is a formal apology. The real guilt in the works is almost not represented and in its presence the words of apology are pronounced by a third party.

Conclusion. Thus, the sphere of use of etiquette units in Belarusian folk songs is limited to a specific purpose of the song, the features of the compositional song structure, the requirements or rhyme and rhythm. A rather large number of universal units of speech etiquette are used in folk songs. Increased emotionality is attained through complementary components, additional augments, iterations, signs of gesture and others. Etiquette units that the dialectal words represent give stylistic features of folk works.

Key words: family-ritual poetry, calendar-ritual poetry, greeting, farewell, gratitude, apology, request, etiquette, figurativeness, communication, functioning.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 136–145)

Маўленчая культура з’яўляецца адным з найважнейшых кампанентаў духоўнай культуры чалавека і грамадства. З усіх праяў культуры чалавека яна найбольш заўважаецца іншымі людзьмі.

Працэс любых моўных зносін будзеца на прымяненні пэўных правіл, галоўным прызначэннем якіх з’яўляецца дапамога ў выражэнні ветлівасці, культурнасці, у наданні маўленню адзнак пісьменнасці, лаканічнасці. Гэту функцыю выконваюць розныя формулы этыкету. Гаворка ідзе пра моўныя загадоўкі, фразы, стандартныя канструкцыі, якія сістэматычна ўжываюцца падчас зносін. Выкарыстанне тыповых формул садзейнічае выбудованню этыкетных сітуацый, звязаных з рознымі фактамі (псіхасацыяльнага, узроставага характару) і камунікацыйнымі сферамі.

Беларуская мова мае вельмі багаты лексічны склад. Беларускі народ за час свайго існавання выпрацаваў шмат сваіх адметных лексічных адзінак, у тым ліку і формул моўнага этыкету. Яны вызначаюцца сваёй мілагучнасцю, мяккасцю, добразычлівасцю. І дзе, як не ў вусных народных творах, можна атрымаць першыя навыкі выхавання. Мы атрымліваем іх з матчынай калыханкай, з першымі бабулінымі казкамі. Менавіта з гэтага пачынаецца выхаванне таго, што пазней будзе арганічна ўплецена ў паняцце “маўленчая культура чалавека”.

Мэта дадзенага даследавання – вызначыць асаблівасці функцыянавання моўных формул этыкету ў беларускіх народных песнях. Задачай даследавання з’явілася вызначэнне семантычных, камунікатыўных і структурных асаблівасцей этыкетных адзінак, ужытых у творах абрадавай і пазаабрадавай паэзіі.

Многія даследчыкі моўнага этыкету (Н. Фармаўская, В. Васілевіч, І. Саўко і інш.) вялікую ўвагу надаюць непасрэдна камунікатыўнай сітуацыі, гэта значыць аналізуюць функцыянаванне этыкетных адзінак у залежнасці ад ступені знаёмства ці незнаёмства камунікантаў, іх узросту, сацыяльнай ролі, у залежнасці ад абставін – афіцыйных ці неафіцыйных і інш. [1–7].

Матэрыял і метады. Матэрыялам працы паслужылі тэксты песенных твораў беларускай на-

роднай вусна-паэтычнай творчасці. Метады даследавання – семантыка-стылістычны, дэскрыптыўны, класіфікацыйны, супастаўляльны, статыстычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Традыцыйна беларускія народныя песні падзяляюцца на некалькі тэматычных груп – у залежнасці ад мэты і абставін ужывання. У цэлым паэзія беларускага календара ўключае звыш дваццаці жанравых і групавых песенных разнавіднасцей.

Цыклізацыя каляндарна-абрадавай паэзіі абумоўлена кругазаверотам у прыродзе, чаргаваннем пор года. Вылучаюць чатыры вялікія цыклы: веснавы, летні, асенні, зімовы. Кожнай пары года, кожнаму сезонна-вытворчаму перыяду характэрны адпаведныя абрады, звычаі, павер’і і песеннае суправаджэнне. Зімовы перыяд меў падрыхтоўчы характар: песні і абрады былі накіраваны на тое, каб загадзя паўплываць на будучы ўраджай. Веснавыя абрады і песні суправаджалі пачатак палявых работ, выган жывёлы на пашу. Асноўная тэматыка летніх песень – захаванне ўраджаю ў час выпявання. Асенні песенны перыяд тэматычна звязаны з уборкай ураджаю.

Значную частку песеннай лірыкі займаюць творы сямейна-абрадавай паэзіі. З даўніх часоў менавіта песні суправаджалі нашых продкаў у самыя важныя моманты жыцця: пры нараджэнні, хрышчэнні, заручынах, уступанні ў шлюб, смерці.

Асобнае месца займае пазаабрадавая паэзія – песні, якія спяваліся ў розны час, незалежна ад пары года ці пэўных сямейных абставінаў. Такія песенныя творы звычайна падзяляюцца на лірычныя, сямейныя, сацыяльна-бытавыя, балады і прыпеўкі.

Змест гэтых песень, часта пабудаваны ў форме маналогу ці дыялогу, дае каштоўны матэрыял для вызначэння культурных, моўных і сацыяльна-бытавых асаблівасцей як іх выканаўцаў, так і таго сацыяльнага акружэння, якое згадваецца ў песні, іх узаемаадносін, узаемапавягі, выяўлення персанальнага стаўлення да сітуацыі і да людзей, якія ў ёй удзельнічаюць. Не прэзтэндуючы на поўны і ўсебаковы аналіз усіх матчыных камунікатыўных сітуацый па прычыне іх вялікай коль-

касці, з аднаго боку, і недастатковай прадстаўленасцю ў народных вусна-паэтычных творах – з другога, прадметам дадзенага аналізу мы вырашылі абраць наступныя этыкетныя формулы: прывітанне, развітанне, просьба, прабачэнне, падзяка. У гэтым артыкуле разгляд ужывання акрэсленых формул моўнага этыкету ў беларускіх народна-паэтычных творах праведзены ў залежнасці ад створаных песенным кантэкстам камунікатыўных сітуацый.

Ужыванне моўных формул этыкету ў сітуацыях “Прывітанне” і “Развітанне”. Прывітанне звычайна з’яўляецца ўступнай часткай для развіцця наступнай размовы, праводзіцца для ўсталявання кантакту паміж камунікантамі. Паводле этыкетных нормаў, камуніканты пры выбары пэўнай этыкетнай формулы ўлічваюць многія фактары (сацыяльны статус, узрост, ступень знаёмства, абставіны сустрэчы і інш.) і звычайна імкнуцца прагназаваць наступнае развіццё дзеяння, разлічваюць на пэўную рэакцыю адраасата.

Рэалізацыя этыкетных формул прывітання ў творах абрадавай і пазаабрадавай лірыцы значна адрозніваецца ад звычайных бытавых штодзённых адносін. Песенны твор – гэта не спантанна выбудаваны ланцуг выказванняў. Кожны абрадавы ці пазаабрадавы твор мае сваё прызначэнне, ад якога ў большасці выпадкаў залежыць выбар кампанентаў пры стварэнне той ці іншай этыкетнай формулы.

Даследаванне паказала, што ў беларускіх народных песнях этыкетныя формулы прывітання складаюць 54% ад агульнай колькасці зафіксаваных моўных формул этыкету у прааналізаваных песенных творах. Тым самым яны займаюць дамінантнае становішча, з’яўляюцца самымі частотнымі.

Даследчыкі вылучаюць некалькі тыпаў прывітання, якія залежаць ад часу сустрэчы, мэты, якую ставіць перад сабой гаворачы, і інш. У песнях этыкетныя формулы часта выкарыстоўваюцца не адзінкава, а з прырашчэннямі, якія канкрэтызуюць камунікатыўную сітуацыю, утвараюць песенны рытм і рыфму: *“Добры вечар таму, хто ў етым даму. Святы вечар, хто ў етым даму”* [8, с. 11]. Падобнае прывітанне гучыць ў песнях зімовага цыклу, а менавіта ў перыяд каляд, калі калядоўшчыкі заходзілі ў двор і ўслаўлялі гаспадара, гаспадыню і іншых членаў сям’і, іх гаспадарку. Такая этыкетная формула прывітання багатая рознымі кампанентамі, якія дазваляюць стварыць своеасаблівы сінтэзаваны тып прывітання. Па-першае, у прыведзеным прыкладзе ёсць указанне на час сустрэчы (вечар), названы канкрэтныя адраасаты (таму, хто ў етым даму), канстатуецца і сама сітуацыя свята (святы вечар). Падобны выраз дазваляе меркаваць, што прывітанне дастасавана да канкрэтнай сітуацыі – свята: нелагічным было б яго выкарыстанне ў бытавых паўсядзённых зносінах. Хаця варта адзначыць, што першая яго частка “Добры вечар таму, хто ў етым даму” мае месца быць і ў штодзённым выкарыстанні. Знакавай у поўнай формуле з’яўляецца наяўнасць паўтору, які акцэнтуюе ўвагу на тых асобах, якім адраасаваны зварот –

“...таму, хто ў етым даму”. У песнях калядоўшчыкаў зазначаны і такі прыклад прывітання: *“Шчодры вечар, добры вечар!”* [9, с. 126]. Семантыка такога прывітання тлумачыцца асаблівацю свята: вечар павінен быць шчодрым на пачастункі, на дастатак у доме і інш.

За кошт ужывання пэўных звароткаў у калядных песенных творах зусім па-іншаму гучыць і простае прывітанне з пазначэннем часу сустрэчы: *“Ой, добры вечар, пане гаспадару!”* [9, с. 106]. Зваротак ідэалізуе адраасата, называючы яго панам, а клічная форма надае выказванню нацыянальную адметнасць. У цэлым жа і сам зваротак, і прывітанне гучаць урачыста ў адпаведнасці са святочнымі абставінамі. Асаблівае ўказанне на незвычайнасць абставінаў стварае наступнае прывітанне: *“Святы вечар, пані гаспадыня”* [9, с. 115]. Вітаючыся з гаспадарамі, калядоўшчыкі выбіраюць такія формы прывітання, якія канстатуюць пажаданне: *“Шчодры вечар да й добрым людзям!”* [9, с. 130].

Акрамя песень-пажаданняў, песень-вітанняў, калядоўшчыкі выконвалі творы з пэўным абстрагаваным ад свята сюжэтам, але ў той жа час не абміналі вітаць сваіх слухачоў. У такім выпадку прывітанне магло гучаць як рэфрэн: *“Я ж тых татароў мячом пасяку, Добры вечар, Я ж тую дзевачку за сябе вазьму, Добры вечар!”* [9, с. 136].

У такіх сюжэтных творах магло гучаць канкрэтнае прывітанне-пажаданне, якое вылучаюць некаторыя даследчыкі: *“Бог намажы тром таночкам... Усё дзевачкам мяшчаначкам”* [9, с. 153].

Такім чынам, калядныя песні характарызуюцца тым, што ў іх прысутнічаюць спецыяльныя формулы прывітання, якія прызначаны да канкрэтнай – святочнай – сітуацыі, пры гэтым дастасавана да канкрэтнага свята. Акрамя таго, маюць месца і ўніверсальныя этыкетныя адзінкі, якія выкарыстоўваюцца ў любы час і незалежна ад абставінаў. Для песень зімовага цыклу характэрна прысутнасць адных і тых жа тыпаў камунікантаў: пастаяннымі ўдзельнікамі моўнай сітуацыі з’яўляюцца калядоўшчыкі (госці) і гаспадары, да якіх яны завіталі.

Пасля зімовага цыклу пачыналіся веснавыя святы, якія таксама суправаджаліся песнямі і абрадамі. Так, гуканне вясны прадугледжвала ўжыванне песенных твораў, дзе сустракаліся зіма з вясной. І тут мы знаходзім прывітанні з указаннем на жэставае афармленне сітуацыі: *“Ой, чалом, чалом, ды цёплае лецечка!”* [9, с. 198]. З гісторыі мовы нам вядома, што чало азначае лоб. Гісторыя інфармуе нас і пра канкрэтныя сітуацыі, калі ўжываліся фразы, асабліва ў стараславянскай мове, тыпу “чалом б’ю”, што значыць кланяюся, прычым кланяюся нізка. У прыведзеным прыкладзе мы знаходзім адгалоскі гэтай традыцыі ў скарачонай форме – *чалом, чалом*. Прывітанне ўтрымлівае і называнне канкрэтнага адраасата – *цёплае лецечка*. Адказ на прывітанне адпаведны – прывітанне з пажаданнем здароўя: *“Ой, здарова была да халодная зімачка!”* [9, с. 198]. Перад намі дыялог галоўных персанажаў свята: зімы і вясны. Зразумела, што тут апісана не кан-

крэтная бытавая сітуацыя з рэальнымі камунікантамі, а з пэўнымі вобразамі. Гэта можна назваць яшчэ адной асаблівасцю песенных твораў і рэалізацыі ў іх моўнай этыкетнай сітуацыі. Можна адзначыць, што выбар названых этыкетных адзінак характарызуе статус персанажаў: зіма, якая страчвае свае правы і павінна пайсці, выкарыстоўвае прывітанне, якое ўказвае на паклон, нават калі ён праяўляецца толькі на словах. Адказ на прывітанне гучыць дастаткова ветліва, аднак адчуваецца “гаспадарскае слова” вясны, якое ўступае ў свае правы. Тым больш што пажаданне-прывітанне “здарава была” гучыць некалькі фамільярна.

Важным для нашых продкаў было свята Юр’е, калі на пашу выганялі жывёлу. У песнях гэтага перыяду выканаўцы ўслаўлялі святога Юрыя, некаторыя з іх пачыналіся са звароту і прывітання: “*Юр’я! Вечар добры, Юр’я!*” [9, с. 221].

У валачобных песнях, якія выконваліся на Вялікдзень, таксама ўжывалася прывітанне, калі валачобнікі заходзілі да каго-небудзь, каб павіншаваць са святам. Сітуацыя падобная да той, якая складалася на каляды, калі калядоўшчыкі віталі і віншавалі гаспадароў. Валачобнікі віталіся з усімі прысутнымі: “*Ой, чалом, чалом да добры вечар!*” [9, с. 240], ці, напрыклад, асобна віталі дачку гаспадара: “*Добры вечар, паненачка, гэі віно!*” [9, с. 265], незамужняй паненцы спявалі песні, якія маглі ўключаць пэўныя жанравыя сцэны і таксама ўтрымлівалі ў сабе формулы прывітання: “*Адзін ехаў дыі паехаў, Другі ехаў – даў “дзень добры”, Трэці ехаў – “Да памажы Божа!...”*” [9, с. 267]. Зазначым, што валачобныя песні ўтрымліваюць больш простыя этыкетныя формулы прывітання, яны не нагружаны кампанентамі, якія характэрныя для калядных песень.

Такім чынам, можна сцвярджаць, што веснавыя абрадавыя песні змяшчаюць больш універсальныя этыкетныя формулы прывітання, чым, напрыклад, песні зімовага цыклу. Тыповым з’яўляецца ўжыванне этыкетных адзінак прывітання, якія ўказваюць на час сустрэчы (*дзень, вечар*), прывітанняў з пажаданнямі (*да памажы Божа*), прывітанні, якія ўтрымліваюць жэставае афармленне (*чалом*). Удзельнікамі камунікатыўных сітуацый становіліся валачобнікі (госці) і гаспадары, а таксама персанажы святаў (зіма і лета). Пэўныя песні веснавага цыклу выканаўцы (рэальныя асобы) адрасавалі персанажу свята (напрыклад, Юрыю).

Летні перыяд падразумявае спяванне жніўных песен. Цэлая група тэкстаў непасрэдна суправаджала абрад, выражала магічны кантакт жней з нівай. Пры гэтым сама семантыка вітання ўключала адначасова паняцці язычніцкія і хрысціянскія ў іх непарыўнай сэнсава-вобразнай сувязі ў старажытнай свядомасці. У песнях гэтага перыяду ўжываюцца ўніверсальныя этыкетныя формулы прывітання з указаннем на час сустрэчы: “*Добры дзень, Госпаду Богу, Жыту яраному, Хазяіну палявому!*” [9, с. 432]. У адказ магло гучаць прывітанне з пажаданнем здароўя ў скарачонай форме:

– *Здароў, здароў, жнеі маладыя, сярпы залатыя!*” [9, с. 432]. У дадзеным выпадку песенны твор будзе ў адпаведнасці з сюжэтам выхаду жней у поле. Тут заключаецца пэўны абрадавы рытуал: жнеі перад працай вітаюць Бога, жыта і палявога гаспадара. Падобнае спяванне павінна было не толькі настроіць на працу – тым самым жнеі імкнуцца забяспечыць сабе падтрымку нейкіх звышсілаў, якія ў іх разуменні павінны былі паспрыяць добраму жніву. Пажаданне здароўя ў адказ з’яўлялася своеасаблівым гарантам таго, што іх прывітанне не засталася непачутым, было сведчаннем станоўчых адносінаў да суразмоўцы, вобразным праяўленнем благаславення на працу.

Як бачна, песні летняга перыяду змяшчаюць універсальныя этыкетныя адзінкі. Самі ж абрадавыя творы былі закліканы забяспечыць поспех у справе.

У цэлым песні каляндарна-абрадавай паэзіі насычаны моўнымі формуламі этыкету розных тыпаў. Адны з іх маюць канкрэтнае прызначэнне і ўжываюцца падчас пэўных святаў, такая іх выключнасць з’яўляецца паказальнай асаблівасцю, напрыклад, калядных і валачобных песень. Разам з тым шырокае распаўсюджанне атрымалі так званыя ўніверсальныя прывітанні, якія могуць ужывацца незалежна ад часу і абставінаў камунікатыўнай сітуацыі.

Творы сямейна-абрадавай паэзіі выконваліся падчас нараджэння, хрэсьбінаў, вяселля. Своеасаблівымі прыкладамі сямейна-абрадавай паэзіі з’яўляюцца памінальна-пахавальныя галашэнні, якія нельга аднесці да песенных твораў, але нельга пакінуць іх па-за ўвагай, паколькі яны структурна падобныя да песень, а выконваліся з своеасаблівай працягласцю, нараспеў.

У сямейна-абрадавай паэзіі формула моўнага этыкету “прывітанне” прадстаўлена значна менш. Зразумела, што песні сямейна-абрадавай паэзіі маюць асобнае назначэнне. Для таго, каб у падобных песенных творах змяшчалася прывітанне, у творы павінен быць мець пэўны сюжэт, пэўная камунікатыўная сітуацыя. Да такіх твораў можна аднесці вясельныя песні. Вяселле ў беларусаў праходзіла ў некалькі этапаў: сваты, заручыны, запоіны, развітанне касы і г.д. Працэс сватання не мог абысціся без вітальных песень. Звычайна ўжывалася этыкетная формула прывітання з указаннем на час сустрэчы і адпаведнымі звароткамі, якія канкрэтызавалі адрасатаў. У вясельных песнях сустракаем такія прыклады пры кантакце сватоў у перыяд сустрэчы: “*Добры вечар, добрыя людзі, чужбіна...*” [8, с. 156]. Доказам таго, што прывітанне з’яўляецца ўводным кампанентам для развіцця наступнага дзеяння, можа быць наступны прыклад, у якім пасля прывітання і зваротку ідзе пытанне: “*Добры дзень жа вам, сваточки, ай, ці ждалі ж вы, ждалі нас у госці?*” [8, с. 204].

Вясельныя спевы беларускага фальклору нярэдка ўтрымлівалі сюжэты сірочага вяселля. Такія песенныя творы адрозніваюцца глыбокай душэўнасцю, насычаны перажываннямі, пачуццямі. Напрыклад,

у некаторых песнях сірата звярталася да памерлых бацькоў. Незвычайнай формай запрашэння сіратой бацькоў на вяселле з'яўляецца вітанне з імі, з магілай: *“Татулька мой, на магілку іду, татулька мой, дзень добры даю, татулька мой, жоўтаму пясочку...”* [10, с. 219]. Пэўную кампазіцыю твору надавалі паўторы: *“Мамачка родная, на барок усхаджу, на барок усхаджу, а дзень добры даю, а дзень добры даю, на вяселле заву”* [10, с. 218]. Падобныя прыклады вельмі эмацыянальныя, паколькі вітанне з памерлымі аналагічна вітанням з жывымі. Тут прасочваецца і немагчымасць поўнага змірэння са стратай, і горкая сірочая доля.

Такім чынам, этыкетныя формулы прывітання ў сямейна-абрадавай паэзіі не перанасычаны дадатковымі прырашчэннямі. У асноўным выкарыстоўваюцца ўніверсальныя формы прывітання, якія могуць ужывацца незалежна ад камунікатыўнай сітуацыі. Ролю канкрэтызатара бярэ на сябе зваротак.

Творы пазаабрадавай паэзіі выконваліся незалежна ад часу, сітуацыі, не падпарадкоўваліся каляндарнаму цыклу і пэўным святам. Беларусы, як сведчыць гісторыя, спявалі і ў горы, і ў радасці. Песня дазваляла даць волю эмоцыям. Паколькі падобныя песенныя творы не былі абмежаваныя канкрэтным прызначэннем, сітуацыяй, то і этыкетныя адзінкі, якія ўваходзілі ў іх склад, былі больш свабоднымі, універсальнымі. Прывітанні з указаннем на час сустрэчы гучаць у наступных прыкладах: *“Добры вечар, гаспадынька мая, ці здарова сямеюшка твая?”* [8, с. 231], *“Добры вечар, маці...”* [8, с. 249], *“Добры вечар, мая чарнабрыва!”* [11, с. 113]; *“Адзін казак каня вядзе, другі сядло вяжа... трэці стаіць пад аконцам, “Добры вечар” кажа.”* [11, с. 147]. У прыведзеных радках прывітанні выконваюць сваю асноўную функцыю: з'яўляюцца важнымі элементамі камунікатыўнага акту, усталяваюць кантакт, а таксама іх ужыванне звязана з праяўленнем ветлівых адносін.

Разам з вышэйназванымі этыкетнымі формуламі ў пазаабрадавых творах выкарыстоўваюцца простыя прывітанні пажадання здароўя: *“Здароў, мой папаша. – Здароў, сын радной”* [8, с. 247]. Дарэчы, у прыведзеным прыкладзе мы назіраем рэалізацыю апелятыўнай функцыі моўнага этыкету, паколькі песенны твор утрымлівае не толькі прывітанне, але і адпаведны адказ на яго.

Такім чынам, можна зрабіць вывад, што асабліва-сцю ўжывання моўных формулаў этыкету “прывітанне” ў беларускіх народных песнях з'яўляецца тое, што сфера выкарыстання ў іх выразна акрэслена. Гэта звязана з тым, што звычайна песні адной і той жа тэматычнай групы кампазіцыйна аднастайныя і змяшчаюць варыянты адной і той жа камунікатыўнай сітуацыі з пастаяннымі ўдзельнікамі, напрыклад, госці і гаспадары. Тым не менш, чым больш “свабоднае” свята, тым больш часта ўжываюцца ўніверсальныя этыкетныя адзінкі; асабліва гэта датычыцца твораў пазаабрадавай паэзіі.

Развітанне, як правіла, завяршае камунікатыўны акт субяседнікаў. У народных песнях гэта не абавязкова дыялог ці палілог, прычынай чаму можа быць насычанасць вобразаў, канкрэтнае прызначэнне песеннага твора. Некаторыя творы ўжо самі па сабе з'яўляюцца развітаннямі, напрыклад галашэнні [12].

У прааналізаваных песенных творах этыкетныя формулы развітання складаюць 14% ад агульнай колькасці моўных формул этыкету, зафіксаваных у прааналізаваных творах абрадавай і пазаабрадавай паэзіі.

Вядома, што формулу развітання выкарыстоўваюць напрыканцы размовы, сустрэчы. Формула развітання з'яўляецца сведчаннем таго, што размова закончылася, камунікатыўны развітваюцца. Аднак, як мы вызначылі раней, моўны этыкет служыць для ўсталявання і падтрымкі кантакту. Тут можна зазначыць некаторае супярэчэнне. Але відавочна, што гэта не так, паколькі самі этыкетныя формулы развітання (некаторыя іх віды) накіраваны на працяг адносінаў у будучым; напрыклад, выраз “да сустрэчы” падразумявае, што камунікатыўны яшчэ сустрэнуцца.

Беларускія даследчыкі моўнага этыкету (В. Васілевіч, Т. Піваварчык, Т. Саўчук, М. Навумчык) вылучаюць некалькі тыпаў развітання: уласна развітання, развітання на ноч, развітання з нябожчыкам. Уласна развітання складаюцца з некалькіх відаў: універсальныя; развітання, адрасаваныя тым, хто збіраецца ў дарогу; развітання тым, хто застаецца [1; 13; 14].

Універсальныя развітання не атрымалі шырокага распаўсюджвання ў песенных творах, тым не менш намі зафіксаваны развітання, якія адрасаваны тым, хто ад'язджае, збіраецца ў дарогу. Шлях, дарога сімвалізавалі сабою пераход з “свайго” свету ў свет “чужы”, патэнцыйна небяспечны, варожы. У такой сітуацыі формулы выконвалі функцыю абярэгаў у дарозе, і выступалі ў форме зычэнняў, напрыклад здароўя, доўгага жыцця: *“Бывайце здаровенькі, вы, малойчыкі, эй! Бывайце жывенькія, вы, казаченькі”* [11, с. 275]. У сваю чаргу той, хто адыходзіць ці ад'язджае, развітваецца з тымі, хто застаецца. У зафіксаваных прыкладах прасочваецца дваікі сэнс такога развітання, калі ўлічваць дыялектныя асаблівасці ўжытай этыкетнай адзінкі: *“Ад'яджае ад ганка: – Прашчай мяне, каханка, ад'яджае са двара: – Прашчай, мілая радня. Ад'ядджае ад варт: – Прашчай мяне ўвесь народ”* [11, с. 312]. У прыведзеным прыкладзе той, хто ад'язджае, адначасова і развітваецца, і, магчыма, просіць прабачэння, прадбачачы тое, што наўрад ці вернецца. Чалавек, які збіраецца ў дарогу, выкарыстоўвае пры развітання з тымі, хто застаецца, не толькі развітання-зычэнні здароўя, але і іншыя кампаненты: *“Бывайце здаровы, блізкія суседзі, дзе я пахлюся, мяне не судзеце, спамінайце мяне добрымі славамі...”* [11, с. 179]. Такім чынам гаворачы турбуецца аб памяці, якую пакідае пасля сябе, таму і звяртаецца з просьбай не думаць пра яго блага, просіць успамінаць яго добрымі словамі.

Наступны прыклад утрымлівае ў сабе развітанне, якое быццам бы не закончана, але падаецца як канстатацыя факта: “*Сеў на каня, ды й паехаў, а дзяўчыну пакінуў. – Аставайся, маладзенька, аставайся ты адна*” [8, с. 220].

Такім чынам, уласна развітанні ў прааналізаваных творах не знайшлі свайго адлюстравання. Намі зафіксаваны этыкетныя формулы развітанняў-пажаданняў, развітанняў-прабачэнняў. На наш погляд, такая акалічнасць звязана з асаблівым прызначэннем песенных твораў, у якіх развітанне не знаходзіць свайго належнага месца ў якасці асноўнай адзінкі.

Само па сабе развітанне для нас – элементарнае, звыклае, аўтаматычнае дзеянне: мы не затрачваем ніякіх сілаў для канструявання фразы, а толькі карыстаемся гатовай формулай у залежнасці ад сітуацыі. Так, пры развітанні на ноч камунікант карыстаецца пэўнымі этыкетнымі адзінкамі, якія маюць сваё непасрэднае назначэнне – пажадаць добрай ночы.

Сітуацыя **развітання на ноч** цесна звязаная з уяўленнем пра ноч як час дзеяння цёмных сіл. Адзінкі, што выкарыстоўваюцца ў гэтай мікрасітуацыі, з’яўляюцца перш-наперш зычэннямі добрай (спакойнай) ночы. У народных песнях, якія цесна звязаны з абрадамі, такія развітанні выкарыстоўваюцца, каб задобрыць Бога, ураджаі, урадлівае поле: “*Ой, дабрана́ч, шырокае поле. – На здароўе, жнейкі малады, сярпы залаты, на здароўе*” [8, с. 74], “*Дабрана́ч Госпаду Богу, Жыту ядрамону, Хазяіну палявому! – На здароўе, жнейкі маладыя, сярпы залатыя!*” [9, с. 432]. У прыведзеных дыялогах мы сустракаем і адказ на пажаданне добрай ночы ў выглядзе развітання – зычэння здароўя. Этыкетная адзінка “дабрана́ч” з’яўляецца скарачонай формай словазлучэння “добрай ночы”. У агульным жа сітуацыя развітання на ноч мала прадстаўлена ў выбраных для аналізу творах. Думаецца, што прычынай таму з’яўляецца іх жанравая асаблівасць: вядома, што падобнымі этыкетнымі адзінкамі насычаны, напрыклад, калыханкі, аднак мы не бралі гэтыя творы для аналізу.

Формулы развітання з тым, хто памірае, а таксама з нябожчыкам з цягам часу страцілі першапачатковае выключна абрадавае значэнне, а набылі ўзамен значэнне этыкетнае, бо стэрэатыпна ўжываліся ў самых розных сітуацыях (напрыклад, развітанні з нябожчыкам на памінках, пры наведванні могілак, пры згадванні памерлага ў размовах). Смерць у народных уяўленнях успрымалася як пераход з “гэтага” свету на “той” – месца, дзе знаходзяцца душы памерлых людзей. Асобную групу складаюць формулы **развітання з нябожчыкам**. Адыход у іншы свет успрымаўся як доўгі, вечны сон, таму нярэдка ў якасці развітання выкарыстоўваліся этыкетныя адзінкі, аналагічныя развітанням на ноч: “*Последнюю минутку, последнюю гадзіначку я з табой бачуся. Ох, дабрана́ч, цётхна, дабрана́ч мілая!*” [9, с. 335]. У той жа час вера ў існаванне жыцця і “на тым свеце” дазваляла спадзявацца на непазбежную сустрэчу з памерлым:

“*Мамка ж мая дарагая, да свідання, да свідання! Последняе цалаванне, последняя минутка, мамка родненька, да свідання, да свідання...*” [9, с. 335]. Стылістычную адметнасць надае ўжыванне этыкетнай адзінкі ў дыялектнай форме: ужываецца лексема – калька з рускай мовы.

Такім чынам, можна зрабіць вывад, што ў беларускім маўленні маецца вялікая колькасць разнастайных развітальных выразаў, але не ўсе яны знаходзяцца адлюстраванне ў творах абрадавай і пазаабрадавай паэзіі. Гэта звязана са спецыфікай песеннага жанру, рамкі якога значна звужаны, не падразумяваюць наяўнасць і функцыянаванне этыкетных адзінак у моўных сітуацыях. Аднак ужыванне выяўленых моўных формул этыкету ў песнях дае нам уяўленне аб асноўных сітуацыях іх функцыянавання.

Падводзячы вынікі аналізу функцыянавання этыкетных формул прывітання і развітання ў паасобных творах абрадавай і пазаабрадавай лірыкі, можна адзначыць, што іх рэалізацыя мае пэўныя асаблівасці. Зразумела, што прывітанне і развітанне з’яўляюцца найбольш ужывальнымі ў моўным этыкеце пры штодзённых бытавых зносінах. У песенных творах падобныя этыкетныя адзінкі выкарыстоўваюцца абмежавана, іх выбар залежыць ад прызначэння пэўнага твора. Адны з іх ужываюцца выключна ў абрадавых песнях, якія выконваюцца падчас канкрэтнага свята і не могуць ужывацца ў іншых абставінах. Другія – з’яўляюцца ўніверсальнымі і прызначаны для ўжывання ў розных сітуацыях. Пытанне стылістычных законаў, залежнасць выбару этыкетнай адзінкі ад сацыяльнай ролі камунікантаў у песенных творах не з’яўляецца актуальным, паколькі моўныя формулы этыкету ў большасці сваёй нейтральныя. Так, пры вітанні з блізкім чалавекам, сваяком можа прагучаць фамільярнае “здароў”, якое, аднак, не выклікае крыўды, адмоўных пачуццяў, а, наадварот, указвае на блізкія, цёплыя адносіны. У большасці выпадкаў у якасці прывітанняў і паміж сваімі, і паміж чужымі людзьмі гучаць нейтральныя “добры дзень”, “добры вечар” і падобн. І прывітанні, і развітанні выкарыстоўваюцца ў народных творах у адпаведнасці з асноўнымі нормаў моўнага этыкету. Праз іх функцыянаванне рэалізуюцца асноўныя функцыі моўнага этыкету: кантактная, апелятыўная, функцыя ветлівасці і інш.

Ужыванне моўных формул этыкету ў сітуацыях “Выказванне просьбы” і “Выказванне падзякі”.

Просьба – пабуджальнае моўнае дзеянне, якое звычайна выражаецца загадным ладам дзеясловаў: *Дайце мне, калі ласка...* [3, с. 71]. Просьба так ці іначай абцяжарвае, турбуе суб’ядніка, і гэта, як правіла, улічвае гаворачы. Па гэтай прычыне прасіць аб чым-небудзь без ужывання ветлівых словаў не прынята.

Для таго, каб папрасіць чалавека аб нейкай паслужы, гаворачаму неабходна выбраць правільныя словы, якія маглі б паўплываць на станоўчы вынік просьбы. У беларускай мове для гэтага служаць розныя лексічныя адзінкі, якія выкарыстоўваюцца паасобна ці

ва ўзаемадзеянні з іншымі словамі: *калі ласка, дазвольце калі ласка, будзьце ласкавы, ці не маглі б вы аказаць паслугу* і г.д. Усе яны – неабходныя сродкі для выражэння просьбы. Як рэалізуецца гэтая іх функцыя ў народных песенных творах, дазволіць прасачыць аналіз наступных прыкладаў.

Этыкетныя формулы просьбы складаюць 12% ад агульнай колькасці моўных формул этыкету, вылучаных у прааналізаваных беларускіх народных песнях.

Выказванне просьбы носіць адметны характар. Можна сказаць, што выбраныя з тэкстаў прыклады не перанасычаны прынятымі этыкетнымі адзінкамі. Пры гэтым да просьбы ў шырокім сэнсе слова можна аднесці пытанні аб дазволе зрабіць што-небудзь. У такім выпадку могуць ужывацца характэрнае для беларускай мовы слова “дазволь” і яго дыялектны адпаведнік “пазволь”: “– **Пазволь**, маці, удову браці, тады буду піць, гуляці” [11, с. 104]; “**То пазволь** мне, маці, явара зрубаці” [11, с. 114]; “– **Дазволь** жа мне, маці, калодзец капачі...” [4, с. 299]. Як бачым з прыведзеных прыкладаў размова адбываецца ў сямейным асяроддзі, магчыма, гэта адна з прычын, па якой пры звароце не ўжываюцца больш ветлівыя формы тыпу “калі ласка”.

Вялікае значэнне для нашых продкаў мелі не толькі язычніцкія ўяўленні, але і вера ў Бога, таму абрадавыя песні часта ўтрымліваюць зварот з просьбаю да Бога. У такіх зваротах, як правіла, ужываецца лексічная адзінка “благаславі”, якую можна прымаць як сінонім слову “дазволь”: “**Благаславі**, Божжа, Божжа мілы, Вясну прыгукаці” [8, с. 31]; “**Благаславі**, Божжа, на ўзгорачку сесці, Вясну загукаці...” [9, с. 189]. Благаслаўлення маглі прасіць і ў маці: “**Благаславі**, маці, Вясну гукаць, у-у!” [8, с. 32].

Наогул, песенныя творы беларускага народа вельмі насычаны рознымі просьбамі, якія звязаны з прашэннем дазволу ці іншымі сітуацыямі: “– **Пусці**, мамачка, на раўчэй гуляць, Ой, лілюлюшкі, на раўчэй пагуляць” [8, с. 28]; “– **Пусці**, братко, мяне ў хату, ў хаце зіму зімаваці” [8, с. 100]; “**А ў Марыінай горніцы ды напасіліся, Ці дасць** нам сала, каб хазяйства добрае стала...” [8, с. 41]; “**І стаў ён прасіць, прасіці, маліці: – Ня бей мяне, не губі мяне, скажу табе тры радасці**” [8, с. 48]; “**Дай жа**, Божжа, пагодачку, **Дай** на пашу работачку” [8, с. 75]; “**Бабулька стаіць, дзіцятка дзяржыць, // А ў Бога долі прасіць: // – Ай, Божухна-Збавіцелю, дай усе тры долі: // І грашовую, і збажовую, // І тую вячанную.**” “**Калі ў каморы замкнёнай, просім цябе, сватанька, адамкнуць**” [8, с. 157]. Прыведзеныя прыклады дазваляюць гаварыць пра тое, што ў песнях галоўную ролю адыгрываюць не столькі ўжыванне этыкетных адзінак, колькі пэўны зваротак, інтанацыя, жэсты, якія і ўплываюць на вынік прашэння. Так, напрыклад, адзін з лірычных герояў кланяецца ў ногі: “**А ён тростачкай упіраецца, бабулі ў ножкі накланяецца: – А, бабулечка, ты, галубачка, ой хадзі ка мне ды і ў хатачку, перабаб майго ты й дзіцятачку**” [8, с. 112], у іншых творах гаворыцца, што герой просіць “шчырэсенька”: “**Просіць Бога шчырэсенька: // – Дай**

жа, Божжа, майй унучцы // Лягесенька, дабрэсенька, скарэсенька...” [10, с. 36]. Ужыванне памяншальна-ласкальных формаў звароту таксама сведчыць пра ветлівасць гаворачага, яго шчырасць: “– **Мядзведзечка, мой братачка, мядзведзечка, мой братачка, да пакалыхай маё дзіцятачка**” [8, с. 82]; “– **Прашу цябе, мамачка, прашу, родная, да мяне на вяселле ды сірочае.**” [10, с. 212]. У некаторых просьбах утрымліваюцца словы павагі: “**Прашу цябе, мая сваценька, да столу, // Маю з табою вялікую размову. // Прошу цябе, мая сваценька з павягі, // Штоб не было майй дзіцяці знявагі...**” [8, с. 214].

Адной з самых ярскіх асаблівасцей можна лічыць просьбы, ці нават загады, у калядных песнях. Яны не толькі пазбаўлены этыкетных адзінак, але могуць нават утрымліваць пагрозу, зразумела, жартаўлівага сэнсу: “**Давай, баба, каўбасу, бо я хату растрасу!**” [9, с. 140].

Аналіз прыведзеных прыкладаў падмацоўвае наша сцвярджэнне, што песні з’яўляюцца даволі “вузкім” полем для ўжывання розных формул ветлівасці пры выказванні просьбы. Аднак гэта цалкам кампенсуецца ўжываннем самых розных формаў звароткаў, якія пазбаўляюць мову гаворачага адчування нявыхаванасці, грубасці ці няведання этыкетных нормаў.

Адказам на просьбу, а таксама пажаданне, запрашэнне, віншаванне і інш. з’яўляюцца словы **падзякі**. У беларускай мове самай ужывальнай этыкетнай формулай выказвання падзякі можна лічыць слова “Дзякуй”.

У прааналізаваных творах вылучаныя этыкетныя адзінкі падзякі складаюць 12% ад агульнай колькасці зафіксаваных моўных формул этыкету.

Выказванне падзякі – гэта элементарны жэст выхаванага чалавека пасля аказання яму нейкай паслугі ці здзяйснення нейкага ўчынку. Беларускія народныя песні не могуць не ўключаць у сябе такія этыкетныя адзінкі, паколькі многія з іх выконваюцца менавіта для гэтага. Падзяка звычайна выказваецца ў розных формах, этыкетныя формулы могуць быць разгорнутымі і простымі. Рэалізацыю іх у творах народнай паэзіі разгледзім на канкрэтных прыкладах.

Найбольшае распаўсюджванне моўная формула этыкету “падзяка” атрымала ў творах сямейна-абрадавай паэзіі, паколькі менавіта бацькам, родным выказвалася найбольшая падзяка за нараджэнне, за гадаванне і інш. Так, на хрэсьбінах магла прагучаць песня з наступнымі радкамі: “**Дзякуй таму кузняці, што нам хрэсьбінік скаваў**” [8, с. 121]. Тут выкарыстоўваецца простая форма падзякі, характэрная для беларусаў. Вялікая колькасць падобных этыкетных адзінак у песнях, якія суправаджалі вясельны абрад: “**Паехаў Іванка жаніцца, забыў матульцы пакланіцца. Вярнуўся з паўдарожанькі, скланіўся нізка ў ножанькі: – Дзякуй табе, матулька, што ты мяне маленькага ўзрасціла**” [8, с. 142]; “**Мамачцы скланілася: – Дзякуй, мамачка, дзякуй, родная...**” [8, с. 490]; “**Ганначку ўзялі, падзенькавалі: – Дзякуй, баценьку, за тваю дачку,...**”

[8, с. 119]. Акрамя характэрнага для беларусаў “дзякуй” некаторыя песні ўвабралі ў сябе спецыфічныя дыялектныя адзінкі, якія дазваляюць стварыць адметны стыль песеннага твора: “Дзінкавала Светачка свайму татухну, **Спасіба, спасіба, мой родны татухна...**” [8, с. 188]; “Дзенькую, ойчэньку, дзенькую” [10, с. 179]. Тут мы бачым уплыў рускай мовы і польскай, што, дарэчы, надае твору мясцовы каларыт, але не з’яўляецца нормай для беларускай мовы.

Выказванне падзякі было характэрным для памінальна-пахавальных галашэнняў, калі родныя выказвалі падзяку сваім памерлым родзічам, развітваючыся з імі назаўсёды: “Дзякуй табе, мамка, за тваё гадуваннейка...” [10, с. 312]; “Дарагі татачка, **дзякуй табе, што Вы з мамай нас выгадавалі, у пуць-дарогу выправілі... Дзякуй за ўсё, мой дарагі!**” [10, с. 312]; “...Мамка мая мілая, галубка сівенькая, // Ты там убачыш татку. // Раскажы ты яму, як мы жывём, // Як ішадзем яго і цябе і **дзякуем** Вам обоім, // Што выхавалі нас і ўнукаў // І памаглі выйсці на верную дарогу. // ...**Дзякуем** Вам, мае дарагія, мамка і татка!” [10, с. 337].

У большасці выпадкаў, як бачым, ужываюцца нейтральныя формулы падзякі, аднак эфект эмацыянальнасці дасягаецца за кошт розных прырашчэнняў: займеннікаў, звароткаў і г.д.

Аналіз дазволіў вылучыць асноўную адметнасць ужывання этыкетных адзінак выказвання падзякі ў беларускіх народных песнях: яны ўжываюцца вельмі абмежавана, што звязана са спецыфікай твора, дзе патрэбна вытрымліваць рытм і рыфму. Пры гэтым выкарыстаны і некаторыя русізмы і паланізмы, што звязана з дыялектнымі асаблівасцямі твораў.

Такім чынам, з пазіцыі моўніка, з асабістых назіранняў і ведання нормаў моўнага этыкету мы можам зазначыць, што для выказвання просьбы ці падзякі ў паўсядзённым жыцці маецца вялікая колькасць гатовых разнастайных формул моўнага этыкету. Аднак аналіз функцыянавання этыкетных адзінак у песенных творах дае нам права сцвярджаць, што песні не з’яўляюцца дастаткова шырокім фонам для рэалізацыі і паказу вялікай колькасці разнастайных прыкладаў ветлівасці. Асноўная прычына гэтага – абмежаванасць песенных жанраў пэўным назначэннем, рыфмай, рытмам, кампазіцыяй. У песнях назіраем такую асаблівасць: факт, напрыклад, падзякі прысутнічае, але для моўнага афармлення выкарыстоўваюцца аднатыпныя этыкетныя формулы. Гэта нельга лічыць сведчаннем беднасці мовы або няведання нашымі продкамі ветлівых форм – дадзеная акалічнасць з’яўляецца хутчэй асаблівасцю лірычных твораў абрадавай і пазаабрадавай паэзіі.

Ужыванне моўных формул этыкету ў сітуацыі “Выказванне прабачэння”. *Прабачэнне* – моўнае выражэнне выкуплення правіннасці. Папрасіць прабачэння за невялікі праступак, без тлумачэння самой віны, паколькі яна відавочная (некага ненаўмысна штурхнулі), дастаткова словамі “прабач”, “прабачце”, магчыма з ужываннем ветлівай формы “калі ласка”.

Калі ж віна дастаткова вялікая, то лагічнай ужыць этыкетную формулу “даруй”, “даруйце” [3, с. 70].

Этыкетныя формулы прабачэння складаюць 8% ад агульнай колькасці зафіксаваных у народных песнях моўных формул этыкету.

Словамі “выбачайце”, “выбачайце, калі ласка”, “прабач” і падобнымі мы звычайна пачынаем свой зварот да каго-небудзь ці выкарыстоўваем іх, каб папрасіць прабачэння за нейкі праступак ці калі адчуваем сваю віну або нейкую нялоўкасць перад іншымі людзьмі. Сэнс названых этыкетных адзінак у кожнай сітуацыі можа быць розным. Якую нагрузку дадзеныя выразы маюць у творах беларускай народнай паэзіі, разгледзім на канкрэтных прыкладах.

Словы прабачэння могуць выкарыстоўвацца, калі гаворачы не можа ці не хоча зрабіць нешта; тады іх ужываюць у якасці карэктнай адмовы: “Ешце, дзеткі, йшчэ й мачайце, а на болей **прабачайце**” [8, с. 101]; “Калі на сына, калі на сына, магу я дастаці, калі на дачку, калі на дачку, **прашу выбачаці**” [8, с. 112]. Папрасіць прабачэння можна на ўсякі выпадак і пры развітанні, каб тыя, хто застаецца, не трымалі на ад’язджаючага ніякага зла; тым самым чалавек як бы засцерагае сябе ад людскога і божага гневу ў дарозе, асабліва, калі яна мае быць доўгай: “Ён на коніка садзіўся, нізенька схіліўся: – **Выбачайце, суседзейкі, можа з кім сварыўся**” [8, с. 243]. Асаблівым указаннем на шчырасць выказвання з’яўляецца жэставае афармленне сітуацыі, якую мы назіраем у папярэднім прыкладзе – “нізенька схіліўся”. У некаторых выпадках можна прасіць прабачэння і за іншага чалавека: “Маць сына ўпрашаець: – **Прасці, сын, жане. – Цябе, маць, прашчаю, жане нікагда**” [8, с. 247]. Акцэнтаваць увагу на просьбе прабачыць можна з дапамогай паўтора, які даволі часта ўжываецца ў песенных творах: “А й муж мой ты, яснае сонца, **прасці, прасці маёй матачцы тое слоўца**” [11, с. 196]. Апошнія прыклады змяшчаюць этыкетную формулу прабачэння ў выглядзе дыялектнага слова *прасці*, што з’яўляецца стылістычнай асаблівасцю фальклорных твораў.

Такім чынам, мы бачым, што для прапашэння прабачэння выкарыстоўваюцца розныя этыкетныя адзінкі: *прабачайце, прашу выбачаці, выбачайце, прасці*. Выбар іх, зноў жа, абумоўлены спецыфікай твораў і абмежаванымі магчымасцямі больш шырокага выкарыстання. Стылістычна падобныя прабачэнні з’яўляюцца ў сваёй большасці нейтральнымі.

Аналіз вусна-паэтычных узораў беларускай народнай творчасці дазволіў выявіць і адрозненні ва ўжыванні ў іх моўных формул этыкету. Фальклорныя вылучаюцца традыцыйнасцю, уключанасцю ў працэс бытавання, шматразовай перадачы з вуснаў у вусны, ад пакалення да пакалення, устойлівасцю формы і зместу. Названыя асаблівасці ўплываюць і на функцыянаванне моўных формул этыкету.

Песні адрозніваюцца сваім прызначэннем, дзеляцца на пэўныя тэматычныя групы, аднесенасць да іх і прадвызначае звычайна змест песенных твораў.

Адны з іх прызваны вітаць гаспадароў ці нейкае свята (калядныя і валачобныя), у такім выпадку ў іх рэалізуюцца спецыяльныя ці ўніверсальныя прывітанні (*добры вечар, шчодры вечар, святы вечар, Хрыстос уваскрос* і пад.); іншыя песні змяшчаюць сюжэт развітання. У песнях этыкетныя адзінкі эмацыянальныя развітання ўжыты ў памяншальна-ласкальнай форме; экспрэсіўныя, стылістычна афарбаваныя часта сустракаюцца ў дыялектнай форме (*бывайце здаровенькі, праішчайце, бывайце жывенькія* і інш.). Для песенных твораў характэрна ўжыванне паўтораў, этыкетныя адзінкі дапаўняюцца выклічнікамі ці часціцамі. Асаблівае эмацыянальнае напаміненне надаюць ім звароткі ў розных формах (*ой, чалом, чалом, да цяплае лецечка*).

Песенныя творы амаль цалкам пазбаўлены ўключэння ветлівых словаў пры выказванні просьбы, абмяжоўваюцца ўжываннем дзеясловаў у клічнай (загаднай) форме; тым не менш многія з іх змяшчаюць слова “дазволь” у якасці прашэння. Такая абмежаванасць, на наш погляд, апраўдана наяўнасцю ў песенных творах рыфмы, рытма, асаблівасцямі кампазіцыі. Пры гэтым дадатковыя кампаненты (паўторы, звароткі, прырашчэнні і інш.) надаюць выказванням эмацыянальнасці і экспрэсіўнасць, “разбаўляюць” звычайныя этыкетныя адзінкі, робяць іх гучанне вобразным, непаўторным, паэтычным.

Словы падзякі звычайна ўваходзяць у склад твораў сямейна-абрадавай паэзіі. Гэта зразумела, паколькі вясельныя творы прадстаўлены вялікай колькасцю зваротаў да родных бацькі, маці са словамі падзякі. У гэтым сэнсе этыкетныя адзінкі ў сваёй большасці прадстаўлены формулай “*дзякуй*”. Стылістычную адметнасць твораў надаюць дыялектныя формулы этыкету (*дзенькую, спасіба*). Моўныя формулы этыкету для прашэння прабачэння прадстаўлены не вельмі шырока, ужываюцца такія этыкетныя адзінкі, як *прашу выбачаці, выбачайце, прабачайце, прасці*. У большасці выпадкаў гэта фармальнае прашэнне прабачэння (пры ад’ездзе ў дарогу, пры немагчымасці задаволіць нечую просьбу і пад.). Сапраўдная віна ў творах амаль не прадстаўлена, а ў выпадку яе наяўнасці словы прабачэння гучаць з вуснаў трэціх асоб (*прасці сын жане*).

З вышэйсказанага можна зрабіць выснову, што ў песенных творах рэдка калі розныя сітуацыі адлюстраваны ў адным сюжэце, напрыклад, прывітанне і развітанне, падзяка і прабачэнне і інш. Бадай, самым універсальным з’яўляецца ўжыванне просьбы, аднак не ва ўсіх выпадках у склад выказвання ўваходзяць этыкетныя адзінкі. Можна адзначыць, што ўжытая моўная формула этыкету ў залежнасці ад сітуацыі (прывітанне, развітанне, просьба, падзяка і інш.) прадвызначаецца прызначэннем песеннага твора.

Статыстычны аналіз функцыянавання моўных формул этыкету ў беларускіх народных песнях паказвае, што дамінантнае становішча займаюць этыкетныя адзінкі прывітання – 54% ад агульнай колькасці зафіксаваных моўных формул у народных песнях.

Развітанні складаюць 14% ад агульнай колькасці моўных формул этыкету. Па 12% прыходзіцца на долю такіх этыкетных адзінак, як просьба і падзяка. Самай малаколькаснай – 8% ад агульнай колькасці моўных формул этыкету – з’яўляецца група моўных формул прашэння прабачэння.

Заклучэнне. У выніку аналізу функцыянавання моўных формул этыкету ў песенных творах беларускага народа можна зрабіць пэўныя высновы.

Сфера выкарыстання этыкетных адзінак у беларускіх народных песнях значна звужана, абмежавана некаторымі фактарамі: пэўным канкрэтным прызначэннем песеннага твора, асаблівасцямі кампазіцыйнай будовы песень, паграбаванням у адпаведнасці з рыфмай і рытмам.

Беларускія народныя песні характарызуюцца прысутнасцю пастаянных камунікантаў. Напрыклад, калі гэта калядныя ці велікодныя песні, то ў якасці адрасантаў і адрасатаў выступаюць звычайна госці (калядоўшчыкі, валачобнікі) і гаспадары (члены пэўнай сям’і). Як правіла, абрадавыя песні ў гэтым выпадку выконваюць госці. Яны вітаюць гаспадароў і іх дзяцей, віншуюць са святам. Іх зварот, урачыстыя песні накіраваны на дасягненне пэўнай мэты. Звычайна пасля спеваў калядоўшчыкі і валачобнікі атрымлівалі розныя пачастункі, што абумоўлівала змест песень. У каляндарна-абрадавых песнях камунікантамі выступаюць рэальныя асобы і духоўленыя прадметы прыроднага асяроддзя – жнеі, касцы, дождж, сонца, колас, ніва, вясна, лета, зіма, сцюжа і г.д.

Песенныя творы канкрэтнага прызначэння ўтрымліваюць і асаблівыя моўныя формулы этыкету, якія не маглі ўжывацца па-за святам. Тут можна адзначыць, што некаторыя іх часткі перайшлі ў бытавыя паўсядзённыя зносіны, устойліва зафіксаваліся і працягваюць функцыянаваць у іх, напрыклад: *Добры вечар таму, хто ў гэтым даму*.

У народных песнях ужываецца дастаткова вялікая колькасць універсальных адзінак моўнага этыкету: *добры дзень, прабач, выбачайце, дзякуй, дабранач* і г.д. Павышаная эмацыянальнасць, якая наогул характэрна для песень, дасягаецца за кошт факультатывных кампанентаў, дадатковых сэнсавых прырашчэнняў, паўтораў, указанняў на жэставае афармленне і інш. Так, вялікае значэнне для стварэння экспрэсіўнасці маюць звароткі і формы (памяншальна-ласкальныя, клічныя і г.д.), ужытыя пры моўных формулах этыкету.

Стылістычную адметнасць народным твораў надаюць этыкетныя адзінкі, прадстаўленыя дыялектнымі словамі: *спасіба, да свідання, прасці, дзенькую* і інш., а таксама ўжыванне спецыфічных форм: *прашу прабачаці, выбачаці* і інш.

У цэлым ужыванне моўных формул этыкету ў беларускіх народных песнях адпавядае прынятым у грамадстве этыкетным нормам і могуць служыць прыкладам пры вывучэнні асноў ветлівых зносінаў, тым больш што песенныя творы адрозніваюцца павышанай запамінальнасцю за кошт рыфмы і простых сюжэтных ліній.

Літаратура

1. Васілевіч, В.А. Сітуацыя развіцця ў беларускім маўленчым этыкеце / В.А. Васілевіч, Т.А. Піваварчык // Роднае слова. – 2000. – № 1. – С. 31–33.
2. Саўко, І. Калі ласка! Дзякуй! Добры дзень! / У. Саўко // Роднае слова. – 1998. – № 7. – С. 24–27.
3. Формановская, Н.И. Вы сказали «Здравствуйте»: Речевой этикет в нашем общении / Н.И. Формановская. – М., 1989. – 160 с.
4. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М.: Наука, 1998. – 290 с.
5. Формановская, Н.И. Обиходные обращения и поэтическая обращенность / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 1. – С. 61–64.
6. Формановская, Н.И. Речевое действие и деятель / Н.И. Формановская // Русская речь. – 2008. – № 3. – С. 40–46.
7. Формановская, Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты / Н.И. Формановская. – М., 1987. – 291 с.
8. Анталогія беларускай народнай песні і прыпеўкі / уклад. і прадм. А. Цітаўца. – Мінск: Ураджай, 2001. – 352 с.
9. Ліс, А.С. Каляндарна-абрадавая паэзія / А.С. Ліс, А.І. Гурскі, В.М. Шарая, У.М. Сівіцкі; навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 515 с.
10. Фядосік, А.С. Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / А.С. Фядосік, А.С. Емяльянаў, У.М. Сысоеў, М.А. Каладзінскі; навук. рэд. К.П. Кабашнікаў. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 422 с.
11. Гурскі, А.І. Пазаабрадавая паэзія / А.І. Гурскі, Г.А. Пятроўская, Л.М. Салавей; навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 564 с.
12. Сысоеў, У.М. Беларуская пахавальная абраднасць / У.М. Сысоеў. – Мінск, 1995. – 186 с.
13. Навумчык, М.І. Вучымся вітацца: урок развіцця мовы ў VII класе / М.І. Навумчык // Роднае слова. – 2002. – № 1. – С. 75–77.
14. Васілевіч, В.А. Чаму і як мы вітаемся / В.А. Васілевіч // Роднае слова. – 1999. – № 8. – С. 72–77.

Паступіў у рэдакцыю 16.01.2021

Идентичность, самопрезентация, притязания – грани понятий

Мисюро А.Я.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

В современной научной литературе все чаще наблюдается тенденция к междисциплинарному характеру употребления таких понятий, как «идентичность», «самопрезентация» и «притязания». Это закономерно, так как в контексте активной трансформации социума и протекающих в нем процессов усиливается интерес к проблемам выбора и самовыражения. Возникает необходимость в синтезе накопленных знаний о данных понятиях, т.к. они выступают, по сути своей, гранями одного и того же явления.

Цель статьи – рассмотреть различные подходы к трактовке понятий «идентичность», «самопрезентация» и «притязания», выявить их взаимосвязь в ракурсе управления впечатлением.

Материал и методы. В статье представлены различные теоретические подходы к трактовке понятий «идентичность», «самопрезентация» и «притязания», поэтому материалом для анализа послужили работы исследователей, оперирующих данными дефинициями в психологии, философии и социологии. При этом применялись общенаучные методы систематизации и анализа материала.

Результаты и их обсуждение. Исторически первым и самым разработанным понятием является идентичность, в рамках изучения которой традиционно выделяют личностную и социальную идентичности. Роль данных аспектов по-разному рассматривается в русле трех классических психологических подходов (психоаналитический, интеракционистский, когнитивный). Со второй половины XX в. особое внимание стало уделяться предъявлению своей идентичности другим с помощью самопрезентации, т.к. существенно возросла необходимость презентации себя и управления впечатлением о себе. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению особенностей целенаправленного поведения личности, которые непосредственно связаны с идентичностью и предъявляются в ходе самопрезентации.

Заключение. Установлено, что сформированная личностная и социальная идентичность выражается в притязаниях личности и предъявляется ею в ходе самопрезентации. Делается предположение о существовании комплексной категории притязания, включающей в себя притязание «быть» и притязание «иметь».

Ключевые слова: идентичность, самопрезентация, притязания, управление впечатлением, социальная роль, личностная идентичность, социальная идентичность.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 146–150)

Identity, Self-Presentation, Claims – Conceptual Facets

Misiuro A.Y.

Educational Establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

There is an increasing tendency towards interdisciplinary use of such concepts as “identity”, “self-presentation” and “claims”. Due to the fact that the society and communicative processes are actively being transformed, more attention is paid to the problems of choice and self-expression. It is necessary to synthesize the knowledge about these concepts, since they are, in essence, facets of the same phenomenon.

The purpose of the article is to give an overview of various approaches to interpreting the concepts of “identity”, “self-presentation” and “claims” and reveal their interrelationship in the aspect of impression management.

Material and methods. Since this article presents various theoretical approaches to the interpretation of the concepts of “identity” “self-presentation” and “claims” the material for the analysis is the works of researchers working in the fields of psychology, philosophy and sociology. General scientific methods of systematizing and analyzing the material were used.

Findings and their discussion. Chronologically, the concept of identity was the first one to have been developed. Traditionally researchers distinguish between personal and social identities, their role is different depending on the approach (psychoanalytic, interactionist, cognitive). As the need to present oneself and manage the impression has significantly increased since the second half

of the 20th century, presenting one's identity to others via self-presentation became the focus of research. Nowadays there is an increasing interest in the study of personal goal-setting, which is directly connected to one's identity and is presented via self-presentation.

Conclusion. It is established that both personal and social identities are manifested in the claims and presented via self-presentation. The article suggests the existence of a complex category of claims which includes the claim 'to be' and the claim 'to have'.

Key words: identity, self-presentation, claims, impression management, social role, personal identity, social identity.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 146–150)

В современной научной литературе все чаще наблюдается тенденция к междисциплинарному характеру употребления таких понятий, как «идентичность», «притязания» и «самопрезентация». Изменения в обществе, влекущие за собой преобразование форматов, средств и каналов коммуникации, усиливают интерес к проблемам самовыражения, которые рассматриваются широким спектром наук: философией, психологией, социологией и др. Возникает необходимость в синтезе накопленных знаний о данных понятиях, т.к. они выступают, по сути своей, гранями одного и того же явления.

Материал и методы. В статье представлены различные теоретические подходы к трактовке понятий «идентичность», «самопрезентация» и «притязания», поэтому материалом для анализа послужили работы исследователей, оперирующих данными дефинициями в психологии, философии и социологии. При этом применялись общенаучные методы систематизации и анализа материала.

Результаты и их обсуждение. Исторически первым и самым разработанным понятием является идентичность, к исследованию которой в психологии существует три подхода: психоаналитический, интеракционистский и когнитивный. Все три подхода исходят из существования двух видов идентичности – личностной и социальной, однако их роль оценивается по-разному.

Важнейшим представителем психоаналитического подхода считается Дж. Марсиа, разработавший в ходе своих исследований статусную модель идентичности. Идентичность рассматривается как «структура эго – внутренняя, самосоздающаяся, динамическая организация потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории» [1]. Индивид прибегает к определенным алгоритмам решения проблемных ситуаций, результативность которых сказывается на осознании достоинств и недостатков, а также выборе целевых установок.

В исследованиях А. Ватермана особое внимание уделяется роли ценностей в определении целевых установок личности в жизни. Идентичность тесно связана с наличием у индивида четкого самоопределения, подразумевающего выбор основополагающих целей, ценностей и убеждений, которые и являются элементами идентичности [2].

В рамках психоаналитического подхода личностная идентичность главенствует над социальной. Потребности, убеждения личности, их иерархия и изменчивость, а также индивидуальный опыт составляют ту основу,

на которой формируются социальные характеристики.

Исследователи, работающие в русле интеракционизма, делают акцент на влиянии культуры и социальных условий на формирование идентичности. Так, например, И. Гофман различал актуальную (восприятие согласно реальным, очевидным и легко доказуемым атрибутам) и виртуальную (восприятие согласно предполагаемым атрибутам) идентичности. Под атрибутами он понимал любые признаки индивида, которые используются им при межличностном взаимодействии для акцентирования качеств, дающих ему преимущество на фоне других. Для описания отношения между указанными видами идентичности вводится понятие «политика идентичности», под которым понимается влияние индивида на представляемую о себе информацию с помощью различных «техник» (избегание, компенсация, деидентификация и др.) [3]. Таким образом, формирование идентичности обусловлено особенностями межличностного взаимодействия.

Похожие идеи высказал Р. Фогельсон, результатом исследований которого стала модель «борьбы идентичностей». Он выделил четыре вида идентичности: 1) реальная идентичность – сложившийся у индивида образ самого себя; 2) идеальная идентичность – желаемый индивидом идеальный образ; 3) негативная идентичность – нежелательные и поэтому избегаемые характеристики; 4) предъявляемая идентичность – набор образов и характеристик, транслируемых окружению с целью создания нужного имиджа. «Борьба идентичностей» происходит, когда указанные виды идентичностей вступают между собой в сложные отношения в процессе «работы идентичности», предполагающего манипулирование предъявляемыми фактами и характеристиками в ходе взаимодействия с социальным окружением [4].

Следовательно, символический интеракционизм утверждает существование двух аспектов идентичности – один из них ориентирован на социальное окружение, а второй – на уникальные личностные характеристики человека. Эти аспекты взаимосвязаны и индивиду постоянно нужно поддерживать их единство, представляя те или иные характеристики в ходе социального взаимодействия.

Когнитивный подход объединяет исследователей, утверждающих необходимость поддержания единства социальной и личностной идентичностей с помощью определенных усилий. Так, например, Г. Тэджфел и Дж. Тэрнер рассматривают идентичность, или «Я-концепцию» как когнитивную систему, которая регулирует поведение индивида в соответствующих условиях.

Личностная идентичность формируется на основе интеллектуального, нравственного, а также физического самоопределения, социальная или коллективная идентичность – на основе идентификации по принадлежности индивида к определенным социальным категориям (по полу, расе, национальности, профессии и т.д.) [5].

Проблема идентичности несколько по-иному рассматривается Г. Брейкуэлл, которая в своих исследованиях подчеркивает ее социальную природу. Индивид усваивает социальные категории, а в особенности социальные роли, в ходе взаимодействия с окружающим миром. Данные категории влияют на формирование личностной идентичности (набор характеристик, используемых для построения собственного образа) и оценку элементов содержательной структуры (существующие моральные и социальные нормы) [6]. Личностная идентичность играет второстепенную роль, подчеркивается влияние социального окружения.

Проанализировав понимание идентичности в рамках трех классических подходов, можно отметить, что психоаналитическая парадигма выдвигает на первый план личностный аспект идентичности, т.к. акцентируются глубинные механизмы ее формирования; в рамках символического интеракционизма внимание заостряется на первостепенной роли социального окружения в формировании идентичности, которое возможно только в ходе социального взаимодействия с другими индивидами и осознается через призму своей социальной роли; в когнитивной психологии идентичность рассматривается как эмоционально окрашенный процесс осмысления и обобщения сходства людей, принадлежащих к данной общности или группе.

Со второй половины XX в. в связи с интенсификацией процессов общения особое внимание уделяется предъявлению своей идентичности другим с помощью самопрезентации. Возрастает необходимость презентации себя и управления впечатлением о себе. Необходимо отметить, что существует большое количество частных концепций самопрезентации, в которых анализируются различные аспекты проблемы, но не существует единой типологии форм данного явления. Тем не менее исследователи, анализируя проблемы идентичности и самопрезентации, зачастую ссылаются на одних и тех же авторов.

В большинстве работ по самопрезентации в фокусе внимания находятся ее причины, мотивы и функции, однако практически не рассматривается то, как реализовывается этот процесс, не затрагиваются возможные способы управления им.

Согласно точке зрения Б. Шленкера, «самопрезентация руководствуется множеством мотивов; она происходит среди друзей, даже в интимных ситуациях; она имеет место даже в длительной взаимосвязи, такой как брак; она не обязательно включает в себя

сознательное внимание и контроль» [7]. Становится понятным, что индивид может создавать желаемый образ осознанно, исходя из ситуации и цели, либо же неосознанно представлять определенный образ своему окружению.

По мнению Р. Баумейстера и А. Стейнхилбера, самопрезентация – это самораскрытие в межличностном взаимодействии с помощью демонстрации своих мыслей, характера и т.д. [8]. Данный процесс отражает социальную природу человека и происходит неосознанно: человеку присуща потребность в признании другими людьми в ходе взаимодействия. Целью в данном случае является не только создать нужный образ, но и раскрыть себя внешнему миру через представление своего внутреннего мира (мыслей, характера, ценностей и убеждений).

В рамках концепции социальной драматургии, разработанной И. Гоффманом, общение описывается как своего рода театральное представление, где каждый человек выступает актером, создающий определенное впечатление о себе при взаимодействии с другими людьми. Актер определяет для себя роль и исполняет ее. «Получается так, что уже существует несколько хорошо разработанных (и легко узнаваемых) фасадов, среди которых он должен выбирать» [8]. Окружающие или публика стремятся собрать информацию об актере или действуют, исходя из той информации об актере, которой уже обладают. Актер может «дать информацию о себе» (через прямые высказывания) или «выдать себя» (через поведение и невербалику), следственно самопрезентация происходит и осознанно, и неосознанно. Такого рода сведения информативны точки зрения определения характера ситуации и взаимных ожиданий актера и публики [8].

В свою очередь исследователи И. Джонс и Т. Питтман считают, что ведущим мотивом самопрезентации выступает стремление к власти, т.е. стремление получить и поддержать влияние в ходе социального взаимодействия. Самопрезентация – это «особенности поведения, сформированные под влиянием мотивов, чтобы вызвать или сформировать определенное отношение окружающих к положению человека в обществе» [9]. Процесс самопрезентации полностью осознаваем, это сознательно выстраиваемое поведение или игра на публику, воздействовать на которую можно с помощью определенных тактик.

Проанализировав подходы к пониманию идентичности и самопрезентации, можно прийти к выводу, что это взаимосвязанные явления. В зависимости от ситуации и целей общения человек неосознанно или стратегически предъявляет нужные элементы своей идентичности в ходе самопрезентации.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес исследователей к изучению особенностей целеполагания личности, которые непосредственно связаны с идентичностью и предъявляются в ходе самопрезентации. В этом контексте обязательно упо-

минается уровень притязаний личности как основа, определяющая как выбор предъявляемых элементов идентичности, так и стратегию поведения в различных ситуациях общения.

В психологии и социальной психологии теме притязаний личности уделено немалое количество исследований. Сам термин «уровень притязаний» впервые появился в 1930-х гг. и стал одним из самых популярных конструктов в психологии XX в. Вслед за его введением возникло множество определений, экспериментальных схем исследования, отдельных ракурсов изучения, вследствие чего наблюдается некоторая рассогласованность научных позиций по данному явлению.

В русле исследований Ф. Хоппе и Б.С. Братуся притязания рассматриваются как поставленные субъектом цели, которые связаны со способностями человека и непосредственно конкретизируются в уровне притязаний при определении показателя трудности. Именно Ф. Хоппе ввел разделение целей на реальные и идеальные. Реальной целью называлась та, которую, по мнению индивида, он может достичь в данных конкретных условиях, определенных сложившейся ситуацией общения. Под идеальной целью понималась широкая цель, превышающая временные реальные цели; это цель, к достижению которой в той или иной деятельности стремится индивид. Идея разделения целей была продолжена Б.С. Братусем, который указал на то, что существует определенный конфликт между тенденциями поднять притязания на максимальную высоту и понизить их, чтобы избежать неудачи. В связи с этим он вводит существенный критерий полноценного развития личности – разьединение, отсутствие жесткой связи, иначе – слитности между «хочу» и «могу», идеальными и реальными целями. Результат подобного разьединения и определяет композицию притязаний личности, а также ее стратегии [10].

По мнению К.А. Абульхановой-Славской, притязания личности выражают степень соотносительности жизненных целей и собственных возможностей и выступают как устойчивое личностное образование, побуждающее человека действовать согласно его содержанию [11]. В контексте ее исследований жизненный путь человека рассматривается как процесс, в котором можно выделить три системы: притязания, саморегуляция и удовлетворенность. Притязания определяют представления личности о возможности достижения желаемого в зависимости от внешних и внутренних условий (складывающиеся обстоятельства, жизненное пространство с одной стороны, и образ «Я» и самооценка с другой стороны). После того, как личность определила свои притязания, начинает действовать система саморегуляции, включающая в себя средства и способы достижения поставленных целей и преодоления возникающих трудностей. Показателем же личностных достижений выступает удовлетворенность, которая находится в прямой зависимости от притяза-

ний (чем выше удовлетворенность – тем смелее индивид в своих притязаниях и наоборот).

Личностные притязания являются центральным предметом исследования С.Т. Джанерьян, А.Э. Ким. Они утверждают, что притязания – это «мотивационно-целевое личностное образование, которое проявляется в стремлении к достижению субъективно приемлемого результата в значимых сферах реальности и жизни в целом» [12]. В их исследовании выделены различные типы притязаний по определенным критериям: 1) по обобщенности результата – глобальные и парциальные; 2) по содержанию – глобальные общецелые, эмоционально-жизненные, инструментальные и парциальные профессиональные, материально-экономические, семейно-ориентированные, образовательные, досуговые, социально-ориентированные, личностно-диспозиционные.

В большинстве исследований уровень притязаний рассматривается в контексте решения личностью ситуативных задач, а личностные притязания определяют выбор жизненных стратегий. Кроме того, исследования уровня притязаний обычно носят эмпирический характер и сосредоточены на определенной сфере жизни человека, что накладывает определенные ограничения на изучение видов и содержания личностных притязаний.

Заключение. Взаимосвязь понятий идентичность, притязания и самопрезентация становится понятной. Сформированная личностная и социальная идентичность выражается в притязаниях личности и предъявляется ею в ходе самопрезентации. Предъявляя себя, человек реконструирует свою идентичность, которая определяется культурным и историческим контекстом, выстраивается в процессе взаимодействия с другими людьми и общественными институтами. Идентичность динамична, она постоянно изменяется, т.к. полна противоречий. Социальный характер общения детерминирует выбор тех качеств и характеристик, на которых личность акцентирует свое внимание, и определяет стратегии и тактики их презентации окружающим в различных ситуациях.

Стремление индивида к положительной идентификации, к совершенствованию своего личностного и социального портрета является естественным. Однако сегодня мы все чаще наблюдаем не только предъявление себя (кто я и какой я, каким я хочу быть), но и предъявление того, что адресант хочет – его притязаний на обладание чем-то (что я хочу иметь и получить). В фокусе внимания оказывается соответствующий уровню притязания говорящего портрет потенциального партнера, клиента, избирателя и т.д., а также конечная цель его деятельности и осознание своего места в обществе. В связи с этим назревает необходимость исследования комплексной категории притязания, включающей в себя и притязание «быть», и притязание «иметь».

Литература

1. Marcia, J.E. Identity in adolescence / J.E. Marcia // Handbook of Adolescent Psychology / ed.: J. Adelson. – N.Y.: John Wiley, 1980. – P. 159–187.
2. Waterman, A.S. Identity Development from Adolescence to Adulthood: An Extension of Theory and a Review of Research / A.S. Waterman // Developmental Psychology. – 1982. – V. 18, iss. 3. – P. 341–358.
3. Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман. – М.: Канон-пресс, 2000. – 304 с.
4. Fogelson, R.D. Self and Identity. Some Anthropological Retrospects, Circumspects and Prospects / R.D. Fogelson // Psychosocial Theories of the Self: Proc. of a Conf. on New Approaches to the Self, Chicago, March 29 – Apr. 1 1979 / Center for Psychological Studies; ed.: Lee B. [et. al.]. – Chicago: Plenum Press, 1982.
5. Tajefel, H. An Integrative Theory of Intergroup Conflict / H. Tajefel, J.C. Turner // The Social Psychology of Intergroup Relations / ed.: W.C. Austin [et. al.]. – Monterey, CA : Brooks-Cole, 1979. – P. 33–47.
6. Breakwell, G.M. Coping with threatened identities / G.M. Breakwell. – London : Mithuen, 1986. – 280 p.
7. Schlenker, B.R. Self-Presentation / B.R. Schlenker // Handbook of Self and Identity / ed.: M.R. Leary [et. al.], – New York: Guilford, 2003. – P. 492–518.
8. Baumeister, R.F. Paradoxical Effects of Supportive Audiences on Performance under Pressure: The Home Field Disadvantage in Sports Championships / R.F. Baumeister, A. Steinhilber // Journal of Personality and Social Psychology. – 1984. – № 47. – P. 85–93.
9. Jones, E.E. Toward a General Theory of Strategic Self-presentation / E.E. Jones, T.S. Pittman // Psychological Perspectives on The Self. – 1982. – Vol. 1. – P. 231–262.
10. Братусь, Б.С. Соотношение структуры самооценки и целевой регуляции деятельности в норме и при аномальном развитии / Б.С. Братусь, В.Н. Павленко // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 146–154.
11. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 289 с.
12. Джанерьян, С.Т. Содержание личностных притязаний в связи с жизненными стратегиями молодых людей / С.Т. Джанерьян, А.Э. Ким // Психология и Психотехника. – 2018. – № 3. – С. 1–12.

Поступила в редакцию 22.03.2021

Специфика речевого поведения Н.С. Михалкова (на материале текстов интервью)

Михальчук Н.А.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

Статья посвящена некоторым аспектам проблемы специфики языковой личности Н. Михалкова – рассмотрению реализации принципа вежливости Дж. Лича, а также анализу стратегии уклонения в текстах интервью с режиссером.

Цель статьи – проанализировать реализацию принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах интервью с Н.С. Михалковым.

Материал и методы. Устная речь Н. Михалкова анализируется на материале интервью с режиссером в Интернете. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод, метод анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. Доказывается, что в устной речи Н. Михалкова наблюдаются нарушения максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича. Отмечается, что при реализации интенции неодобрения в речи Н. Михалкова преобладают этические оценки, а применительно к речевой ситуации одобрения более частотными являются эстетические оценки. Обосновывается, что в дискурсе Н. Михалкова частично используется речевая манипуляция с целью создания своего положительного образа. Основные тактики неодобрения в дискурсе Н. Михалкова – риторические вопросы, цитаты, экспрессивное выражение негативных эмоций, умозаключения общего характера, отказ отвечать, неодобрение в форме одобрения, негативная характеристика третьего лица, просьба иллюстрации тезиса, угроза. Характерной для дискурса Михалкова тактикой одобрения выступает цитирование.

Заключение. Отличительными чертами речевого поведения Н. Михалкова являются нарушение максим одобрения и скромности Дж. Лича, стремление к соблюдению принципа кооперации.

Ключевые слова: речевое поведение, принцип вежливости, максимы вежливости, уклончивый ответ, принцип кооперации, языковая личность.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 151–158)

Specifics of N. Mikhalkov's Speech Behavior (Based on the Material of Interview Texts)

Mikhailchuk N.A.

Education Establishment "Mogilev State A.A. Kuleshov University", Mogilev

The article is devoted to some aspects of the problem of N. Mikhalkov's language personality specificity, that is, to the consideration of implementation of G. Leech principle of politeness and also to the analysis of the strategy of evasion in the texts of interviews with the director.

The purpose of the article is to analyze the implementation of the principle of politeness and the strategy of evasion in the texts of the interviews with N. S. Mikhalkov.

Materials and methods. N. Mikhalkov's oral speech is analyzed on the basis of interviews with the director on the Internet. To achieve the goal of the study, we used the method of contextual analysis as the main one, the descriptive method, the method of analysis and synthesis.

Findings and their discussion. It is proved that in N. Mikhalkov's oral speech violations are observed concerning the maxims of approval and modesty in the framework of G. Leech principle of politeness. It is noted that when implementing the intention of disapproval in the speech of N. Mikhalkov ethical assessments prevail, and in relation to the speech situation of approval aesthetic assessments are more frequent. It is justified that in the discourse of N. Mikhalkov, speech manipulation is partially used in order to create a positive image. The main tactics of disapproval in N. Mikhalkov's discourse are rhetorical questions, quotations, expressive

expression of negative emotions, general conclusions, refusal to answer, disapproval in the form of approval, negative characterization of a third person, request for an illustration of the thesis, threat. The typical tactics of approval in Mikhalkov's discourse is citation.

Conclusion. *The characteristic features of N. Mikhalkov's speech behavior are the violation of the maxims of approval and modesty of Lich, the desire to observe the principle of cooperation.*

Key words: *speech behavior, principle of politeness, maxims of politeness, evasive answer, principle of cooperation, language personality.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 151–158)

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX века включает несколько разных, но взаимосвязанных направлений, среди которых выделяется коммуникативная лингвистика, – ее определяет интерес к человеку в ракурсе его процесса коммуникации. В рамках антропоцентрического подхода диктуется необходимость изучения речевой коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для всесторонней оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения.

Речевое поведение, одно из фундаментальных лингвистических и психологических понятий, было объектом исследования в трудах Т.Г. Винокур [1], Н.И. Формановской [2], К.Ф. Седова [3] и др. По определению Т.Г. Винокур, речевое поведение – это «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [1, с. 12].

В вербальном выражении речевого поведения различаются два аспекта, связанных с операциями отбора языковых и речевых структур. Говорящий в процессе речевой деятельности осуществляет две разновидности выбора: прагматический и стилистический. Первый предполагает выбор адекватной ситуации интенции, связанной с оформлением коммуникативных смыслов речевых действий: одобрение, неодобрение, совет, приказ, просьба и т.д. Второй выбор является установлением уместных в данном речевом акте языковых средств оформления подразумеваемого коммуникативно-прагматического содержания.

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В.В. Виноградовым в 1930-х гг. в книге «О языке художественной прозы». Под «языковой личностью» Ю.Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [4, с. 3].

Изучение речевого поведения наших современников и предшественников – деятелей культуры и искусства, ученых, политических деятелей, телеведущих, а также персонажей художественного текста в последнее время все чаще вызывает исследовательский интерес. Примечательны в этом направлении работы Н.И. Белуновой, И.Н. Казаковой, Л.М. Салимовой, Г.Г. Хисамовой, А.Д. Степанова. При этом более

основательно и детально в коммуникативно-прагматическом аспекте исследованы художественные тексты, в частности, речевое взаимодействие персонажей и особенности языковых личностей в произведениях А. Чехова, В. Шукшина, В. Набокова. Интервью и беседы с реальными историческими языковыми личностями с точки зрения специфики коммуникации остаются менее изученными.

В лингвистической науке были предприняты также и попытки дифференциации моделей речевого поведения. Так, понятие типа речевой культуры, введенное в научный оборот О.Б. Сиротининой, оказалось актуальным в условиях современной языковой и социокультурной ситуации. В статье «Устная речь и типы речевых культур» (1995) О.Б. Сиротинина определяет пять типов речевой культуры, среди которых называет элитарный тип речевой культуры [5].

Не до конца решенной является проблема отнесения речевой коммуникации выдающихся деятелей культуры, науки и искусства к тому или иному типу речевой культуры. Велико искушение оценивать результаты творческой и научной деятельности этих языковых личностей, а не их реальную коммуникацию, отраженную в текстах бесед и интервью, в записях спонтанной речи. По нашему мнению, такой подход является ошибочным.

Цель статьи – проанализировать реализацию принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах интервью с Н.С. Михалковым.

Материал и методы. Исследование посвящено отдельным аспектам проблемы изучения языковой личности Н.С. Михалкова – рассмотрению реализации принципов вежливости Дж. Лича и кооперации Г.П. Грайса в устной речи режиссера, а также выявлению специфики его речевого поведения в текстах интервью. Устная речь Н. Михалкова анализируется на материале интервью с режиссером в Интернете. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

В ходе работы в текстах интервью с Н. Михалковым были проанализированы следующие группы речевых актов: речевые акты неодобрения, одобрения, похвалы, самоодобрения, самопохвалы, отказа.

Для достижения цели исследования использовался метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод для характеристики языковых явлений, метод анализа и синтеза для теоретического обобщения языковых фактов.

Результаты и их обсуждение. Принцип вежливости, сформулированный в 1983 году в труде «Принци-

пы прагматики» британским лингвистом Дж. Личем [6], является классическим и фундаментальным, относится к сфере речевого этикета и может быть определен как принцип взаиморасположения коммуникантов в рамках речевого акта. Принцип вежливости включает следующий набор максим: максима такта, максима вежливости, максима одобрения, максима скромности, максима согласия и максима симпатии.

Соотношение понятий неодобрение, осуждение и порицание в научной литературе у разных авторов различно (Т.К. Соловьева, О.А. Евтушенко, Т.А. Графова, И.Г. Дьячкова, С.Ф. Анисимов). Нам близка точка зрения Е.В. Тетерлевой, рассматривающей речевые акты неодобрения как выражение отрицательной оценки и выделяющей частные прагматические значения речевого акта неодобрения – упрек, замечание, осуждение, предупреждение, угроза, критика, порицание.

В лингвистической прагматике выделяется три типа речевых актов, с помощью которых говорящий дает высокую оценку качествам, действиям адресата, – одобрение, похвала, комплимент.

Вопрос о соотношении данных типов высказываний в научной литературе решается неоднозначно. Различия концепций связаны со следующими основными причинами: отсутствие дифференциации комплимента и похвалы в трудах ученых (зарубежные лингвисты), отождествление похвалы и одобрения (Е.С. Петелина, А.А. Романов), рассмотрение похвалы и одобрения как смежных, но не идентичных положительно-оценочных речевых актов (И.Г. Дьячкова, Н.А. Бигунова, З.К. Темиргазина, М.С. Бачурка).

Мы разделяем точку зрения Н.А. Бигуновой, которая в качестве объектов одобрения рассматривает неодушевленные предметы, идеи, явления; похвалу трактует как речевой акт, направленный на собеседника либо отсутствующего в коммуникативном пространстве человека, а ее объектом считает качества, умения, поступки, внешность или манеры адресата (явного или отсутствующего) [7].

Речевым актом самоодобрения мы считаем речевой акт одобрения, адресатом и адресантом которого является один и тот же человек, посредством которого говорящий выражает удовлетворение своими поступками, поведением или продуктом деятельности. Речевым актом самопохвалы считаем речевой акт, выражающий общую положительную оценку, даваемую говорящим самому себе.

Один из базовых принципов речевого общения – принцип кооперации, сформулированный Г.П. Грайсом и описанный лингвистом следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, каким требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [8].

Речевой акт отказа реализует интенцию, угрожающую лицу адресата, и предпочтительной, более вежливой является косвенная форма его выражения, ср.: П. Браун и С. Левинсон [9], Н.И. Формановская [2].

Одним из видов не прямых речевых актов отказа становятся уклончивые ответы.

Уклончивый ответ – это разновидность косвенного речевого акта (отказа), посредством которой говорящий избегает прямого ответа на заданный вопрос, при этом предпринимая определенные усилия для сохранения зоны согласия с партнером по коммуникации. Основным признаком уклончивых ответов лингвисты называют их семантическую неопределенность.

В рамках данной статьи элитарной языковой личностью мы считаем личность, строго соблюдающую базовые принципы речевого общения: вежливости, кооперации, толерантности, некатегоричности, точности, определенности, объективности, достоверности, прямоты.

Никита Сергеевич Михалков – выдающийся российский кинорежиссер, актер, сценарист, выходец из знаменитой творческой семьи: сын детского писателя Сергея Михалкова и поэтессы Натальи Кончаловской. Н. Михалков – создатель многих любимых отечественным зрителем кинофильмов, обладатель престижных званий и премий в области искусства, председатель Союза кинематографистов России. Он много и охотно общается с прессой, читателем, зрителем как со страниц газет, посредством публикаций в личном блоге в Интернете, так и с телеэкрана, являясь ведущим авторской программы «Бесогон».

При этом, как свидетельствуют высказывания в Интернете, языковая личность Н. Михалкова вызывает противоречивые чувства и эмоции. Так, одни пользователи Интернета характеризуют его словами и словосочетаниями «лживый», «лицемерный», «алчный», «барские замашки», «ложная вельможность», другие – «талантливый», «сильный», «настоящий мужчина». В пользу того, что коммуникация Н. Михалкова со зрителем во многих случаях осуществляется unsuccessfully, свидетельствуют и высказывания самого режиссера: *«Моя личность вызывает глухой, но мешающий жить протест», «Если меня не любят, то на уровне каком-то генетическом. Мешает это. Мешает».*

По причине того, что о личности Михалкова зритель судит в значительной мере по его речевой коммуникации, на наш взгляд, об истоках неоднозначного отношения к режиссеру можно получить некоторое представление, проанализировав речевое поведение кинорежиссера.

Отметим ряд специфических особенностей речевого поведения Н. Михалкова.

1. Реализация максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича

1.1. Максима одобрения. В дискурсе режиссера наблюдаем нарушения максимы одобрения Дж. Лича, которая гласит: «Своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других».

1.1.1. Неодобрение. Анализ наиболее частотных интенций, используемых Н. Михалковым в жанре интервью, показал, что при оформлении

коммуникативных смыслов своих речевых действий говорящий регулярно предпочитает интенции неодобрения и осуждения.

Неодобрение Н. Михалкова направлено как на собеседника, так и на третьих лиц. Ср. неодобрение собеседника:

«— Никто не ожидал, что Вы будете работать с братьями Пресняковыми. Как будто совсем не Ваши авторы?

— Вы видите во мне не то, что есть на самом деле. Может, я просто не вписываюсь в клише, в которое меня хотят встроить».

Ср. неодобрение третьего лица: «И вот какое количество ширпотреба делается непрофессиональными людьми, потому что на него дают деньги».

Неодобрение в дискурсе Н. Михалкова включает эстетический и этический уровни оценивания. Негативные эстетические оценки в его интервью встречаются реже, чем этические. Высказывания Н. Михалкова о неприемлемом в сфере искусства экспрессивны и категоричны. Ср.: «Это мировая тенденция чудовищного измеления <...> Когда ты вот такое смотришь, то разрушается все — и что было до этого, и что будет потом, после этого. Потому что ты понимаешь, что этих людей абсолютно не интересует хотя бы логическая правда. Пипл хавает. Красивая женщина, резкие повороты сюжета!».

Отрицательные этические оценки, в отличие от эстетических, даются Михалковым в широком диапазоне, объектами их становятся не только многочисленные конкретные личности и группы людей, но и идеи, и явления. Неодобрение Михалкова направлено на собственных антагонистов, на российскую интеллигенцию, на русский национальный характер, на советскую идеологию, на современного человека, его сознание и мышление, на Западный мир, его ценности и руководителей западных государств, на российскую оппозицию, на журналистов, атеистов, католиков и пр.

Ср.: О недругах: «Какого... они кричат о моей "тирании", а сами в собственных головах создают себе царя и с ним живут?», «Ты разве не видел, какая работа была сделана, чтобы фильм не понравился?». Об интеллигенции: «Наша интеллигенция — условно говоря, голландская» (себя к ней Михалков не причисляет, называя аристократом, а, следовательно, пороков не разделяет. — Н.М.). О российских политических деятелях: «Пока же многие наши политики, стоящие в церквях, — просто подсвечники». О советской власти: «Я думаю, это произошло из-за огромного иждивенчества, которое давало в течение семидесяти лет страна». О современниках: «Мы живем в эпоху голых королей, которым никто не говорит, что они голые». О католиках: «Сегодня мы пожинаем плоды нашего этого безбожия. Не активного даже безбожия, а вот такой веры: в воскресенье в католических Храмах все сидят, они ходят туда, как на работу. А вот трепета нет».

Об американцах: «Сколько раз нас обманывали улыбки этих милых людей? <...> Это такая эфемерная, обманчивая бабочка». О Ельцине: «Меня учила мама: "Бойся людей, для кого власть — мечта, а не крест". Я не видел тогда, что для Ельцина власть есть мечта».

Косвенный способ выражения осуждения, к которому регулярно прибегает Н. Михалков, отчасти, но не до конца смягчает неблагоприятные для адресатов интенции. Косвенная форма речевых актов неодобрения свидетельствует и о том, что режиссер — личность образованная, так как, в соответствии с выводами В.В. Богданова, «общение на уровне имплицатур — более престижный вид вербальной коммуникации», чем на уровне прямых высказываний [10].

Ср.: «Марлен Мартынович Хуциев — замечательный режиссер и уважаемый человек. Его называют совестью нашего кино. Однако я не уверен, что одной его совести хватит на всех, кто его окружает».

В приведенном фрагменте диалога в пределах одного макроречевого акта интегрируются похвала и неодобрение. Высокая оценка профессиональных и личных качеств М. Хуциева сочетается со скрытым неодобрением его окружения, для оформления косвенного высказывания используется диада «сообщение — неодобрение».

К основным тактикам неодобрения / осуждения в дискурсе Н. Михалкова относятся следующие:

1) риторические вопросы, ср.: «В чем всевластие Михалкова? Он что, деньги распределяет? Нет, это ложь. Он кого-нибудь лишил работы? Нет. У кого-то что-то отнял? Нет. Ведь никто ничего конкретного не может предъявить». «Сколько раз я обманывался в Лос-Анджелесе на афтерпати? Через два часа встречаешь на улице человека, а он тебя уже не узнает».

2) цитаты, ср.: «Помните легендарную реплику из фильма "Цирк"? "У этой женщины черный ребенок!" Так вот, разве что крикнуть, что у меня черный ребенок — на безрыбье».

3) экспрессивное выражение негативных эмоций и оценок, ср.: «Что за дикая мысль?», «Ну, что за бред!»

4) рассуждения общего характера, ср.: «Ну, послушайте, мы серьезные люди, невозможно жить все время в какой-то выдуманной стране Барби, страдать, пугать, предупреждать».

5) отказ от ответа, ср.: «Ну нет у меня ответа на глупости». «Да я даже задумываться не хочу по этому поводу».

6) неодобрение в форме одобрения, ср.: «Чем больше клеветают, тем чище душа».

7) просьба иллюстрировать тезис примером, ср.: «Кто пострадал, пусть выйдет и скажет — чему именно в его творческой жизни мешало отсутствие отношений между Швыдким и Михалковым».

8) негативная характеристика третьего лица или его поступка, ср.: «Абсолютно наплевать на

профессию. Надергали в Википедии татарских имен и даже не поинтересовались, кто эти люди. Но расчет тот же – пипл схавает».

9) **угроза, ср.:** «Пока у меня хватит сил, я буду бить любого, кто посмеет посягнуть на мою честь и безопасность. А также на честь и безопасность моих близких. Буду бить в кровь – так и запиши».

Негативные этические и эстетические оценки выражаются Н. Михалковым, как правило, интенсивно, с использованием общеупотребительной абстрактной лексики со значением отрицательной оценки (*безбожие, безграмотность, деградация, изживенчество, демагогия, язычество, ложь, клевета, ненависть*), разговорной лексики с отрицательными коннотациями (*активные люди шумели; ширпотреб; что за бред*), жаргонной лексики (*понты бегут впереди профессии; фуфло выдается за настоящее; картину начали мочить за семь месяцев до ее выхода*), грубопросторечной.

Есть место в дискурсе Н. Михалкова и бранным словам и выражениям, абсценной лексике. Абсценная лексика не только допускается режиссером в ряде речевых ситуаций, но и активно поощряется. Ср. его высказывание: «Мат – это великий памятник русской словесности. <...> Русский мат – это не просто грязная ругань, а фольклорные проявления фантазии народа. <...> Есть ситуации, при которых невозможно не выразить свои чувства через крепкое русское слово – война, ранение, боль, страх, ненависть, гнев, неожиданность».

В «дистанцирующем» варианте этикета грубые и бранные выражения запрещены как в адрес собеседника, так и третьих лиц. В «сближающем» этикете они могут быть допустимы по отношению к лицам, не участвующим в разговоре. Следует учитывать, что интервью – публичная разновидность коммуникации, и объекты негативных оценок режиссера потенциально являются адресатами его высказываний. Рассматриваемые группы лексики в речи Н. Михалкова выводят общение за пределы этикетного.

Как утверждает Т.В. Крылова, грубая, вульгарная лексика в адрес собеседника связывается в сознании русского человека с неуважением к партнеру по коммуникации, желанием его обидеть, снижением его статуса. Это правило относится к правилам негативной уважительности, оно является обязательным для любого типа коммуникации, а нарушения его отражаются в употреблении лексем «невежливый», «невежливо», «невежа» [11, с. 368].

Негативно-оценочная лексика в устной речи Н. Михалкова образует антитезу с другой группой слов – абстрактными существительными со значением положительной оценки, выражающими нравственно-этические ценности (*правда, вера, созидание, чудеса, терпение, любовь, искренность, объективность, равенство, равноправие*). В репликах-реакциях Н. Михалкова такие лексемы наблюдаем в пределах одного речевого акта наряду с вульгарной лексикой.

В дискурсе Н. Михалкова употребительно метафорическое выражение осуждения. Метафорические конструкции расцвечивают речь и указывают на творческий тип сознания адресанта высказываний. Ср.: «Произошла очень сильная деградация. Люди **потеряли дыхание, и оно стало коротким**». «Политики, стоящие в церквях, – **просто подсвечники**». «Молодой актер не смог бы **расписать такой огромный купол такими яркими красками**». «Я приехал работать на Запад, как наивный ребенок с **молочными зубами, а уехал с железной челюстью выдавшего виды волка**».

1.1.2. Неосуждение (толерантные высказывания). Интенция неосуждения в дискурсе режиссера является малоупотребительной. Данная интенция реализуется толерантными высказываниями, направленными на явления, которые адресант, исходя из своей системы ценностей, не одобряет, но понимает и принимает.

В единичных речевых актах неосуждения дается оценка современному российскому кино: «*Это не всегда хорошо, но зато это – про нас. А когда людям начинает нравиться смотреть про себя, это о многом говорит*».

Малочисленность толерантных высказываний, предпочтение им речевых реализаций интенции неодобрения характеризуют режиссера как личность, которой не свойственна терпимость к иному образу жизни, мировоззрению, поступкам и обычаям, а в творчестве – иным, чем у него самого, эстетическим принципам.

1.1.3. Одобрение. Интенция одобрения в устной речи Михалкова используется несколько реже, чем неодобрение. В дискурсе Н. Михалкова объектами похвалы выступают третьи лица, среди которых – члены семьи режиссера, его духовный отец (священник), современные, а также относящиеся к прежним эпохам деятели культуры и искусства, философы, служители церкви.

Эстетические оценки при реализации интенции одобрения у Н. Михалкова существенно доминируют над этическими: «*Картина Андрея Зайцева “Блокадный дневник” – это очень искренняя, очень сложная, очень трогательная работа, а самое главное – очень правдивая*». «*Когда ты смотришь картину “Пять несложных музыкальных пьес” с Джеком Николсоном. Абсолютно современная картина с потрясающим совершенно смыслом. Молодая картина!*» «*Мухаммед. Посланник Бога*» – великая картина, голливудский размах. Как это сделано!»

Характерной для дискурса Н. Михалкова тактикой одобрения при выражении этических и эстетических оценок является **цитирование**. На одобрение и восхищение, с которым текст цитируется говорящим, указывают атрибутивные и наречные лексемы, характеризующие автора высказываний, а также прямые речевые акты согласия.

Ср.: «**Великий** Станиславский говорил: “Счастье – это не когда получилось, а когда получается”. И для

меня в этом движении и состоит счастье». *«Я абсолютно согласен с сумасшедшим мудрецом Василием Васильевичем Розановым, который сказал: «Человек без веры мне вообще не интересен». «Мой духовник мне сказал гениально: «Это демонов немощные дерзости»».*

Похвала, связанная с этической оценкой высказываний и качеств лиц, не участвующих в разговоре, неоднократно присутствует в речи Михалкова в адрес своей матери (тактика цитирования): *«Моя мама Наталья Петровна Кончаловская часто повторяла: “Сын, никогда не суди о своей жизни по тем, кто живет лучше тебя, а суди по тем, кто живет хуже”. На мой взгляд, это самый лучший способ избавиться от огромного количества комплексов и проблем».* Похвала адресуется брату – режиссеру Андрею Кончаловскому: *«Култ старшего брата для меня был основополагающим во всех смыслах».*

Наиболее значимыми атрибутивными лексемами при выражении положительных оценок Н. Михалковым являются великий наряду с формой суперлатива величайший (*«Сергей Герасимов снял “Тихий Дон”, и это великая картина»*), *«Продюсер Леонид Верещагин – величайший профессионал»*); живой в переносном значении (*«Это живое», «Это живая вещь, и она все время живет вместе с тобой»* (о фильмах режиссера Балабанова)); лексема здоровый в переносном употреблении (*«У здорового человека и взгляд – здоровый»; о фестивале «Кустендорф»: «Он здоровый, он живой. Он обучающий. Он домашний, он с прекрасной атмосферой»; «Елена Ямпольская. Насколько я понимаю, для вас здоровый – вообще высшая похвала. Никита Михалков. Правильно. Душа должна быть здорова, в первую очередь, ну, и тело, конечно, желательно»*).

1.2. Максима скромности. В текстах интервью Н. Михалков нарушает максиму скромности Дж. Лича [6], которая предполагает неприятие похвал в свой адрес, минимум похвал и максимум порицаний говорящего по отношению к самому себе.

В устной речи Н. Михалкова частотны речевые акты самопохвалы и самоодобрения, использование которых связывается с нарушением максимы скромности Дж. Лича (в рамках принципа вежливости).

В дискурсе Н. Михалкова разграничиваем самоодобрение, выражающееся в высокой оценке снятых им кинофильмов, проделанной работы, а также самопохвалу – общую высокую оценку своих личностных качеств.

Ср. речевые акты самопохвалы: *«Я летучий аристократ». «Я мог бы быть успешным командиром» «Да я вообще лояльный человек. Я не знаю, кто и за чем про меня всякие ужасы сочиняет».*

Ср. речевые акты самоодобрения: *«Это великая картина. Это великая, Юра, картина»* (об «Утомленных солнцем»). *«Я знаю цену этой картины». «Я испытываю радость, гордость и огромное удивление. Когда у тебя что-то тырит Курасава, это приятно». «Не буду раскрывать всех тонкостей, но это*

ноу-хау, очень технологичный спектакль» (по фильму “12”). *«Это героический поступок всех организаторов фестиваля»* (в том числе и его поступок. – Н.М.)

Таким образом, субъект высказываний во всех интервью с Н. Михалковым постоянно находится в более сильной коммуникативной позиции по отношению ко всем адресатам своих высказываний, что приводит к коммуникативным неудачам. [9] Тем не менее, говорящий чаще всего не пытается усилить позиции адресатов или ослабить свою с целью повышения успешности общения, так как заинтересован, по нашему мнению, не столько в успешности коммуникации, сколько в личном самовыражении.

В редких случаях Н. Михалков готов указать на свои ошибки. В то же время, чувствуя, что попадает в слабую коммуникативную позицию, он начинает прибегать к тактикам повышения своего коммуникативного статуса: самооправдания и обвинения других. Обращает на себя внимание стремление коммуниканта к снижению ответственности за совершенное и минимизации ущерба, наносимого своему лицу. Покажем это на примерах.

Параметры коммуникативной ситуации. Молодой человек на мастер-классе Михалкова бросил на сцену яйцо, и Михалков в ответ ударил его по лицу ботинком.

Елена Ямпольская: *А как же – подставь другую щеку?*

Никита Михалков: *Я сожалею, что, может быть, в этом вопросе мне не хватает смирения. Но тогда надо быть отшельником, монахом. Я не монах, силы у меня есть, я много занимался спортом, так что – не умеют любить, пусть боятся.*

Манипулятивная стратегия реализуется посредством следующих тактик: 1) прием «ложной интерпретации»: «христианский постулат – для монахов, а не для живущих в миру верующих людей, ко мне это неприложимо», 2) создание собственного образа спортсмена, физически сильного человека, который легко может защитить себя, и для такого человека насилие не является предосудительным. 3) обвинение другого, констатация того, что наказание им заслужено: «не умеют любить – пусть боятся».

Параметры коммуникативной ситуации. Ответ на критику в свой адрес в связи с руководством Союзом кинематографистов.

Никита Михалков. *У меня действительно был целый ряд серьезных ошибок, связанных с кадровой политикой. Пиорунский – ошибка. Игорь Угольников – ошибка. Лосев – ошибка. Но это издержки моего воспитания. Я так воспитан, что если иду с человеком, то иду до конца – пока не понимаю, что двигаться дальше с ним невозможно. Я это признаю и готов извиниться. Но эти люди не остались в СК – я их сам поставил и сам же убрал.*

Реализация манипулятивной стратегии в данном фрагменте диалога осуществляется следующим образом: 1) создание собственного положительного образа

преданного, порядочного человека, что и повлекло за собой погрешности в работе руководителя, 2) создание образа человека, который признает и исправляет ошибки.

2. Соблюдение принципа кооперации. Жанр интервью так или иначе предполагает наличие интенций, несущих угрозу лицу адресата, – отказа и несогласия. Очевидно и то, что как журналисты, так и читатели в ситуации общения с публичным человеком нередко нарушают принципы коммуникативного кодекса и касаются тем, травмирующих адресата,

Как указывает Т.В. Крылова, «отказ выполнить то, что просит партнер, противоречит принципу кооперативного поведения» [11, с. 355].

Косвенный способ выражения отказа от ответа и несогласия является, как показывают лингвисты, более вежливым и высоко употребительным в речевом общении русских (Т.В. Нестерова, Н.И. Формановская). В рамках прагмалингвистической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [9] предлагается гиперстратегия скрытых «ликоугрожающих актов», предполагающая не прямое выражение неблагоприятных для адресатов интенций.

В дискурсе Н. Михалкова косвенные реализации интенций несогласия и отказа являются частотными, что помогает сохранить зону согласия и благонастроения.

На вопросы, затрагивающие то, что входит в личную зону адресата, а также, с его точки зрения, несдержательные, унижительные, Н. Михалков отвечает путем непрямого отказа или уклонения.

Способность Н. Михалкова реагировать шуткой на обвинения и упреки в свой адрес свидетельствует о его коммуникативной компетенции и следовании принципу кооперации в речевом общении.

В репликах-реакциях Н. Михалкова часто наблюдаем шутливую уклончивость.

Ср.: – *А вот внуков ваших как-то и не видно. Какой вы дедушка?*

– *Я молодой дедушка.*

В данном фрагменте диалога шутка строится на обыгрывании многозначности вопроса. Уклончивый ответ является следствием нежелания впускать партнеров по коммуникации в личное пространство.

Маня: *А как Вам удастся так классно выглядеть?*

– *Дорогая Маня – все дело в «манях»!* (фрагмент публичного диалога Михалкова с читательницей).

Юмористический эффект в реплике-реакции достигается путем преобразования собственного существительного в нарицательное.

В следующем фрагменте интервью наблюдаем шутливую уклончивость как реакцию на несодержательный и бестактный вопрос:

– *Многие ценители вашего таланта заметили, что вам на экране мастерски удаются паузы. А что с вами происходит, когда вы держите паузу, о чем вы так сосредоточено думаете?*

– *О зарплате. (Смеется.)*

Одной из специфических техник уклонения в дискурсе Н. Михалкова является апелляция к тому, что только на исповеди в храме он может говорить о личном и сокровенном.

– *Говорят, что художник должен быть влюблен. Влюблены ли вы?*

– *Постоянно.*

– *В кого?*

– *Вы же не церковный батюшка? И я не на исповеди.*

Багир Бахтияров: *Никита Сергеевич, а Вас совесть не беспокоит, и нет ли у Вас желания покаяться?*

– *Уважаемый Багир, я не знаю Вашего вероисповедания, но у православных ответ на ваш вопрос находится в исповеди и причастии, что я стараюсь регулярно делать.*

Другая своеобразная техника уклонения в устной речи Н. Михалкова – пародирование вопроса.

Александр Арно: *Здравствуйте, Никита Сергеевич! Скажите, пожалуйста, а зачем Вы продали Музей кино? Неужели Вам мало уже имеющихся миллионов?*

Михалков: *Здравствуйте, Александр Арно! Скажите, пожалуйста, а зачем Вы изнасиловали одиннадцать тибетских монахов в Бибирево напротив кафе «Апокалипсис»? Разве Вам мало местных жриц любви?*

При уклонении от ответа на вопросы, в которых требуется оценка политической ситуации в стране и деятельности лидера российского государства, Н. Михалков прибегает к технике неопределенного ответа.

«АиФ»: *У вас прекрасные отношения с первым человеком страны. Почему вы ему все это не скажете напрямую?*

Н.М.: *Одну секундочку! Если бы я ему говорил одно, а вам совершенно другое, я мог бы понять ваши упреки. Но то, что говорю сейчас, и надеюсь, вы подтвердите мои слова, я говорю всем, и в том числе первому лицу тоже!*

Ю.Ш. «АиФ»: *Ну и что, есть понимание?*

Н.М.: *Хочу верить! Вот мы с вами сидим, говорим правильные вещи. И многие другие люди, озбоченные судьбой нашей страны, тоже правильные вещи говорят. Но в единую политику страны это так и не оформляется.*

Заключение. Таким образом, специфическими чертами речевого поведения Н. Михалкова являются нарушение максим одобрения и скромности Дж. Лича, стремление к соблюдению принципа кооперации.

При реализации интенции неодобрения в речи Н. Михалкова доминируют этические оценки. Применительно к речевой ситуации одобрения более частотными являются эстетические оценки.

Основные тактики неодобрения в дискурсе Н. Михалкова – риторические вопросы, цитаты, экспрессивное выражение негативных эмоций, умозаключения общего характера, отказ отвечать, неодобрение

в форме одобрения, негативная характеристика третьего лица, просьба иллюстрации тезиса, угроза. Характерной для дискурса Михалкова тактикой одобрения является цитирование.

В качестве средств выражения интенции неодобрения выступают абстрактная лексика с отрицательными коннотациями, разговорная, жаргонная и бранная лексика, употребительны метафоры.

При реализации речевой ситуации одобрения постоянно актуализируются атрибутивные лексемы *великий, здоровый, живой*.

В дискурсе Н. Михалкова частично используется речевая манипуляция с целью создания своего положительного образа. Находим в речи режиссера и регулярно употребляемые речевые акты самоодобрения и самопохвалы.

В репликах-реакциях Н. Михалкова наблюдаем шутливую уклончивость, специфическими техниками уклонения являются апелляция к христианской теме и пародирование вопроса коммуниканта.

Безусловно, Никита Сергеевич Михалков – яркая, незаурядная, смелая, харизматичная языковая личность. В отдельных коммуникативных чертах эта языковая личность приближается к элитарному типу речевой культуры – например, в своем знании прецедентных текстов, способности к юмору в коммуникации, в использовании средств выразительности и стилистических ресурсов языка.

В целом же Н. Михалкова невозможно охарактеризовать как элитарную языковую личность, поскольку в его дискурсе имеются многочисленные нарушения базовых принципов речевого общения. Это, в первую очередь, принципы вежливости, толерантности, некатегоричности.

По нашему мнению, в соответствии с классификацией, предложенной О.Б. Сиротининой, Н.С. Михалков является представителем среднелитературного типа речевой культуры.

Литература

1. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Ленанд, 2017. – 171 с.
2. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз., 1998. – 291 с.
3. Седов, К.Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2008. – 318 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Либроком, 2014. – 261 с.
5. Сиротинина, О.Б. Устная речь и типы речевых культур / О.Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – 1995. – № 4. – С. 3–21.
6. Leech, G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. – New York : Longman, 1983. – 250 p.
7. Бигунова, Н.А. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка) / Н.А. Бигунова // Вестн. Рязан. гос. ун-та имени С.А. Есенина. – 2013. – № 4(41). – С. 83–92.
8. Грайс, Г. Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
9. Brown, P. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: strategies in social interaction / ed. E. Goody. – New York, 1979. – P. 56–289.
10. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты: учеб. пособие / В.В. Богданов. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1990. – 88 с.
11. Крылова, Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика / Т.В. Крылова // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 241–400.
12. Михальчук, Н.А. Реализация принципа вежливости и стратегии уклонения в текстах бесед и интервью с И. Бродским / Н.А. Михальчук // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2020. – № 2. – С. 64–73.

Поступила в редакцию 25.01.2021

Принципы комбинаторики инкорпоративного комплекса китайских предикативов с модальными частицами

Москалёва А.Ю.

Учреждение образования «Минский государственный
лингвистический университет», Минск

В статье исследуется инкорпоративный комплекс, обозначающий информационный фрагмент модели мира и его совместная встречаемость с модальными частицами, дается определение инкорпоративному комплексу китайских предикативов и кратко описываются его свойства, приводится характеристика каждой из модальных частиц, анализируемых на предмет сочетаемости с инкорпоративным комплексом. Исследование выполнено в русле комбинаторной семантики А.Н. Гордея и построено на материале лингвистического корпуса Пекинского университета языка и культуры. На основании статистических данных, полученных из корпуса текстов, модальные частицы 啊 a, 呀 ya, 呢 ne, 了 le и 啦 la ранжируются по частоте их комбинирования с инкорпоративными комплексами.

В статье модальные частицы рассматриваются как знаки алфавита синтаксиса, особое внимание уделено их ядерной и периферийной метасемантике, роли и позиции в предложении. Основное содержание исследования представляет анализ сочетаемости инкорпоративного комплекса ёгенов с модальными частицами китайского языка.

Цель статьи – установление закономерностей комбинирования инкорпоративного комплекса предикативов с модальными частицами.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования являются оригинальные тексты, представленные в лингвистическом корпусе китайского языка Пекинского университета языка и культуры. В работе использованы следующие методы: описательный, сопоставительный, статистический и комбинаторный.

Результаты и их обсуждение. В статье содержится подробная характеристика модальных частиц как знаков алфавита синтаксиса. В результате анализа на материале лингвистического корпуса произведено ранжирование модальных частиц на основании их совместной встречаемости с информационными знаками, а также обоснована взаимосвязь частоты встречаемости и широты спектра значений, выражаемых модальной частицей.

Заключение. Модальные частицы ранжируются в зависимости от частоты их встречаемости с ёгенами инкорпоративного комплекса, обозначающего информационный фрагмент модели мира, следующим образом: 呀 ya → 啦 la → 啊 a → 呢 ne → 了 le. Из этого следует, что, чем больше развита периферийная метасемантика модальной частицы, тем более развиты ее комбинаторные возможности.

Ключевые слова: инкорпоративный комплекс, модальная частица, совместная встречаемость, ёген, информационный процесс.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 159–165)

Principles Of Combination Of The Incorporate Complex Of Chinese Predicatives With Modal Particles

Moskaleva A.Yu.

Education Establishment "Minsk State Linguistic University", Minsk

The incorporate complex which designates an information section of the model of the world as well as its joint occurrence with modal particles is studied in the article. The definition is given of the incorporate complex of Chinese predicatives, its features are briefly described, each of the modal particles, which are analyzed in terms of their combinability with the incorporate complex, is characterized. The study is conducted within the combination semantics by A.N. Gordei and is built on the material of the linguistic complex of Beijing University of Language and Culture. Based on the statistic data obtained from the text corpus modal particles 啊 a, 呀 ya, 呢 ne, 了 le and 啦 la are ranged according to the frequency of their combination with incorporate complexes.

Modal particles are considered in the article as symbols of the alphabet of the syntax; special attention is paid to their nucleus and periphery metasemantics, role and position in the sentence. The main content of the study is an analysis of the combinability of the incorporate complex of yogenes with modal particles of the Chinese language.

The research purpose is finding out regulations of combination of the incorporate complex of predicatives with modal particles.

Material and methods. *The research material is original texts which are presented in the linguistic corpus of the Chinese language of Beijing University of Language and Culture. The following methods are used in the research: the descriptive, the comparative, the statistic and the combinatory.*

Findings and their discussion. *A detailed characteristic of modal particles as symbols of the alphabet of syntax is presented in the article. As a result of an analysis on the material of the linguistic corpus a ranging of modal particles is made based on their joint occurrence with information symbols. The interrelation of the frequency of occurrence with the width of the spectrum of meanings which are expressed by a modal particle is substantiated.*

Conclusion. *Modal particles are ranged in dependence of the frequency of their occurrence with yogenes of the incorporate complex which designates an information section of the model of the world in the following way: 呀 ya → 啦 la → 啊 a → 呢 ne → 了 le. Consequently, the more the periphery metasemantics of the modal particle is developed the better its combinatory possibilities are developed.*

Key words: *incorporate complex, modal particle, joint occurrence, yogene, information process.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 159–165)

В современной лингвистике и, в частности, в китайистике, возрастает интерес к комбинаторной проблематике. Понимая язык как систему знаков, мы сталкиваемся с законами данной системы, установление которых является важнейшей задачей лингвистики. К примеру, особый интерес представляет специфика комбинаторики знаков китайского языка. Как известно, наряду с аппликацией, в китайском языке отмечаются случаи инкорпорации, в результате которых образуются инкорпоративные комплексы предикативов.

Данное уникальное синтаксическое целое изучалось такими китайскими лингвистами, как Ван Ли, Люй Шусян и Чжао Юаньжэнь. Кроме того, оно рассмотрено и в трудах отечественных лингвистов, среди которых А.А. Драгунов, В.И. Горелов, Т.П. Задоев, А.Н. Гордей. Однако на сегодняшний день внутренняя комбинаторика компонентов инкорпоративного комплекса и его внешняя сочетаемость с другими элементами языка до сих пор вызывает ряд вопросов.

Цель статьи – установление закономерностей комбинирования инкорпоративного комплекса предикативов с модальными частицами.

Материал и методы. Данное исследование проведено на материале оригинальных текстов, представленных в лингвистическом корпусе китайского языка Пекинского университета языка и культуры. В качестве основных методов исследования были избраны следующие: анализ научных и научно-методических источников, описательный, сопоставительный и статистический методы, а также метод ранжирования.

Результаты и их обсуждение. В статье содержится подробная характеристика модальных частиц как знаков алфавита синтаксиса. В результате анализа посредством лингвистического корпуса произведено ранжирование модальных частиц на основании их сочетаемости с информационными знаками, а также обоснована взаимосвязь частоты встречаемости

и широты спектра значений, выражаемых модальной частицей.

Инкорпоративный комплекс ёгенов (ёген – часть языка, обозначающая признак индивида) – объединение в синтаксическое целое трёх китайских процессуальных знаков, первый из которых, по А.Н. Гордею, называет основной процесс и играет роль актуализатора, а второй и третий – обозначают ориентацию основного процесса относительно локуса и относительно наблюдателя, выступая, соответственно, в роли модификатора-актуализатора и модификатора, например 跑进来 pǎojìnlái ‘вбежать внутрь сюда’ [1].

В процессе формирования инкорпоративного комплекса ёгенов важную роль играют следующие факторы: обозначение им физического или информационного процесса в выделенном фрагменте модели мира или события, а также обладание знаком в роли актуализатора той или иной языковой семантической категорией.

Для изучения сочетаемости компонентов внутри комплекса мы обратились к изучению корпуса текстов Пекинского университета языка и культуры. В ходе сплошной обработки речевого материала статистическими методами были выделены 3 группы информационных ёгенов, регулярно, фрагментарно и окказионально используемых в роли актуализаторов инкорпоративных комплексов со стандартными кортежами (упорядоченными наборами) модификаторов-актуализаторов и модификаторов: 起来 qǐlái ‘начало информационного процесса’, 下去 xiàqù ‘продолжение информационного процесса’, 出来 chūlái ‘восприятие информационного процесса’, 进来 jìnlái и 进去 jìnqù ‘фасцинационное восприятие информационного процесса наблюдателем или наблюдаемым’.

Специфика наблюдается не только во внутренней комбинаторике знаков в рамках инкорпоративного комплекса, но и в его внешней комбинаторике с другими элементами языка (метакомбинаторике), в частности, со служебными словами. Среди служебных элементов

китайского языка – знаков алфавита синтаксиса, в терминологии комбинаторной семантики – наибольший интерес представляют модальные частицы, поскольку они являются неизменяемыми, не обладают самостоятельными лексическими значениями, а также выражают отношение говорящего к сообщаемому. Прежде чем анализировать каждую из 3-х групп предикативов на предмет совместной встречаемости с модальными частицами 啊 a, 呀 ya, 呢 ne, 了 le и 啦 la, нами были рассмотрены сами модальные частицы, их функции, свойства и особенности.

• Модальная частица 啊

Данная модальная частица имеет в китайском языке высокий частотный индекс, передавая целую палитру модальных оттенков, определяемых по ситуации, которые способны вызвать варьирование ее аспекта выражения, поддерживаемое, в том числе, и законом сингармонизма. Иными словами, на произношение иероглифа 啊 влияет предшествующее ему слово, т.е. под действием конечного звука предыдущего слова также могут появляться различные варианты чтения:

- 1) после a, e, i, o, u – ya 呀;
- 2) после u, o – wa 哇;
- 3) после n – na 哪;
- 4) после ng – nga 啊 [2]

• Модальная частица 呀

Модальная частица 呀 является одним из вариан-

тов частицы 啊, образуемый посредством стяжения предшествующих гласных звуков с 啊: под влиянием финалей e, i, o и ü произношение 啊 как [a] сменяется более мягким [ya]. Несмотря на различия в фонетическом аспекте, обе частицы отличаются вариативностью в плане занимаемой ими позиции в предложении [3; 4].

Поскольку частица 呀 в китайистике считается разновидностью рассмотренной нами ранее модальной частицы 啊, то некоторые из модальных оттенков, присущих частице 啊, характерны и для частицы 呀. Однако, несмотря на это, модальная частица 呀, по мнению авторитетного китайского лингвиста Ван Ли, имеет дополнительные оттенки сомнения и настоятельности. По словам автора, оттенок настоятельности «близок к повелительности, но имеет более настойчивый характер» [5, с. 99]. Собранные нами сведения о модальной частице 呀 представлены в табл. 2.

• Модальная частица 呢

Данная частица широко используется в устной и письменной речи для придания высказываниям различных эмоциональных оттенков в зависимости от намерений говорящего и цели высказывания. Эта частица, помимо личного отношения говорящего к происходящему, способна выражать множество других смысловых оттенков, оформляя различные по цели высказывания: повествовательные, вопросительные, утвердительные, побудительные.

Таблица 1

Специфика модальной частицы 啊

Позиция	Оттенки	Пример
Середина фразы	Пауза в высказывании	他啊，真有本事。 Tā a, zhēnyǒu běnshi. Ты вот – действительно молодец.
	Перечисление	书啊，杂志啊，摆满了一桌子。 Shū a, zázhì a, bǎi mǎnle yì zhuōzi. Книгами, журналами завален весь стол.
Конец фразы	Удивление, восхищение	多好的地方啊！ Duō hǎo de dìfāng a! Какое место!
	Восклицание	这原来是你啊！ Zhè yuánlái shì nǐ a! Так это ты!
	Подтверждение, оправдание	你话说得是啊！ Nǐ huàshuō de shì a! И верно же сказано!
	Понукание, приказ	快一点儿啊！ Kuài yīdiǎn er a! Поторопись!
	Вопрос	你吃不吃啊？ Nǐ chī bù chī a? Да будешь ты есть или нет?!

Однако стоит отметить, что даже при всем многообразии модальных значений и довольно широком использовании в речи, тон модальной частицы 呢 стерт, а основная синтаксическая позиция – в конце предложения. Отмечены случаи использования частицы 呢 в центре условно-составительных и условно-временных сложных предложениях, после придаточной части, в дополнительной роли маркера паузы [3; 4]. Обобщенная характеристика модальной частицы 呢 представлена в табл. 3.

• Модальная частица 了

Согласно «Основам китайской грамматики», частица 了, главным образом, сигнализирует об изменении ситуации, а также говорит не только о совершенности действия, но и о предстоящем его совершении. Кроме того, эта частица может выражать определенность, сожаление, грусть, угрозу и др. Обратим внимание, что при слиянии 了 с модальной частицей 啊 в речи образуется частица 啦 также указывающая на изменение ситуации и также для выражающая удив-

Таблица 2

Специфика модальной частицы 呀

Оттенок	Пример
Настоятельность	姑娘，喝水呀！ Gūniáng, hē shuǐ ya! Девушка, выпейте воды!
Удивление	真的呀！ Zhēn de ya! В самом деле!
Вопрос	这件事儿你怎么不学呀？ Zhè jiàn shìr nǐ zěnmē bù xué a? Ты почему этому не учишься?
Подтверждение	是呀！ Shì ya! Да!

Таблица 3

Специфика модальной частицы 呢

Вид предложения	Позиция	Значение	Пример
Восклицание	Конец фразы	Убеждение	你去欧洲吧！我也要去呢！ Wǒ yě yào qù ne! Я ведь тоже поеду!
	Конец фразы	Утверждение	他来了呢！ Tā lái le ne! Так он же приехал!
	Конец фразы	Призыв к действию	好妹妹，替我梳呢！ Hǎo mèimei, tì wǒ shū ne! Милая сестрёнка, причесала бы ты меня.
Повествование	Центр фразы	Пауза в условно-временном предложении	他来了呢，我们就走。 Tā lái le ne, wǒmen jiù zǒu. Когда он придет – мы сразу же уйдем.
	Центр фразы	Пауза в условно-составительном предложении	喜欢呢，就卖了。 Xǐhuān ne, jiù mài le. Если нравится – покупай.
Вопрос	Конец фразы	Неполный вопрос	什么名字呢？ Shénme míngzì ne? Как зовут?
	Конец фразы	Риторический вопрос	为什么不早说呢？ Wèishéme bù zǎo shuō ne? Почему же раньше не сказал?
	Конец фразы	Уточнение	你去不去呢？ Nǐ qù bù qù ne? А ты-то пойдешь?

Оттенки значения модальной частицы 了

Значение / оттенок значения	Пример употребления
Прояснение ситуации	我现在明白他的意思了。 Wǒ xiànzài míngbái tā de yìsī. Теперь я понимаю, что он имеет в виду.
Изменение ситуации с влиянием на другую ситуацию	他胖了, 不太好看了。 Tā pàngle, bù tài hǎokànle. Он поправился, выглядит не очень хорошо.
Возможное изменение ситуации в будущем	如果你不买书, 我也不买词典了。 Rúguǒ nǐ bù mǎishū, wǒ yě bù mǎi cídiǎnle. Если ты не покупаешь книгу, то и я тоже не буду покупать словарь.
Требование адаптации к новым условиям	你们读课文了! Nǐmen dú kèwénle! Читайте тексты!
Приказ ускорения или остановки	快躲了! Kuài duǒle! Быстрее прячься!
Категоричность суждения	不能再等他了! Bùnéng zài děng tāle! Нельзя больше ждать его!
Восклицательная интонация	别闹了! Bié nàole! Не шумите!
Оттенок сожаления	我不能送妈妈了。 Wǒ bùnéng sòng māmalé. Я не могу проводить маму.
Оттенок угрозы	再说胡说, 我就打你了。 Zàishuō húshuō, wǒ jiù dǎ nǐle. Если снова будешь говорить глупости, то я тебя ударю.

ление, радость, гнев и другие эмоций [4; 5]. Сведения о модальной частице 了 приведены в табл. 4.

• Модальная частица 啦

Данная модальная частица образована путем стяжения гласных звуков частиц 了 и 啊 $le+a \rightarrow la$ и во многом наследует их семантику [6]. Основными оттенками, которые передает модальная частица 啦, считаются всевозможные эмоциональные проявления (радость, удивление, сомнение или гнев), а также становление или завершение процесса. Синтаксис и семантика модальной частицы 啦 представлены в табл. 5.

Таким образом, путем анализа материала, извлеченного из онлайн-версии Большого китайско-русского словаря, а также научных трудов отечественных и зарубежных лингвистов, нам удалось обобщить данные по каждой из модальных частиц и установить, что наиболее широким спектром модальных значений обладает частица 了.

Полученные результаты были сопоставлены с данными в корпусе текстов, что позволяет определить степень развитости сочетаемости инкорпоративных комплексов, обозначающих информационный фрагмент модели мира, с изучаемыми модальными частицами. В основу выводов о совместной встречаемости

процессуальных ёгенов инкорпоративного комплекса с модальными частицами было положено суммарное число найденных нами комбинаций в лингвистическом корпусе. Числовые показатели обнаруженных комбинаций по каждой из групп употребления приведены ниже в виде табл. 6.

Используя приведенные выше количественные показатели, можем определить с какой модальной частицей инкорпоративные комплексы, обозначающие информационный фрагмент модели мира, комбинируются больше всего. Сделанные выводы представлены в виде рис. 1.

Данная диаграмма показывает, каким образом модальные частицы ранжируются в зависимости от частоты их встречаемости с ёгенами инкорпоративного комплекса, обозначающего информационный фрагмент модели мира. Факт подавляющего большинства случаев внешней комбинаторики инкорпоративного комплекса информационных ёгенов с модальной частицей 了 объясняется следующим образом:

1. По своей природе инкорпоративный комплекс ёгенов является результативным, то есть предполагает завершенность процесса.

2. Одним из основных значений модальной частицы 了 выступает изменение ситуации, появление нового результата.

Заключение. Таким образом, с помощью статистических данных, были ранжированы модальные частицы по частоте их встречаемости в комбинациях с инкорпоративным комплексом ёгенов следующим образом: 呀 ya → 啦 la → 啊 a → 呢 ne → 了 le. Кроме

того, удалось установить зависимость развитости комбинаторики модальных частиц от количества выражаемых ими модальных значений, а именно: чем больше развита периферийная метасемантика модальной частицы, тем более развиты ее комбинаторные возможности, т.е. чем шире спектр модальных значений, выражаемых частицей, тем более развита ее комбинаторика с процессуальными ёгенами.

Таблица 5

Оттенки значений модальной частицы 啦

Позиция	Значение	Пример
Середина фразы	Пауза при перечислении	笔啦, 黑啦, 都预备好了。 Bǐ la, hēi la, dōu yùbèi hǎole. Кисти ли, тушь ли – все приготовлено!
Конец фразы	Радость	我们胜利地完成任务啦! Wǒmen shènglì dì wánchéng rènwù la Мы успешно справились с заданием!
	Восхищение	这个比方妙极啦! Zhège bǐfāng miào jí la! Это замечательно!
	Гнев	你瞧, 他连优良作风都丢啦! Nǐ qiáo, tā lián yōuliáng zuòfēng dōu diū la! Видите ли, он потерял даже свой прекрасный стиль!
	Изменение ситуации	队长! 我没找到老杨, 他上工地去啦。 Duìzhǎng! Wǒ méi zhǎodào lǎo yáng, tā shàng gōngdì qù la. Капитан! Я не нашел Лао Яна, он пошел на стройку.
	Возникновение новой ситуации	他又要演出啦。 Tā yòu yào yǎnchū la. Он собирается снова выступить.
	Утверждение	你都听明白啦。 Nǐ dōu tīng míngbái la. Вы всё понимаете.
	Объяснение, убеждение	有错, 改了就行啦。 Yǒu cuò, gǎile jiùxíng la. Если что-то не так, просто измените это.
	Вопрос	你怎么啦? Nǐ zěnmē la? Что с тобой?

Таблица 6

Суммарное число комбинаций процессуальных ёгенов инкорпоративного комплекса с модальными частицами 啊, 呀, 呢, 了, 啦

Группа употребления	Модальная частица				
	啊	呀	呢	了	啦
Регулярное	392	173	365	6904	238
Фрагментарное	5	1	7	814	17
Окказиональное	0	0	0	6	0
Суммарное число комбинаций	397	174	372	7724	255

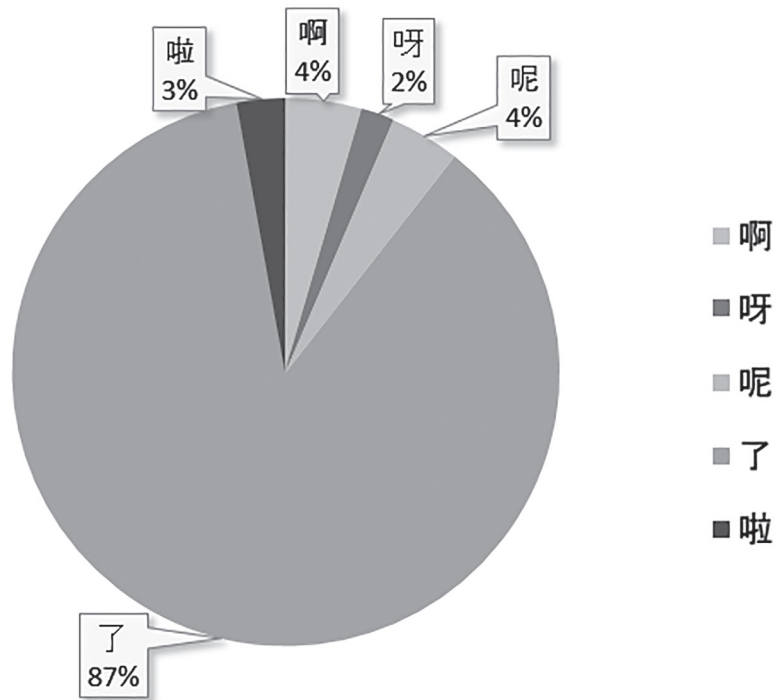

Рис. 1. Совместная встречаемость процессуальных ёгенов инкорпоративного комплекса с модальными частицами

Литература

1. Гордей, А.Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) / А.Н. Гордей // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 22–23 нояб. 2007 г.: в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л.М. Середа (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2007. – Ч. 2. – С. 349–358.
2. 李晓琪. 现代汉语虚词讲义 / 李晓琪. – 北京: 北京大学出版社, 2005. – 277页.
3. 语料库 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bcc.blcu.edu.cn>. – Дата доступа: 05.03.2021.
4. 吕叔湘. 现代汉语八百词 / 吕叔湘. – 北京: 商务印书馆, 1999. – 765页.
5. 李 范. основы китайской грамматики / 李 范; пер. с кит. яз. Г.Н. Райской, под ред. А.А. Драгунова и Чжоу Сун-Юаня. – М.: Издательство иностранной литературы, 1954. – 262 с.
6. Chao, Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese / Chao Yuen Ren. – Berkely, Los Angeles, London, 1970. – 847 p.

Поступила в редакцию 16.04.2021

Рэпертуарныя мадэлі П. Верлена ў перакладах М. Багдановіча

Садко Л.М.

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

У полісістэме айчыннай паэзіі к. XIX – п. XX ст. на аб'ектыўных прычынах складаецца сітуацыя высокай запатрабаванасці наватарскіх сродкаў мастацкай выразнасці, новых рэпертуарных мадэляў. Перакладныя творы М. Багдановіча, у прыватнасці пераклады-перастварэнні вершаў П. Верлена, валодаюць наборам агульных прыкмет і сеткай узаемасувязяў з сусветным прыгожым пісьменствам, распрацоўваюць наватарскія для беларускай літаратуры мастацкія рэпертуарныя мадэлі мадэрнісцкай лірыкі.

Мэта дадзенага даследавання – комплекснае вывучэнне рэпертуарных мадэляў у перакладах М. Багдановіча твораў П. Верлена і вызначэнне статусу гэтых перакладаў з пункту гледжання іх “першаснасці” і “другаснасці” ў полісістэме айчыннай паэзіі к. XIX – п. XX ст.

Матэрыял і метады. *Аб'ектам вывучэння выступаюць пераклады М. Багдановіча твораў П. Верлена (22 тэксты). Метадалагічная аснова даследавання – працы І. Эвен-Зохара, А. Кабаковіч, Г. Сініла, С. Велікоўскага, С. Баснет. Даследаванне грунтуецца на культурна-гістарычных прынцыпах, метадах полісістэмістыкі і кампаратывістыкі, прыёмах культуралагічнага перакладазнаўства.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У прымаючай культуры (у культуры мовы перакладу), згодна з полісістэмістыкай І. Эвен-Зохара, іншы раз складаюцца такія абставіны, калі транслаталогія становіцца важнай крыніцай інавацый у розных сацыякультурных сферах, а пераклады займаюць “першаснае” становішча ў нацыянальнай літаратуры. У дадзеным даследаванні выяўлены асноўныя верленаўскія рэпертуарныя мадэлі як крыніцы інавацый для беларускай паэзіі к. XIX – п. XX ст. і высветлены прыёмы і спосабы стварэння на іх аснове самабытнай сістэмы мастацкай выразнасці ў перакладах М. Багдановіча.*

Заклучэнне. *Прыклад творчай перапрацоўкі рэпертурэм лірыкі П. Верлена, адаптацыя класічных мадэляў мадэрнісцкай паэзіі на глебе маладой беларускай літаратуры ў творчасці М. Багдановіча – сур'ёзны і плённы досвед, што гавораць пра асабліва важную ролю перыферычнай (перакладной) літаратуры ў падтрыманні балансу нацыянальнай мастацкай сістэмы. Так, літаратурнае наватарства М. Багдановіча, віртуознае валоданне рэпертурэмамі-новаўвядзеннямі, запазычанымі з сусветнай паэзіі, дазваляюць гаварыць пра ізаморфнасць некалькіх літаратурных сістэм (французскай і беларускай), пра запатрабаванасць тых ці іншых мастацкіх рэпертураў у пэўны перыяд.*

Ключавыя словы: *рэпертуарная мадэль, пераклад, нацыянальнае беларускае адраджэнне, М. Багдановіч, П. Верлен.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 166–171)

P. Verlaine's Repertoire Models Translated by M. Bagdanovich

Sadko L.M.

Centre of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences, Minsk

In the polysystem of the national poetry of the XIXth – XXth centuries for objective reasons, there is a high demand for innovative means of artistic expression, new repertoire models. M. Bagdanovich's translated works, in particular the translations of P. Verlaine's poems, have a set of common features and a network of connections with the world's literature, develop innovative artistic repertoire models of modernist poetry for Belarusian literature.

The research purpose is a comprehensive study of the repertoire models in M. Bagdanovich's translations of P. Verlaine's works and identification of the status of these translations as “primary” and “secondary” in the polysystem of the national poetry of the XIXth – XXth centuries.

Material and methods. *The object of the study is translations of M. Bagdanovich's works by P. Verlaine (22 texts). The methodological basis of the research is the works of I. Even-Zohar, A. Kabakovich, G. Sinil, S. Velikovskiy, S. Bassnett. The study is based on cultural and historical principles, methods of polysystematics and comparative studies, methods of cultural translation studies.*

Findings and their discussion. In the host culture (in the culture of the language of translation), according to the polysystemics of I. Even-Zohar, sometimes there are circumstances when translatology becomes an important source of innovation in various social and cultural spheres, and translations occupy a “primary” position in the national literature. This study reveals the main Verlaine repertoire models as the sources of innovation for Belarusian poetry of the XIXth – XXth centuries; methods and ways of creating on their basis an original system of artistic expression in M. Bagdanovich's translations are clarified.

Conclusion. An example of creative reworking of P. Verlaine's repertoire, adaptation of classical models of modernist poetry on the basis of young Belarusian literature in the works of M. Bagdanovich are serious and fruitful experiences that speak of a particularly important role of peripheral (translated) literature in maintaining the balance of the national art system. Thus, M. Bagdanovich's literary innovation, virtuoso mastery of repertoire-innovations borrowed from world poetry, allow us to speak about the isomorphism of several literary systems (French and Belarusian), about the demand for certain artistic repertoires in a certain period.

Key words: repertoire model, translation, national Belarusian revival, M. Bagdanovich, P. Verlaine.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 166–171)

Як вядома, эвалюцыя любой сістэмы, у тым ліку і літаратурнай, з’яўляецца адзіным сродкам яе захавання. Асабліва востра гэтая ідэя актуалізавалася на хвалі беларускага нацыянальнага адраджэння к. XIX – п. XX ст., калі былі ўзнятыя балючыя пытанні будучыні роднай зямлі, лёсу беларускага народа, пругчалі заклікі да вызваленчага руху, развіцця самасвядомасці. Культурнае і грамадскае жыццё вельмі ажывілася праз спробы навучання на роднай мове, стварэнне народных бібліятэк, асветніцкіх таварыстваў, ініцыятыў кнігадрукавання на беларускай мове. Сур’ёзныя задачы стаялі перад маладымі літаратарамі, якія павінны былі адказаць на самыя надзённыя пытанні, распрацаваць самабытную сістэму сродкаў мастацкай выразнасці, паскорана асвоіць шэраг жанраў паэзіі, прозы і драматургіі. Цэлая плеяда маладых пісьменнікаў і публіцыстаў – Я. Купала, Я. Колас, М. Багдановіч, Цётка, С. Палуян, А. Гарун, М. Гарэцкі, Ядвігін Ш. і многія іншыя патрыёты беларускасці зрабілі магчымым развіццё нацыянальнай мовы, літаратуры і культуры.

Асаблівае месца ў руху нацыянальнага беларускага адраджэння, безумоўна, належыць М. Багдановічу, чыю ролю даследчык І. Багдановіч акрэслівае так: “Нібыта Боскім наканаваннем было прадвызначана М. Багдановічу нарадзіцца для гэтай зямлі, для гэтага народа і яго культуры” [1].

Неабходна адзначыць, што вузкі погляд на нацыянальнае быў чужым М. Багдановічу, які не толькі актыўна клапаціўся пра развіццё новай беларускай літаратуры, аднаўленне мовы, але і цікавіўся іншымі славянскімі і, наогул, сусветнымі дасягненнямі прыгожага пісьменства, шмат даследаваў творчасць украінскіх, рускіх, заходнееўрапейскіх майстроў слова, дакладна і прынцыпова вызначаючы моцныя і слабыя бакі айчыннай літаратуры ў параўнанні з класічнымі і мадэрновымі досведамі сусветнага мастацтва.

Выключны, паваротны момант у фарміраванні полісістэмы маладой беларускай літаратуры к. XIX – п. XX ст, немагчымасць адразу генерыраваць тэксты ўсіх жанраў і тыпаў падштурхоўваюць М. Багдановіча да пошукаў новых рэпертуарных мадэляў і перакла-

ду вершаў майстроў замежнай паэзіі – П. Верлена, Э. Верхарна, Г. Гейнэ, Ф. Шылера, А. Пушкіна, старажытных твораў Авідзія, Гарацыя.

У такіх абставінах, на думку сучаснага культуролага і філолага І. Эвен-Зохара, тэарэтыка полісістэмнай тэорыі, перакладчыцкая дзейнасць займае першаснае становішча ў працэсе стварэння новых мадэляў, “галоўны клопат перакладчыка заключаецца не ў тым, каб шукаць ў сваіх хатніх запасах гатовыя мадэлі, згодна з якімі можна было б перавесці арыгінальныя тэксты; замест гэтага ён гатовы парушыць хатнія ўмовы” (“the translator’s main concern is not to look for ready-made models in his home stock, into which the original texts could be transferable; instead he is prepared to violate the home conventions”) [2, р. 26]. Полісістэміст у гэтай сувязі адзначае: “Сказаць, што перакладная літаратура захоўвае *першаснае* становішча, значыць сказаць, што яна актыўна ўдзельнічае ў *мадэляванні цэнтра* полісістэмы (вылучана І. Эвен-Зохарам. – Л.С.). У такой сітуацыі яна, па вялікім рахунку, з’яўляецца неад’емнай часткай наватарскіх сіл і як такая, верагодна, будзе атаясамляцца з буйнымі падзеямі ў гісторыі літаратуры” (“To say that translated literature maintains a *primary* position is to say that it participates actively in *modeling the center* of the polysystem. In such a situation it is by and large an integral part of innovatory forces, and as such likely to be identified with major events in literary history”) [2, р. 23]. У артыкуле “Беларускае адраджэнне” М. Багдановіч якраз наконт наватарства ўласнай мастацкай стратэгіі адзначае, што “творчасць была накіравана галоўным чынам на пашырэнне кола тэм і формаў беларускай паэзіі” [3, с. 393]. Акрамя гэтага, М. Багдановіч уводзіць у полісістэму беларускай паэзіі асаблівага героя, не характэрнага для тагачаснай нацыянальнай літаратуры, – чулівага, з вострым і тонкім адчуваннем законаў сусвету, гатовага да пастаяннай разумовай і эмацыйнай працы, добра адукаванага і выхаванага. Цэлы шэраг цікавых творчых знаходак еўрапейскіх майстроў слова М. Багдановіч уводзіць у мастацкі зварот беларускай паэзіі, пашыраючы магчымасці роднай мовы і прыгожага пісьменства,

дбаючы пра тое, каб пазбегнуць стэрэатыпізацыі літаратурнага рэпертуару і пераадолець “аднакалёжны слой” (выраз М. Багдановіча).

Зварот М. Багдановіча да перакладной працы твораў П. Верлена, зразумела, быў выкліканы цікавасцю беларускага паэта і тэарэтыка да распрацоўкі праблем культуралагічнага “злому”, новага антрапацэнтрычнага падыходу, суб’ектывізацыі рэчаіснасці, яе пачуццёвага адлюстравання. Вядома, што свядомасць бясконца трансфармуе рэальнасць і ўвасабляе яе ў выглядзе ідэі, не праводзячы мяжы паміж матэрыяльным і эфемерным. Пошукі асаблівай эстэтычнай і паэтычнай выразнасці П. Верлена і эксперыменты М. Багдановіча, звязаныя з абнаўленнем сродкаў пісьма ў нацыянальнай літаратуры, пралягаюць у рэчышчы рэпертуарных мадэляў імпрэсіянізму. Сувязь паміж душой і прыродай, пераламленне рэальнасці праз прызму свядомасці суб’екта востра адчуваюцца ва ўласных творах абодвух гэтых аўтараў, робіць мастацкую манеру паэтаў роднаснай. Як адзначае А. Кабаковіч, “да вершаў П. Верлена ён звяртаўся з асаблівай ахвотай, бо знаходзіў у іх блізкія да асабістай эмацыянальную атмасферу і характар светаадчування” [4]. Г. Сініла таксама гаворыць аб асаблівай сувязі творчых устаноў гэтах мастакоў слова: “Паэтычнае наватарства слыннага французскага паэта, звязанае з прынцыпамі імпрэсіянізму і сімвалізму, аказваецца вельмі бліжэйшым пошукам беларускага паэта (асабліва прынцыпы музычнасці і бясплоўнасці, сугестыўнасці, новая функцыя слова і асаблівая функцыя пейзажу, які пераўтвараецца ў «пейзаж душы»), што дазваляе яму вельмі тонка перавесці яго тэксты ў стыхію роднай мовы” [5, с. 152].

Мэта дадзенага даследавання – комплекснае вывучэнне рэпертуарных мадэляў у перакладах М. Багдановіча твораў П. Верлена і вызначэнне статусу гэтых перакладаў з пункту гледжання іх “першаснасці” і “другаснасці” ў полісістэме айчынных паэзіі к. XIX – п. XX ст.

Матэрыял і метады. М. Багдановіч узяўся за пераклад 22-х твораў П. Верлена з шасці яго самых знакамітых зборнікаў: “Сатурнічныя паэмы”, 1866 (“*Poèmes saturniens*”); “Галантныя святы”, 1869 (“*Fêtes galantes*”); “Добрая песня”, 1870 (“*La Bonne chanson*”); “Рамансы без слоў” 1874 (“*Romances sans paroles*”); “Мудрасць”, 1881 (“*Sagesse*”); “Даўно і нядаўна”, 1885 (“*Jadis et Naguère*”). Да вершаў са зборнікаў П. Верлена пасля 1885 года беларускі паэт і перакладчык не звяртаецца.

Даследаванне грунтуецца на культурна-гістарычных прынцыпах, метадах полісістэмістыкі і кампаратывістыкі, прыёмах культуралагічнага перакладазнаўства.

Вынікі і іх абмеркаванне. Слынным пейзажам душы, увасоблення П. Верленам у вершах яго першага зборніка “Сатурнічныя паэмы”, з асаблівым поспехам перакладзены М. Багдановічам. Вядомая ганкураўская

дэклацыя “бачыць, адчуваць, адлюстроўваць”, якая стала хаслам імпрэсіянізму, знайшла ўвасабленне ў верленаўскім цыкле з характэрнай назвай “Сумныя пейзажы” (“*Paysages tristes*”). У вершах “Асенняя песня” (“*Chanson d’automne*”) і “Захад” (“*Soleils couchants*”) у перакладзе М. Багдановіча заяўлены характэрны паралелізм і ўзаемападабенства знешняга і ўнутранага, душа чалавека малюецца як адна з прыродных стыхій. Зразумела, што акрамя гэтай наватарскай канцэпцыі адпаведнасцей (*correspondances*) аб адзінстве свету і шчыльнай узаемасувязі ўсіх яго элементаў, што Ш. Бадлер дэкларуе так: «Весь видимый мир есть вместе и место которых в искусстве должно определяться воображением» [6, с. 196–197], беларускі перакладчык сутыкнуўся з сур’ёзнай задачай перадаць вядомую спеўнасць верленаўскіх радкоў, распрацаваць уласнабеларускую сістэму гукапісу. Небеспадстаўна ўжо першы рэцэнзент твораў М. Багдановіча А. Луцкевіч адзначае: “Чытаць вершы Багдановіча павінны толькі тыя, хто разумее музыку слова, чья душа бачыць характэрна ў чыстай паэзіі” [7, с. 14].

Абодва пераклады меланхалічныя, абодва пра згасанне, пра восеньскую скруху і слабы золак, захад сонца, пра холад жыцця і безнадзейнасць у душы. Але асаблівая эстэтызацыя рэчаіснасці, што прывабіла майстра характа і красы М. Багдановіча ў верленаўскіх тэкстах, перададзена бліскуча. Настраёвы малюнак жыццёвага змяркання ў вершы “Захад” уваасоблены ў плаўнай інтанацыі жаночай рыфмы, у выкарыстанні працяжных галосных “а”, “о”. Падобны гукапіс назіраецца і ў вершы-арыгінале:

Слабне золак, згарае –
І нячутна, паволі
Смутак свой разлівае
Захад сонца ў полі [3, с. 172].

Une aube affaiblie
Verse par les champs
La mélancolie
Des soleils couchants [8, p. 26]

Зусім іншыя сродкі гукапісу ўводзіць М. Багдановіч у пераклад “Асенняя песня”, верша-візітоўкі П. Верлена і наогул сусветнай музычнай паэзіі. Беларускі перакладчык трапна выкарыстоўвае інструментальныя выбуховыя зычныя “д”, “б”, санорныя “р”, “н”, што не спяваюцца, ствараюць неабходную атмасферу гаротнай безвыходнасці, безабароннасці. Кароткія ў арыгінале радкі ў Багдановічавым перакладзе-перастварэнні гучаць адрывіста, як быццам у прамоўцы, скаванага холадам, не хапае сіл на доўгія размовы, душа сцінаецца перад вялікай неспасціжнасцю існавання. М. Багдановічу на ўзроўні інтанацыі ўдалося перадаць ідэю паўзы, змястоўнага маўчання як эквіваленту патаемнага іншабыцця. Радкі пера-

кладу верша “Асенняя песня” палюхаюць, навяваюць настрой трагічнай наканаванасці, жалбы, а чалавечы лёс падобны на сухі ліст, што ляціць у віхуры:

Як раньш, пье
І ў сэрца б’е
Сумны тон.
То, восень, іх,
Бальных тваіх
Скрыпак, стогн.
Чу! Часу ўдар!
Бляднее твар,
Рвецца ўздых:
Ўстаў карагод
Мінулых год,
Дзён былых [3, с. 171].

Les sanglots longs
Des violons
De l’automne
Blessent mon cœur
D’une langueur
Monotone.
Tout suffocant
Et blême, quand
Sonne l’heure,
Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure [8, p. 26].

Найбольшая колькасць – шэсць тэкстаў – гэта пераклады верленаўскіх вершаў са зборніка “Рамансы без слоў”. Безумоўна, у арыгінальнай назве дэкларуюцца прынцыпы сугестыі, спасціжэння сэнсу не праз рацыянальныя намаганні, а праз інтэнсіўную працу ўяўлення і пачуццяў чытача. Сапраўдная паэзія, на думку тэарэтыкаў і практыкаў-мадэрністаў, павінна даваць намёкі, гіпнатызаваць гучаннем, наводзіць на развагі, а словы і гукі паэтычнага тэксту могуць прыраўноўвацца да музычных адзінак, што будзяць душу слухача непасрэдна, без разумовых аперацый. Знаўца французскай літаратуры С. Велікоўскі адзначае: «К Верлену чаццё ўсё не прыложымы словы: жывопісует, высказваецца. Он скорее навевает какое-то настроение-впечатление при помощи размытого намекающего мазка» [9, с. 85]. Аднак верленісты лічаць, што ў гэтым зборніку эстэтычныя і паэтычныя дамінанты “цёмнай” паэзіі, дэкадансу паволі саступаюць дарогу сапраўднай псіхалагічнасці, што не магло не імпагнаваць М. Багдановічу, чый мастацкі метададрозніваецца жыццясвярджалнасцю, маральнай трываласцю, глыбінёй спасціжэння ўнутранага свету чалавека.

П. Верлен першы цыкл свайго зборніка называе хутчэй як кампазітар, чым паэт: “Забытыя арыеты” (“Ariettes oubliées”), звязваючы ў гарманічнае адзінства сродкі музыкі і мастацкага слова. Музычны жанр арыеты – простае і меладычнае невялічкае ары з пе-

сенным гучаннем – дазваляе шчыра распавесці пра настрой самотнага паэта, рэчыўны свет, выяўляючы праз прызму душэўнага стану. Цікава, што вершы з іншых цыклаў зборніка “Рамансы без слоў” – “Бельгійскія пейзажы” і “Акварэлі”, больш дакладныя і рэалістычныя, з дэталёвым адлюстраваннем жыцця вялікага горада, прамысловых раёнаў, чыгункі, вакзалаў і г.д. – не прывабілі беларускага паэта і перакладчыка. Відавочна, што падобныя рэпертурэмы былі далёкімі ад патрэб беларускага грамадства і літаратуры к. XIX ст.

У вершах цыкла “Забытыя арыеты” П. Верлен распрацоўвае некалькі рэпертурных мадэляў: прыцыпова рэалістычны пейзаж выконвае ў творах паэта псіхалагічную функцыю адлюстравання самотнай душы лірычнага героя і яго эмацыйнага стану, а таксама распаўсюджанне атрымліваюць малюнкi трагічнай адзіночаты, холаду, плачу, нуды, прыцемак.

Беларускі аўтар не засяроджвае ўвагі на пейзажных рэпертурэмах, досыць распрацаваных у айчынным прыгожым пісьменстве, больш прывабліваюць перакладчыка магчымасці псіхалагічнага метада П. Верлена, распрацоўка характару ўражлівага рэфлексуючага героя-сузіральніка, што пакутуе ў сумненнях, змрочных адчуваннях. У вершах няпэўныя вобразы прыроды і вібрацыі душы ўзаемна адлюстроўваюцца адзін у адным, дыстанцыя паміж вонкавым і ўнутраным раствараецца і знікае. Паказальнымі робяцца нават назвы перакладзеных М. Багдановічам вершаў, дзе паўтараюцца такія паказальныя лексемы, як “мана”, “мрок”, “плач”, “сум”.

Найбольш вядомы пераклад М. Багдановіча – гэта адмысловы верш “Раяль цалуе тонкая рука...” (“Le piano que baise une main frêle...”), які па лексічным складзе досыць блізкі да арыгіналу, удала перадае метафорыку і метрыку. Тэкст будзеца вакол сінэстэзіі гучу, колеру, паху, кінэстэтычных адчуванняў, асацыятыўна цесна звязаных з душэўным станам героя, што засяроджаны на сваіх думках і пачуццях. У вершы створана замалёўка з натуры, выява імгнення быцця, калі выпадковая мелодыя, фарбы сонца на захадзе, лёгкі пах будзяць у душы цэлы шэраг пачуццяў і нявызначаных вобразаў, што адгукаюцца і пераклікаюцца між сабой:

Раяль цалуе тонкая рука
У час вячэрні, шэра-ружаваты;
І на крылах, цішэй ад вецярка,
Ў паветры мяккім, пекным паплыла ты
Пужліва, песня, і срдзё комнат хаты
Шчэ доўга веяў пах, як ад цвятка [3, с. 174].

Le piano que baise une main frêle
Luit dans le soir rose et gris vaguement,
Tandis qu'avec un très léger bruit d'aile
Un air bien vieux, bien faible et bien charmant,
Rôde discret, épeuré quasiment,
Par le boudoir longtemps parfumé d'Elle [8, p. 158].

Відавочна, што ў творы задзейнічаны выяўленчыя сродкі розных відаў мастацтва, пяройдзена мяжа канкрэтнага месца і часу, лірычны герой падарожнічае ў недасягальную краіну мрояў і хараства.

Трэба адзначыць, што ў творчасці П. Верлена бяздольны і адрывуны лірычны герой нават не марыць адшукаць блізкую душу, тады як М. Багдановіч спыняецца на перакладзе нешматлікіх тэкстаў, дзе гучаць жыццесвярджалыя думкі, аднаўляючы ў сістэме беларускай літаратуры больш звыклы комплекс адносін да чалавека і свету. Так, у перакладзе “Трэ нам, бачыш, усё між сабой дараваць” (“Il faut, voyez-vous, nous pardonner les choses...”) знаходзяць адлюстраванне хрысціянскія тэмы выгнання, пакорлівасці, здзіцячай лагоднасці, цяжкасці жыцця знаходзяць супакоенне ў дараванні грахоў. І калі ў верленаўскіх пачатковых радках гучыць больш нарцысічны, персаналізаваны выраз пра дараванне канкрэтнай асобе, то беларускі перакладчык высакародна гаворыць пра ўзаемнае, сапраўднае дараванне, жыццё, дзе радасці і гора дзеляцца пароўну:

Трэ нам, бачыш, усё між сабой дараваць, —
Так хочь шчасце нарэшце спаткае абох,
А і прыдзецца гора ў жыцці нам зазнаць,
Дык прынамсі... ці ж не?... будзем плакаць
удвох [3, с. 169].

Il faut, voyez-vous, nous pardonner les choses.
De cette façon nous serons bien heureuses,
Et si notre vie a des instants moroses,
Du moins nous serons, n'est ce pas? deux
pleureuses [8, p. 158].

З больш позняй творчасці П. Верлена М. Багдановіч вылучыў верш “Млоснасць” (“Langueur”) са зборніка “Даўно і нядаўна”. Гэты тэкст па некалькіх прычынах мог выклікаць транслаталагічную цікавасць. Па-першае, М. Багдановіч у гэтым знакамітым санеце заўважыў дасканаласць ўвасаблення традыцый дадзенай жанравай формы, магчымасць выкарыстаць замежныя літаратурныя рэпертурэмы, патэнцыял “чужаземнага паэтычнага труда”. Паэт адзначае, што “ні адзін санет з цэлай расійскай пісьменнасці не вытрымлівае ўсіх тых правіл, якія спаўняліся мной, павэдлуг вымог тэарэтыкаў гэтай формы” [3, с. 535–536]. Па-другое, сацыяльна-культурныя абставіны вірлівага жыцця Францыі другой паловы XIX ст. апасродкавана знайшлі ўвасабленне ў верленаўскім вершы ў вобразах заняпаду Рымскай імперыі, “канца свету”, стомленасці. Французскі паэт паказвае, якія балючыя сляды пакідаюць палітычныя і сацыяльныя ўзрушэнні ў душы лірычнага героя, што шкадуе аб страчаных магчымасцях, аб пустым жыцці. Беларускае грамадства к. XIX – п. XX стст., як вядома, перажывала цэлы комплекс асаблівых падзей, звязаных з пераходнасцю перыяду, адраджэнскім пафасам

і пошукамі ўласных эстэтычных і паэтычных дарог. Ведаючы жыццёвую і грамадскую пазіцыю М. Багдановіча, дэкадэнцкі еўрапейскі верш гучыць у беларускім перакладзе як дакладная псіхалагічная характарыстыка, сацыяльнае абвінавачванне супраць заняпаду святынь, як думкі аб марных тратах душэўных сіл:

У самотным сэрцы – зло, у душы – нуда густая.
І бітвы чуючы, каторых шум не сціх,
Не можа, кволы, ён дайсці жадань сваіх,
Не хоча рушыцца, жыцця не аздабляе!
[3, с. 180]

L'âme seulette a mal au cœur d'un ennui dense,
Là-bas on dit qu'il est de longs combats sanglants.
O n'y pouvoir, étant si faible aux vœux si lents,
O n'y vouloir fleurir un peu celte existence!
[8, p. 158].

Заклучэнне. Праца над перакладамі з еўрапейскай паэзіі дала магчымасць М. Багдановічу распрацаваць самабытную мастацкую мадэль, спецыфічныя вобразы і матывы, развіць новыя для беларускага айчыннага прыгожага пісьменства рэпертуарныя адзінкі і мадэлі.

Перыяд нацыянальнага Адраджэння ў беларускім грамадстве к. XIX – п. XX ст ст., узмацненне актыўных пошукаў новых літаратурных і культурных прыёмаў і сродкаў у сферы эстэтыкі і паэтыкі зрабілі магчымым зварот да еўрапейскай паэзіі на розных мовах як да крыніцы інавацый, каб забяспечыць патрэбы нацыянальнай літаратуры. Неабходна падкрэсліць, што перакладчыцкія досведы М. Багдановіча і яго паслядоўнікаў не маюць рыс прымусовай замены тых ці іншых рэпертуарных мадэляў у беларускай літаратурнай полісістэме, яна не становіцца падначаленай больш дамінантным сусветным культурам. Падобная дзейнасць М. Багдановіча па перакладзе твораў П. Верлена, іншых майстроў слова не стала простым міжмоўным перакадаваннем, яна заснаваная “на равенстве партнёраў” [10, с. 38]. Рэпертуарныя мадэлі французскага паэта-мадэрніста П. Верлена, скрозь прасякнутыя музычнай стыхіяй, роздзунныя, меланхалічныя, з’яўляюцца гарманічным сінтэзам мастацтва слова, музыкі і жывапісу, што не магло не зацікавіць М. Багдановіча, спеўнасць і мілагучнасць твораў якога сталі ўзорнымі ў беларускай паэзіі.

Літаратура

1. Багдановіч, І. Пакліканы Адраджэннем / І. Багдановіч // Сайт Максіма Богдановіча [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.maksimbogdanovich.ru/articles/29.htm>. – Дата доступу: 11.10.2020.
2. Even-Zohar, I. The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem / I. Even-Zohar // Papers in Historical Poetics. – Tel Aviv : Porter Institute, 1978. – P. 21–28.

-
3. Багдановіч, М. Творы / Максім Багдановіч; уклад. і камент. Ю.В. Пацюпы; навук. рэд. А.С. Ліс. – Мінск: Маст. літ., 2014. – 670 с.
  4. Кабаковіч, А. Паэзія Максіма Багдановіча : Дыялектыка рацыянальнага і эмацыянальнага / А. Кабаковіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 136 с. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.maksimbogdanovich.ru/articles/5-page-28.htm>. – Дата доступу: 13.02.2021.
  5. Сініла, Г.В. Паэзія М. Багдановіча ў кантэксце эпохі дэкадансу і мадэрну / Г.В. Сініла // Кніга новага жыцця: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 26 лістап. 2013 г., [прысвеч. 100-годдзю адзінага прыжыццёвага зб. вершаў М. Багдановіча “Вянок”] / Літ. музей М. Багдановіча; [уклад.: М.М. Запартыка, І.У. Шорац]. – Мінск: РІВШ, 2014. – С. 152–157.
  6. Шарль Бодлер аб искусстве; пер. Н.И. Столяровой и Л.Д. Липман; ред. Ю.Н. Стефанов. – М.: Искусство, 1986. – 422 с.
  7. Максім Багдановіч: вядомы і невядомы: зб. літаратуразн. і арх. матэрыялаў / уклад. і камент. Ц.В. Чарнякевіча; прадм. і гласарый Ю.В. Пацюпы. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 392 с.
  8. Verlaine, P. Œuvres complètes: En 5 volumes. – Paris: Paris Librairie Léon Vaniër, éditeur, 1906. – Tome premier: Poèmes saturniens. Fêtes galantes. Bonne chanson. Romances sans paroles. Sagesse. Jadis et naguère. – 455 p.
  9. Великовский, С.И. В скрещенье лучей: групповой портрет с Полем Элюаром / С.И. Великовский. – М.: Совет писателей, 1987. – 400 с.
  10. Басснетт, С. Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг. / С. Басснетт // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. – 2016. – Вып. 4. – С. 31–43.
- Паступіў у рэдакцыю 30.03.2021*

Жанрово-стилистическая гибридизация и диверсификация современного медиадискурса

Чалова О.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины», Гомель

В статье рассматривается вопрос о жанрово-стилистическом состоянии современного медиадискурса (дискурса СМИ). Цель статьи состоит в выявлении и характеристике основных жанрово-стилистических тенденций, протекающих в поле дискурса СМИ как разновидности институционального общения.

Материал и методы. Материал исследования – жанры телевизионного и печатного дискурса, а также интернет- и радиодискурса. Метод исследования – коммуникативно-прагматический анализ.

Результаты и их обсуждение. В пространстве современного медиадискурса обнаруживаются следующие функционально-стилистические процессы – конвергентные и дивергентные. Если медиа-конвергенция предполагает смешение элементов дискурсивных систем (научной, политической, журналистской и др.), а также нескольких жанров и стилей общения (например, научного, публицистического, разговорного и официально-делового стилей), то дивергенция, наоборот, предполагает диверсификацию форм и форматов медиакommunikation, расширению ее жанрово-стилистических границ. В основе этих двух амбивалентных явлений лежат сходные причины, в том числе возникновение новых технологий сбора, интерпретации и распространения информации.

Заключение. Медиадискурс является уникальной разновидностью институциональной коммуникации, поскольку совмещает в себе противоположные жанрово-стилистические черты (например, институциональные и персональные), что обусловлено спецификой данной дискурсивной системы.

Ключевые слова: дискурс, институциональное общение, медиакommunikation, журналистский дискурс, интернет-общение, телевизионный дискурс, дискурс блогов, речевой жанр, функциональный стиль.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 172–176)

Genre and Stylistic Hybridization and Diversification of Modern Media Discourse

Chalova O.N.

Education Establishment "Francisk Skorina Gomel State University", Gomel

The article considers the problem of the genre and stylistic status of modern media discourse (discourse of mass media).

The aim of the article is to find out and characterize the main stylistic tendencies typical of the discourse of mass media as a type of institutional discourse.

Material and methods. The research is carried out on the basis of TV and printed genres as well as Internet- and radio discourse. The communicative and pragmatic approach has been chosen as the research method.

Findings and their discussion. Modern media discourse is characterized by such stylistic processes as convergence and divergence. While media convergence implies mixing elements of different discourse systems (scientific, political, journalistic, etc.) as well as the components of a few genres and functional styles (those of scientific, journalistic, everyday, and official styles), divergence, on the contrary, implies diversification of forms and formats of media communication, expanding its genre and stylistic boundaries. The reason for these two ambivalent phenomena is the introduction of new technologies of collecting, interpreting and distributing information.

Conclusion. Media discourse is a unique type of institutional discourse as it combines ambivalent stylistic features (e.g., official and personal traits), which is predetermined by the specificity of the discourse system under study.

Key words: discourse, institutional discourse, media-communication, discourse of mass media, Internet communication, TV-discourse, discourse of blogs, speech genre, functional style.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 172–176)

Настоящая статья посвящена выявлению и характеристике основных тенденций, протекающих в поле такой разновидности институционального общения, как медиадискурс.

Понятие медиадискурса в современной лингвистике трактуется по-разному, что обусловлено рядом причин:

- регулярным возникновением новых форм общения в сфере медиа [1–3] (так, в числе новейших разновидностей медийной речи, а именно PR-медиакоммуникации, называются *бэкграундер*, *факт-лист*, *пресс-кит* [4] и др., а среди жанров непрофессиональной медиакоммуникации (блогинга) выделяются, например, такие речевые формы, как *челендж*, *летсплей*, *троллинг-интервью* [там же] и т.д.);

- неоднозначностью истолкования понятий «медиа» и «медийный» (в связи с этим в одних работах под медиадискурсом понимается любое опосредованное общение (*media* ‘средства’), то есть общение с помощью вспомогательных средств – радио, телефона, телеграфа, интернета, печати и т.д. [3], в то время как другие авторы сводят медиадискурс к дискурсу СМИ (*media* ‘средства массовой информации’), ориентированному на *массовое* и *оперативное* распространение информации [12]);

- разногласиями исследователей в отношении проблемы жанрового устройства медиадискурса (в частности, исследователи до сих пор не сойдутся во мнении касательно того, стоит ли относить печатную и электронную версии газеты к разным речевым жанрам медиакоммуникации или все-таки к одному; кроме того, в лингвистике нет единства мнений относительно необходимости учета форм непрофессиональной медиакоммуникации, а именно блогинга, при решении вопроса об определении медиадискурса).

В рамках данной статьи под **медиадискурсом** понимается дискурс СМИ (как собственно журналистский, так и непрофессиональный), то есть дискурс, в котором задействованы средства массового распространения контента, такие как печать, радио, телевидение и интернет.

Если понятие медиадискурса трактовать несколько шире (то есть в качестве любого опосредованного общения), как это делает, например, Ф. Киттлер [5], то в его пространство фактически «втягивается» настолько большое количество речевых форм, что это может чрезвычайно затруднить или даже сделать невозможной жанровую инвентаризацию и систематизацию изучаемого типа общения.

С другой стороны, если же медиадискурс определять немного уже, чем это делается в настоящей работе, а именно без учета фактора непрофессиональной журналистики (блогинга), то подобное определение не будет отражать современных медиареалий, актуального состояния медиакоммуникации.

В связи с этим мы считаем необходимым включать в сферу медиадискурса не только журналистскую

коммуникативную деятельность, но и дискурс блогов, поскольку деятельность популярных блогеров во многом сходна с действиями профессиональных представителей «четвертой власти»: оба типа дискурса имеют сходные цели (информирование, саморепрезентация в качестве «экспертного аналитика» и др.), общие ценности (информация, независимость, инициативность и др.), идентичные стратегии (информативная, аргументативная и др.) и набор реализующих их тактик и т.д.

Материал и методы. Материалом исследования послужили жанры телевизионного и печатного дискурса, а также интернет- и радиодискурса. Основным методом интерпретации полученных данных – коммуникативно-прагматический анализ.

Результаты и их обсуждение. Какой бы смысл не вкладывался в понятие медиадискурса, очевидно то, что изучаемый феномен занимает особое место среди других типов общения. Медиадискурс является одним из наиболее «восприимчивых» к происходящим изменениям, поскольку его цель и состоит в том, чтобы «воспринимать» и мгновенно отражать социальные трансформации и метаморфозы, интерпретировать разные аспекты общественного развития. В этом смысле медиадискурс, как никакая другая дискурсивная система, призван «впитывать все многообразие внешнего мира» [6, с. 7] и «служить для его репрезентации» [7, с. 4]. Будучи, по мнению А.П. Полонского, «очагом общественной мысли» [1, с. 9], медиадискурс выступает важнейшим инструментом освоения социальной среды, средством анализа веяний и настроений постоянно меняющегося мира.

Такой особый статус медиадискурса в поле институционального общения обуславливает интерес исследователей, в том числе и лингвистов, к данному коммуникативному феномену. Так, одной из задач представителей современной лингвистической науки является определение жанровых границ медиадискурса, а также выявление основных жанрово-стилистических тенденций, которые обнаруживаются в коммуникативном пространстве СМИ [3; 5; 8]. Актуальность подобных исследований определяется важностью установления степени вариативности языковой нормы в медийной и повседневной сфере.

Рассмотрению эволюционных тенденций в пространстве медиадискурса посвящена и настоящая статья, основные задачи которой сводятся к конкретизации и систематизации жанрово-стилистических трансформаций, происходящих в структуре дискурса медиа. Необходимость изучения характера модификаций в медийной дискурсивной системе связана с тем, что наблюдения за процессами развития дискурса СМИ могут позволить определить уровень социального развития в целом, так как медиадискурс, будучи одним из наиболее интенсивно развивающихся типов общения, отражает языковую и социокультурную конъюнктуру общества.

С нашей точки зрения, ведущей тенденцией в поле современного медиадискурса выступает тенденция к гибридации коммуникации (конвергенции черт и форматов), которая актуализируется как минимум в трех основных аспектах:

- 1) в микшировании элементов институционального и межличностного общения;
- 2) в слиянии жанров и образовании так называемых гибридных жанровых форм;
- 3) в комбинировании нескольких режимов и каналов речевого взаимодействия в пределах одного жанра или речевого события в сфере массмедиа.

Остановимся на каждом из этих трех аспектов подробнее.

1. Микширование институциональных и межличностных элементов в дискурсе массмедиа приводит к стиранию границ между официальным (статусно-ролевым) и личным (частным, приватным, персональным), клишированным и стихийным, строго регламентированным и спонтанным / непринужденным, массовым и индивидуальным. Такое смешение наблюдается как в непрофессиональном (блогерском) медиадискурсе, так и профессиональном (собственно журналистском). В первом случае фузионные процессы обусловлены активным использованием инновационных средств массовой информации и коммуникации (социальных сетей, мессенджеров и др.), направленных на постоянное (но при этом зачастую добровольное) нарушение частных границ отдельного субъекта. Так, например, собственный Instagram-аккаунт мгновенно делает из его активного абонента медийную персону, публичного человека, объектом постоянного наблюдения и обсуждения, который открыто делится своим непрофессиональным опытом в определенной области и позиционирует себя в качестве представителя конкретной социальной сферы (например, бьюти-индустрии, искусства, сферы развлечений, астрологии, магии и т.д.). Прямое или косвенное анонсирование себя в качестве знатока и эксперта-аналитика наделяет непрофессиональный медиадискурс характеристиками институционального (статусно-ролевым характером, ритуализованностью, клишированностью и др.). Однако смешение черт институционального и неинституционального дискурса наблюдается и в том случае, если абонентом Instagram-кабинета является высококвалифицированный специалист (например, дипломированный журналист, артист или косметолог), который делится со своими подписчиками исключительно профессиональными знаниями. В данном случае речь идет об обратных процессах, то есть о проникновении в профессиональную коммуникацию элементов межличностного дискурса (чрезмерная экспрессивность, междометность, пунктирность общения и др.), поскольку блогер зачастую создает свои посты (текстовый материал, видеозаписи и т.д.) в непринужденной, избыточно эмоциональной или гиперболизированной

манере, которая и оказывается атрибутом обыденно-разговорного дискурса.

Более того, черты институционального (статусно-ролевого) и персонализированного (межличностного) дискурса накладываются друг на друга не только в рамках блогерского интернет-дискурса, но и в пределах газетного, радио- и телевизионного журналистского дискурса. Например, кардинальные противоположные характеристики сочетают в себе такие жанры, как интервью с волонтерами (непрофессиональными представителями определенного общественного института или социальной группы) или ток-шоу, занимающиеся обсуждением бытовых проблем и приглашающие в лице участников «обычных» людей, выступающих не в качестве специалистов, а личностей во всем богатстве их персональных качеств.

Конечно, как известно, с «чистыми» типами дискурса мы, в принципе, встречаемся редко: элементы межличностного дискурса могут быть представлены в институциональной коммуникации, а компонент институциональности — в обыденно-разговорном. Однако современный медиадискурс зачастую имеет приблизительно равное соотношение официального и персонального, что отличает его от других типов общения и позволяет говорить о процессах гибридации (конвергенции) в его стилистическом и коммуникативном пространстве.

2. Как указывалось ранее, конвергентные процессы в структуре журналистского дискурса включают не только смешение статусно-ролевых и персонализированных свойств, но и слияние функциональных стилей. Функционально-стилевой синтез является результатом проникновения СМИ в разные сферы жизни и коммуникации (официально-деловую, научную, художественную), вследствие чего образуются формы политического, научного, религиозного, педагогического медиадискурса и др. В таких фузионных речевых форматах роль медийной составляющей может быть разной: как вспомогательной, когда СМИ ориентированы исключительно на распространение информации, трансляцию политического, научного и т.д. события, так и преобразующей (что предполагает направленность медиа на перевод знаний с собственно научного / политического / религиозного языка (подъязыка) и уровня на обывательский, доступный массовому зрителю / слушателю / читателю / пользователю).

Наибольший интерес для исследователя представляют, пожалуй, медиажанры, в которых сочетаются элементы не двух, а сразу трех, четырех и более сфер общения (научной, политической, развлекательной, рекламной и проч.). Подобную функционально-стилевую фузию можно наблюдать, например, в телевизионных передачах, разворачивающихся в режиме панельных дискуссий и теледебатов, участниками которых одновременно выступают официальные представители самых разных профессиональных сообществ

и социальных институтов (науки и образования, информационных технологий и средств связи, поп-культуры и шоу-бизнеса, индустрии красоты и моды, политики и экономики, церкви и религии, журналистики и СМИ), обсуждающих некий общественно значимый вопрос («К барьеру», «Время покажет», «Гордон Кихот», «Свобода слова» и др.). Одним из наиболее любопытных с языковой точки зрения считается выпуск панельной теледискуссии «Гордон Кихот», поднимающий (выпуск) вопрос о семантике слов и истории русского языка и заканчивающийся жарким спором, одной из причин которого можно считать гетерогенный состав участников (языковеды, служители церкви, актеры, писатели, журналисты). Столь «пестрая» аудитория не столько способствовала разностороннему освещению заявленной темы, сколько явилась источником конфликта, в том числе и функционально-стилевого. Активное смешение элементов разных речевых стилей (научного, художественного, официально-делового и т. д.) и дискурсивных систем (юмористической, политической, религиозной, академической, медийной) не могло не сказаться на ходе передачи, с самого начала напоминавшей строительство Вавилонской башни, и на ее печальном финале, коим стало полное непонимание сторон и ряд неразрешенных разногласий между ними. Понятно, что такой исход был запланирован создателями передачи, поскольку, как известно, сообщения негативного характера, равно как и негативный исход телешоу, только повышают рейтинги массмедиа. Однако стоит подчеркнуть, что в основе острополемиического хода и завершения передачи явились, в числе прочего, борьба и конкуренция подязыков и функциональных стилей.

3. Как отмечалось выше, медиаконвергенция носит не только содержательный и языковой характер, но и технический, что подразумевает выпуск медиапродукта в нескольких форматах, например печатном и электронном, радиформате и режиме онлайн, телевизионном и сетевом, что в очередной раз сближает и объединяет печать, телевидение, радио и интернет как средства массовой информации. Очевидно, что в этом случае основным инструментом интеграции технологий и, следовательно, формирования конвергентной динамики в медиасреде оказывается интернет.

Таким образом, конвергентные процессы, приводящие к фузионному слиянию и гибридизации жанров СМИ, обусловлены диалогизацией и дигитализацией медиадискурса: если под диалогизацией медийных коммуникативных практик фактически понимается направленность медиадискурса на функционально-стилистическое «сотрудничество» с другими типами общения, то дигитализация медиакоммуникации предполагает появление новых подвидов СМИ – социальных сетей, мессенджеров и под., упрощающих производство и распространение актуального контента.

Конечно, в пространстве медиадискурса обнаруживаются не только фузионные, но и диверсификационные (дивергентные) процессы, в результате чего отдельные эпизоды и компоненты общения приобретают черты самостоятельных жанровых образований. Так, например, такой жанр СМИ, как журналистское расследование состоит из множества коммуникативных эпизодов и форматов (версия, легенда, репортаж, очерк, статья, техническая запись и проч.), каждый из которых «стремится» стать самостоятельным жанром в силу своих исключительных индивидуальных черт. Со временем эти речевые образования развивают настолько уникальные структурно-стилистические свойства, что могут полностью отделиться от «материнской» дискурсивной системы и оформиться как отдельный речевой жанр.

Равно как и конвергентные процессы, дивергентные явления в медиадискурсе могут носить технический характер. Привлечение сразу нескольких средств массовой информации (радио и интернета или печати и интернета) зачастую предполагает наличие исходного материала (радиоконтента или печатного продукта) и его трансформацию в интернет-версию, что приводит к возникновению новых речевых разновидностей. Так, интернет-версия газеты или журнала может радикально отличаться от исходного печатного издания, поскольку для онлайн-формата требуется специфическая редакция. Вопрос заключается в том, стоит ли рассматривать разные версии (например, печатную и электронную) медиапродукта в качестве одного медиажанра, или их все-таки следует относить к разным речевым жанрам. С нашей точки зрения, ответ очевиден: если газета или журнал размещается в интернете в неизменном виде, то речи об образовании новых жанровых форм идти не может; в то же время если онлайн-продукт принципиально отличается от первоначальной версии, имеет собственную структуру, целевую аудиторию и даже содержание, то он представляет собой принципиально иную форму и превращается в самостоятельное жанровое образование. Такой формат только способствует конкурентоспособности стартового продукта на рынке медиа, поддерживает и укрепляет его (продукт).

С нашей точки зрения, дивергентные процессы в структуре медиадискурса обусловлены теми же причинами, что и гибридные, а именно необходимостью «адаптации» медийной коммуникации к веяниям и тенденциям современного мира, а также расширением границ и инструментария института СМИ, освоением новых технологий сбора, интерпретации и распространения информации.

Заключение. Важно отметить, что конвергентные и дивергентные явления свойственны коммуникативному пространству не только российских и белорусских медиа, но и других национальных разновидностей дискурса СМИ, что позволяет констатировать общемировой характер описанных в настоящей статье

кардинальных изменений, происходящих в массовой коммуникации. В связи с этим изучение проблемы жанрово-стилистической модификации медиадискурса в настоящее время становится особенно актуальным. Для глубокого осмысления и качественного анализа данной проблемы необходимо основательно изучать особенности современных разновидностей медиакommunikации, разрабатывать оригинальные модели их анализа. Такими видятся перспективы последующего изучения коммуникативного и жанрового пространства медиадискурса.

Литература

1. Полонский, А.П. Язык в формате медиа: краткое введение / А.П. Полонский // Современный дискурс-анализ (Дискурс в контексте медиа и культуры). – 2018. – № 1(18). – С. 4–21.
2. Оломская, Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н.Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5(17): Филология. – С. 250–259.
3. Войтишенюк, Е.В. Особенности структуры жанра интерактивной телебеседы на белорусском и английском языках / Е.В. Войтишенюк // Границы жанра: текст и дискурс / И.М. Басовец [и др.]; под общ. ред. Е.В. Сажиной; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 103–118.
4. Ипатьева, В.А. Форматы и жанры видеоблогов / В.А. Ипатьева // Молодой ученый. – 2018. – № 25(211). – С. 369–373.
5. Киттлер, Ф. Оптические медиа: Берлинские лекции / Ф. Киттлер. – М.: Логос; Гнозис, 2009. – 271 с.
6. Наер, В.Л. Дискурс и текст: Речевое произведение / В.Л. Наер // Стилистические аспекты языковой коммуникации: сб. науч. тр. – Вып. 496. – М.: МГЛУ, 2004. – С. 7–15.
7. Русакова, О.Ф. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ / О.Ф. Русакова, А.Е. Спаский. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – 177 с.
8. Буряковская, В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография / В.А. Буряковская; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 228 с.

Поступила в редакцию 22.02.2021

Эволюция сюжета несостоявшейся свадьбы в балладе XIX–XXI вв.: причины и способы трансформации

Черкес Т.В.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

Сюжет несостоявшейся свадьбы является репрезентативным для истории жанра баллады. В балладах XIX в. представлен канонический вариант сюжета: приход мертвого жениха ведет к гибели (наказание за нарушение запретов). В балладах XX–XXI веков мировоззренческие и социокультурные изменения вызывают сюжетные трансформации, которые свидетельствуют об утрате мировой гармонии.

Цель статьи – рассмотрение причин эволюции сюжета несостоявшейся свадьбы и механизмов его трансформации на значимых этапах развития жанра баллады.

Материал и методы. В качестве материала исследования выбраны прецедентные русские баллады XIX–XX вв., которые демонстрируют динамику развития свадебного сюжета, причины и способы его трансформации. Используются генетический, историко-типологический, структурно-семиотический методы, а также элементы культурно-исторического подхода.

Результаты и их обсуждение. Изменения свадебного сюжета представлены в контексте эволюции баллады на значимых этапах развития жанра: в балладе эпохи романтизма, в балладе Серебряного века, в балладе советского и постсоветского периодов. В XIX в. сюжет свадьбы связан с космогоническим мифом: финал ведет к утверждению гармонии мира (воскресению). В неканонических балладах XX–XXI веков трансформации сюжета свидетельствуют о мировоззренческих коллизиях вследствие социально-исторических преобразований. Текстовый анализ, выявление литературных, биографических и исторических параллелей способствуют раскрытию смысловой многозначности свадебного сюжета. Способами трансформации сюжета есть нивелирование временной дистанции, сюжетный синтез, изменение семантики, переосмысление мотивов / образов, редукция. В XX–XXI веках события сюжета переносятся в современность, что открывает возможность рефлексии над травмами социума.

Заключение. Мифологические истоки сюжета несостоявшейся свадьбы относятся к археосюжетной схеме инициации. Эволюция свадебного сюжета в балладе происходит под влиянием историко-культурных, социальных философских и литературных преобразований. В балладе XIX в. отступления от канона становятся источником сюжетной эволюции. В балладе XX–XXI вв. сюжетные изменения свидетельствуют о крушении традиционной картины мира. Нивелирование временной дистанции приводит к жанровым трансформациям: приемы сюжетных конвергенций, изменение смысловых кодов произведения, редукция сюжета до мотива/образов-архетипов способствуют перемещению традиционного свадебного сюжета в подтекст, что открывает возможность многоуровневого прочтения произведения.

Ключевые слова: свадебный сюжет, эволюция жанра, баллада XIX–XXI веков, мертвый жених – невеста.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 177–183)

Evolution of the Plot of the Failed Wedding in the Ballad of the 19Th–21St Centuries: Causes and Methods of Transformation

Cherkes T.V.

Education Establishment "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno

The plot of the failed wedding is representative for the history of the ballad genre. The ballads of the 19th century present the canonical version of the plot: the appearance of the dead groom leads to death (punishment for violation of prohibitions). In the ballads of the 20th–21st centuries, the worldview and social and cultural changes cause the plot transformations, which demonstrate the loss of world harmony.

The aim of the article is to consider the reasons for the evolution of the plot of the failed wedding and the mechanisms of its transformation at significant stages in the development of the ballad genre.

Material and methods. The research material is based on precedent Russian ballads of the 19th–21st centuries, which demonstrate the dynamics of the wedding plot development, the reasons and methods of its transformation. Genetic, historical-typological, structural-semiotic methods, as well as elements of the cultural-historical approach are used.

Findings and their discussion. The changes of wedding plot are presented in the context of evolution of the ballad at significant stages of the ballad genre development: in the ballad of the Romanticism era, in the ballad of the Silver Age, in the ballad of the Soviet and post-Soviet periods. In the 19th century, the plot of the wedding is connected with the cosmogonic myth: the finale leads to affirmation of the harmony of the world (resurrection). In the non-canonical ballads of the 20th–21st centuries, the plot transformations indicate the worldview collisions, which occur because of social and historical transformations. Textual analysis, identification of literary, biographical and historical parallels contribute to disclosure of the semantic ambiguity of the wedding plot. The ways of the plot transformation are represented by the leveling of temporal distance, by the plot synthesis and changes of semantics, by the rethinking of motives/images and reduction. In the 20th–21st centuries, the events of the plot are transferred to the present time, opening the possibility of reflection on the traumas of society.

Conclusion. The mythological origins of the failed wedding plot refer to the archeonarrative scheme of initiation. The evolution of the wedding plot in the ballad takes place under the influence of historical, cultural, social, philosophical and literary transformations. In the ballads of the 19th century, the deviations from the canon become the source of the plot evolution. In the ballads of the 20th–21st centuries, the changes of the plot demonstrate the collapse of the traditional worldview. The leveling of temporal distance leads to genre transformations: the techniques of plot convergence, changes of the semantic codes, reduction of the plot to motive/images-archetypes contribute to the transfer of the traditional wedding plot into the subtext, which opens up the possibility of a multi-level reading of the literary works.

Key words: the plot of the wedding, evolution of the genre, ballad of the 19th–21st centuries, dead groom - bride.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 177–183)

В жанре баллады дуалистическое дохристианское мировосприятие (двоемирие, бинарные оппозиции *добро – зло, жизнь – смерть, свет – тьма, верх – низ* и др.) приводит к основанному на космогоническом мифе *сюжету свадьбы*. В мифологии свадебный сюжет утверждает возможность согласия полярных начал, гармонию мира (сюжеты с иной системой образности – брачный союз земли и неба / солнца и луны; умирание старого / рождение нового кадендарного года и др.). Так, во всех сюжетах утверждается цикличность мира – триада *рождение, смерть (метафорическая), воскресение*, – что отражается в ритуалах, фольклоре, искусстве. О.М. Фрейдберг пишет: «Свадьба являет собой <...> действие победы над смертью, в котором жених и невеста – царствующие боги, и действие, происходящее в день поединка солнца и ночи, или жизни и смерти» [1]. По мнению В.И. Тюпы, *праобраз художественной сюжетки* представляет собой *четырёхфазная протосюжетная схема инициации*: уход (элиминация родовых связей); символическая смерть; пребывание в царстве мертвых (обретение знаний, накопленных предками); воскресение (возрождение в новом качестве) [2]. Говоря о вечном *сюжете несостоявшейся свадьбы* (коррелирующие названия *муж на свадьбе жены / явление жениха-мертвеца*), В.М. Жирмунский отмечает, что данный сюжет в нескольких десятках самостоятельных версий присутствует в основных жанрах фольклора и средневековой литературы [3]. Имеются исследования, посвященные отдельным произведениям / авторам: например, свадебный сюжет в «Метели» Пушкина [4], поэтика сюжета свадьбы в произведениях Н.В. Гоголя [5], сюжет явления мертвого жениха в лирике А. Ахматовой [6] и т.д. Свадебный сюжет в жанре волшебной сказки детально рассматривается в научных трудах «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Проппа, «Герой волшебной сказки.

Происхождение образа» Е.М. Мелетинского и др.

В балладе древний сюжет о мертвом женихе встречается на всех значимых этапах эволюции жанра. Актуальность воспроизведения свадебного сюжета обоснована генетически: противостояние мира Света / власти Тьмы, нарушение границы (трансгрессия), ведущее к событию встречи и роковому конфликту, – инвариантные основы балладного сюжета. В исследовании Л.А. Курышевой доказывается, что впервые сюжет о женихе-мертвеце встречается в балладе Я.Б. Княжнина «Флор и Лиза» [7]; трансформация мотива мертвого жениха рассматривается на примере стихотворений В.А. Жуковского [8]; описываются связи сюжета несостоявшейся свадьбы в народной и литературной балладе и т.д. Однако эволюция свадебного сюжета в процессе развития жанра баллады исследована недостаточно.

Цель статьи – рассмотрение изменений сюжета несостоявшейся свадьбы на значимых этапах развития жанра и выявление причин, по которым изменяется специфика приемов работы с сюжетом. Текстовый анализ способствует определению причин и способов сюжетных трансформаций; выявление интертекстуальных связей приводит к расширению смысловых кодов произведения. Актуальность и новизна работы заключается в том, что в контексте истории развития жанра баллады трансформации сюжета *о приходе мертвого жениха / муж на свадьбе жены / жених на свадьбе невесты* рассматриваются впервые.

Материал и методы. В качестве материала исследования выбраны прецедентные русские баллады XIX–XXI вв., которые демонстрируют динамику развития свадебного сюжета, причины и способы его трансформации. Используются генетический, историко-типологический, структурно-семиотический методы, а также элементы культурно-исторического подхода.

Результаты и их обсуждение. На протяжении XIX–XXI вв. выделяются несколько этапов развития сюжета. В XIX в. разрабатывается традиционная семантика сюжета: явление мертвого жениха – наступление смерти, означающей наказание за непокорность и Богу / судьбе. В канонических балладах «Людмила», «Ленора» В.А. Жуковского, «Ольга» и «Наташа» П.А. Катенина и др. встреча с представителем царства мертвых заканчивается гибелью героини: «Творцу в бедах покорна будь; / Твой труп сойди в могилу! / А душу бог помилуй!» [9]. Однако способность к трансформациям заложена в самой синкретичной природе жанра: период расцвета баллады характеризуется жанровыми обновлениями, что отражается в том числе в модификациях сюжета. Так, в балладе «Светлана» Жуковского происходит конвергенция сюжета свадьбы со святочным сюжетом (вариантом номинации было заглавие «Святки»).

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили [9];

Традиционный святочный сюжет «организован» вокруг матримониальной ситуации, ибо Святки в народном сознании – <...> период свадеб <...>. Центром святочного сюжета становится поиск жениха, осуществляемый разными способами: <...> посредством различных гаданий; через святочный сон, который считался особенно вещим. <...> Характерологической особенностью святочного сюжета является встреча с нечистой силой <...>» [10]. В балладе «Светлана» перенос сюжета встречи с мертвым женихом в область подсознательных страхов героини позволяет автору изменить классическую сюжетную линию, избежав рокового финала: «Здесь несчастье – лживый сон; / Счастье – пробужденье» [9].

В балладе «Наташа» П.А. Катенина жених убит во время трагических событий Отечественной войны 1812 г.

Именинница Наташа!
В день твой, в день Бородина,
За здоровье друга чаша
Налита тобой вина,
И о нем пируют гости;
А его в тот час уж кости
На ближайшем там селе
Преданы сырой земле [11].

Финальная гибель героини больше напоминает смерть для возрождения в новом качестве в ином мире – инициацию:

Тут Наташа помолилась,
Тут во сне перекрестилась:
Как сидела, как спала,
К жизни с милым умерла [11] (курсив

наш. – Т.Ч.).

Так, акцентируя внимание на состоянии сна / на жизни после смерти (воскресение), авторы баллады XIX в. утверждают в сюжете гармонию божественного миропорядка. Способы изменения сюжета свадьбы (прием переноса балладного действия в современность, прием сюжетного синтеза) получают развитие в неканонической балладе XX–XXI вв.

Период Серебряного века называют эпохой русского Ренессанса – временем деканонизации жанров, разрушения позитивистской картины мироздания и обращения к поиску Иного в мире. В «кризисный» период – во время Первой мировой войны и революций, послереволюционного террора – баллада вновь возвращается на ведущие позиции в литературном процессе. В.А. Келдыш отмечает, что «обновленное художественное видение <...> существенно меняло приоритеты во взаимоотношении начал, составляющих “классическую” структуру. И, однако, “печать” последней, ее глубокий след оставались неустраимыми в искусстве XX столетия» [12]. В балладах рубежа веков сюжет несостоявшейся свадьбы в каноническом виде сохраняется в случаях стилизации. Например, в «Шотландской балладе» Г. Иванова, созданной по мотивам В. Скотта, возлюбленный Беверлей, вероломно убитый соперником, накануне свадьбы похищает свою невесту Матильду:

Но шибче мчится мертвых конь
По рвам, болотам и лесам.
Искать напрасно зыбкий след,
Петух не пел и следа нет...
Туман клубится среди полей,
Исчез с Матильдой Беверлей [13].

Несмотря на традиционность сюжета несостоявшейся свадьбы исчезновение влюбленных, подобно финалу катенинской «Наташи», не есть наказанием за нарушение запрета. Скорее это спасение – переход в иной мир, воссоединение / возрождение в новом качестве, невозможное в реальном мире.

Способами трансформации становятся изменение семантики сюжета, обновление мотивов и образов, биографические параллели (проявление модернистского принципа жизнетворчества). Известен трагический биографический контекст «Новогодней баллады» А. Ахматовой, созданной через полтора года после расстрела Н. Гумилева: прототип образа хозяйна в стихотворении очевиден:

Хозяин, поднявши первый стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим» [14].

В номинации прослеживается связь с календарными сюжетами (Новый год – время смены годового цикла: умирание – разрушение временных связей – переход на новый уровень – возрождение). За столом с умершими, помимо Н. Гумилева, сидят как друзья Ахматовой, покинувшие этот мир, – В.Г. Князев (самоубийство), Н.В. Недоброво (смерть от туберкулеза), так и друзья, оставившие Россию (метафорическая «смерть»), –

Б.В. Анреп и А.С. Лурье [14]. В результате происходит переосмысление понятия «загробный мир»: в изменившемся мире Аидом становится *земля родных полей*. Слова *друга, не знавшего ничего* (возможно, В. Князева, погибшего в 1913 г.): «Мы выпить должны за того, / Кого еще с нами нет [14]», – звучат трагическим предвидением грядущих испытаний – массовых ссылок и казней «врагов народа». Медиатором, соединяющим два мира, становится Память, сохраняющая образы ушедших благодаря искусству Слова:

А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!» [14].

Так с помощью Слова соединяются миры мертвых и живых, а образы жены и погибшего мужа обретают новую семантику. Архетипы *мертвый жених – невеста* переосмысляются, становясь частью гумилевско-ахматовского мифа, в котором синтезируются литературные, исторические, христианские и мифологические универсалии.

Продуктивным способом трансформации сюжета несостоявшейся свадьбы является *диффузия нескольких сюжетов*. В балладе И. Бунина «Заклинание» сюжет *прихода мертвого жениха* взаимодействует с *сюжетом договора с дьяволом*, а также со *святоточным мотивом* (магия, направленная на встречу с мертвым женихом):

Приди ко мне, заворуженной!
Приди к невенчанной жене,
Супруг невенчаный, сраженный
Стрелой в неведомой стране! [15].

Несмотря на перенесение события в мир востока («тонкогорлый фиал» и пр.), мотивы *противления Богу / судьбе, нарушения запретов* (обращение к силам Тьмы) и последующий *переход границы мертвым женихом* ассоциируются с классикой – «Светланой» Жуковского. Финал трагичен – встреча приводит к гибели: «И лоб мой стынет, каменеет, / Глаза мутятся» [15]. Мертвый жених материален:

Я предаюсь Тебе, я чую
Твой аромат и наготу
И на предплечьях золотые
Браслеты в ледяном поту [15]!

Возможно, в пограничном состоянии невеста видит то, что находится по ту сторону сознания. Не означает ли обращение с прописной буквы (Тебе), что при помощи колдовства она вызвала в этот мир самого Князя Тьмы, принявшего облик жениха? Так, синтез сюжетов, интертекстуальные связи позволяют расширить семантические возможности сюжета.

Иногда в балладах сюжет редуцируется до уровня *мотива*, имплицитно отражается в *образах-архетипах*. Балладное стихотворение «Молчалив и бледен лежит жених...» С. Парнок повествует о встрече с мертвым женихом в реальном мире:

Молчалив и бледен лежит жених,
А невеста к нему ластится...

Запевает вьюга в полях моих,
Запевает тоска на сердце [16].

Ласки невесты, эпитеты «молчалив» и «бледен» вызывают ассоциации с лермонтовской «Русалкой» («Но к страстным лобзаньям, не зная зачем, / Остается он хладен и нем» [17]), а открытый финал позволяет предположить, что невеста уйдет вслед за возлюбленным в Иной мир. Так благодаря «памяти жанра» редуцированный сюжет воссоздается в воображении читателя.

Таким образом, в балладе рубежа веков свадебный сюжет развивается в разных направлениях: переосмысление сюжета, трансформация мотивов и образов, биографические параллели, сюжетный синтез, редукция сюжета до мотива / узнаваемых образов придают балладе новую семантику, обогащая возможности жанра. *Изменение сюжета* (трагическая многозначность финала) указывает на *процессы нарушения космической гармонии*, эсхатологические предчувствия и разрушения миропорядка.

В советской балладе утвердившийся после Первого съезда писателей (1934) принцип нормативной эстетики соцреализма приводит к утрате условности, атеистическое мировоззрение – к отрицанию потустороннего мира; перенесение событий в этот мир ведет к содержательной модификации: происходит постепенное преобразование баллады в фабульное стихотворение. Возрождение жанра, его обновление связаны с травмой Великой Отечественной войны и периодом оттепели. Доминирование общественных интересов над личными (начало процесса социализации жанра), атеизма приводит к смещению акцентов, изменению семантики – сюжет *несостоявшейся свадьбы* появляется редко (*значимое отсутствие сюжета*). Приznak баллады XX в. – *перенос события в современность* – накладывает отпечаток на сюжетные трансформации. В балладе О. Берггольц «Измена» архетипическая основа жанра раскрывается опосредованно – через отсылки к литературной классике: *муж, убитый на войне*, является из мира Иных *ночью, во сне* (ассоциации со «Светланой» Жуковского). Стихотворение отсылает и к «Новогодней балладе» Ахматовой: бывшая жена называет пришельца из мира мертвых *хозяином*.

Хозяином переступил порог,
гордым и радостным встал, любя [18].

Обе баллады связаны также трагическим биографическим контекстом. Подобно «Новогодней балладе» (образ *хозяина* – Н. Гумилев), собирательный образ *мертвого мужа* в «Измене» имеет реальные прототипы: это бывший муж О. Берггольц, поэт Б. Корнилов (расстрелян в 1938 году), а также второй муж, литератор Н. Молчанов (умер от голода в Ленинграде в 1942 году). Однако в балладе Берггольц образ *погибшего мужа* обобщается: гибель одного из миллионов (в тюрьмах, на войне) символизирует общенародную трагедию.

Но, смерти назло
и жизни назло,

ты встал из тысяч
своих могил [18].

Так, переосмысленное библейское выражение «смертию смерть поправ» (воскресение Иисуса Христа) соединяется с мотивом воскресения из пепла (птица Феникс).

Ты вынес все и пришел ко мне,
пересек последние рубежи.<...>
Ты шел сквозь битвы, Майданек, ад,
сквозь печи, пьяные от огня,
сквозь смерть свою ты шел в Ленинград,
дошел, потому что любил меня [18].

Преодолев границу миров, герой возвращается на *эту сторону* (переосмысление ситуации инициации). Акцентируемые черты *живого* в погибшем муже («ты жив», «гордый, радостный») вступают в контраст с особенностями реального мира: Тьма обитает в *этом, покинутом Богом, мире*.

А я бормочу: «Да воскреснет бог»,
а я закрепощаю тебя
крестом неверующих, крестом
отчаянья, где не видать ни зги,
которым крещен был каждый дом
в ту зиму, в ту зиму, как ты погиб... [18].

Происходит содержательная трансформация: царство мертвых сакрализуется, а мир земной, оставшийся без веры, погружен в отчаяние и тьму. Название баллады «Измена» символично: в новом браке (измена бывшему мужу), в жизни без креста (измена Всевышнему) героиня чувствует утрату собственного *я*. *Жизнь и смерть, явь и сон* становятся *амбивалентными* понятиями.

О друг, – прости мне невольный стон:
давно не знаю, где явь, где сон... [18].

Станет ли событие встречи с погибшим мужем катарсисом, воскресением, становлением на пути к Богу? Финал открыт, что предоставляет возможности для читательской рефлексии. Перенесение события в современность, наличие биографического и исторического контекстов, актуализация библейских и античных мотивов придают сюжету *о возвращении мертвого мужа* новые коннотации: понятия *живой* и *мертвый* переосмысливаются, а сюжет становится *репрезентацией коллективной травмы* военных лет.

В «Балладе о старшем брате» Ю. Кузнецова сюжет *о женихе-мертвеце* взаимодействует с библейским сюжетом *возвращения блудного сына*. В результате происходит трансформация понятий *живой* / *мертвый*. В погоне за материальным *старший брат* / *жених* теряет родовые связи:

Невеста и мать увяли,
Когда он богатым стал,
А младший брат отвернулся,
Поскольку ворон считал.
И вот в дорогом вагоне
За дорогой билет
Назад старший брат отпрянул,
Смотрит – а дома нет [19].

Символической точкой невозврата в мир живых становится отказ от души:

Я взял бы тебя с собою,
Но женщина – не верна [19].

В наказание поезд (отсылка к лодке Харона) уносит его в *никуда*. В *материальной (обманной)* реальности нет точек пересечения с *истинной* реальностью.

Да! С воем и свистом мимо
Промчался его вагон.
Успел он заметить женщину,
В которую был влюблен.
Едва он успел заметить
Вернейшую из теней,
Ее отшвырнуло вихрем,
И он позабыл о ней [19].

В балладе библейские архетипы *старший* / *младший брат* указывают на разрушительный путь настоящего / веру в будущее; понятие *мертвый* означает *духовную смерть* – утрату дома, близких, потерю памяти и гибель.

Таким образом, в силу идеологических и мировоззренческих причин сюжет несостоявшейся свадьбы в советской балладе редуцируется. В редких балладах перенос действия в современность, автобиографический контекст и исторические параллели, симбиоз христианских / мифологических / литературных мотивов ведут к трансформации сюжета: понятия *живой* и *мертвый* оказываются *условными* / *взаимозаменяемыми*; в балладе доминирует рефлексия над трагическим «чувством вины» поколения военных лет, над губительной бездуховностью живущего без креста / Бога / души общества.

В постсоветской балладе продолжается процесс социализации жанра, что обусловлено ощущением незащитности перед агрессивными геополитическими играми и медийными «войнами», ментальными сдвигами, крушением идеалов, техногенными катастрофами, атомизацией общества. Сюжет *о мертвом женихе* получает иные коннотации: трагическая балладная встреча является следствием «страшных» событий современности. В «Балладе о деде белого плеса» Т. Кибирова таким событием становится война в Афганистане:

Дембеля возвращались в родную страну,
проиграв за кордоном войну.

Пили водку в купе; лишь ефрейтор один
отдавал предпочтенье вину [20].

В тексте обозначаются сюжетобразующие архетипы: «и носил он кликуху “Жених”, / потому что невеста его заждалась <...>» [20]. Сюжет *несостоявшейся свадьбы* синтезируется с сюжетом *возвращения блудного сына*, получая необычное продолжение. Погружение в онейроидное состояние (пьянство – «народный русский» способ ухода от встречи с изменившейся реальностью) заканчивается *разрывом родственных связей с матерью и невестой*: «проезжает ефрейтор родные места, / продолжает в каюте запой» [20]. Несмотря на алкогольный морок герой

оказывается единственным, кто, находясь в пограничном состоянии, способен увидеть Вечную невесту:

за виденьем, представшим ему одному,
почему-то ему одному,
за сплясавшим виденьем, за тихим лучом,
как лунатик, пришел на корму.

Дева белого плеса и тихой воды,
золотой красоты-наготы
на белейшем коне в тишине, в полусне...

Все, ефрейтор злосчастный. Кранты [20].

Семантика слова *белый* имплицитно ведет к сюжету свадьбы, однако архетипический сюжет трансформируется. Не Жених уводит невесту *на тот свет*, а Дева белого плеса (подобно мистическим существам из народных сказаний и баллад, среди которых «Рыбак» Жуковского, «Русалка» Пушкина, «Русалки» Бальмонта и пр.) влечет Жениха за собой:

И она улыбалась ему и звала,
за собою манила, вела
навсегда, навсегда, никуда, без следа,
никогда, мой любимый, уже никогда... [20].

Очевидна связь номинации *Дева белого плеса* с именем *Девы Марии*, акцентируемая также средствами цветописи. В характеристике образа преобладают белый (свобода, чистота, связь с божественным светом) и золотой (свет, сакральность) цвета, а также цвет бирюзы (стихии воздуха, воды и неба; цвет Богородицы). Стремление к выходу из духовного кризиса – отказ от обыденного существования, поиски встреч с Девой, финальное обращение *с просьбой о прощении* – дают надежду на спасение. Пройдя *сквозь ад* (война в Афганистане), побывав *в чистилище* (пьянство, драки, КПЗ, психушка), *покаявшись и следуя* за Девой, герой *возвращается на путь духовного возрождения* (инициации).

Дева белого плеса, сплясавших песков,
пошади нас, прости дураков,
золотая краса, золотые глаза,
белый конь, а над ним и под ним бирюза.
Лишь следы на песке от подков [20].

Так в «Балладе о Деве белого плеса» метаморфозы сюжета несостоявшейся свадьбы включают в себя сложные сюжетно-образные диффузии: *сквозь репрезентацию трагических реалий современности «прорастают»* мифологические, литературные и христианские универсалии, вследствие чего сюжет о мертвом женихе обретает новые смысловые коды.

В балладе «Невеста» М. Степановой сюжет *несостоявшейся свадьбы* соединяется с сюжетом *встречи с мифическим существом* (былички о водяном, немецкая баллада «Лилофея», скандинавская баллада «Агнете и водяной»): гость из мира Иных является из подсознания героя, воплощая его Другое [21]. Способность *слышать голоса того света* делает невесту изгоем.

Эта Муська едва подросла.

Посторонним казалась – дура,

Словно ухо до уха продуло

Ветром с Яузы от весла:

Здравый смысл река унесла [22].

Инаковость девушки препятствует браку с земным женихом, описание которого представлено *сквозь фокус видения обывателя – жителя этого мира*.

Например, объявился жених

Как салют многократный над парком
В небе жарком, с заветным подарком,
Отличающимся от иных,
Как небесная ткань от земных [22].

Подготовка к свадьбе вызывает трагические предчувствия: невеста *худеет* <...>, *бледна*, / *И сидит вечерами одна* [22]. Нетипичное поведение привлекает внимание *чересчур любопытной соседки*, не обремененной нормами нравственности и морали.

К ближней двери приставила ухо

И, прислушавшись, обмерла [22].

В разговоре с представителем Иного мира – водяным невеста пытается заявить о своем желании жить *в этом мире подобно плющу* (как «все»).

Но пугает хозяин суровый <...>

Тихо плещется: не пушу!

Зыбко блещется: отомщу [22]!

Исчезновение в день свадьбы акцентирует внимание на вопросе: кто является истинным, а кто ложным (мертвым) женихом на несостоявшейся свадьбе? Похищена невеста водяным или пропала в результате доноса «бдительной» соседки, обратившейся «по месту прописки» [22]? Предположение, что история про водяного – попытка оправдать свое предательство, косвенно подтверждается в финале.

И поникши, как сохлая ветка,

И блее, чем смертный глаzet,

Говоря неслышным и редко,

До могилы читала соседка

Сообщенья центральных газет [22].

Ироничное упоминание центральных газет «вводит <...> мотив зомбирующего влияния идеологии на общественное сознание, благодаря которому вина за содеянное <...> переносится вовне и <...> исподволь оказывает разрушительное воздействие на доносчика. Мифологизированная идеологией действительность в обыденном сознании сплавляется с фольклорными «страшилками», превращая носителя такого сознания в безмолвную жертву собственного преступления и соучастника преступления государства против своих граждан» [21].

Таким образом, мистификации, диффузия сюжетов, полисемия образов, возможность разноуровневого прочтения становятся признаками постсоветской баллады конца XX – начала XXI вв. Трансформации сюжета (принципиальная открытость финала) свидетельствуют о дисгармонии мировосприятия, о трагическом одиночестве человека в обществе.

Заключение. Итак, рассмотрение эволюции сюжета несостоявшейся свадьбы в жанре баллады XIX–XXI вв. позволяет сделать следующие выводы.

Свадебный сюжет корнями уходит к космогоническому мифу, археосюжетной схеме инициации. На динамику развития прецедентного балладного сюжета о явлении мертвого жениха / мужа влияют историко-культурные трансформации, смена философских, социальных и литературных парадигм.

В канонической балладе XIX в. сюжет несостоявшейся свадьбы раскрывает гармонию антагонистических начал (смерть / сон для возрождения). Отступления от канонической сюжетной линии (нивелирование временной дистанции, конвергенции сюжетов и др.) становятся источником дальнейших сюжетных трансформаций.

В балладе XX–XXI вв. изменения свадебного сюжета (незавершенность, полисемия финала) свидетельствуют о нарастании дисгармонии, разединении космических элементов, крушении традиционной картины мира. Социально-исторические коллизии (распространение атеизма, атомизация общества и др.) становятся причинами изменения сюжета: источником Зла нередко предстает этот мир. Перенос событий в современность влечет за собой новые жанровые трансформации: диффузия сюжетов, расширение и переосмысление их семантики, редукция сюжета до мотива и образов-архетипов перемещает традиционный балладный сюжет в подтекст, что в свою очередь предполагает многоуровневое прочтение баллад.

Процессы социализации жанра открывают возможность репрезентации в сюжете свадьбы событий современности, выявление причин тотального чувства одиночества, разобщенности и страха перед будущим, формирующихся в сознании / подсознании «маленького человека». Так сюжет о явлении мертвого жениха становится способом рефлексии над фобиями и травмами общества.

Литература

1. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг; подгот. текста, общ. ред. Н.В. Брагинской. – М.: Лабиринт, 1997. – 445 с.
2. Тюпа, В.И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов / В.И. Тюпа // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву; под ред. В.И. Тюпы. – Новосибирск: Институт филологии РАН, 1996. – С. 16–24.
3. Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: Избр. тр. / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1979. – 493 с.
4. Ермакова, Н.А. Трансформация мотива мертвого жениха в «Метели» Пушкина / Н.А. Ермакова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжеты и мотивы русской литературы; под ред. Т.И. Печерской. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – Вып. 5. – С. 117–130.
5. Жаворонкова, М.Ю. Поэтика свадебного сюжета в творчестве Н.В. Гоголя: несостоявшаяся свадьба / М.Ю. Жаворонкова // Сиб. филол. журнал. – 2018. – № 3. – С. 69–77.
6. Козубовская, Г.П. Мотив мертвого жениха в поэзии А. Ахматовой [Электронный ресурс] / Г.П. Козубовская // Культура и текст. – 2001. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-mertvogo-zheniha-v-poezii-a-ahmatovoy>. – Дата доступа: 17.04.2021.
7. Курешева, Л.А. Стихотворная сказка Я.Б. Княжнина «Флор и Лиза» / Л.А. Курешева // Сюжетология и сюжетология. – 2019. – № 1. – С. 104–122.
8. Канунова, Ф.З. Трансформация сюжетного мотива возвращения жениха-мертвеца за своей невестой в балладах В.А. Жуковского / Ф.З. Канунова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Интерпретация текста: сюжет и мотив; под ред. Е.К. Ромодановской. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – Вып. 4. – С. 77–88.
9. Жуковский, В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / В.А. Жуковский; редкол.: А.С. Янушкевич (гл. ред.) [и др.]. – М.: Языки славянских культур, 2008. – Т. 3: Баллады. – 456 с.
10. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии; авт.-сост. Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина; отв. ред. Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – Вып. 2. – 245 с.
11. Катенин, П.А. Избранные произведения / П.А. Катенин; вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г.В. Ермаковой-Битнер. – М.-Л.: Совет. писатель, 1965. – 742 с.
12. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; отв. ред. В.А. Келдыш. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – Кн. 1. – 958 с.
13. Иванов, Г.В. Стихотворения / Г.В. Иванов; сост., вступ. ст. и примеч. А.Ю. Арьева. – СПб.: Академический проект, 2005. – 766 с.
14. Ахматова, А.А. Собрание сочинений: в 6 т. / А.А. Ахматова; сост., подгот. текста, коммент. и статьи Н.В. Королевой. – М.: Эллис Лак, 1998. – Т. 1: Стихотворения. 1904–1941. – 968 с.
15. Бунин, И.А. Собрание сочинений: в 6 т. / И.А. Бунин; редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. – М.: Худож. лит. 1987–1988. – Т. 1: Стихотворения, 1888–1952; Переводы, 1987. – 687 с.
16. Sub rosa / Вступ. ст. Е.А. Калло; сост., подгот. текстов и коммент. Т.Н. Жуковской, Е.А. Калло. – М.: Эллис Лак, 1999. – 764 с.
17. Лермонтов, М.Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. / М.Ю. Лермонтов. – М.: Воскресенье, 2000–2002. – Т. 2: Стихотворения (1832–1941). – 2000. – 404 с.
18. Берггольц, О.Ф. Избранные произведения / О.Ф. Берггольц; вступ. ст. А.И. Павловского; сост. М.Ф. Берггольц и А.И. Павловского; подгот. текста и примеч. Т.П. Головановой. – Л.: Совет. писатель, 1983. – 607 с.
19. Кузнецов, Ю.П. Золотая гора: Стихотворения и поэмы разных лет / Ю.П. Кузнецов. – М.: Совет. Россия, 1989. – 320 с.
20. Кибиров, Т. Стихи / Т. Кибиров. – М.: Время, 2005. – 854 с.
21. Автухович, Т.Е. Прекрасное и безобразное в лирике М. Степановой (на материале книги стихов «Счастье») / Т.Е. Автухович // Estetyczne modele literatury rosyjskiej; pod red.: A. Baczewskiej-Murdek, W. Bielguk-Les, E. Pankowskiej. – Białystok: PRYMAT, 2018. – С. 205–222.
22. Степанова, М.М. Песни северных южан [Электронный ресурс] / М.М. Степанова. – М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna, 2001. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/stepanova1-1.html#2>. – Дата доступа: 17.04.2021.

Поступила в редакцию 03.05.2021

Асэнаванне ментальнасці беларусаў-літвінаў у аповесці В. Гамуліцкага “Na rozłogach białoruskich”

Гладкова Г.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле разглядаецца пытанне ментальнасці насельнікаў Літвы на пачатку XX стагоддзя, адлюстраванае ў апавесці польскага пісьменніка-пазітывіста Віктара Гамуліцкага “Na rozłogach białoruskich”. Падарожжа героя-назіральніка (этнічнага паляка) па беларускім краі прыводзіць яго да высноў пра аўтэнтычнасць беларускай культуры, самабытнасць светаразумеання мясцовага насельніцтва. З пазіцыі варшаўскага пазітывізму пісьменнік аналізуе спектр сацыяльных праблем рэчаіснасці, спыняецца на недахопах жыцця мясцовай шляхты і духавенства, з прыхільнасцю ставіцца да сялянства, звяртае ўвагу на становішча яўрэйскага насельніцтва краю.

Мэта працы – выявіць асаблівасці асэнавання праблемы ментальнасці насельнікаў Літвы пачатку XX стагоддзя ў апавесці В. Гамуліцкага “Na rozłogach białoruskich”.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу стала апавесць В. Гамуліцкага “Na rozłogach białoruskich”. Базавымі для літаратуразнаўчага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, феноменалагічнага і дэскрэптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. У апавесці выкарыстаны традыцыйны для мастацкай літаратуры прыём падарожжа героя па невядомым краі. У дадзеным выпадку этнічны паляк пан Мірскі наведваў Літву (заходнюю частку сучаснай Беларусі) напярэдадні вяселля з мэтай аднавіць стасункі са сваякамі па мацярынскай лініі. У выніку падарожжа герой пабачыў розныя сацыяльныя групы жыхароў Літвы: шляхту, духавенства, сялянства. Асаблівая ўвага ў творы нададзена этнічным групам мясцовага насельніцтва, у прыватнасці, беларусам і яўрэям. Каштоўнасцю апавесці сталі эпізоды, насычаныя літвінскімі (беларускімі) фальклорнымі матывамі, а таксама ўдумлівае разважанне пісьменніка над праблемай этнічнай самаідэнтыфікацыі насельнікаў Літвы на пачатку XX стагоддзя.

Заклучэнне. Мастацкай і этнаграфічнай каштоўнасцю твора бачыцца пісьменніцкая ўвага да розных сфер жыцця беларусаў: іх побыту, самабытнай духоўнай культуры, сацыяльных праблем, а таксама спроба выявіць асаблівасці нацыянальнай самаідэнтыфікацыі насельнікаў Літвы і Белай Русі пачатку XX стагоддзя.

Ключавыя словы: мастацкае народназнаўства, варшаўскі пазітывізм, нацыя, літвін, беларус, паляк, этнічны стэрэатып, ментальнасць, Літва, Белая Русь.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 184–189)

Understanding the Mentality of Belarusians-Litvins in V. Gamulitsky's Story “Na Rozłogach Białoruskich”

Gladkova A.A.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with the issue of the mentality of the inhabitants of Lithuania in the early twentieth century, which is reflected in the story of the Polish positivist writer Viktor Gamulitsky “Na rozłogach białoruskich”. The journey of the hero-observer (an ethnic Pole) through the Belarusian region leads him to conclusions about the authenticity of the Belarusian culture, the identity of the worldview of the local population. From the standpoint of Warsaw positivism, the writer analyzes the range of social problems of reality, dwells on the shortcomings of the life of the local nobility and clergy, with a predilection for the peasantry, draws attention to the situation of the Jewish population of the region.

The aim is to identify the features of understanding the problem of the mentality of the inhabitants of Lithuania at the beginning of the twentieth century in the story of V. Gamulitsky “Na rozłogach białoruskich”.

Material and methods. The literary analysis is based on the material of the story of V. Gamulitsky "Na rozlogach białoruskich". As basic, concrete historical, phenomenological and descriptive methods were used.

Findings and their discussion. The novel uses the traditional for fiction method of the hero's journey through an unknown land. In this case, the ethnic Pole Pan Mirsky visited Lithuania (the western part of modern Belarus) on the eve of the wedding in order to restore relations with the relatives on the maternal side. As a result of the journey, the hero saw various social groups of Lithuanian residents: the gentry, the clergy, and the peasantry. Special attention is paid to the ethnic groups of the local population, in particular, Belarusians and Jews. The value of the story was the episodes rich in Lithuanian (Belarusian) folklore motifs, as well as the thoughtful reasoning of the writer on the problem of ethnic self-identification of the inhabitants of Lithuania in the early twentieth century.

Conclusion. The artistic and ethnographic value of the work is seen as the writer's attention to various spheres of life of Belarusians: their everyday life, original spiritual culture, social problems, as well as an attempt to identify the peculiarities of national self-identification of the inhabitants of Lithuania and White Russia of the early twentieth century.

Key words: artistic folk studies, Warsaw positivism, nation, Lithuanian, Belarusian, Polish, ethnic stereotype, mentality, Lithuania, White Russia.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 184–189)

Мастацкае народазнаўства ўяўляе сабой адлюстраванне ў літаратурным творы асабліва-сцей характару, духоўнай культуры, све-таўспрымання, спецыфікі сацыяльных стасункаў, адметнасцей быту пэўнага народа. На аснове адзін-кавых апісанняў фарміруецца комплексны погляд на нацыю, не пазбаўлены суб'ектыўнасці і, у некаторай ступені, этнічных стэрэатыпаў аўтара. Як адзначае В.Ю. Бароўка, "адрэфлексаваная майстрамі мастац-кага слова этнічнасць у літаратурным творы прад-стае як каштоўнасць эстэтычная, этычная, навуко-вая. Яна ўяўляе сабой самадастатковы матэрыял для рознабаковых тэарэтычных даследаванняў, у тым ліку літаратуразнаўчых" [1, с. 90].

Польскі пісьменнік XIX стагоддзя В. Гамуліцкі (1848–1919), вядомы як паэт, белетрыст, літаратурны крытык, прыхільнік варшаўскага пазітывізму, з'яўля-ецца аўтарам аповесці "Na rozlogach białoruskich" (1912), прысвечанай апісання беларускага краю і яго жыхароў. У цэнтры твора – асоба этнічнага паляка Мірскага, які з нагоды хуткага вяселля вырашыў ад-навіць стасункі з роднымі па мацярынскай лініі, што жывуць на Літве. За аснову сюжэтна-кампазіцыйнай будовы твора аўтар абраў прыём вандроўкі героя, што дазваляе панарамна адлюстраваць як прастору, так жыццё розных сацыяльных груп насельніцтва рэгіё-на. Творчасць В. Гамуліцкага разглядаецца польскім літаратуразнаўствам, аднак аповесць "Na rozlogach białoruskich" не атрымала належнага навуковага асэн-савання ні ў польскай, ні ў айчынай філалагічнай навуцы, даследаванне будзе спрыяць паглыбленню ведаў аб адметнасці мастацкай рэпрэзентацыі бела-рускай самабытнасці, што абумоўлівае актуальнасць тэмы і прадвызначае мэту працы: выявіць спецыфіку мастацкага адлюстравання ментальнасці мясцовага насельніцтва Літвы пачатку XX стагоддзя ў аповесці В. Гамуліцкага "Na rozlogach białoruskich". Заўважым, што назва *Літва* ў артыкуле ўжываецца са значэннем 'заходняя частка Беларусі', што дазваляе ўдакладніць семантычную шматварыянтнасць тэрміна.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літара-туразнаўчага аналізу стала аповесць В. Гамуліцкага "Na rozlogach białoruskich". Базавымі для літаратура-

знаўчага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарыч-нага, феноменалагічнага і дэскрэптыўнага метадаў. Метадалогія даследавання абумоўлена прынцыпам гістарызму і грунтуецца на распрацоўках айчыннага і замежнага літаратуразнаўства, гісторыі, культуралогіі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Назіранні галоўнага героя аповесці "Na rozlogach białoruskich" складаюць змест кнігі, пры гэтым адчуваецца, што ўбачанае – цалкам новае, незвычайнае для варшавяніна, эстэтыч-на выхаванага на ўзорах заходнеўрапейскай культу-ры: "*Litwa, którą oglądał po raz pierwszy, dawała mu wrażenia zupełnie nowe, swoiste, do żadnych innych nie podobne*" ("Літва, якую бачыў упершыню, давала яму новыя своеасаблівыя ўражанні, не падобныя ні на якія іншыя" – пераклад наш. – Г.Г.) [2, с. 5]. Характар на-зіральніка падкрэслівае партрэтная дэталі – пенснэ – праз якое Мірскі разглядае невядомы яму свет. Часта герой будзе знаходзіцца ў стане ўспрымання рэчаісна-сці як ажыццяўлення сну: "*To wszystko było dlań nowe, przeczuwane tylko, z książek i obrazów wysnute. Patrzył na rzeczywistość jak na sen wcielony*" ("Гэта ўсё было для яго новае, толькі прадчуванае, пачэрпнутае з кніг і карцін. Глядзеў на рэчаіснасць як на ўвасоблены сон") [2, с. 5].

Адносна тэмпаральных асаблівасцей твора ад-значым адсутнасць датавання падзей, аднак па ўскос-ных дадзеных можна ўстанавіць, што пан Мірскі наве-даў Літву на пачатку XX стагоддзя. На карысць гэтай версіі служаць два ўскосныя паведамленні: адно – аб тым, што з моманту апошняга паўстання прай-шло 40 гадоў (верагодна, маецца на ўвазе паўстанне 1863 года), другое паведамленне пра тое, што з моман-ту смерці польскага мастака Юзафа Шэрментоўскага (Szermentowski, 1833–1876) прайшло 30 гадоў. Мес-ца дзеяння акрэслена прыблізна, згодна з тапаніміч-нымі назвамі з літаратурнай крыніцы, гэта землі паўд-нёва-заходняй часткі сучаснай Беларусі (згадваюцца Піншчына, вёскі Лапеніца – сучасн. Ваўкавыскі раён Гродзенскай вобл., Лыскава – сучасн. Пружанскі раён Брэсцкай вобл.).

Заўважым, што палітонімы *Літва* і *Белая Русь* патрабуюць канкрэтызацыі з улікам гістарычнага кантэксту: Літвой называлі пераважна Віленскую,

Ковенскую, Гродзенскую, а часам і Мінскую губерні, назва “Белая Русь” была замацаваная за Віцебскай, Магілёўскай, Смаленскай, часткова Мінскай губернямі. Аднак этнонім “літвін” выкарыстоўваўся як саманазва насельніцтва Гродзенскага, Ваўкавыскага, Слонімскага, часткова Слуцкага паветаў, “беларусамі” зваліся жыхары Магілёўскай, Віцебскай, Смаленскай губерняў Расійскай імперыі [3, с. 5]. Аднак у мастацкім творы В. Гамуліцкага такога выразнага падзелу няма: галоўны герой, вандруючы па тагачасных літвінскіх землях, часта выкарыстоўвае тапонім “Biała Ruś” адносна мясцовага рэгіёна [2, с. 11, 47, 52].

Аўтар неаднаразова спыняецца на апісанні адметных прыродных асаблівасцей Літвы, сярод якіх называюцца разліў рэк на Піншчыне, які на некалькі месяцаў перапыняе стасункі з суседнімі вёскамі, бяскрайняя дрыгва, манатоннасць пейзажа, над якім пануе “сціскаючая сэрца” ціша. Сонныя разлогі Літвы навяваюць на героя нуду і смутак. Разам з гэтым, Літва запаміналася польскаму вандроўніку як край спакою і неабсяжных даляглядаў, тут час запавольваецца, бо не ў звычых мясцовых людзей спяшацца, як тое характэрна для жыхароў вялікіх гарадоў Еўропы.

Экспазіцыя аповесці ўяўляе сабой апісанне сядзібы цёткі пана Мірскага, у якім дамінаюць дэталі побытавага характару: скуры дзікіх жывёл на падлозе, на сценах – паляўнічыя трафеі (алені, лосі, нават зубр), на стале – альбом з патрыятычнымі малюнкамі і вершамі, выявамі Арла і Пагоні. Пахі сена і мелісы, ружы і язміну напаўняюць дом з мэбляй часоў Другой імперыі, панавання Луі (Напалеона III) і Мексіканскай экспедыцыі. Абстаноўка спалучае дэталі мясцовага (літвінскага), польскага, заходнееўрапейскага (пераважна французскага) стылю, што характарызуе эстэтычны густ гаспадыні. Агульнае ўражанне Мірскага ад першай сустрэчы з літвінскім краем – гэта адчуванне іншай, запаволенай, няспешнай атмасферы жыцця ў блізкай злучанасці з прыродай.

Выхаванаму на лепшых узорах рамантычнай паэзіі герою вясковая дзяўчына з васількамі і макамі ў валасах падаецца русалкай ці свіцязянкай, аднак пані Тур-Тужанка хутка вяртае кузена да рэчаіснасці: “*Biała Ruś jest naogół pusta, jałowa i monotonna. Ale na tej pustyni trafiają się cudnie piękne oazy*” (“Белая Русь наогул пустая, бесплодная і манатонная. Але ў гэтай пустыні трапляюцца цудоўныя прыгожыя азісы”) [2, с. 12]. Гаспадыню не цікавіць сучаснасць, для яе ўсё скончылася, калі на Літве і Белай Русі забаранілі ставіць “*krzyże o dwóch ramionach*” (“крыжы з адным перакрываўнем”) [2, с. 12]. Відавочна, маецца на ўвазе каталіцкі крыж, які, у адрозненне ад праваслаўнага, мае менавіта такі выгляд.

Неаднаразова ў творы падкрэсліваецца традыцыйнасць ежы літвінаў. Так, у розных сядзібах героя, як правіла, частуюць сквашаным малаком, вяндрлінай, садавінай і гароднінай, хлебам хатняга гатунку.

Ад беларускага селяніна, які вязе пана Мірскага да чарговага сваяка, герой даведваецца пра значную мяс-

цовую праблему – п’янства: “*U nas usie piją. A pany lepiej niż usie – na umor*” (“У нас п’юць усе. А паны больш за ўсіх – да страты прытомнасці”) [2, с. 19]. Гэта датычыць і ўладальніка наведанай сядзібы, які зачыняецца двойчы на тыдзень і п’е замест таго, каб займацца гаспадаркай. Мірскі задае слухнае пытанне селяніну, чаму у такім выпадку ўладальнікі не здаюць землі ў арэнду, аднак яно застаецца без адказу.

На Піншчыне варшавянін наведваў экс-капітана расійскага войска Мікіту Бацвінка. Шчымлівае ўражанне пакідае апісанне не толькі дома, але і яго жыхароў: глухой і хворага гаспадыні і яе мужа, героя Севастопалю, які пад старасць стаў амаль бездапаможным. Маўленне былога салдата мікалаеўскай арміі насычана русізмамі і ўкраінізмамі (*biedniażka, blahorodny; sosid, żinka* і інш.), што тлумачыцца этнічным паходжаннем героя (нарадзіўся на Украіне) і абставінамі доўгачасовай службы ў расійскай арміі. Прыкмет мясцовага менталітэту ў героя не заўважаецца: ён пасяліўся тут некалькі гадоў таму, бо “*blisko do Ukrainy*” (“блізка да Украіны”), амаль не звязаны з рэчаіснасцю, жыве чаканнем сяброў з радзімы і ўспамінамі, выраз яго твару быў характэрны “*wszystkim owej epoki rycerzom: drewniani, apatyczny i jakby nieustannie komendy nasłuchujący*” (“усім героям той эпохі: драўляны, апатычны і як бы пастаянна гатовы пачуць каманду”) [2, с. 29].

Наступны візіт пана Мірскага адбыўся ў дом сваякоў Жубраў. Тут госць сустрэў гаспадара суседняга маёнтка пана Пятра, гутарка з якім закранула актуальныя для вясковых жыхароў пытанні землеўладання. Паны Пятра (меліярацыя, набыццё тэхнікі, пабудова вінакурні, тартака, фабрыкі запалак) падаюцца Мірскаму фантазіяй, бо фінансаванне такіх праектаў патрабуе сродкаў. Аўтар зазначае пра Мірскага, што ён “*choć nie rolnik, wiedział jednak o smutnym stanie majątków na Litwie i Białej Rusi*” (“хоць і не землеўладальнік, аднак ведаў пра сумны стан маёнткаў на Літве і Белай Русі”) [2, с. 44]. З пана Пятра смяюцца суседзі, лічаць яго вар’ятам з-за таго, што малады шляхціч клапаціцца пра сваю гаспадарку, будзе сялянам “швейцарскія дамы”, стараецца вывесці мясцовы лад жыцця на новы ўзровень. Дзеля гэтага ён прадае яўрэю лес і атрымлівае сродкі на рэалізацыю сваіх ідэй.

На старонках аповесці сустракаюцца дастаткова каларытныя персанажы, адным з якіх з’яўляецца чарговы госць Жубраў – святар – вялікі аматар палявання, чалавек хітры і сквапны. У доме сваякоў няма ніводнай кнігі ці газеты, гэты факт абурала Мірскага, які параўноўвае такіх людзей з варварамі, на што каплан заўважае, што свецкая кніга – глупства і без чытання чалавек адчувае сябе спакойна.

У яўрэйскай карчме з прэтэнцыёзнай назвай “Татэль Санкт-Пецярбургска-Варшаўскі” Мірскі піша нарочнай ліст, поўны ўзнёслых выразаў і рамантычнага бачання рэчаіснасці. Адрасант адзначае незямны спакой беларускага краю, апісвае маляўнічую прыроду, лугі і палі “*jakby żywcem z kart “Pana Tadeusza”*” (“быц-

цам жыўцом са старонак «Пана Тадэвуша»), рачулки з чыстымі водамі, гаі, поўныя птушак, уккрытыя між ялін хаты з лістоўніцы, мястэчкі і засценкі, сярод якіх першы – Міцкевічаў Наваградак. Мясцовыя людзі падаліся варшавяніну сардэчнымі і набожнымі, не падобнымі да тых, хто жыве ў вялікіх гарадах Еўропы.

Наступнае падарожжа польскі вандроўнік ажыццявіў у маёнтка пана Свірскага, дзе за абедом сабралася местачковая шляхта. Героя ўразіла багацце страў і празмернае іх ужыванне. Як паведаміў адзін з прысутных, пяцьдзясят адсоткаў тутэйшага насельніцтва памірае ад нястраўнасці: “*Tu, panie, brzuchy tylko pracują, a mózgi śpią. Tu, panie, w jednym powieście alkoholików więcej niż we wszystkich guberniach Królestwa*” (“Тут, пане, жываты толькі працуюць, а мазгі спяць. Тут у адным павеце алкаголікаў больш, чым ва ўсіх губернях Каралеўства”) [2, s. 63]. Сын пана Свірскага чытае толькі рускіх пісьменнікаў-класіцыстаў, марыць стаць інжынерам, каб мець добры заробак і пераехаць у Расійскую імперыю. Ён увасабляе частку моладзі, што забываецца на свае карані, не ведае роднай гісторыі, літаратуры і захапляецца імперскімі амбіцыямі расійскай дзяржавы, звязваючы з ёй сваю будучыню.

Апошнімі, да каго завітаў пан Мірскі, сталі Гурвічы – маладая сям’я, якая пераехала з Францыі, бо ўмовай продка французскай лініі дынастыі было веданне нашчадкамі роднай мовы. Таму малады паніч адпусціў вусы, апрануўся ў саматканае адзенне і пераняў мясцовыя звычаі. Аднак атмасфера ў доме захоўваецца замежная: гучыць французская мова, на паліцах – часопісы з Парыжа, тут больш ведаюць пра Заля і Метэрлінка, чым пра Крашэўскага, Ажэшку, Рэйманта. Гурвічаў больш цікавіць палітыка Францыі ў Афрыцы, чым прадстаўніцтва мясцовага краю ў Думе Санкт-Пецярбурга. Маці гаспадара не прыняла радзіму сваіх продкаў, для *madame*, якая пакінула *belle France* і пераехала ў *barbare Lithuanie* (“варварскую Літву”), тут усё непрыгожае: і людзі, і краявід, і архітэктура. Незразумелым ёй здаецца нават тое, што насельніцтва сілкуецца мясам (“*jak wilki*” (“як ваўкі”)), а не салатай, якую тут аддаюць хатнім птушкам.

Рэнегатам з’яўляецца яшчэ адзін герой твора – пан Рэцкі, які нават змяніў дзедава прозвішча Грэчка на больш мілагучнае і “шляхетнае”. Мірскаму Рэцкі падаецца “бактэрыяй, на апошнія грошы выхаванай гувернёрамі і прышчэпленай на беларускі грунт”, чалавекам няшчырым і духоўна пустым.

У выніку наведвання некалькіх сваяцкіх сядзіб Мірскі адчувае расчараванне, бо, “*jadąc na Białą Ruś, czyli, jak się zwykło w Królestwie mówi: na Litwę*” [2, s. 85–86] (“калі ехаў на Беларусь, ці, як кажуць у Каралеўстве, на Літву”), то спадзяваўся сустрэць вобраз, пачэрпнуты з кніг, шукаў яго, але не знаходзіў. Рэчаіснасць, якую пабачыў герой, была далёкай ад свету А. Міцкевіча, Т. Зана, Я. Чачота, І. Ходзькі, П. Янкоўскага, І. Крашэўскага, У. Сыракомлі, Э. Ажэшкі. Этнічны стэрэатып, сфарміраваны на аснове літаратурных твораў, не знайшоў падмацавання рэальнас-

цю, і гэта падштурхнула героя яшчэ на адну паездку – у Лапеніцы (*Lopienicy*), дзе калісьці жыла яго прабаба, падобная на музу Вальтэра маркізу дэ Шатле.

Спадарожнікам пана Мірскага стаў ужо знаёмы аматар даўніны, “жывая хроніка Літвы і Белай Русі” пан Шытакрыта, які накіроўваўся на раскопкі паганскіх могілак. Падчас паездкі польскі вандроўнік шмат даведаўся пра флору, фаўну, археалогію беларускага краю, дзе паўсюдна сустракаюцца перажыткі не толькі сярэднявечча, але і паганскіх часоў. Беларусы надаюць вялікую ўвагу культу продкаў і спраўляюць Дзяды, тут доўга было захаванае *jus primae noctis* (права першай ночы). Аматар нацыянальнай культуры паведамляе і пра тое, што амаль кожны мясцовы селянін мае ў лесе дрэва, да якога ходзіць скардзіцца, раіцца і маліцца. Беларусы вераць, што дрэвы дапамагаюць ад зубной хваробы, прыносяць дапамогу ў гаспадарчых справах, спрыяюць шчасліваму шлюбу. Разам з гэтым беларусы – народ набожны і шчыры, аднак яшчэ і малагаваркі, асцярожны, нават баязлівы. Традыцыйнае прывітанне “*niech będzie pochwalony Jezus Chrystus*” (“хвала Езусу”) тутэйшы жыхар рэдка прамовіць першым, бо не ведае, які чалавек ідзе насустрач. Часта беларус успрымае сказанае не на сваю карысць. Напрыклад, рускамоўнае прывітанне “здравствуй” мясцоваму селяніну не да спадабы, бо на слых нагадвае пра ліхаманку (трасцу), таму, пачуўшы такое прывітанне, мінак стараецца сплюнуць, адводзячы сурокі.

Адносна мясцовых жыхароў пан Шытакрыта заўважае, што людзі тут, як правіла, скупыя, на грамадскія патрэбы не ахвяруюць. Гэта робіць толькі невялікая частка шляхты, чые прозвішчы сустракаюцца “на старонках гісторыі і літаратуры”, у хроніках і гербоўніках. Менавіта на такіх людзях трымаецца гонар правінцыі.

У Лапеніцы Мірскі пабачыў, што былая веліч спадчыннага палаца змянілася запустеннем, землі арандуе мясцовы яўрэй, і толькі цівун працягвае берагчы былы “польскі дух” маёнтка. Сэнсавое значэнне эпізода – паказаць, што апошняя сувязь героя з родавымі каранямі перарываецца, застаюцца толькі ўяўленні пра мінулае і шчымлівае адчуванне тугі.

Каштоўнасцю аповесці В. Гамуліцкага бачыцца мастацкі матэрыял, які мае дачыненне да беларускай этнаграфіі. Культура беларусаў выдатна прадстаўлена ў эпізодзе, калі герой пачуў спеў жней, спачатку прыняўшы яго за пахавальны, потым – за ўрачысты касцёльны гімн, які спяваюць людзі Богу, забыўшыся на ўсё зямное: “*W tym śpiewie [...] przemawia dusza Białej Rusi. Właściwie: dusza ludu białoruskiego [...]. Taki smutek bezmierny, zrozumiały “nad rzekami Babilonu”, mógł-by się rodzić jedynie z żalu po utraconej wielkości. Ale białorus dobą wczorajszą nie zajmuje się, w swych pieśniach nigdy o niej nie wspomina. Więc chyba już z rąk Stwórcy jego dusza wyszła smutna*” (“У гэтым спеве [...] гаворыць душа Белай Русі. Дакладней, душа беларускага народа [...]. Такі бязмежны смутак, зразу-

мелы «над рэкамі Вавілона», мог нарадзіцца толькі з жалю па страчанай велічы. Але беларус не азіраецца на мінулае, у сваіх песнях ніколі яго не ўзгадвае. Значыць, ужо з рук Творцы яго душа выйшла сумнай») [2, с. 47]. Мірскі прыходзіць да высновы, што меланхолія душы беларуса прыроджаная, натуральная, неад’емная яе частка: “[...] *bialorusin zawsze ma poczucie do samotności i zadumy*” (“беларус заўсёды мае схільнасць да адзіноты і роздуму”) [2, с. 138].

Другая сустрэча з сялянамі адбылася перад развітаннем героя з беларускім краем. Вясковая грамада вярталася з поля, твары людзей былі паважнымі, дзяўчаты з белымі хусткамі, у белых саматканых, аздобленых чорнай тасьмай кафтанах, мужчыны – з косамі на плячах, жанчыны – з граблямі. Зноў над разлогамі гучыць песня, якую польскі паніч слухае ў глыбокай засяроджанасці духу. Як адзначае аўтар, герою ў гэты час здавалася, што гэта пяюць не напрацаваныя за дзень сяляне, а яловыя бары, жыгнёвыя палі, старыя могілкі, лясныя нетры і дрыгва, словам, уся літвінска-беларуская зямля. Для Мірскага так і засталася загадкай, як стасуецца песня, што вынікае з незвычайных глыбінь духа, і ціхі, прасты, нават наіўны характар беларуса. Выснова героя наступная: “[...] *ten lud – myślał – wgłębi swej istoty jest zgoła inny, niż go sobie powierzchowni badacze wyobrażają*” (“[...] гэты народ у глыбіні сваёй сутнасці зусім іншы, чым яго ўяўляюць сабе павярхоўныя даследчыкі”) [2, с. 141]. Адзначым, што моўнай асаблівасцю аповесці з’яўляецца дакладная перадача аўтэнтычнай беларускай гаворкі, што працягваецца на арфаграфічным і арфаэпічным узроўнях: *usie, jon, mogilki, świronek, halsztuk* і інш.

Уражвае варшавяніна і той факт, што ў бліжэйшай вёсцы кожныя два-тры гады паміраюць усе маленькія дзеці ад шкарлятыны. Прычынай пастаянных эпідемій і катастрофічных лічбаў дзіцячай смертнасці з’яўляецца забалочаная вада. Пана Мірскага абурала жыццёва філасофскае стаўленне сялян да праблемы: “*Ta i cóż, że dzieci poumierali? Będą inne!*” (“Што з таго, што дзеці паўміралі? Будуць іншыя!”) [2, с. 146]. Пан Шытакрыта выказвае слушную думку пра тое, што трэба не разважаць, а дзейнічаць, але мясцовыя людзі пазбягаюць гэтага “як чорт святой вады”. Наракае мясцовы даследчык і на абьякавае стаўленне суайчыннікаў да памяці паэта Ф. Карпінскага, які правёў у гэтым краі значную частку жыцця, быў дабрадзеям ваколіцы, клапаціўся пра сялянскіх дзяцей, адкрыў для іх школу, а цяпер месца яго пахавання не дагледжана належным чынам.

Пан Мірскі пабачыў падчас вандроўкі і прадстаўнікоў яўрэйскага насельніцтва. На Літве адчуваецца насцярожанае стаўленне да іх. Пазней польскі шляхціч уважліва назірае, як трымаюцца яўрэі: яны вядуць карэспандэнцыю з Германіяй і Амерыкай, чытаюць англійскія, расійскія і нямецкія газеты, абмяркоўваюць практычныя тэмы (гандаль, фінансы, палітыка), хутка арыентуюцца ў любой сітуацыі. Гэта сведчыць пра здольнасць яўрэяў не замыкацца

ў межах мясцовага жыцця, падтрымліваць стасункі з цэлым светам, валодаць актуальнай інфармацыяй і ўмець ёю карыстацца. На думку пана Мірскага, такіх якасцей бракуе неаўрэям “*у бітве рас, тэмпераментаў, культур*”.

Апошні візіт варшавяніна на Белай Русі адбыўся па просьбе даўняй матчынай сяброўкі да яе брата, пана Калчановіча. Мірскі прывёз яму кнігі з Кракава і быў прыемна ўражаны атмасферай сустрэчы. Дачка Калчановіча спачатку выходзілася ў Варшаве, потым у Гродне (“*u pani Elizy*”), каб бліжэй ведаць патрэбы правінцыі. У доме Калчановіча гучыць польская і беларуская мовы, гаспадар выпісвае з Вільні “Нашу Ніву”.

На апошніх старонках твора ўзнімаецца так званае “літоўскае пытанне” (“*kwestya litewska*”) пра сутнасць літвінскага менталітэту. Адметным фактам з’яўляецца наступны: Калчановіч паведамляе Мірскаму, што ў ваколіцы няма літвінаў ці тых, хто моўіць па-літоўску. “Аднак жа называецца Літва!”, – здзіўляецца варшавянін. На думку суразмоўцы, гэта пытанне вырашыў Міцкевіч: “*Mickiewicz całą kwestię litewską [...] zamknął w trzech wyrazach – w wyrazach służących za inwokację “Pana Tadeusza”. [...] “Litwo, Ojczyzno moja”. [...] Największy z poetów świata, nazywając Litwę swą ojczyzną, stwierdził, że jest litwinem*” (“Літоўскае пытанне Міцкевіч сфармуляваў у трох словах – у словах, што служаць апастрофай «Пана Тадэвуша». «Літва, мая Айчына». [...] Найвялікшы з паэтаў свету, называючы Літву сваёй айчынай, сцвердзіў, што ён літвін») [2, с. 171]. У выніку разваг Калчановіч лаканічна падсумаваў: можна быць палякам, не перастаючы быць пры гэтым літвінам. Заканчваецца размова трапным параўнаннем: Літва – гэта лясное дрэва, да якога ўжо пяцьсот гадоў як прышчэплена польская культура. Дзякуючы гэтаму дзічка стала высакародным дрэвам, здольным цвісці і прыносіць плады. Гаспадар дома кідае папрок літваманам, якія спрабуюць адсекчы “польскія” галінкі і зноў зрабіць дрэва дзічкай, тым самым парушыць гістарычнае і культурнае адзінства палякаў і літвінаў. Апошняю ноч пан Мірскі правёў у доме Калчановіча на літоўскіх барсучых скурах, атрымаўшы ранаіцай беларускае снеданне і польскае развітанне.

Заклучэнне. Такім чынам, падчас падарожжа на Літву і Белую Русь герой-назіральнік меў магчымасць пабачыць прадстаўнікоў розных слаёў грамадства (шляхты, духавенства, сялянства, інтэлігенцыі) і веравызнання. Мірскі адзначыў шэраг адмоўных момантаў, якія характарызуюць менталітэт і жыццё мясцовай шляхты: рэнегацтва, п’янства, абжорства, абьякавасць да грамадскага жыцця, заняўбаная маёнткі, слабая зацікаўленасць гаспадаркай, у выніку чаго значныя зямельныя надзелы не апрацоўваюцца належным чынам. Разам з гэтым герою давялося сустрэць і тых, хто спрабуе дзейнічаць, паляпшаць жыццё мясцовага насельніцтва, хоць такіх людзей значна менш (пан Пётр і пан Шытакрыта). Пан Мірскі – эстэт-пазітывіст,

надзелены здольнасцямі назіральніка, праходзіць шлях трансфармацыі этнічнага стэрэатыпу ў адносінах да літвінаў і беларусаў ад рамантычнай узнёсласці, навеянай лепшымі ўзорамі польскай літаратуры, да аб'ектыўнага рэалістычнага погляду на стан рэчаў і праблемы жыцця мясцовага насельніцтва. У выніку герой прыходзіць да высновы пра самабытнасць беларускага народа, яго аўтэнтчную культуру, якая захоўвае шчыльную сувязь з паганскім светапоглядам, што суіснуе ў свядомасці беларуса з хрысціянскім веравызнаннем.

Ідэйна значным падсумаваннем убачанага стала размова героя з панам Калчановічам, якая дапамагла акрэсліць не толькі сутнасць “літоўскага пытання”, але і праблему самавызначэння літвінаў і беларусаў. Насельніцтва наведанага краю рознае па веравызнанні, сацыяльным становішчы, нацыянальнай самаідэнтыфікацыі, маўленні: частка грамадства арыентаваная на заходнія каштоўнасці (сям’я Гурвічаў), некаторыя займаюць прарасійскую пазіцыю (сям’я пана Свірскага), нехта жыве мінулым і толькі “прысутнічае” ў рэчаіснасці (пані Тур-Тужанка, Мікіта Бацвінак), ёсць і зацікаўленыя ў тым, каб жыццё мясцовага насельніцтва стала лепшым (пан Пётр, пан Шытакрыга). Галоўны герой адлюстравваў аўтарскі погляд на стан рэчаў, заснаваны на падмурку варшаўскага пазітывізму: у неспрыяльных палітычных умовах самазахаванне нацыі грунтуецца на развіцці нацыянальнага эканамічнага патэнцыялу, паўсядзённай няспыннай працы на карысць народа, на асвеце і адукацыі, на павышэнні эфектыўнасці кіравання гаспадаркай. З гэтых пазіцый падлягае крытыцы абьякаваць некаторых землеўладальнікаў да гаспадарчых пытанняў,

нізкі ўзровень адукаванасці насельніцтва, адсутнасць медыцынскай дапамогі і асветы.

Як адзначаў беларускі гісторык А. Дзярновіч, “ліцвінскае змяненства ў малой ступені ўспрыняло лозунгі варшаўскага пазітывізму аб актыўнасці сярод ніжэйшых станаў грамадскага арганізму” [4]. І ў той жа момант, менавіта фальваркі і сядзібы маёмаснай шляхты былі на Літве асяродкамі гаспадарчага і культурнага жыцця правінцыі. У выніку асэнсавання “літоўскага пытання” аўтар аповесці прыходзіць да высновы, што адметнасць менталітэту літвіна грунтуецца на спалучэнні двух складнікаў – мясцовай ментальнасці і польскага ўплыву, суіснаванне якіх у свядомасці жыхароў бачыцца натуральным і адлюстроўвае нацыянальны характар насельнікаў рэгіёна.

Літаратура

1. Бароўка, В.Ю. Мастацкае народазнаўства як прадмет навуковага даследавання / В.Ю. Бароўка // Весці НАН РБ. Серыя гуманітарных навук. – 2009. – № 2. – С. 89–94.
2. Gomulicki, W. Na rozłogach białoruskich / W. Gomulicki. – Warszawa, 1912. – 182 s.
3. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863) / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 416 с.
4. Дзярновіч, А.І. Пазітывізм у Польшчы і ў Беларусі ў канцы XIX і пачатку XX стст.: розніца ва ўспрыняцці сацыяльнага досведу / А.І. Дзярновіч // Polska i Białoruś w XX wieku. Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. Pod red. Edwarda Czapiewskiego i Grzegorza Straucholda. IH UW, Dolnośląska Szkoła Wyższa we Wrocławiu, Ambasada PR w Mińsku. – Wrocław, 2009. – S. 9–17.

Паступіў у рэдакцыю 24.05.2021

Назвы адзення і тканіны ў старабеларускай мове XIV–XVIII стст.: склад, структура, семантыка

Дзядова А.С., Груніна У.У.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле праведзена даследаванне структурна-семантычных асаблівасцей лексічных адзінак, якія выступаюць у ролі найменняў адзення і тканіны ў старабеларускіх пісьмовых крыніцах XIV–XVIII стст.

Мэта артыкула – выявіць і прааналізаваць асаблівасці структурнага складу, семантыкі і функцыянавання назваў адзення ў старабеларускай мове XIV–XVIII стст.

Матэрыял і метады. *Навуковае даследаванне праведзена на матэрыяле “Кароткага гістарычнага слоўніка беларускай мовы” (складальнік – А.М. Булыка, 2015). Пры аналізе моўнага матэрыялу выкарыстоўваліся апісальны, колькасна-статыстычны метады і метады кампанентнага аналізу.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Тэматычная група старабеларускіх найменняў розных відаў адзення і матэрыялу для іх вырабу падзяляецца на дзве лексіка-семантычныя групы: 1) назвы адзення (епанча (епонча, опонча, опанча) ‘шырокі плашч без рукавоў’; торлопъ (торлепъ) ‘жаночае футра’; рантухъ ‘вялікая хустка’); 2) назвы тканіны (баволна (бавальна, бавелна) ‘баваўна, баваўняная тканіна’; едвабъ ‘шоўк’; замшь (замешъ) ‘замша’), структурныя кампаненты якіх звязаны паміж сабою рознымі відамі парадыгматычных адносін.*

Большасць даследаваных лексічных адзінак з’яўляюцца монасемантычнымі і характарызуюцца развітай варыянтнасцю, якая праяўляецца на лексічным, арфаграфічным і фанетычным узроўнях, што дае падставы меркаваць пра іх актыўнае ўжыванне не толькі ў літаратурна-пісьмовай, але і ў вусна-гутарковай мове старабеларускага перыяду. З гэтымалагічнага пункту гледжання вялікая колькасць слоў, якія намінуюць розныя віды адзення ці матэрыял для яго вырабу, з’яўляюцца запозычанымі, што тлумачыцца актыўнымі гандлёва-эканамічнымі і культурнымі сувязямі беларусаў з іншымі народамі ў часы Сярэднявечча. Многія прааналізаваныя найменні маюць тую ці іншую нацыянальна-культурную канатацыю і адлюстроўваюць сацыяльныя адрозненні або матэрыяльнае становішча людзей.

Заклучэнне. *Разнастайныя па сваёй семантычнай характарыстыцы і генетычных вытоках старабеларускі моўны матэрыял, які рэпрэзентуе спецыфіку адзення і матэрыялу для яго вырабу, з часам можа быць паспяхова выкарыстаны навукоўцамі пры выкананні лінгвістычных, этнаграфічных і гісторыка-культурных праектаў.*

Ключавыя словы: *лексіка-семантычная група, лексічная адзінка, назвы адзення і тканіны, побыт, семантыка, старабеларуская мова.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 190–194)

Names of Clothes and Textile in the Old Belarusian Language of the 14th–18th Centuries: Composition, Structure, Semantics

Dziadova A.S., Grunina U.U.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article presents a study of structural and semantic features of lexical units which perform the role of names of clothes and textile in old Belarusian written sources of the 14th – 18th centuries.

The purpose of the article is to find out and analyze the features of structural composition, semantics and functioning of names of clothes in the Old Belarusian language of the 14th – 18th centuries.

Material and methods. *The research is based on the material of “Brief Historical Dictionary of the Belarusian Language” (composed by A.M. Bulyka, 2015). The language material was analyzed using descriptive, quantity statistical methods and the method of component analysis.*

Findings and their discussion. The thematic field of Old Belarusian names of different types of clothes and textiles for making them is divided into two lexical and grammar groups: 1) names of clothes (yepancha, yeponcha, oponcha, opancha), a wide coat without sleeves; (torlop, torlep), woman's fur; (rantukh), a big scarf; 2) names of textile (bavolna, bavalna, bavelna), cotton, cotton cloth; (yedvab), silk; (zamsh, zamesh), suede, structural elements of which are connected with each other by various ways paradigmatic relations.

Most of lexical units under study are monosemantic and are characterized by developed variance which manifests itself at the lexical, orthographic and phonetic levels, which makes it possible to think about their active application not only in literary written but also in oral speech of Old Belarusian period. From the point of view of etymology a great number of words which name types of clothing or textile are borrowings, which can be explained by active trade and economic as well as cultural links of Belarusians with other during medieval times. A lot of analyzed names have this or that national cultural connotation and illustrate social differences or material state of people.

Conclusion. Old Belarusian language material which is various in its semantics and genetic sources and presents specificity of clothes and textile can be successfully used by linguists, researchers of ethnographic as well as historical and cultural projects.

Key words: lexical and semantic group, lexical unit, names of clothes and textile, household, semantics, the Old Belarusian language.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 190–194)

За апошнія дзесяцігоддзі ў беларускай лінгвістыцы з'явілася шмат навуковых даследаванняў, у якіх аналізуюцца пэўныя тэматычныя пласты старабеларускай лексікі: тэмпаральнай (У.Д. Еўтухоў), ваеннай (Н.К. Памецька), сацыяльна-эканамічнай і канцылярска-юрыдычнай (А.М. Булыка, Н.В. Паляшчук, В.Э. Зіманскі), рэлігійнай (І.У. Будзько), медыцынскай (Э.А. Ялоўская) і інш. Між тым у гістарычным мовазнаўстве тэматычны разрад побытавай лексікі вывучаны яшчэ недадаткова поўна.

На сённяшні дзень, нягледзячы на пэўную колькасць навуковых прац (Л.І. Рабаданава, З.І. Бадзевіч і інш.), застаецца да канца не закончаным разгляд лексікі са значэннем 'адзенне' і 'тканіна' ў дыяхранічным аспекце. Таму актуальнасць вывучэння гэтай групы назваў як дастаткова цікавай і самабытнай у этнакультурным плане часткі побытавай лексікі тлумачыцца неабходнасцю больш дэталёвага яе аналізу з пункту гледжання дыяхранічнага падыходу, што даць магчымасць глыбей пазнаёміцца з лексічным багаццем беларускай мовы ў плане вывучэння гістарычнага развіцця яе слоўнікавага складу і выявіць асноўныя тэндэнцыі ў яго фарміраванні на розных храналагічных зрэзах.

Мэта артыкула – выявіць і прааналізаваць асаблівасці структурнага складу, семантыкі і функцыянавання назваў адзення ў старабеларускай мове XIV–XVIII стст.

Матэрыял і метады. Навуковае даследаванне праведзена на матэрыяле "Кароткага гістарычнага слоўніка беларускай мовы" (складальнік – А.М. Булыка, 2015) [1]. Пры аналізе моўнага матэрыялу былі выкарыстаны наступныя метады: апісальны, колькасна-статыстычны метады, метады кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Этнічную гісторыю беларускага народа даволі поўна і выразна характарызуюць назвы розных відаў адзення і тканіны, якія выкарыстоўваліся нашымі продкамі на працягу многіх стагоддзяў. І хоць у старажытнасці як штодзённае, так і святочнае ўбранне беларусаў выяўляла шмат агуль-

ных рыс з адзеннем суседніх народаў, беларускі нацыянальны касцюм ва ўсе часы характарызаваўся тымі адметнымі рысамі, якія дазваляюць гаварыць пра яго як адзін з этнічных атрыбутаў нашага народа.

Назвы адзення і тканіны, якія шырока функцыянавалі ў старабеларускай XIV–XVIII стст., прэзентуюць лексічнае багацце беларускай мовы як спрадвечнага сродку зносін беларускага этнасу і частку яго нацыянальнай культуры ў старажытныя часы.

Тэматычны разрад побытавай лексікі з'яўляецца адным з самых шматлікіх у старабеларускіх пісьмовых помніках XIV–XVIII стст. І гэта невыпадкова, бо менавіта словы, аб'яднаныя агульным семантычным кампанентам 'побыт', сваім структурным складам ахоплівалі большую частку паўсядзённага жыцця нашых продкаў. Выяўлены і даследаваны намі моўны матэрыял налічвае каля 130 лексічных адзінак з агульнай семантыкай 'адзенне' і 'тканіна'. Разгледжаная тэматычная група старабеларускіх найменняў падзяляецца на дзве лексіка-семантычныя групы: 1) назвы адзення; 2) назвы тканіны, структурныя кампаненты якіх звязаны паміж сабою рознымі відамі парадigmatyчных адносін.

З агульнай семантыкай 'адзенне як сукупнасць прадметаў з тканіны або футра, якія надзяваюць і носяць на сабе' намі зафіксаваны 52 лексічныя адзінкі. Напрыклад, *портъ (портки, портище)* 'адзенне, вопратка': *вынесли ему портъ даріевъ* [1, с. 688]; *роухо* 'вопратка': *роухо свое содрал и издрал* [1, с. 818]; *сукня* 'сукенка, адзенне': *сукня кнежнина бурнатного оксамиту* [1, с. 899] і інш.

Сярод даследаваных відавых найменняў адзежы можна вылучыць лексічныя адзінкі, аб'яднаныя агульнасцю семантыкі 'верхняя вопратка', якія складаюць значную частку слоўнікавых намінацый такога тыпу. У старабеларускіх пісьмовых крыніцах рознай жанрава-стылявой і храналагічнай прыналежнасці шырока функцыянуюць фанетычныя варыянты разнастайных відавых найменняў адзення. Напрыклад, *делюра (дылура)* 'від верхняга адзення': *делюра зеленая,*

петлицы зеленые [1, с. 181]; *кобенякъ (кабенякъ, копенякъ)* ‘плащ з капюшоном’: *кобенякъ белый з него снялъ* [1, с. 346]; *торлопъ (торлепъ)* ‘жаночае футра’: *торлопъ горьностайный адамашкою синюю крытъ* [1, с. 920]; *фаразия (фаразья, фарезья, фerezья, фаразья)* ‘верхняе шырокае мужчынскае адзенне’: *отдай мне тые фаразеи* [1, с. 979]; *шуба (шупка, шюбка)* ‘футра’: *шуба соболья, волоочная аксамитомъ* [1, с. 1028]. Апошня лексічная адзінка рэалізуе сваё значэнне праз тыя ці іншыя лексічныя канкрэтызатары-прыметнікі, напрыклад: *шуба голая* ‘футра, не пакрытае якой-небудзь тканінай’. Функцыянаванне некалькіх варыянтаў назваў аднаго і таго ж віду адзення сведчыць пра яго шырокае выкарыстанне рознымі пластамі грамадства на значнай тэрыторыі тагачаснай Беларусі.

Агульнай семантыкай ‘плащ’ аб’яднаны такія сінанімічныя назвы вопраткі, як *шата, мантиль, епанча, виятыкъ, веленъ, доломанъ* і інш. Нягледзячы на наяўнасць агульнага значэння ‘лёгкае верхняе адзенне’, кожнае з гэтых найменняў мае сваё семантычнае адценне. Напрыклад, *виятыкъ (виатикъ)* ‘дарожны плащ’: *князю валеньтыну взято... виятыкъ, за него дано польковы грошей* [1, с. 87]; *доломанъ (даламанъ)* ‘кароткі мужчынскі плащ, падшыты футрам’: *доломанъ зеленый суконный* [1, с. 196]; *епанча (епонча, опонча, опанча)* ‘шырокі плащ без рукавоў’: *згинуло дей мне польковы грошей, сермяга епанча* [1, с. 219]; *шáта* 1) ‘плащ’: *была на Трыщане злотоглава жуница и шата*; 2) ‘уборы’: *в шатех мужскихъ водил еи тот доктор* [1, с. 1017] і інш.

Найменні жаночай і мужчынскай вопраткі, а таксама галаўных убораў прадстаўлены шматлікімі спрадвечнабеларускімі і запазычанымі словамі тыпу *вретище* ‘адзенне з грубай тканіны’: *оболочитесь въ вретища* [1, с. 109]; *газука* ‘доўгае верхняе адзенне’: *газука чорная влоская* [1, с. 149]; *збитень* ‘вопратка са збітай аўчыны’: *чернецъ мел дат збитень новый, не опушонный и з рукавами* [1, с. 264]; *ицокъ* ‘від адзення з вавёрчынага футра’: *подскарбему Менчинскому подарили ицокъ попелинцовый* [1, с. 321]; *казыяка* ‘жаночы кафтан’: *казыяка аксамиту чорнаго ритога* [1, с. 323]; *карватка (караватка, кораватка, короватка, корватка)* ‘кафтан’: *згинула карватка ческая шара* [1, с. 329]; *катанка* ‘куртка’: *у тое девки катанка и летникъ розшарпанный* [1, с. 330]; *кошуля (кашуля, кошуля)* ‘кашуля’: *на той девце видель кошулю крываую* [1, с. 366]; *плюдры (плюнды, плюндырки)* ‘штаны, нагавіцы’: *плюдръ двое, зверцядло одно* [1, с. 624]; *рантухъ* ‘вялікая хустка’: *рантухъ колениский жоны мое* [1, с. 781]; *стугъ* ‘хустка’: *мель... гапликовъ, стуговъ, звонковъ, гребней* [1, с. 895]; *шерстухъ* ‘шарсцяная хустка’: *взялъ... сермягу сорочку шапъку шерстухъ* [1, с. 1019]; *юпа (юпка, юбка)* ‘жаночая лёгкая куртка’: *юпа самодельки серой* [1, с. 1033]; *янкгеръ* ‘дамашняя мужчынская куртка’: *янкгеръ аксамиту чорнаго* [1, с. 1036].

У літаратурна-пісьмовых крыніцах старабеларускага часу зафіксаваны назвы, якія маюць некалькі

значэнняў, што ўзніклі на аснове метанімічнага пераносу. Напрыклад, *чамлатъ (чамлетъ, чамлятъ, чомлатъ)* 1) ‘сукно з вярблюджай шэрсці’: *чамлету чорнаго штука*; 2) ‘адзенне з такой тканіны’: *чомлатъ мой синий зъ колнеромъ одамашки бурнатое* [1, с. 1001]; *барва* 1) ‘колер, афарбоўка’: *коробька... полна каменя розныхъ барвъ*; 2) ‘ліўрэя, форменная вопратка для швейцараў, лакеяў, фурманаў’: *на барву слугамъ купили сукна* [1, с. 27]; *паволока* 1) ‘шыкоўная тканіна’: *виссонъ, перфура: паволока*; 2) ‘адзенне з шыкоўнай тканіны’: *онъ же носитъ паволоку и венець* [1, с. 589] і інш. Сярод аманімічных найменняў звяртае на сябе ўвагу назоўнік *киръ (керьъ)* ‘сукно ніжэйшага гатунку’: *киру жолтого купили на лиштвы до кунтуша* [1, с. 341]. Дадзеная лексічная адзінка са значэннем ‘тытул асоб вышэйшага свяшчэнніцкага стану’ выходзіць за межы разгледжанай лексіка-семантычнай групы: *святобливый муж киръ петръ могила метрополит кievъский лист прислалъ* [1, с. 341].

Значна большую па сваім колькасным складзе ў параўнанні з папярэдняй утварае лексіка-семантычная група найменняў тканіны (больш за 70 структурных адзінак). У якасці родавай назвы гэтага лексіка-семантычнага аб’яднання выступае назоўнік *тканина* ‘выраб, атрыманы ў працэсе ткання на ткацкім станку; матэрыя, матэрыял’. Лексічная адзінка выступае ў якасці словаўтваральнай асновы для наступных дэрыватаў: *тканка* ‘кавалак дарагой, тонкай тканіны; карункі’ *тканица* ‘тонкая тканіна; вэлюм’; *ткаля* ‘ткачыха’; *ткацтво* ‘ткацтва’ [1, с. 916]. Структурныя кампаненты прааналізаванай лексіка-семантычнай групы даволі разнастайныя паводле свайго значэння, таму ў яе межах можна выдзеліць больш дробныя семантычныя аб’яднанні – лексіка-семантычныя падгрупы: 1) назвы шаўковых тканін; 2) назвы суконных тканін; 3) назвы іншых відаў тканін.

Самымі шматлікімі па колькасці з’яўляюцца найменні, аб’яднаныя агульным значэннем ‘шаўковыя тканіны’. Яны прадстаўлены наступнымі назоўнікамі: *атласъ (отласъ)* ‘атлас, шаўковая гладкая бліскучая тканіна’: *послалъ... шубу кунью, отласомъ чорнымъ крыта* [1, с. 23]; *блаватъ (бловатъ)* ‘блакітны шоўк: невеста в блаваты и перла оубраная [1, с. 39]; *букотерля* ‘тканіна, вышытая шоўкам’: *рызы кухтеровые белые букотерлею обложены* [1, с. 55]; *гияцынтъ (гияцынтъ, яцынтъ)* і *иякинфъ (акинфъ, иакинфъ, иакинфъ, якинфъ)*, *яхонтъ* ‘сіні шоўк’: *переплетано сукню цветную зе злата гияцынту и парпугы* [1, с. 155]; *дупля* ‘шаўковая тканіна з палатнянай асновай’: *летникъ китаики дупли, масти золотое* [1, с. 208]; *едвабъ* ‘шоўк’: *жупанъ муравский шарый з кезуиками едвабу зеленого* [1, с. 213]; *канавацъ* ‘трывалая шаўковая тканіна’: *канавацу неробленого едвабного локоть сорокъ* [1, с. 325]; *кзрубринъ* ‘шаўковая тканіна з тоўстым утком’: *шуба соболья зъ бобромъ, кзрубриномъ чорнымъ крытая* [1, с. 338]; *китайка (китай)* ‘кітайка, бліскучая шаўковая тканіна’: *жупанъ китайки блакитное, перешиванный, коштоваль копъ*

осмь [1, с. 341]; *камка* ‘шаўковая ўзорыстая тканіна’: *камка александрыйская на золоте* [1, с. 325]; *куфтеръ* (*кухтеръ*) ‘гатунак шаўковай усходняй тканіны’: *писару петрашку куфтер* однопортная [1, с. 381]; *табинъ* ‘гатунак шаўковай тканіны’: *соянъ мой табину бурнатного* [1, с. 906]; *талетъ* (*телесть*) ‘гатунак шаўковай тканіны, затканай золатам’: *орнатъ талету жолтого* [1, с. 907]; *цындордотъ* ‘гатунак шаўковай тканіны’: *шата цындордоту шарого, шталтъ оксамитомъ чорнымъ* [1, с. 1000]; *фай* ‘фай, тоўстая шаўковая тканіна з рубцамі ўпоперак’: *саянъ жоноцкый фай каразевый з оксамитомъ за чотыры копы грошей справлений* [1, с. 977].

Наступная лексіка-семантычная падгрупа, структура якой прадстаўлена вялікай колькасцю найменняў, – гэта назвы суконных тканін. Напрыклад, *каразия* (*каражия, каразея, каразъ, каразыя*) ‘гатунак тоўстай суконнай тканіны’: *убранье каразыи белое* [1, с. 328]; *парпьянъ* (*парпиянъ, порпьянъ, пурпьянъ, пурпурьянъ*), *пурпура* ‘сукно цёмна-чырвонага колеру; дарагое адзенне або тканіна ярка-чырвонага колеру’: *его... въ пурпуре оболочъ и кролемъ оучинилъ* [1, с. 770]; *утерфинъ* (*утерхфинъ, интерфимъ, интерфинъ*) ‘тонкае сукно’: *отписалъ сукню утерфину чорного* [1, с. 970]; *фалюндышъ* (*фалендышъ, фалюндушъ, фолюндышъ*) ‘гатунак сукна’: *фалюндушъ бурнатный* [1, с. 977]; *шарлатъ, шкарлатъ, скарлатъ, скорлатъ* ‘гатунак сукна’: *портище скарлату* [1, с. 1017]; *шаметъ* ‘гатунак сукна’: *купили шамету на жупанъ лазурового* [1, с. 1017]; *шыдеръ* ‘гатунак сукна’: *шыдеру зеленого штучка одна* [1, с. 1029].

У склад трэцяй лексіка-семантычнай падгрупы ўваходзяць разнастайныя назвы тканін рознай семантыкі. Гэтыя лексічныя адзінкі прадстаўлены назоўнікамі з разнастайнымі фанетычнымі варыянтамі: *амарханка* (*самарханка*) ‘від каштоўнай тканіны’: *двумъ царицамъ по шубе куньей, самарханьками крыты* [1, с. 823]; *баволна* (*бавальна, бавелна*) ‘баваўна, баваўняная тканіна’: *змунъ белый полотна колесного з баволною* [1, с. 24]; *бална* ‘сувой тканіны’: *зосталъ есми винень... за балну сукна* [1, с. 26]; *барханъ* (*борханъ*) ‘мультиан’: *шубка влоская вилчая, барханомъ крыта* [1, с. 28]; *бомзынъ* ‘баваўняная тканіна’: *бомзыну локтей петнадцать* [1, с. 48]; *бретъ* ‘клін тканіны або футра’: *пара бретовъ окгонковъ соболикъ* [1, с. 52]; *бумага* ‘баваўняная тканіна’: *наделалъ... клобуковъ со обручками и их зъ бумаги* [1, с. 55]; *волняница* (*волна, вовна*) ‘воўна’: *они волною прями на одение* [1, с. 99]; *гарусъ* ‘назва тканіны’: *воземеши сукно а шюбку белинную зъ гарусомъ... прочъ пошла* [1, с. 151]; *замишъ* (*замеишъ*) ‘замша’: *жуица замшу чорного с кнафлями* [1, с. 248]; *имамусъ* ‘гатунак тканіны ўсходняга паходжання’: *скарбникиови оршанскому также штучекъ имамусу* [1, с. 310]; *киндякъ* ‘баваўняная набойчатая тканіна’: *плоценко позычаное и киндякъ ветеръ прорвавъ* [1, с. 340]; *кгерлица* ‘гатунак сукна, вырабленага ў Герліцах’: *межи тыхъ суконъ двадцать и девять поставовъ кгерлицы были* [1, с. 335]; *марму-*

рокъ ‘футра чорна-бурай лісы’: *лисъ мармурку чорного* [1, с. 409]; *тимецъ* (*цимецъ*) ‘гатунак замшы’: *седло тимъцомъ крытое* [1, с. 915]; *футро* (*хутро*) ‘звярыная шкура; кажух’: *шубка... лисимъ хутромъ подбита* [1, с. 985]; *цвиликъ* (*твилихъ*) ‘палатно, ткане ў дзве столкі’: *шатеръ цвиликху полосатого* [1, с. 995] і інш.

Такім чынам, для намінацый, аб’яднаных агульным кампанентам ‘тканіна’, характэрна значная семантычная разнастайнасць слоўнікавага матэрыялу. Трэба адзначыць, што некаторыя запазычаныя лексічныя адзінкі, ужыванне якіх у старабеларускай мове было выклікана патрэбамі намінацыі разнастайных відаў адзення і матэрыі для яго пашыву, што ў выніку культурных і гандлёвых кантактаў трапілі на беларускія землі з іншых дзяржаваў, праявілі значную словаўтваральную актыўнасць і далі разнастайныя дэрываты, ужываючыся цэлымі словаўтваральнымі гнёздамі, напрыклад: *едвабъ* ‘шоўк’ – *едвабница* ‘шаўковая тканіна’, *едвабный* ‘шаўковы’, *польедвабный* ‘паўшаўковы’; кітайка, бліскучая шаўковая тканіна – *китайчаний* ‘выраблены з кітайкі’ і інш.

Большасць даследаваных лексічных адзінак з’яўляюцца монасемантычнымі і характарызуюцца развітай варыянтнасцю, якая праяўляецца на лексічным, арфаграфічным і фанетычным узроўнях, што дае падставы меркаваць пра іх актыўнае ўжыванне не толькі ў літаратурна-пісьмовай, але і ў вусна-гутарковай мове старабеларускага перыяду.

З этымалагічнага пункту гледжання вялікая колькасць слоў, якія намінуюць розныя віды адзення ці матэрыял для яго вырабу, паводле сваіх генетычных вытокаў запазычаныя. І гэта невыпадкова: актыўныя гандлёва-эканамічныя і культурныя сувязі беларусаў з іншымі народамі ў часы Сярэднявечча якраз і паўплывалі на пранікненне ў старабеларускую мову шматлікіх лексічных адзінак. Заўважым, што ў XIV–XVIII стст. з прычыны ўздзеяння візантыйскай моды ў выніку гандлёвых стасункаў на этнічныя беларускія землі трапілі самыя розныя віды адзення, ткацкія вырабы і матэрыял для пашыву вопраткі, што якраз і пацвярджае выяўлены лексічны матэрыял. Гэтыя экстралінгвістычныя фактары, натуральна, уплывалі на ўзбагачэнне не толькі літаратурна-пісьмовай разнавіднасці тагачаснай беларускай мовы, але і яе вусна-гутарковай формы. Больш чым палавіна прааналізаваных назваў мае польскамоўнае паходжанне, напрыклад: *бламъ* (*бланъ*) (< стп. *blam*) ‘кавалак футра пэўнай меры’ [1, с. 160]; *охабень* (*охабенъ, охобень*) (< стп. *ohaben*) ‘доўгі шырокі кафтан з адкідным каўняром’ [1, с. 585]; *парпьянъ* (*парпура, порпура, пурпура*) (< стп. *purpuryan*) ‘дарагое адзенне або тканіна ярка-чырвонага колеру’ [1, с. 770]. Сустрэкаюцца таксама германізмы: *индеракъ* (*индоракъ*) ‘спадніца’ (< ням. *Unterrock*) [10, с. 312]; *стугъ* (< ням. *stug*) ‘хустка’ [1, с. 895]; *янкгеръ* (< ням. *Jancker*) ‘дамашняя куртка’ [1, с. 1036]; цюркізмы: *имамусъ* (< цюр. *imat*) ‘гатунак тканіны ўсходняга паходжання’ [1, с. 310];

тегилей (тегилай, тягилай) (< цюр. *tärlik*) ‘кафтан з короткімі рукавамі’ [1, с. 933] і інш.

У працэсе моўнай эвалюцыі лёс даследаваных лексічных адзінак склаўся па-рознаму: асобныя найменні страцілася, асабліва тыя, што былі запазычаны з іншых моў (*бомзынь, едвабъ, каразия*), бо большасць з іх мела лексічныя варыянты спрадвечнабеларускага паходжання, а некаторыя перажылі фанетычныя і марфалагічныя змены (*замшь* ‘замша’, *индораць* ‘андарак’, *кошуля* ‘кашуля’), трывала замацаваўшыся ў рэестравым складзе сучасных лексікаграфічных выданняў. У дачыненні да назваў тканіны можна з упэўненасцю сказаць, што іх асноўная частка ўвайшла ў склад прафесійнай лексікі і сёння рэдка фіксуецца ў побытавай сферы.

Заклучэнне. Такім чынам, як сведчыць даследаваны лексічны матэрыял, розныя віды ўбрання і матэрыял для іх вырабу на любым этапе гісторыі з’яўляліся не толькі неад’емнай часткай чалавечага жыцця, але і адным са складнікаў матэрыяльнай культуры любога народа, у тым ліку і беларускага. Многія прааналізаваныя найменні маюць тую ці іншую нацыянальна-культурную канатацыю і адлюстроўваюць сацыяльныя адрозненні або матэрыяльнае становішча людзей. Пры гэтым некаторыя назвы валодаюць вельмі важнай рытуальнай знакавацю для духоўнай культуры беларусаў.

Выяўлены і ахарактарызаваны пласт старабеларускай лексікі XIV–XVIII стст., якая семантызуе аса-

блівасці адзення і тканіны, садзейнічае вывучэнню лексічнага складу беларускай мовы на розных храналагічных зрэзах, а таксама спрыяе даследаванню пераемнасці на розных узроўнях паміж старабеларускай і сучаснай беларускай мовай.

Разнастайны па сваёй семантычнай характарыстыцы і генетычных вытоках старабеларускі моўны матэрыял, які рэпрэзентуе спецыфіку адзення і матэрыялу для яго вырабу, з часам можа быць паспяхова выкарыстаны навукоўцамі пры выкананні лінгвістычных, этнаграфічных і гісторыка-культурных праектаў. У цэлым жа вывучэнне старажытнай побытавай лексікі, што абслугоўвала сферу паўсядзённага жыцця і дзейнасці нашага народа ў мінулыя часы, садзейнічае сёння папулярызацыі і пашырэнню звестак пра старажытную пісьмовую спадчыну беларусаў, якая, атрымаўшы шырокую прадстаўленасць у вялікай колькасці рукапісных і друкаваных твораў XIV–XVIII стст. рознай жанрава-стылявой прыналежнасці, з’яўляецца адной з найбагацейшых у свеце.

Літаратура

1. Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы; склад. А.М. Булыка. – Мінск: Беларус. навука, 215. – 1038 с.

Паступіў у рэдакцыю 26.05.2021

Префиксальные эмотивные глаголы в русских народных говорах: семантико-словообразовательный анализ

Филипчик Ю.Р.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

Диалектный язык, представляя собой внелитературное образование, демонстрирует широкую палитру новых языковых явлений и, соответственно, другой картины мира, более наивной и естественной, формирующейся достаточно автономно, исключая воздействие некоторых искусственных факторов.

Цель статьи – семантико-словообразовательный анализ префиксов в рамках словообразования диалектных эмотивов.

Материал и методы. Материал исследования – картотека, полученная методом сплошной выборки из русских народных говоров. Основным методом в рамках данной работы выступил описательный, реализующийся в приемах наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации исследуемых диалектных эмотивов.

Результаты и их обсуждение. В статье производится семантико-словообразовательный анализ префиксальных эмотивных глаголов на материале русских народных говоров.

Префиксация в рамках глагольной словообразовательной парадигмы обладает крайней степенью продуктивности как в литературном языке, так и в диалектах. Однако данная деривационная продуктивность проявляет себя по-разному в двух языковых подсистемах, в связи с чем в работе сопоставляются словообразовательные значения, приобретаемые посредством префиксов как в диалектных дериватах, так и в соответствующих им узואльных единицах. Так, префиксы *воз-* / *вос-*, *вз-* / *вс-*, *вы-*, *за-* в рамках диалектного словообразования глагольных эмотивов выражают присущие им в литературном языке инцептивное, результативное, финитивное, интенсивное значения. В свою очередь язык говоров обнаруживает исключительные деривационные факты: пердуративное и инцептивное значения префикса *вы-*, делимитативное значение префикса *за-* и др. В работе описываются различные языковые процессы, сопровождающие образование приставочных эмотивов в диалектах: деривационная гаплогия, редупликация и др. Словообразование в говорах характеризуется процессом десемантизации префиксов, т.е. префикс не вносит никаких дополнительных семантических оттенков в структуру деривата.

При рассмотрении глагольной префиксации в диалектах стоит отметить, что в русских народных говорах достаточно распространенным оказывается феномен полипрефиксации: присоединение вторичного префикса к приставочному глаголу. При этом вторичные префиксы способны включать в семантическое поле производной единицы целый ряд значений, десемантизировать первичный префикс и, как это не парадоксально, десемантизироваться сами.

Заключение. Диалектные единицы представляют собой уникальные словообразовательные явления, обладающие огромной потенцией для будущих словообразовательных процессов, что обусловлено отсутствием сковывающих факторов в диалектном словообразовании.

Ключевые слова: дериват, диалект, коррелят, префиксация, словообразовательное значение.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 195–199)

Prefixal Emotional Verbs in Russian Folk Dialects: a Semantic and Word-Building Analysis

Filipchik Y.R.

Education Establishment "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno

A dialect language which is an outer literary formation demonstrates a wide range of new linguistic phenomena and, correspondingly, another picture of the world, a more naïve and natural which shapes itself rather independently, without the impact of some artificial factors.

The purpose of the article is a semantic and word-building analysis of prefixes within the word-building of dialect emotives.

Material and methods. The research material is a collection of files obtained by the method of continuous sample from Russian folk dialects. The main method of this research is the descriptive one which is implemented through the tools of observation, comparison, generalization and interpretation of the studied dialect emotives.

Findings and their discussion. A semantic and word-building analysis of prefixal emotive verbs on the material of Russian folk dialects is carried out in the article.

Prefixation within the verb word-building paradigm is highly productive both in the literary language and in dialects. However, this derivation productivity manifests itself differently in the two language subsystems. Hence, word-building meanings which are obtained by means of prefixes both in dialect derivatives and in the corresponding *usus* units are compared in the paper. So, prefixes *voz-*, *vz-/vs-*, *vy-*, *za-* within word-building of verb emotives imply inceptive, resultative, finitive and intensifying meanings which they possess in the literary language. However, the language of dialects manifests exclusive derivation facts: pejorative and inceptive meanings of the prefix *vy-*, the delimitative meaning of the prefix *za-* etc. Various language processes are described in the paper which accompany the building of prefix emotives in dialects: derivation haplology, reduplication etc. The process of prefix desemantization, that is, a prefix does not carry any additional semantic implications into the structure of a derivative, is typical of word-building in dialects.

While considering verb prefixation in dialects it should be pointed out that in Russian folk dialects quite widespread is the phenomenon of polyprefixation: joining a secondary prefix to the verb with a prefix. At the same time secondary prefixes are capable of including a number of meanings into the semantic field of the derivative unit, of desemantizing primary prefixes and even of desemantizing themselves.

Conclusion. Dialect units manifest themselves as unique word-building phenomena which possess huge potential for future word-building processes, which is conditioned by the lack of limiting factors in dialect word-building.

Key words: derivative, dialect, correlate, prefixation, word-building (derivational) meaning.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 195–199)

Диалектный язык как часть общенационального языка репрезентует широкую палитру новых языковых явлений и, соответственно, другой картины мира, более наивной и естественной, формирующейся достаточно автономно, исключая воздействие некоторых искусственных факторов. Представляя собой внелитературное образование, диалект обнаруживает свои особенности абсолютно на всех уровнях языка, включая словообразование: «Диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка» [1, с. 127]. При этом необходимо отметить, что одно из ключевых понятий науки о словотворчестве – словообразовательный тип, реализующий идею моделирования либо программирования последующих словопроизводств.

Относительно диалектного словотворчества помимо осуществления типового моделирования слов распространенным фактом представляется «внетиповое» словообразование, раскрывающее редкие, зачастую уникальные деривационные феномены – потенции словообразовательной системы литературного языка. «Большая степень деривационной свободы диалектного словообразования выражается прежде всего в том, что получают дальнейшее деривационное развитие основы, не имеющие подобного продолжения в рамках современного литературного языка» [2, с. 8]. В данной статье рассмотрим особенности префиксальной деривационной системы русских народных говоров.

Материал и методы. Теоретической базой исследования послужили работы А.В. Никитевича, М.А. Кронгауза, Л.И. Ройзензона, М.Н. Яценецкой, посвященные вопросам морфемики и словообразования. В рамках изучения указанной темы мы обратились к грамматикам и словарям современного русского литературного языка: «Русской грамматике» (1980), «Словообразовательному словарю русского языка»

А.Н. Тихонова, «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова. Источником материала исследования стал «Архангельский областной словарь».

В ходе работы использовались методы сплошной выборки и описательный, в рамках последнего мы прибегли к приемам наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации префиксальных диалектных эмотивов.

Результаты и их обсуждение. Префиксация в рамках глагольной словообразовательной парадигмы обладает крайней степенью продуктивности, притом как в литературной форме языка, так и в говорах. Так, префикс *вз-/вс-* применительно к словообразованию эмотивных глаголов в узуальной языковой форме обнаруживает значение ‘интенсивно или резко, внезапно начать действие, названное мотивирующим глаголом’ [3]: *взволноваться* (сильно заволноваться), *взвыть* (громко заплакать, заголосить), *взреветь* (вскричать громким голосом) [4; 5] и др. Указанное инцептивно-интенсивное значение [6], по данным «Архангельского областного словаря» (далее АОС) [7], наблюдается и в диалектной речи, однако согласно дефинициям диалектных дериватов выделенные семантические признаки распределяются неравномерно. Например, в глаголе *всклектывать* (судорожно плакать) на первый план выдвигается значение интенсивности. Инцептивный компонент значения становится доминирующим в следующих примерах: *взволноваться* (начать волноваться), *взаплакаться* (начать плакать), *взбутьиситься* (рассердиться), *взбушеваться* (разгневаться), *взгорячиться* (разгорячиться), *взрыдать* (заплакать), *взревнуть* (расплакаться) [7].

Также в исследуемом материале мы наблюдаем формальную вариацию самих префиксов – морфонологические изменения, вызванные, возможно, стремлением к благозвучности и певучести – чертам, свойственным фольклорной речи: *взаплакаться*, *взубынтиться* [7].

Менее продуктивной в рамках диалектного словообразования эмотивных глаголов является модель

образования дериватов со значением 'совершить (двести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом': *взвеселиться* (повеселить), *взрадеть* (обрадоваться), *вклепнуться* (влюбиться) [7].

Высокая производительность префикса *воз-* /*вос-* обнаруживает себя при реализации словообразовательного значения 'начать действие, названное мотивирующим глаголом' [3]: *возгордиться*, *возликовать*, *возлюбить*, *возненавидеть*, *возроптать*, *возрыдать*, *воспылать* [4]. Проявление типового словообразования естественным образом реализуется и в диалектной языковой среде: *вознегодовать* (рассердиться), *возрадеть* (обрадоваться) [7].

Следующим узуальным значением, выражаемым взаимодействием семантики основы и префикса и зафиксированным в лексикографической литературе, становится результативное: *воспрепятствовать* (совершить действие по глаголу препятствовать), *возблагодарить*, *воспротивиться* [4]. Данный тип отличается продуктивностью и в русских народных говорах: *возлюбить* (полюбить), *возневидеть* (невзлюбить) [7].

Для получения более объективной информации о степени проявления в диалектном словообразовании признаков деривации литературного языка обратимся к префиксу *в-* со значением результативности. Как в литературном языке, так и в диалектах нами было найдены единичные примеры, коррелирующие друг с другом: диал. *втрескаться*, *втюриться*, *вдролиться* – лит. *влюбиться* [4; 7].

Сравним семантические парадигмы префикса *вы-* в отношении к эмотивным глаголам, зафиксированные в «Русской грамматике» (далее РГ) [3] и АОС [7]. Точкой пересечения обеих словообразовательных систем становится образование дериватов с результативным, интенсивным и финитивным значениями, притом зачастую названные семантические признаки комбинируются. Данный факт особенно очевиден в контексте: лит. *выбранился*, *вымучить*, *выплакать*, *выстрадать* [4] – диал. *вылюбовать* (облюбовать), *вымаять* (измучить), *вынежить* (изнежить), *вынервить* (сделать нервным, раздражительным), *высмешить* (рассмешить), *выпотакать* (выбаловать), *вытешить* (выбаловать), *выбаловаться* (вдоволь наиграться), *выкричать* (крича, заставить отозваться), *выбояться* (испытать чувство сильного страха), *выревется* (плакать до изнеможения) [7]. При этом стоит обратить внимание на последние аналитические конструкции, являющиеся дефинициями к глагольным дериватам: префикс словно привносит в семантическое поле полученной единицы не только значения результативности, окончания либо интенсивности, но и важные семантические приращения, что свидетельствует о некоторой мутационной роли префикса *вы-* в диалектном словообразовании. Естественным, конечное значение выражается не отдельной приставкой, а взаимодействием семантики производящей основы и префикса, однако нельзя не отметить, что словообразовательный формант в данных примерах выполняет сверхважную функ-

цию. К вышеперечисленным словообразовательным значениям может добавляться значение законченности в сочетании с семантикой многократности: *выбывать*, *всклектывать* [7].

Таким образом, на данном этапе исследования становится очевидным, что палитра семантических оттенков диалектных префиксальных дериватов гораздо богаче, чем в литературной форме функционирования языка.

Исключительный характер в русских народных говорах приобретает префикс *вы-*, употребляемый в пердуративном [6]: *выреветь* (проплакать какое-либо время), *выорать* (проплакать), *выплакать* (проплакать), *выпричитать* (проплакать), *выстонать* (простонать) – и в инцептивном значениях: *вызлиться* (стать злым) [7]. При этом возникает некий диссонанс в восприятии: согласно присущей носителю языка компетенции префикс *вы-* абсолютно закономерно и традиционно должен являться носителем значения интенсивности и финитивности, однако примеры диалектных образований демонстрируют совсем иную ситуацию.

Интересным в рамках исследуемой области языка становится глагол *выспугаться*. Структура морфа или морфов перед корнем данного деривата может сигнализировать о двух ситуациях: происходят морфологические изменения, характерные для диалектизмов, либо, что более вероятно, наблюдается феномен словообразовательной гаплогии (наложения морфов), выступающие как следствие характерного для говоров явления полипрефиксации: *вы* + *ис* (*пугаться*) = *выспугаться*.

При рассмотрении степени продуктивности различных префиксов в отношении к эмотивным глаголам необходимо обратить внимание на высокую продуктивность словообразовательного форманта *за-* с инцептивным значением. Частотность указанного словообразовательного типа наблюдается как в литературной, так и в диалектной формах функционирования языка: лит. *залюбить*, *зареветь*, *заревновать*, *заплакать*, *заскучать* [4] – диал. *заартачиться*, *завредить*, *завредничать*, *задуриться*, *закупоросить* (начать проявлять упрямство); *забаловать* (начать баловаться); *забараборшить* (начать скандалить); *заборщить* (начать ворчать); *забрюзжать* (начать сердиться); *завеньгать* (начать жаловаться); *загалиться* (начать насмехаться, посмеиваться); *загандарить* (начать возмущаться), *заешкаться* (начать переживать, охать) [7].

В рамках рассмотрения начинательного компонента значения производных с префиксом *за-* особого внимания требуют следующие два деривата: *завидовать* (начать завидовать), *зазадевать* (начать доставлять неприятности, обижать кого-н.). Данные примеры демонстрируют прием редупликации: приставка дублирует начальный слог корня, некогда тоже префикса, что создает для носителя литературного языка со свойственной ему компетенцией некоторую неблагозвучность.

Компонент инцептивности в диалектизмах может сочетаться с различной степенью интенсивности протекания названного действия: *загореться, забеситься, заблазнить* (сильно захотеть); *запереживаться* (испытывать очень сильное беспокойство, волнение); *зажалеться* (сильно затосковать); *загруститься* (взгрустнуться) [6].

Продуктивным также в обеих деривационных системах становится образование префиксальных эмотивных глаголов со значением результативности, которое, приобретая негативную коннотацию, воспринимается как доведение 'до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) посредством действия, названного мотивирующим глаголом' [3]: лит. *задрознеть, заласкать, залюбить, замучить* [4] – диал. *загрожать* (запугать угрозами), *забаюкать* (утомить), *заобожать* (полюбить), *залить* (навести порчу), *загнетощить* (доставить неприятности) [7].

Продолжая рассматривать временной семантический компонент в структуре производных префиксальных глаголов, стоит отметить единичный случай употребления диалектизма с делимитативным значением: *заглумить* – посмеяться, поиздеваться. В русских народных говорах в отличие от литературного языка встречаются дериваты – носители значения 'погруженности в долго продолжающееся действие': *забахвалиться, завратиться, заплестись* (увлечься хвастовством); *захохотываться* (заливаться смехом) [7].

Особенностью словообразования в диалектах представляется в некоторых случаях наличие в структуре слова десемантизированных аффиксов, в частности, префиксов, т.е. префикс не вносит никаких дополнительных семантических оттенков в структуру деривата. Литературный язык, в свою очередь, демонстрирует бесприставочные синонимичные корреляты диалектных эмотивов: диал. *выкомуривать* – лит. *мучать*; диал. *выкорить* – лит. *упрекнуть*; диал. *заобмануть* – лит. *обмануть*; диал. *заобижать* – лит. *обижать*; диал. *заобидеть* – лит. *обидеть*; диал. *заглаживать* – лит. *мучить*; диал. *загорюмливаться, загорюмываться* – лит. *горевать* [4; 7].

Естественным, однако не многочисленным является использование префикса в качестве формального показателя совершенного вида: диал. *выхвалить* – лит. *похвалить*, диал. *забрезжить* – лит. *поругать*, диал. *забрить* – лит. *поругать*, диал. *забахвалить* – лит. *похвастаться*, диал. *забаяться* – лит. *увлечься*, диал. *задичать* – лит. *помешаться* [4; 7].

Явление деривационной гаплогонии наблюдается и при словообразовании посредством префикса *за-*: *з[а] + [а]бидеть = забидеть*, притом данный пример ярко демонстрирует влияние орфоэпических законов на процессы словообразования.

Говоря о глагольной префиксации в диалектах, стоит отметить, что в русских народных говорах достаточно распространенным оказывается факт полипрефиксации: присоединение вторичного префикса к приставочному глаголу. Сочетание нескольких префиксов в структуре одной глагольной единицы

достаточно интересное и, по нашему мнению, противоречивое явление: как минимум два различных словообразовательных форманта с собственными семантическими признаками одновременно характеризуют одно действие, в данном случае состояние. Согласно научным представлениям дупрефиксальные глаголы «могут передавать лишь одно действие, характеризующееся многими дополнительными характеристиками его протекания и результата» [8, с. 194]. Образование полипрефиксальных глаголов позволяет минимальными языковыми средствами при помощи синтетической формы выразить те смысловые оттенки и характеристики протекания действия, для выражения которых понадобились бы развернутые аналитические конструкции. Таким образом, принцип экономии речи, связанный с именем великого лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ, становится в данном случае основополагающим. Общее значение полипрефиксального глагольного деривата складывается посредством интеграции семантики производящей префиксальной основы и нового словообразовательного аффикса [9].

По данным РГ в качестве вторичных префиксов характеризуются наибольшей продуктивностью приставки *на-, пере-, по-, под-, при-*. Однако статистические данные приведены в соответствии с образованием полипрефиксальных дериватов в литературном языке. Проанализировав диалектные единицы, можно отметить, что наиболее высокой производительностью отличается префикс *за-*, что уже является так называемым отклонением от нормы (общей степени продуктивности словообразовательного типа).

При рассмотрении семантики полипрефиксальных дериватов в диалектных образованиях обращает на себя внимание факт неравномерного выражения различных оттенков значения первичным и вторичным префиксами. Так, в одних случаях оба префикса приносят в семантическое поле производной единицы определенные характеристики:

заросплакаться – начать громко плакать,
запобаиваться – начать немного бояться,
заобзавидовать – сильно позавидовать чему-нибудь,
занедовольничать – начать выражать недовольство чем-нибудь.

Однако встречаются случаи, когда дефиниция глагола содержит указание лишь на семантический признак вторичного префикса:

завыговаривать – начать упрекать,
засокрушиться – начать горевать,
заостерегаться – начать опасаться чего-нибудь,
запожалеть – начать испытывать сожаление о чем-нибудь,
завыревливать – начать плакать,
завыхваться – начать хвалиться,
заприблжаться – начать вести себя неразумно, совершать странные поступки,
запришаливать, запридикивать – начать шалить [7].

Данные примеры демонстрируют выражение инцептивного значения посредством вторичного префикса *за-*. Если исключить крайний словообразовательный формант и обратиться к производящим единицам, стоит отметить, что в их структуре первичные префиксы становятся асемантичными, поэтому семантически оправданным оказывается употребление только вторичного префикса. Узуальная форма языка обнаруживает бесприставочные корреляты: диал. *выговаривать* – лит. *упрекать*, диал. *сокрушаться* – лит. *горевать*, диал. *остерегаться* – лит. *опасаться*, диал. *пожалеть* – лит. *пожалеть*, диал. *выревливаться* – лит. *плакать*, диал. *выхваляться* – лит. *хвалиться* [4; 7].

Однако двупрефиксальные глаголы *заплакивать* (начать плакать) и *заполюбливать* (полюбить) в соответствии с собственными дефинициями содержат только инцептивный компонент значения, хотя префикс *по-* в производящих единицах (*полюбливать* и *поплакивать*) обладает активно выраженным делимитативным значением. Названные примеры свидетельствуют о десемантизации первичных приставок.

Уникальным является глагол *завздрыгать* (начать вздрагивать), содержащий в своей структуре два инцептивных префикса *за-* и *вз-*.

Согласно лингвистической традиции описания полипрефиксальных глаголов случаи десемантизации вторичного префикса исключаются [10], но, обратившись к предикату *завыругать* и к его дефиниции ‘обругать, выругать’ в АОС [7], мы можем сделать вывод, что префикс *за-* в данном примере становится абсолютно условным и не несет никаких семантических признаков. Из этого следует, что десемантизация по отношению к вторичным префиксам также возможно.

Подводя итог, необходимо отметить, что феномен множественной префиксации [6] достаточно противоречив и требует дальнейшего изучения. Вторичные префиксы включают в семантическое поле производной префиксальной единицы целый ряд значений, выступают в семантическом плане на уровне первичной приставки, сохраняют за собой право десемантизировать ее и, как это не парадоксально, десемантизируются сами.

Заключение. Таким образом, исследование префиксации диалектных эмотивных глаголов приводит к выводу о том, что диалектные единицы представляют собой уникальные языковые факты как в области комбинаторики морфем, так и касательно семантических характеристик словообразовательных морфов в их структуре, когда типичные словообразовательные значения стираются и на смену им приходят самые неожиданные семантические структуры и способы их выражения. Подобные случаи, являясь однозначным

отклонением от нормы, традиции, представляют собой огромную потенцию для будущих словообразовательных процессов: «Лексические мотивационные связи, не совпадающие со словообразовательными, обладают потенциальной способностью служить схемой построения новых слов. Реализация этой возможности может привести к появлению словообразовательных типов, характеризующихся новым видом производящих основ и аффиксов или их своеобразной комбинацией» [11, с. 123]. Признавая факт отсутствия границ и факторов, сковывающих процессы словотворчества, в диалектном словообразовании, стоит отметить, что наряду с уникальностью диалектные дериваты демонстрируют в большей степени, по крайней мере на данном этапе, традиционность литературной словообразовательной системы.

Литература

1. Никитевич, А.В. Деривация и смысл / А.В. Никитевич. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2014. – 233 с.
2. Никитевич, А.В. Очерки по диалектному словообразованию: [монография] / А.В. Никитевич; Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы». – Гродно: ЮрСаПринт, 2020. – 126 с.
3. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
4. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1985. – 2 т.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 18-е, стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
6. Татевосов, С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола / С.Г. Татевосов // Корпусные исследования по русской грамматике / ред.-сост.: К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. – М., 2009. – С. 92–156.
7. Архангельский областной словарь: Вып. 1–19 / редкол.: О.Г. Гецова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1980–2019. – 19 вып.
8. Милославский, И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И.Г. Милославский. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.
9. Ройзензон, Л.И. Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках / Л.И. Ройзензон. – Самара: СамГУ, 1974. – 243 с.
10. Кронгауз, М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М.А. Кронгауз. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 290 с.
11. Янценецкая, М.Н. Об организации лексического гнезда / М.Н. Янценецкая // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Н. Тихонов. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – С. 120–124.

Поступила в редакцию 07.05.2021

Педагогічная, перакладчыцкая і навукова-даследчая дзейнасць В.У. Таранеўскага

Дулаў А.М., Русілка В.І.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

В.У. Таранеўскі трыццаць гадоў адпрацаваў у ВДУ імя П.М. Машэрава, стаяў ля вытокаў факультэта беларускай філалогіі і культуры, творча выявіў і рэалізаваў сябе ў розных сферах прафесійнай дзейнасці: як педагог і выкладчык, як даследчык старажытнай беларускай літаратуры, як тэксталаг і перакладчык з польскай мовы, як адміністратар і арганізатар вучэбна-выхаваўчага працэсу. Вялікі аўтарытэт, якім ён, бясспрэчна, карыстаўся сярод калег і студэнтаў, у многім вызначалася асабістымі якасцямі гэтага чалавека.

Мэта артыкула – выявіць значэнне педагогічнай, перакладчыцкай і навуковай спадчыны Віктара Уладзіміравіча Таранеўскага (1954–2020).

Матэрыял і метады. Крыніцамі для напісання артыкула паслужылі дакументы з асабістай справы В.У. Таранеўскага, інтэрв’ю з ім, успаміны былых студэнтаў, тэксты перакладаў, здзейсненых Віктарам Уладзіміравічам, яго навуковыя і вучэбна-метадычныя публікацыі.

Тэарэтыка-метадалагічную базу даследавання склалі прынцыпы гістарызму, аб’ектыўнасці, сістэмнасці, каштоўнасця паходу. Былі выкарыстаны агульналагічныя, спецыяльна-гістарычныя і літаратуразнаўчыя метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. В.У. Таранеўскі выкладаў гісторыю беларускай літаратуры XI–XVIII стст., тэксталагію, міфалогію, умеў захапіць студэнтаў сваёй дысцыплінай. Ён плённа займаўся вучэбна-метадычнай работай, а таксама паспяхова кіраваў навуковымі даследаваннямі студэнтаў. На чарговай хвалі нацыянальнага адраджэння Віктар Уладзіміравіч імкнуўся данесці да шырокіх колаў веды аб роднай мінуўшчыне, таму сканцэнтраваў увагу, найперш, на перакладчыцкай дзейнасці. У перакладзе В.У. Таранеўскага былі надрукаваны Дзярыушы Піліпа Казіміра Абуховіча і Яна Уладзіслава Пачобута-Адлянцікага, Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубіцкага, Віцебскі летапіс Міхала Панцырнага і Стафана Аверкі. Важнай вехай перакладчыцкай дзейнасці В.У. Таранеўскага стаў пераклад лістоў Яна Баршчэўскага да Юліі Корсак. Віктару Уладзіміравічу выдатна ўдавалася перадаць не толькі змест і асаблівасці формы, але і дух перакладзеных ім крыніц. Галоўнай сферай навуковых інтарэсаў даследчыка была польскамоўная мемуарыстыка Беларусі XVI–XVII стст.

Заклучэнне. Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі застаўся ў памяці калег і вучняў выдатным педагогам, які даваў грунтоўныя веды, умеў захапіць выкладаемымі дысцыплінамі і заахвоціць да самастойнай працы. Ён быў таленавітым перакладчыкам польскамоўных помнікаў літаратуры Беларусі і знаным літаратуразнаўцам-медыявістам. А таксама вельмі інтэлігентным, шляхетным, прынцыповым, справядлівым, ветлівым, душою адданым сваёй справе і Бацькаўшчыне чалавекам. Спадчына В.У. Таранеўскага багатая, яна адкрывае новыя магчымасці для даследчыкаў гісторыі літаратуры і вучыць беражліва, сумленна і старанна захоўваць нацыянальныя багацці, прафесійна і аддана займацца навукай.

Лепшым помнікам Віктару Уладзіміравічу, на нашу думку, можа стаць выданне кнігі “Дзярыушы”, у якой будуць змешчаны помнікі мемуарыстыкі XVII ст. у яго перакладах. Таксама варта выдаць зборнік выбраных работ даследчыка.

Ключавыя словы: В.У. Таранеўскі, пераклады, дыярыушы, мемуарыстыка, мясцовае летапісанне, літаратуразнаўства, медыявістыка.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 200–205)

Pedagogical, Translation and Research Activities of V.U. Taraneuski

Dulau A.M., Rusilka V.I.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

V.U. Taraneuski worked at Vitebsk State University for 30 years, was among the founders of Belarusian Philology and Culture Faculty, implemented his creativity in different spheres of professional work as a teacher, researcher of Old Belarusian literature, as a text scholar and translator from Polish, as an administrator and organizer of the academic process. His personal qualities resulted in great respect he enjoyed from his colleagues and students.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: kryn2013@yandex.ru – А.М. Дулаў

The purpose of the article is to identify the significance of the pedagogical, translation and research heritage of Victor Uladimirovich Taraneuski (1954–2020).

Material and methods. *The sources for the article were documents from V.U. Taraneuski's personal files, interviews with him, reminiscences of the former students, texts of his translations, research and methodological publications.*

The theoretical and methodological research base is made up by principles of historicism, objectivity, systemity, value approach. General historical, special historical methods as well as methods of literary critics were used.

Findings and their discussion. *V.U. Taraneuski taught History of the 16th – 18th centuries Belarusian Literature, Text Studies, Mythology; he could carry his students by his discipline. He fruitfully worked in the academic and methodological spheres and supervised students' research. Another wave of the national revival influenced Victor Uladimiravich's desire to carry the knowledge about the national past to wide circles of people. That was why he concentrated his attention to translating. V.U. Taraneuski's translations of Dyariushi of Pilip Kazimir Abukhovich and Yan Uladzislau Pachobut-Adlianitski, Magileu Chronocles by Trafim Surta and Yury Trubnitski, Vitsebsk Chronocles by Mikhal Pantsyrny and Stafan Averka were published. An important landmark of V.U. Taraneuski's translation work was Yan Barshcheuski's letters to Yulia Korsak. Victor Uladimiravich succeeded in translating not only contents and features of the form but also the spirit of the translated sources. The main sphere of his research interests was Polish language memoirs of the 16th – 18th century Belarus.*

Conclusion. *Victor Uladimiravich Taraneuski has stayed in the memory of his colleagues and students as an outstanding teacher, who imparted substantial knowledge, could carry and interest with the disciplines and stimulate independent work. He was a talented translator of the Polish language literature of Belarus and an outstanding medieval literature critic. He was also an intelligent, aristocratic, principle caring, just, friendly, his Motherland and work loving person. Victor Uladimiravich's heritage is rich, it opens new possibilities for researchers of History of Literature. It teaches to preserve national riches, to professionally do research.*

The best monument to Victor Uladimiravich can be, to our minds, publication of the book Dyariushi which will contain his translations of the 17th century memoir monuments. A collection of the researcher's selected works should also be published.

Key words: *V.U., Taraneuski, translations, dyariushi, memoirs, local chronicles, literature critics, medieval studies.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 200–205)

Для Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава асоба Віктара Уладзіміравіча Таранеўскага ў поўнай меры з'яўляецца знакавай: ён, працуючы ў навучальнай установе з 1983 года, стаў ля вытокаў факультэта беларускай філалогіі і культуры, які існаваў з 1992 па 2014 год, быў намеснікам дэкана. Пры яго непасрэдным удзеле факультэт стаў сапраўдным навуковым і культурным асяродкам беларускасці ў Віцебскім рэгіёне, што могуць з удзячнасцю пацвердзіць сотні высокакваліфікаваных, прафесійна падрыхтаваных выпускнікоў-філолагаў.

В.У. Таранеўскі творча выявіў і рэалізаваў сябе ў розных сферах прафесійнай дзейнасці: як педагог і выкладчык, як даследчык старажытнай беларускай літаратуры, як тэкстолаг і перакладчык з польскай мовы, як адміністратар і арганізатар вучэбна-выхаваўчага працэсу. Паспяхова самарэалізацыя і вялікі аўтарытэт, якім ён бяспрэчна карыстаўся сярод калег і студэнтаў, у многім вызначаліся асабістымі якасцямі гэтага чалавека.

Мэта артыкула – ахарактарызаваць педагогічную, перакладчыцкую і навукова-даследчую працу Віктара Уладзіміравіча Таранеўскага (1954–2020).

Матэрыял і метады. Крыніцамі для напісання артыкула паслужылі дакументы з асабістай справы В.У. Таранеўскага, інтэрв'ю з ім, успаміны былых студэнтаў, тэксты перакладаў, здзейсненых Віктарам Уладзіміравічам, яго навуковыя і вучэбна-метадычныя публікацыі.

Тэарэтыка-метадалагічную базу даследавання склалі прынцыпы гістарызму, аб'ектыўнасці, сістэмнасці, каштоўнаскага падыходу. Былі выкарыстаны

агульналагічныя, спецыяльна-гістарычныя і літаратуразнаўчыя метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. В.У. Таранеўскі нарадзіўся 18 верасня 1954 года ў вёсцы Байкі Слонімскага раёна Гродзенскай вобласці ў сялянскай сям'і. У час Другой сусветнай вайны яго бацька ваяваў супраць фашыстаў у складзе польскай арміі. Пазней свой воінскі абавязак перад Радзімай выканаў і Віктар. Пасля арміі малады чалавек пайшоў працаваць токарам на Мінскі аўтамабільны завод. Але сваё прызвание Віктар Таранеўскі бачыў у іншым. Таму ў верасні 1975 г. ён стаў студэнтам аддзялення беларускай і рускай мовы і літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна. У маладосці Віктар пісаў вершы, і хоць потым кінуў гэтую справу, спаліўшы сшыткі, адчуванне паэтычнай мовы, рытму і мелодыі, вобразнай гармоніі засталася ў яго назаўсёды. Гэта пазней дапамагло яму і ў выкладчыцкай, і ў перакладчыцкай працы.

Пасля заканчэння БДУ ў 1980 г. В.У. Таранеўскі накіраваўся ў Віцебск, спачатку працаваў метадыстам абласной станцыі юных турыстаў, потым выкладаў беларускую мову і літаратуру ў сярэдніх школах № 10 і № 34. У кастрычніку 1983 г. Віктар Уладзіміравіч быў прыняты на працу ў Віцебскі дзяржаўны педагогічны інстытут імя С.М. Кірава асістэнтам кафедры беларускай мовы і літаратуры [1, арк. 2 адв.].

З лістапада 1986 г. Віктар Таранеўскі навучаўся ў аспірантуры пры кафедры беларускай літаратуры БДУ. Навуковым кіраўніком маладога даследчыка стаў адзін з яго ўніверсітэцкіх выкладчыкаў, знакаміты літаратуразнавец, паэт і пісьменнік, крытык і перакладчык, доктар філалагічных навук, прафесар,

член-карэспандэнт АН БССР Алег Антонавіч Лойка (1931–2008). Буйны навуковец, аўтар дзясяткаў кніг, у тым ліку акадэмічных выданняў і вучэбных дапаможнікаў па гісторыі беларускай літаратуры, а да таго ж добры і светлы чалавек, змяляк, ураджэнец Слоніма, аказаў на Віктара Уладзіміравіча вялікі ўплыў. Менавіта Алег Антонавіч Лойка, адной са сфер навуковых інтарэсаў якога была літаратура Беларусі перадрэнесанснага перыяду і Рэнесансу, прапанаваў тэму дысертацыі, якая стала вызначальнай у навуковай дзейнасці Віктара Уладзіміравіча, – “Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI–XVII стст.”. Важнейшае значэнне мела навуковая стажыроўка аспіранта В.У. Таранеўскага ў Ягелонскім універсітэце ў Кракаве ў 1988 г. Малады даследчык пазнаёміўся з вядучымі польскімі славістамі, у прыватнасці, з прафесарам Здзіславам Нядзелем (1931–1996), вывучаў даследаванні ў галіне мемуарыстыкі, а самае галоўнае – працаваў з тэкстамі дыярыушаў, як апублікаванымі, так і рукапіснымі.

Па заканчэнні аспірантуры Віктар Уладзіміравіч вярнуўся ў ВДП імя С.М. Кірава, дзе стаў працаваць выкладчыкам, а ў канцы 1990 г. быў абраны на пасаду старшага выкладчыка кафедры беларускай мовы і літаратуры. Гэта былі часы чарговага нацыянальнага адраджэння. Пашыралася сфера ўжытку беларускай мовы, якая ў 1990 г. набыла статус адзінай дзяржаўнай. Расла запатрабаванасць у настаўніках роднай мовы і літаратуры. Таму з верасня 1992 г. на базе адпаведнай спецыяльнасці філалагічнага факультэта быў утвораны факультэт беларускай мовы і літаратуры (з 1993 г. – беларускай філалогіі і гісторыі, з 2001 г. – беларускай філалогіі і культуры), першым дэканам якога стала кандыдат філалагічных навук, дацэнт Людміла Сяргееўна Васюковіч, а намеснікам дэкана – старшы выкладчык Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі. На гэтай клопатнай пасадзе, сумяшчаючы з ёй працу на кафедры, Віктар Уладзіміравіч адпрацаваў 7 гадоў, а потым аж да 2014 г. працягваў выконваць абавязкі намесніка дэкана па выхаваўчай рабоце. Такім чынам, Віктар Таранеўскі быў адным са стваральнікаў факультэта беларускай філалогіі, з якім былі звязаны многія гады прафесійнай дзейнасці педагога, перакладчыка, навукоўца.

Усе, хто ведаў Віктара Уладзіміравіча, адзначалі яго безумоўнае знешняе падабенства з Францыскам Скарынам і шляхетную акуратнасць, нават следаванне модзе і арыгінальнасць у адзенні. Думаецца, гэта таксама было выяўленнем самастойнасці, годнасці і незалежнасці характару. Аднак значна болей істотнымі уяўляюцца тры надзейнасць, унутраная прыстойнасць, выхаванасць і шляхетнасць, якія вызначалі сутнасць гэтай асобы.

В.У. Таранеўскі выкладаў гісторыю беларускай літаратуры XI–XVIII стст., курсы па агульнай, славянскай і беларускай міфалогіі, спецкурсы “Тэксталогія” і “Старажытнае пісьменства на ўроках беларускай літаратуры ў школе”. В.У. Таранеўскі ўмеў захапіць

студэнтаў сваёй дысцыплінай, даступна патлумачыць складаныя для іх разумення аспекты. Выпускніца 2000 г. кандыдат філалагічных навук, дацэнт Ганна Аляксандраўна Гладкова ўспамінае: “Віктар Уладзіміравіч чытаў нам курс беларускай старажытнай літаратуры. Быў надзвычай сур’ёзным, вытрыманым выкладчыкам, не шматслоўным, але канкрэтным. Выкладаў курс не па напісанаму, гаварыў сам, толькі часам заглядаючы ў паперы. Адчувалася, што выкладчык дасведчаны, выдатна ведае матэрыял і сам любіць гісторыю і старажытную беларускую літаратуру” [2, с. 449]. “Сярэднявечныя часы проста ажывалі, матэрыялізаваліся падчас яго лекцый. Нават тыя, каму не вельмі было цікава разбірацца ў хітраспляценнях старажытнай літаратуры, і тыя заціхалі і зачаравана слухалі. І было што слухаць. Сівая даўніна натуральна паўставала ў аўдыторыі”, – піша ва ўспамінах выпускнік 2000 г. кандыдат гістарычных навук, дацэнт Яўген Аляксандравіч Грэбень [2, с. 449].

Заняткі В.У. Таранеўскага стымулявалі да самастойнай працы з тэкстамі літаратурных помнікаў. Выпускніца 1996 г. Вікторыя Дашкевіч узгадвае: “У 1990-я інтэрнэтам мы яшчэ не карысталіся. А ў чытальнай зале бібліятэкі было па 2–3 экзemplяры абавязковых для прачытання твораў на курс у амаль 100 чалавек. За імі становіліся ў чаргу, іх змест канспектавалі... думаю, што асоба выкладчыка іграла не апошнюю ролю ў імкненні выканаць яго патрабаванні” [2, с. 448].

Нездарма знаходзілася нямала студэнтаў, якія пісалі пад кіраўніцтвам Віктара Уладзіміравіча курсавыя і дыпломныя работы, займаліся навукай, удзельнічалі ў канферэнцыях, друкаваліся ў зборніках. Працы яго выхаванцаў адзначаліся катэгорыямі на Рэспубліканскіх конкурсах навуковых работ студэнтаў. Ён выдатна ўмеў падказаць накірункі даследаванняў, арганізаваць пэўную працу над тэкстам работы, дапамагаў літаратурай, даваў скарыстацца ўласнымі перакладамі нават да іх публікацыі, вычытваў студэнцкія працы і ўносіў у іх неабходныя праўкі.

Да В.У. Таранеўскага па парадку і дапамогу звярталіся і маладыя калегі, яго былыя студэнты, і заўжды знаходзілі падтрымку: “...ён быў першым, каму я паказала свае спробы перакладаў польскамоўных мемуараў І. Быкоўскага, над літаратурнай спрадчынай якога працавала ў межах кандыдацкай дысертацыі. І Віктар Уладзіміравіч не адклаў мой матэрыял убок, не сказаў, што няма часу, ён адразу пачаў чытаць і праз некалькі дзён вярнуў мне пераклад са сваімі праўкамі і рэкамендацыямі. Я магу сказаць, што мой навуковы шлях адбыўся толькі з лёгкай рукі майго шаноўнага выкладчыка. І я заўсёды пра гэта памятаю”, – піша Ганна Гладкова [2, с. 449].

Вялікую ўвагу Віктар Уладзіміравіч надаваў вучэбна-метадычнай працы. Яго падыход да пабудовы курса “Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVII стст.” адлюстраваны ў вучэбна-метадычным комплексе для студэнтаў дзённай і завочнай форм навучання 2007 г., які ўтрымліваў праграму дысцыпліны, кароткі курс

выбранных лекцый, каляндарна-тэматычныя планы, планы лекцый і практычных заняткаў, тэмы рэфератаў, пытанні да экзамена і заліку, а таксама спісы асноўнай і дадатковай літаратуры і тэкстаў для чытання [3]. Такім чынам, ВМК ствараў грунтоўную базу для самастойнай работы студэнтаў над няпростымі для разумення творамі сярэднявечнай эпохі.

Як навукоўца, Віктар Уладзіміравіч цікавіла праблема станаўлення апавядальніцтва (нарацыі) у сярэднявечнай беларускай прозе, яго спецыфікі і мастацкіх асаблівасцяў. І гэты інтарэс рэалізаваўся не толькі ў навуковых публікацыях, але і ў аўтарскіх вучэбных дапаможніках, якія ўтварылі своеасаблівы цыкл: “Ад летапісаў да мемуараў” і “Польскамоўныя мемуары Беларусі XVII стагоддзя” (2005), “Тарадское летапісанне Беларусі XVII–XVIII стст.: Віцебскі летапіс М. Панцырнага і С. Аверкі” (2012), “Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI–XVII стст.” (2016) [4–7].

На хвалі нацыянальнага адраджэння канца 1980-х – 1990-х гг. у грамадстве вырасла цікавасць да гісторыі Беларусі. Адкрыццё народу роднай мінуўшчыны Віктар Таранеўскі бачыў сваім галоўным абавязкам. Як вядома, шэраг крыніц беларускай гісторыі створаны на польскай мове. Каб данесці іх змест да шырокіх колаў чытачоў, Віктар Уладзіміравіч сканцэнтраванна ўвагу, найперш, не на ўласнай навукова-даследчай працы, а на перакладчыцкай дзейнасці. У 1990–2000-я гг. на старонках часопісаў “Спадчына” і “Полымя” былі надрукаваны ў перакладзе В.У. Таранеўскага ўрывак з дыярыушу Яна Уладзіслава Пачобута-Адлянцкага аб бітве з маскоўскім войскам на р. Басі ў 1660 г., а таксама Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юры Трубніцкага (1992); Дыярыуш Піліпа Казіміра Абуховіча (1995); Віцебскі летапіс Міхала Панцырнага і Стафана Аверкі (1997); Дыярыуш Яна Уладзіслава Пачобута-Адлянцкага (1998, 2001, 2008). Пераклады В.У. Таранеўскага суправаджаліся глыбокімі прадмовамі і змястоўнымі каментарыямі. Некаторыя з іх увайшлі ў зборнікі і акадэмічную анталогію [8–11]. Дарэчы, за папулярызаванне польскамоўнай літаратуры ў Беларусі Віктар Уладзіміравіч атрымаў стыпендыю парызскага часопіса “Культура” (фонд Ежы Гедройца) на стажыроўку ў Варшаве, якую прайшоў увосень 1998 г. [1, арк. 23, 35].

Як вядома, хлеб перакладчыка – нялёгкі хлеб. Гэта карпатлівая праца, што патрабуе шмат часу і сіл. Яшчэ святы Іеранім, заступнік перакладчыкаў, якога цытуе ў сваёй кнізе Умберта Эка, адзначаў, што пры перакладзе неабходна “non verbum de verbo sed sensum exprimere de sensu” [12, с. 16]. Як удакладняў сам італьянскі навуковец: “Итак, переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-сим-

волическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник” [12, с. 16–17]. Зрабіць якасны пераклад нават сучаснага іншамовнага тэксту, які б цалкам адпавядаў акрэсленым крытэрыям, справа вельмі і вельмі складаная. Тым больш складаная, калі нас ад стваральніка тэксту-крыніцы аддзяляе некалькі стагоддзяў. Аднак В.У. Таранеўскаму выдатна ўдавалася перадаць не толькі змест і асаблівасці формы, але і дух перакладзеных ім крыніц.

Варта адзначыць багатую і сакавітую мову перакладаў, насычаную вобразна-выяўленчымі сродкамі. У якасці прыклада прапануем падзагалавак да “Дыярыуша” Я.У. Пачобута-Адлянцкага, пераклад ненадрукаванай часткі якога быў апублікаваны даследчыкам у 2008 годзе: “Запіскі мае і дыярыуш маёй ваеннай службы, што, калі і дзе здарылася пры маёй бытнасці, занатаваў я для памяці. Няхай гэта будзе Пану Богу на хвалу і ку чці Матцы Міласэрнай, якая мяне ў розных небяспехах апекавала і з многіх маіх цяжкасцей і клопатаў вызваляла, без якіх, што ні крок, ніколі я не быў і не ёсць” [13, с. 99]. Акрамя вышэйадзначаных асаблівасцей, гэты ўрывак добра захоўвае яшчэ і сінтаксічную асаблівасць польскамоўных тэкстаў.

Польскамоўныя помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. павінны былі дайсці да чытача асобным томам з назвай “Дыярыушы” ў серыі “Беларускі кнігазбор”, які быў падрыхтаваны да друку напрыканцы 1990-х гг. В.У. Таранеўскі ўключыў у рукапіс дыярыушы Самуіла і Багуслава Маскевічаў (відавочна, у перакладах старэйшага беларускага літаратурна-знаўца-медывіста А.Ф. Коршунава), Піліпа Казіміра Абуховіча і Яна Уладзіслава Пачобута-Адлянцкага (ва ўласных перакладах). Напісаў прадмову і падрыхтаваў каментарыі. Агульны аб’ём рукапісу склаў 580 машынапісных старонак [14; 1, арк. 34]. Ён быў перададзены ў выдавецтва, але так і не выйшаў. У выніку мемуары Маскевічаў (Самуіла – упершыню поўны тэкст па-беларуску) і Піліпа Казіміра Абуховіча, а таксама сыноў апошняга былі надрукаваныя пад адной вокладкай толькі праз паўтара дзясятка гадоў у кнізе “Дыярыушы XVII стагоддзя (1594–1707 гады)” [15], выдадзенай у межах акадэмічнай серыі “Помнікі даўняга пісьменства Беларусі”.

Навуковыя інтарэсы В.У. Таранеўскага былі шырокія і не абмяжоўваліся Сярэднявеччам, пра што сведчыць яго плённая праца па перакладзе і даследаванні эпістальнай спадчыны выдатнага польска-беларускага пісьменніка XIX стагоддзя, ураджэнца Віцебшчыны Яна Баршчэўскага. В.У. Таранеўскі пераклаў і апублікаваў з грунтоўнай прадмовай “Лісты да Юліі” Я. Баршчэўскага, арыгіналы якіх захоўваюцца ў фондах Віцебскага абласнога краязнаўчага музея, змяшчаючы сінхронна побач польскамоўныя і беларускамоўныя тэксты. Гэта дае чытачам і даследчыкам выдатныя магчымасці глыбей зразумець лісты выдатнага пісьменніка, якія па сутнасці таксама з’яўляюцца мастацкімі творами, і параўнаць іх з перакладам.

Навуковая прынцыповасць і прафесіяналізм перакладчыка выдатна падкрэслівае той факт, што паэтычныя пераклады вершаў, уключаных у “Лісты да Юліі”, В.У. Таранеўскі даверыў зрабіць выдатнаму беларускаму паэту Анатолю Мікалаевічу Канапельку (1939–2002). Аднак і ў гэтых пражаных перакладаў захавана многа вобразна-выяўленчых паэтычных сродкаў мовы, якія добра перадаюць асаблівасці стылю Яна Баршчэўскага: “Не вечна будзе панаваць гэтая глухая, халодная і невыносная зіма. Сонца павярнулася на лета, а з поўдня прыйдзе да нас жаданая вясна, і аголеныя шкілеты дрэў апрануцца ў лісце, лугі ў кветкі, і рэкі, скінуўшы аковы, паплывуць вольна ў зялёных берагах” [16, с. 81]. Багацце эпітэтаў і метафар вызначае мову лістоў, і гэта ўдалося захаваць у перакладзе.

Перадаючы каларыт арыгіналу, В.У. Таранеўскі захоўвае і ў беларускамоўным тэксе сінтаксічныя асаблівасці польскамоўнага тэксту, у якім аўтар звяртаецца да Юліі Корсак: “Па загадзе Пані я называю яе імем сястры...” [16, с. 11]. З той мэтай перакладчык ужывае многа паланізмаў: “пекная”, “мамуна-дабрадзейка”, “зычэнні” і інш.

Але галоўнай сферай навуковых інтарэсаў В.У. Таранеўскага на працягу жыцця заставалася польскамоўная мемуарыстыка Беларусі XVI–XVII стст. У інтэрв’ю Віктар Уладзіміравіч казаў: “Цікава паназіраць, як праяўлялася асоба ў канкрэтных падзеях, бо нашы продкі ішлі тымі ж шляхамі, што і мы сёння. Мне цікава чытаць мемуары ваенных: яны больш экзатычныя, авантурныя” [17]. Даследчык вывучаў дыярышы жаўнераў – літвіна Яна Уладзіслава Пачобута-Адлянніцкага і паляка Яна Хрызастома Пасека [18–21], дыярыш ваяводы смаленскага Піліпа Казіміра Абуховіча [22; 23], успаміны Фёдора Еўлашоўскага і лісты Філона Кміты-Чарнабыльскага [24; 25]. Таксама цікавіў Віктара Уладзіміравіча дыярыш Яна Антонія Храпавіцкага, ваяводы віцебскага, які вёў запісы амаль штодня на працягу 29 гадоў, прапусціўшы ўсяго тры дні [26; 27]. Відавочна першым В.У. Таранеўскі звярнуўся да жаночых постацяў у мемуарах XVII ст., прааналізаваў мемуарны пачатак у “Лістах да Юліі” Яна Баршчэўскага [28; 29]. Навуковыя працы Віктара Уладзіміравіча характарызуюцца глыбінёй думкі, тонкай назіральнасцю і непаўторным стылем выкладу матэрыялу, які спалучае навуковасць і мастацкасць.

Дысертация, праца над якой была адкладзена пасля аспірантуры, так і не была абаронена, хця некалькі разоў Віктар Уладзіміравіч вяртаўся да яе, падрыхтаваў тэкст работы. Між тым, В.У. Таранеўскі карыстаўся заслужаным аўтарытэтам у навуковых колах. Перакладчыцкая і даследчыцкая дзейнасць Віктара Уладзіміравіча дазволілі акадэміку Уладзіміру Васільевічу Гніламёдаву называць яго ў шэрагу знакамітых беларусістаў [30, с. 11]. Як зазначае Ганна Аляксандраўна Гладкова, “ён не меў высокіх узнагарод, не стаў кандыдатам ці доктарам навук, бо не імкнуўся да прызнання, аднак бясспрэчна тое, што

ён быў прафесіяналам у сваёй справе, дасведчаным у самых складаных пытаннях медыявістыкі, Чалавекам з вялікай літары, надзейным, справядлівым і шляхетным. А гэта, мне думецца, даражэй за любыя адзнакі і ўзнагароды” [2, с. 449]. І з гэтым варта пагадзіцца.

У планах В.У. Таранеўскага быў пераклад польскамоўнай рукапіснай “Хронікі горада Віцебска”. Але гэтым планам не наканавана было здзейсніцца. Стала падводзіць здароўе. У жніўні 2016 г. выкладчык быў вымушаны сысці на адпачынак. У жніўні 2017 г. пабачыла свет апошняе інтэрв’ю з Віктарам Уладзіміравічам, у якім ён распавёў пра асобу і дзейнасць Францішка Скарыны [31]. 10 сакавіка 2020 г. перастала біцца яго сэрца...

Заклучэнне. Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі застаўся ў памяці калег і вучняў выдатным педагогам, які даваў грунтоўныя веды, умеў захапіць выкладаемымі дысцыплінамі і заахвоціць да самастойнай працы. Ён быў таленавітым перакладчыкам польскамоўных помнікаў літаратуры Беларусі і знаным літаратуразнаўцам-медыявістам. А таксама вельмі інтэлігентным, шляхетным, прынцыповым, справядлівым, ветлівым, душою адданым сваёй справе і Бацькаўшчыне чалавекам. Спадчына В.У. Таранеўскага багатая, яна адкрывае новыя магчымасці для даследчыкаў гісторыі літаратуры і вучыць беражліва, сумленна і старанна захоўваць нацыянальныя багацці, прафесійна і аддана займацца навукай.

Лепшым помнікам Віктару Уладзіміравічу, на нашу думку, можа стаць выданне кнігі “Дыярышы”, у якой будуць змешчаны помнікі мемуарыстыкі XVII ст. у яго перакладах. Таксама варта выдаць зборнік выбраных работ даследчыка.

Літаратура

1. Тараневский Виктор Владимирович. Личное дело / Архіў ВДУ імя П.М. Машэрава. – Ф. 204. Воп. 2-л. Спр. 597.
2. Успаміны пра Віктара Уладзіміравіча Таранеўскага // Актуальныя праблемы істэрыкаведэня: матэрыялы VI Междунар. наву.-практ. конф., Віцебск, 23–24 апр. 2021 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Віцебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 448–451.
3. Таранеўскі, В.У. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVII стст.: вучэбна-метадычны комплекс для студ. дзённай і завочнай форм навучання / В.У. Таранеўскі. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2007. – 85 с.
4. Таранеўскі, В.У. Ад летапісаў да мемуараў: вучэб. дапаможнік па гісторыі беларус. літаратуры XII–XVII стст. / В.У. Таранеўскі. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2005. – 39 с.
5. Таранеўскі, В.У. Польскамоўныя мемуары Беларусі XVII стагоддзя: дапаможнік / В.У. Таранеўскі. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2005. – 27 с.
6. Таранеўскі, В.У. Гарадское летапісанне Беларусі XVII–XVIII стст.: “Віцебскі летапіс” М. Панцырнага і С. Аверкі: метада. рэкамендацыі / В.У. Таранеўскі. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. – 44 с.

7. Таранеўскі, В.У. Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI–XVII стст.: метадычныя рэкамендацыі / В.У. Таранеўскі. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2016. – 55 с.
8. Віцебскі летапіс / пер. з пол. і камент. В. Таранеўскага // Беларускія летапісы і хронікі / уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 257–280.
9. Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубніцкага / пер. з пол. і камент. В. Таранеўскага // Беларускія летапісы і хронікі / уклад. У. Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 281–390.
10. Піліп Казімір Абуховіч. Дыярыуш / пераклад В. Таранеўскі // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – 2-е выд. – Мінск: Кнігазбор, 2010. – С. 531–560.
11. Трафім Сурта і Юрый Трубніцкі. Магілёўская хроніка: [урывкі ў пер. з польскай мовы В. Таранеўскага] / рэдакцыя В.А. Чамярыцкага // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; падрыхт. А.І. Богдан [і інш.]; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2005. – С. 816–832.
12. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко; пер. с итал. А.Н. Ковалёва. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
13. Запіскі і дыярыуш Яна Уладзіслава Пачобута-Адланіцкага / пер. з пол., прадм. і камент. В.У. Таранеўскага / Палымя. – 2008. – № 11. – С. 99–106.
14. Шыёнак, В. Незвычайны перакладчык [выкладчык ВДУ Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі] / В. Шыёнак // Віцеб. рабочы. – 2003. – 25 лістап. – С. 1.
15. Дыярыушы XVII стагоддзя (1594–1707 гады) / укл., пер. з пол. мовы: А.У. Бразгуноў; рэдкал.: А.У. Бразгуноў (старш.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2016. – 467 с.
16. Баршчэўскі, Я. Лісты да Юліі: Письмы, вершы, балады / Я. Баршчэўскі; укл., пер. з пол. мовы В.У. Таранеўскага; літаратурная апрацоўка вершаў і балад А.М. Канапелькі; падрыхтоўка польскага тэксту да друку С.М. Якаўлева. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2004. – 111 с.
17. Дзядзінкіна, С. Пра што пісалі беларусы ў сваіх дыярыушах [гутарка з выкладчыкам ВДУ Віктарам Уладзіміравічам Таранеўскім] / С. Дзядзінкіна // Нар. слова. – 2002. – 24 сн. – С. 5.
18. Таранеўскі, В.У. Мемуарыстыка Беларусі другой палавіны XVI–XVII стст. (Запіскі мае і дыярыуш...) Яна Уладзіслава Пачобута Адланіцкага / В.У. Таранеўскі // Беларуская літаратура: рэспубліканскі міжведамасны зборнік / Гомел. дзярж. ун-т. – Вып. 18. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – С. 21–29.
19. Таранеўскі, В.У. Польскамоўныя мемуары ў кантэксце старабеларускай літаратуры XVII ст. (“Запіскі мае і дыярыуш маёй ваеннай службы...”) Я.У. Пачобута-Адланіцкага / В.У. Таранеўскі // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2007. – № 4. – С. 118–123.
20. Таранеўскі, В.У. «Шчасце як шкло, а шкло як шчасце» (Віцебшчына ў мемуарах Я.У. Пачобута-Адланіцкага) / В.У. Таранеўскі // Віцебскі край: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 170-годдзю з дня нараджэння М.Я. Нікіфароўскага, 5 лістап. 2015 г., Віцебск / рэдкал.: Т.М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2016. – Т. 1. – С. 224–227.
21. Таранеўскі, В. Па старонках мемуараў Яна Хрызастома Паска / В. Таранеўскі // Шляхам гадоў: гіст.-літ. зб. / уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск: Маст. літ., 1994. – С. 76–89.
22. Таранеўскі, В.У. “Дыярыуш...” Піліпа Казіміра Абуховіча / В.У. Таранеўскі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1990. – № 1. – С. 6–10.
23. Таранеўскі, В.У. “Маёй фартуны кароткі шлях такі...”: (па старонках “Дыярыуша” П.К. Абуховіча) / В.У. Таранеўскі // Актуальныя праблемы істочніковедзення: матэрыялы III Міжнародн. навуч.-практ. канф., Віцебск, 8–9 окт. 2015 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – С. 173–175.
24. Таранеўскі, В.У. Штрыхі да «Успамінаў» Ф. Еўлашоўскага і «Рэестра списань...» Ф. Кміты-Чарнабыльскага / В.У. Таранеўскі // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – Т. 6. – С. 177–190.
25. Таранеўскі, В.У. “Лісты” Філона Кміты-Чарнабыльскага / В.У. Таранеўскі // Літаратурныя постаці Віцебшчыны: зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. А.У. Русецкага і В.І. Русілка. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2001. – С. 4–20.
26. Таранеўскі, В.А. Храпавіцкі і яго “Дыярыуш”: полілінгвістычныя мемуары Віцебшчыны / В. Таранеўскі // Літаратурныя постаці Віцебшчыны: гісторыя і сучаснасць: зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал.: В.І. Русілка [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – С. 44–51.
27. Таранеўскі, В.У. “Дыярыуш” Яна Антонія Храпавіцкага як гістарычная крыніца / В.У. Таранеўскі // Актуальныя праблемы істочніковедзення: матэрыялы міжнародн. навуч.-практ. канф. к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты, Минск–Витебск, 9–11 окт. 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 143–145.
28. Таранеўскі, В.У. Жанчына ў шляхецкіх мемуарах XVII ст. // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф. / Упр. ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей; рэдкал.: Г.У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка, 2013. – С. 46–47.
29. Таранеўскі, В.У. Мемуарны пачатак у “Лістах да Юліі” Я. Баршчэўскага / В.У. Таранеўскі // Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце (да 210-годдзя з дня нараджэння): зб. навук. арт. удзельнікаў IV Міжнар. навук. чытанняў, 18–19 мая 2004 г. / пад рэд. В.І. Русілка і В.Ю. Бароўкі. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2004. – С. 118–119.
30. Дакладваюць старшыні секцый і “круглых сталоў” [III Міжнароднага кангрэса беларусістаў]: Літаратуразнаўства / У. Гніламёдаў // Кантакты і дыялогі: інфармацыйна-аналітычны і культуралагічны бюлетэнь. – Мінск, 2000. – № 6(54). – С. 11–12.
31. Таранеўскі, В. Скарыў Еўропу сваім розумам і кнігай / В. Таранеўскі; гутарыў А. Шчарбіцкі // Витьбичи. – 2017. – 31 авг. – С. III (Прилож.: Вечерний Витебск).

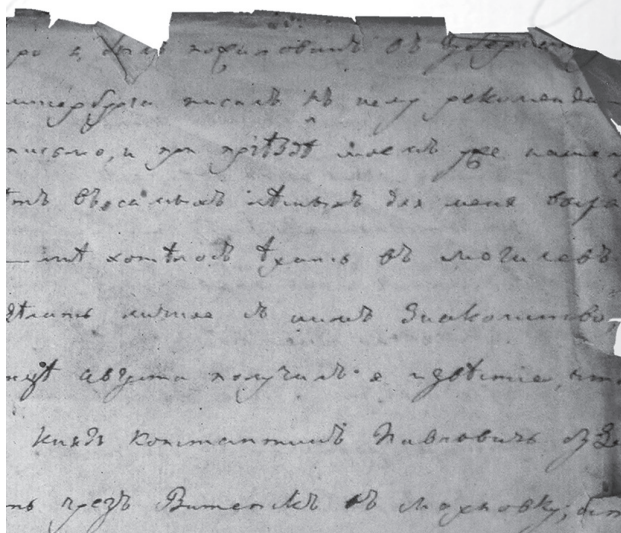
Паступіў у рэдакцыю 11.06.2021

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

23–24 апреля, Витебск 2021

На базе Витебского государственного университета 23–24 апреля состоялась VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы источниковедения».

Представительный научный форум был организован совместными усилиями факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций ВГУ имени П.М. Машерова, исторического факультета Белорусского государственного университета, кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, исторического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, а также Государственного архива Витебской области. Конференция собрала более 200 исследователей из пяти стран (Беларуси, России, Украины, Латвии, Польши). Впервые мероприятие проводилось в очно-дистанционном формате.

На пленарном заседании прозвучали приветственные слова проректора по научной работе ВГУ имени П.М. Машерова профессора Е.Я. Аршанского, директора Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, члена-корреспондента РАН А.В. Сиренова, декана ФГиЯК профессора С.В. Николаенко, заведующего кафедрой историографии, источниковедения и археологии исторического факультета ХНУ имени В.Н. Каразина профессора С.И. Посохова и директора Госархива Витебской области Т.М. Свистуновой.

Минутой молчания участники научного форума почтили ушедших в 2021 г. коллег: докторов исторических наук, профессоров А.В. Русецкого и И.В. Мандрика, кандидата филологических наук, доцента Г.А. Артемёнка, многие годы отдавших ВГУ имени П.М. Машерова, а также члена оргкомитета конференции, доктора исторических наук, профессора С.И. Маловичко из Москвы.

Доклад о соотношении понятий «источники личного происхождения» и «эго-источники» представила доцент М.Ф. Румянцева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва). На важность исторической хронологии в изучении раннего летописания Руси указал профессор И.Н. Данилевский (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва). Доцент О.И. Дернович (Институт истории Национальной академии наук Беларуси) раскрыл в своем докладе особенности средневековой наррации на примере описания штурма крестоносцами литовского замка Пиленай в 1336 году и обратился к вопросам методики текстологического изучения хроник. Доцент А.Н. Стебурако (РИВШ) рассказал о возвращении в Беларусь части родового архива Хрептовичей. Доклады доцента В.Ю. Иващенко (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина) и доктора исторических наук В.Г. Вовиной-Лебедевой (Санкт-Петербургский институт истории РАН) были посвящены особенностям публикации воспоминаний и писем.

Работали две очных и три дистанционных секции, в рамках которых обсуждались вопросы теории, истории и исследовательских практик источниковедения, архивоведения и музейного источниковедения, источниковедения историографии, а также прозвучали доклады, в которых анализировались комплексы источников и отдельные источники всеобщей и отечественной истории с древности до наших дней. Тематический блок конференции в этом году представлен докладами, посвященными источникам личного

происхождения, а региональный блок – докладами, характеризующими источники истории связей белорусских земель с государством Немецкого ордена в Пруссии и Ливонии в XIII–XVI веках.

С текстами докладов можно ознакомиться в сборнике материалов, изданном к началу конференции (*Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 464 с.*).

В рамках научного форума состоялись презентации книг. Директор Национального архива Республики Беларусь А.К. Демянюк и заведующий отделом публикаций, кандидат исторических наук С.В. Кулинок представили сборник архивных документов и материалов «Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область» (Минск – Москва, 2020). Монографию «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (Витебск, 2021) презен-

товали ее авторы – доценты А.П. Косов и Д.В. Юрчак.

Прошел Час памяти Виктора Владимировича Тараневского (1954–2020) – белорусского литературоведа-медиевиста, переводчика и исследователя шляхетских мемуаров XVII века, Витебской летописи и Могилевской хроники, а также «Лістоў да Юліі» Яна Барщевского. Поделились воспоминаниями, рассказали о педагогической, переводческой и исследовательской деятельности Виктора Владимировича вдова ученого Зоя Викторовна, доценты О.И. Русилко, А.А. Гладкова, А.Н. Дулов.

Для участников конференции научной библиотекой были подготовлены выставки научных трудов историков ВГУ имени П.М. Машерова, а также работ В.В. Тараневского. Гости ознакомились с достопримечательностями Витебска, посетили Музей истории Витебского народного художественного училища.

Конференция содействовала установлению и упрочению научных связей, создала возможность обсуждения перспективных совместных финансируемых проектов, способствовала укреплению позитивного имиджа университета на международной арене.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЗДЕЛЬ Вероника Евгеньевна – заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат исторических наук, доцент.

БОЯРЧУК Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия ГрГУ им. Янки Купалы.

БУБЕНЬКО Татьяна Станиславовна – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук.

БУДЕНИС Ольга Генриховна – старший преподаватель кафедры английской филологии ГрГУ им. Я. Купалы, соискатель кафедры философии.

ВАРДОМАЦКИЙ Леонид Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова.

ГЛАДКОВА Анна Александровна – доцент кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

ГРУНИНА Ульяна Владиславовна – студентка 4 курса ФГиЯК ВГУ имени П.М. Машерова.

ДЕДОВА Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова.

ДЕМИДОВ Александр Борисович – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

ДУЛОВ Анатолий Николаевич – заведующий кафедрой истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ЗИМАНСКИЙ Вадим Элдорович – доцент кафедры белорусского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

КЕЙКО Юлия Владимировна – магистр исторических наук, аспирант ГрГУ им. Янки Купалы.

КОСОВ Александр Петрович – заведующий аспирантурой ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

КРЮКОВСКИЙ Владимир Дмитриевич – докторант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ, кандидат исторических наук, доцент.

МАЦУЛЕВИЧ Евгения Васильевна – магистрант кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова.

МИСЮРО Анна Янушевна – аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ.

МИХАЛЬЧУК Наталья Александровна – доцент кафедры общего и славянского языкознания УО «МГУ имени А.А. Кулешова», кандидат филологических наук.

МОСКАЛЁВА Алёся Юрьевна – аспирант и преподаватель кафедры теории и практики китайского языка МГЛУ.

МОТОРОВ Сергей Анатольевич – декан факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ПЕРЕВАЛОВ Ярослав Олегович – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук УО «ВГМУ».

РИЕР Янина Александровна – доцент кафедры романо-германской филологии УО «МГУ имени А.А. Кулешова», кандидат исторических наук.

РУДКОВСКИЙ Эдвард Иосифович – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

РУСИЛКО Ольга Ивановна – доцент кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

САДКО Людмила Михайловна – доцент кафедры русской литературы и журналистики УО «БрГУ имени А.С. Пушкина», кандидат филологических наук, докторант Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, доцент.

СЕРЕДА Артём Сергеевич – ГУО «Средняя школа № 3 г. Жабинки».

СИТКО Евгений Александрович – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ.

ФИЛИПЧИК Юлия Ромуальдовна – аспирант кафедры русской филологии ГрГУ им. Янки Купалы.

ХАДАНЁНОК Виктор Мамертович – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин УО «ВГТУ», кандидат исторических наук.

ЧАЛОВА Оксана Николаевна – доцент кафедры теории и практики английского языка УО «ГГУ им. Франциска Скорины», кандидат филологических наук.

ЧЕРКЕС Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры языковой подготовки белорусских и иностранных граждан, аспирант (форма соискательства) кафедры русской филологии ГрГУ им. Янки Купалы.

ШИШКЕВИЧ Вероника Николаевна – аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории УО «БГПУ имени Максима Танка».

ЮРЧАК Денис Валерьевич – главный специалист управления культуры Витебского облисполкома, кандидат исторических наук, доцент ВГУ имени П.М. Машерова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BEZDEL Veronika Yevgenyevna – Head of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines of Vitebsk Branch of Education Establishment of Federation of Trade Unions of Belarus “International University MITSO”, PhD (History), Assistant Professor.

BOYARCHUK Tatyana Nikolayevna – Yanka Kupala State University of Grodno Department of Tourism and Cultural Heritage Senior Lecturer.

BUBENKO Tatyana Stanislavovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Cultural Heritage PhD (History), Assistant Professor

BUDENIS Olga Genrikhovna – Yanka Kupala State University of Grodno Department of English Philology Senior Lecturer, Department of Philosophy Applicant

VARDOMATSKI Leonid Mikhailovich – PhD (Philology), Department of General and Russian Linguistics Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University.

GLADKOVA Anna Aleksandrovna – Department of Literature Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philology)

GRUNINA Ulyana Vladislavovna – Fourth year student of Faculty of Humanities and Language Communication of Vitebsk State P.M. Masherov University

DEDOVA Yelena Sergeyevna – PhD (Philology), Department of Belarusian Linguistics Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University.

DEMIDOV Aleksandr Borisovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Associate Professor, PhD (Philosophy).

DULOV Anatoli Nikolayevich – Head of Department of History and Cultural Heritage of Vitebsk State P.M. Masherov University, Associate Professor, PhD (History)

ZIMANSKI Vadim Eldarovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belarusian Linguistics Associate Professor, PhD (Philology).

KEIKO Yuliya Vladimirovna – Yanka Kupala State University of Grodno Postgraduate Student, Master of History.

KOSOV Aleksandr Petrovich – Head of Postgraduate School of Vitebsk State P.M. Masherov University PhD (History) Associate Professor.

KRUKOVSKI Vladimir Dmitriyevich – BSU Department of New and Contemporary History of Belarus Doctoral Student, PhD (History), Associate Professor.

MATSULEVICH Yevgeniya Vasilyevna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Cultural Heritage Master Student.

MISURO Anna Yanushevna – Minsk State Linguistic University Department of Speech Studies and Theory of Communications Postgraduate Student.

MIKHALCHUK Natalya Aleksandrovna – Mogilev State A.A. Kuleshov University Department of General and Slavonic Linguistics Associate professor, PhD (Philology)

MOSKALEVA Alesia Yuryevna – Minsk State Linguistic University Department of Theory and Practice of the Chinese Language Postgraduate Student and Lecturer.

MOTOROV Sergei Anatolyevich – Dean of Faculty of Social Education and Psychology of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (History), Associate professor.

PEREVALOV Yaroslav Olegovich – Vitebsk State Medical University Department of Social and Humanitarian Sciences Senior Lecturer.

RIER Yanina Aleksandrovna – Mogilev State A.A. Kuleshov University Department of Romanic and Germanic Philology Associate professor, PhD (History).

RUDKOVSKI Edward Iosifovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences Associate Professor, PhD (Philosophy).

RUSILKO Olga Ivanovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Literature Associate Professor, PhD (Philology).

SADKO Ludmila Mikhailovna – Brest State A.S. Pushkin University Department of Russian Literature and Journalism Associate Professor, PhD (Philology), National Academy of Sciences of Belarus Center for Belarusian Culture, Language and Literature Studies Doctoral Student.

SEREDA Artem Sergeyevich – Secondary School № 3 of the City of Zhabinka.

SITKO Yevgeni Aleksandrovich – BSU Department of New and Contemporary History of Belarus BSU Postgraduate Student.

FILIPCHIK Yuliya Romualdovna – Yanka Kupala State University of Grodno Department of Russian Philology Postgraduate Student.

KHADANENOK Victor Mamertovich – Head of Department of Social and Humanitarian Disciplines of Vitebsk State Technological University, PhD (History).

CHALOVA Oksana Nikolayevna – Frantsisc Skoryna GSU Department of Theory and Practice of the English Language Associate Professor, PhD (Philology).

CHERKES Tatyana Vladimirovna – Department of Language Training for Belarusian and Overseas Citizens Senior lecturer, Yanka Kupala State University of Grodno Department of Russian Philology Postgraduate Student.

SHISHKEVICH Veronika Nikolayevna – Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University Department of General History and Methods of Teaching History Postgraduate Student.

YURCHAK Denis Valeryevich – Senior Specialist of Vitebsk Region Administration Department of Culture, PhD (History), Vitebsk State P.M. Masherov University Associate Professor.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
  - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
  - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
  - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
  - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
  - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
  - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
  - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
  - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
  - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
  - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 33

Компьютерный дизайн Л.И. Ячменёва
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 28.06.2021. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,64. Уч.-изд. л. 23,91. Тираж 100 экз. Заказ 102.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.